

КАРАЧАЕВЦЫ

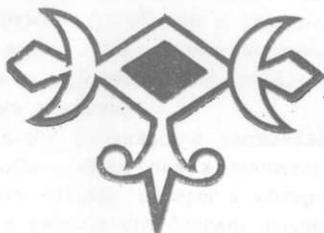
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

КАРАЧАЕВЦЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК — 1978

902.7 (с 163)
К 21

Ответственный редактор—
доктор исторических наук
Л. И. ЛАВРОВ

К $\frac{10602-105-78}{M 159 (03) - 78}$ 3 - 78

© Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства, 1978.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очерке «Карачаевцы» делается попытка обрисовать самобытную материальную и духовную культуру карачаевского народа, его хозяйственный и общественный строй, благотворное влияние связей с русским и соседними горскими народами, а главное — те огромные перемены, которые произошли в жизни маленького карачаевского народа за годы Советской власти.

Освобождение народа от социального и национального гнета, ликвидация фактического неравенства изменили в корне экономику и общественные отношения, социальную структуру населения, внешний облик селений и жилищ. Карачаевцы, как и другие горские народы Северного Кавказа, не только сменили горский костюм на современное городское платье, но еще больше изменились сами. Канули в прошлое многие отжившие обычаи и обряды, несовместимые с новым бытом. Дети и внуки безграмотных скотоводов достигли высот современной культуры и образованности, овладели сложнейшими профессиями и трудовыми навыками.

Чем выше развивается национальная культура карачаевцев, чем больше обогащается она в процессе усиления межэтнических контактов, тем больше интерес к материальной и духовной культуре народа, тем важнее углубленное изучение этнографии народа.

Очерки написаны коллективом ученых. Авторами глав являются: введения — В. П. Невская, И. М. Шаманов; исторического очерка — Е. П. Алексеева, В. П. Невская, И. М. Шаманов; хозяйства — В. П. Невская, И. М. Шаманов; современное сельское хозяйство — И. М. Шаманов; поселение и жилище — Е. Н. Студенецкая; одежда — Е. Н. Студенецкая; пища — Е. Н. Студенецкая, И. М. Шаманов; общественный быт — В. П. Невская, Е. Н. Студенецкая, И. М. Шаманов; семья и семейный быт — И. М. Шаманов, В. П. Невская; просвещение и духовная культура — Е. Н. Студенецкая, В. П. Невская, И. М. Шаманов; народное творчество и литература — А. И. Караева, Е. Н. Студенецкая; спорт — Х. К. Байрамкулов.

Руководство подготовкой очерков осуществлял И. М. Шаманов. В редактировании очерков принимали участие В. П. Невская, А. И. Караева и И. М. Шаманов.

ВВЕДЕНИЕ

Карачаевцы—самоназвание «къарачайлыла»—одна из коренных народностей Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Численность карачаевского населения по переписи 1970 года—112741 человек, из них в области проживает 97104 чел.¹ Карачаевцы живут компактной массой в селениях Прикубанского района (25517 чел.), Малокарачаевского (23235 чел.), Карачаевского (19501 чел.), Зеленчукского (13129 чел.) и Урупского (3067 чел.)², а также в городах Черкесске, Карачаевске, Теберде, Усть-Джегуте, Кисловодске.

За пределами СССР карачаевцы проживают в Турции, Сирии, Иордании и некоторых других ближневосточных странах. Это потомки переселенцев из Карачая, покинувшие Россию во второй половине XIX—начале XX века. Данные об их численности отсутствуют.

С севера и запада карачаевцы соседствуют с русскими, черкесами, абазинами и ногайцами, с юга—со сванами и абхазцами, с востока—с балкарцами и кабардинцами. Во многих селениях карачаевцы живут совместно с русскими, а также черкесами, абазинами и ногайцами.

Плотность населения в предгорных районах—45 чел. на кв. км, в высокогорных—менее 7 человек.

По своим антропологическим данным карачаевцы относятся к кавказионскому типу европейской расы. Этнически карачаевцы родственны балкарцам. По лингвистической классификации язык карачаевцев и балкарцев относится к кипчакско-половецкой подгруппе кипчакской группы западнохунской ветви тюркских языков³. Из вымерших языков наиболее близко к нему стоит куманский и язык древних болгар, из современных—караимский, кумыкский, крымско-татарский языки.

Территория, на которой живут карачаевцы,—это по преимуществу горный край. К северу от Главного Кавказского хребта идет Бокобой хребет, расчлененный долинами и ущельями горных рек на ряд массивов. К Бокобой хребту относится и высшая точка Кавказа—

¹ ЦСУ СССР. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV. М., 1973, стр. 9.

² 23 марта 1977 года образовался Усть-Джегутинский район.

³ У. Б. Алиев. Язык карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 10.

Эльбрус, западная вершина которой, высотой 5633 метра, находится на территории Карачаево-Черкесии.

На десятки километров раскинулись вокруг снежного великана Эльбруса огромные ледники: Битюк-Тюбю, Кюкюртлю, Кичкине-Кол-Баши, Уллукам и др. Всего в Карачаево-Черкесии свыше сотни ледников, от таяния которых образуются тысячи ручейков, рек и водопадов. Кроме Эльбруса, в Карачаево-Черкесии расположены величественные горные вершины, как Домбай-Ульген (4047 м), Буу-Ульген (3915 м), Белала-Кая (3858 м), Джугутурлучат (3800 м) и еще целый ряд остроконечных пиков, покрытых вечным снегом и льдом, высота которых превышает три тысячи метров. Эти места привлекают туристов и альпинистов, которые приезжают сюда со всех концов Советского Союза и из-за границы.

Несколько ниже — вершины Скалистого и Пастбищных хребтов, высота которых от полутора до двух с половиной тысяч метров. Вершиной Скалистого хребта является гора Бермамыт, ограничивающая Бийчесынское плато.

Горные цепи прорезаны перевалами: Гондарай, Чипер-Карачаевский, которые соединяли Карачай со Сванетией. Нахарский (по-карачаевски Махар) и Клухорский перевалы соединяют Карачай с Абхазией. Реже пользовались карачаевцы более западными перевалами — Марухским и Птышским. В Балкарию ведет перевал Бурун Таш.

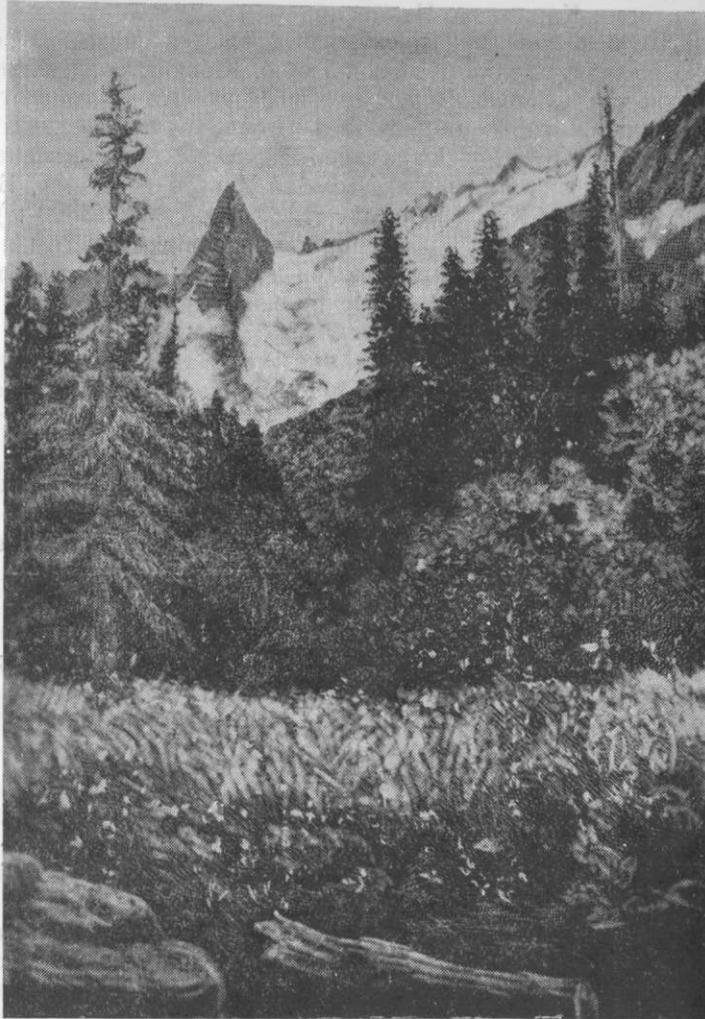
Боковые отроги перерезаны перевалами, при помощи которых можно перейти из одной долины Карачая в другую. Чтобы проникнуть из Кубанской долины в Тебердинскую, надо преодолеть Ипчикский перевал. Долины Домбая и Буу-Ульгена соединяет Чучхурский перевал. Перевалы эти были известны жителям Кавказа со времен древности.

Наиболее значительным плоскогорьем на территории Карачая является Бийчесын — ближайшая к Эльбрусу терраса, обширное летнее пастбище. Вторым плоскогорьем внутри Карачая является Индыш-Баши. Характер плоскогорья имеет долина реки Джегуты.

Ледники Эльбруса и Большого Кавказа питают речную систему Кубани и Терско-Каспийского бассейна. С ледников Эльбруса, Битюк-Тюбю и Кюкюртлю берет начало Уллу-Хурзук, с ледников Главного хребта — Уллу-Кам с притоками Чирик-Кол и Гаралы-Кол. Слияние Уллу-Хурзука и Уллу-Кама образует реку Хурзук — один из истоков Кубани. Другой исток Кубани — Учкулан начинается речушками Махар, Гондарай и Эндрю-Кол. У сел. Учкулан реки Учкулан и Хурзук, сливаясь, образуют Кубань (941 км).

Кубань в верхнем течении — бурная горная река. Русло ее то расширяется в долинах, то сужается в глубоких скалистых ущельях. Особенно величественно ущелье в районе Аман-Ныхыт, где Кубань сжата высокими скалами. Недалеко от впадения в Кубань Теберды река прорывается между двумя гранитными скалами, близко стоящими друг от друга. Это место называют Каменным мостом.

В верховьях притоки Кубани имеют быстрое течение с каскадами водопадов. Мелководные в сухую погоду, после дождей они превращаются в бурные потоки, сметающие на своем пути деревья и камни. Правые притоки: Худес, Джалан-Кол, Аман-Кол, Индыш, Мара, Шупшурук, Джегута; левые: Дуут, Гиляч, Теберда с притоками

Тебердинское ущелье, рис. Крымшамхалова И. П.
(конец XIX в.).

Уллу-Муруджу, Джамагат. Севернее в Кубань впадают Малый и Большой Зеленчуки, с притоками Аксаут, Маруха, Архыз, Кяфар. Реки Карачая имеют огромное народнохозяйственное значение как источники орошения и гидроэнергии.

Много в Карачае источников минеральных вод, более сотни прозрачных высокогорных озер: Муруджинские озера, Клухорское, Каракель, Тубанлыкель, Бадукские и др., которые питают истоки многочисленным речкам.

Климат Карачая очень разнообразен и зависит, как и ландшафтные зоны, от высоты над уровнем моря. Чем ближе к Главному хребту, тем суровее и суше климат, беднее растительность. На много ки-

лометров раскинулись ледники и безжизненные скалы. Ниже их сменяют альпийские и субальпийские луга, еще ниже—хвойные и лиственные леса. В районе Эльбруса средняя январская температура -19° .

В долине Хурзука и Учкулана климат прохладный и сухой, часты упорные, резкие ветры. Здесь раньше начинается зима. Растительность бедная, в основном сухолюбивые растения: барбарис, шалфей, сосновые леса.

В долине Теберды и, особенно, в долине Архыза, удаленной от ледников Эльбруса, климат мягче, больше осадков, богаче растительность. Средняя годовая температура здесь $+6,6$, летняя $+14$, зимняя $+0,5$. Теплые и сухие ветры—фёны, дующие зимой с Главного хребта, часто приносят оттепели. Воздух удивительно чист, много солнечных дней.

Долины Кубани, Теберды и Зеленчуков покрыты прекрасным лесом. Здесь растут дуб, карагач, ясень, клён, осина, граб, бук, дикая груша, яблоня, рябина. По склонам гор и в более высоких долинах—главным образом, еловые и пихтовые леса. Встречается тисс. Выше границы лесов начинаются заросли рододендрона, а еще выше—альпийские и субальпийские луга. Они служат базой для животноводства. А еще выше в горы на скалах и каменных россыпях растут лишь мхи и лишайники.

Почвы Карачая горно-луговые, субальпийские и альпийские в горах, горно-лесные, бурые и горные черноземы в предгорьях. Речные долины очень каменисты, плодородный слой земли тонок.

Столь же разнообразна фауна Карачая. Леса богаты животными и дичью. Там водятся медведи, волки, кабаны, куницы и белки. В альпийской зоне—серны, туры, косули и рыси. На территории Тебердинского заповедника—зубры и олени.

Недра Карачая богаты ископаемыми. Уже в начале XIX века было известно, что в горах Карачая находятся свинцовая и железная руда, серная зола. Позже были открыты залежи каменного угля, редких металлов, медной руды, мрамора, огнеупорной глины, барита и других.

Первые письменные сведения о карачаевцах относятся к началу XVII века: в 1639—1640 гг. — в отчете московского посла Ф. Ельчина¹, а в 1654 году — у итальянского миссионера А. Ламберти², затем уже у французского путешественника Ж. Шардена³. Отдельные упоминания о карачаевцах, сведения о их географическом положении, хозяйстве, торговых связях мы находим в общих работах по Кавка-

---

¹ Б. Белокуров. Посольство дьяка Федора Ельчина и священника Павла Захарьева в Дадрианскую землю. «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, М., 1887.

² А. Ламберти. Описание Колхиды и Мингрелии. «Записки Одесского имп. общества истории и древностей», т. X. Одесса, 1877.

³ «Кавказский вестник», Тифлис, 1900, № 8—9—10.

зу: у И. Гильденштедта¹, Г.-Ю. Клапрота², С. М. Броневского³, П. П. Зубова⁴ и др.

Первым специальным исследованием о карачаевцах была статья «Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам»⁵ начальника Эльбрусского округа и большого знатока карачаевской жизни Н. Г. Петрусевича. Автор рисует яркую картину жизни малочисленного в те годы (16 тыс. чел.) народа, занятого тяжелым трудом, окруженного опасностями, угнетаемого феодалами и ростовщиками.

Географические работы Н. Петрусевича, члена Российского географического общества, также содержат некоторый исторический материал⁶.

В 1880 году появилось разностороннее этнографическое описание карачаевцев, выполненное чиновником кавказской администрации Г. И. Петровым⁷. Много лет прожил он среди карачаевцев, вместе с известным географом Кавказа Н. Я. Динником ездил по горам и селениям и, как председатель горского суда, был хорошо знаком с документами по обычному праву. Всё это дало возможность Г. И. Петрову написать сводное исследование по этнографии и отчасти истории народа. В его работе важен главным образом фактический материал, так как политические взгляды этого представителя царской администрации не были передовыми. Его работа содержит цифровые данные о количестве скота, о торговле им и продуктами скотоводства. Ввиду отсутствия в Кубанской области земской статистики, цифровые данные являются особенно ценными. Показаны новшества, появившиеся в Карачае в семидесятые-восьмидесятые годы XIX в.): больница, школа, первая в истории народа колесная дорога, почтовые станции, ссудная касса⁸.

Изучение общественного строя горских народов Кавказа в восьмидесятые-девяностые годы XIX в. сделало большие успехи благодаря работам М. М. Ковалевского. Свою основную работу о кавказских горцах и о горских адатах «Закон и обычай на Кавказе» М. М. Ковалевский построил, в основном, на осетинском и балкарском материале, но при этом широко использовал данные о других народах⁹.

¹ «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 гг.», СПб., 1809.

² Г.-Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. — «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.». Нальчик, 1974, стр. 244—257.

³ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским, т. II, М., 1823.

⁴ Платон Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении, СПб., 1835.

⁵ ССКГ, вып. IV, 1870.

⁶ Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой. ССКГ, вып. IV, 1870, стр. 23.

⁷ Г. Петров. Верховья Кубани — Карачай. «Памятная книжка Кубанской области на 1880 г.», Екатеринодар, 1880.

⁸ Там же, стр. 148.

⁹ Максим Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, том I, М., 1890.

В Карачае М. М. Ковалевский не бывал, но он путешествовал вместе с В. Ф. Миллером по Балкарии. Результатом их совместной работы была статья «В горских обществах Кабарды»¹. Также в «Вестнике Европы» была опубликована совместная статья М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова «У подошвы Эльбруса»².

Дополнением и иллюстрацией к очерку М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова назвал свой очерк «По истокам Кубани и Терека» В. Я. Тепцов³. Много места отводится в этом описании природе Карачая, его животному миру. Удивительно точно и образно описаны хозяйственные приемы, но главное — В. Я. Тепцов пишет о расколе карачаевского общества, о появлении в нем кулаков.

Серьезное исследование о родовой и семейной общине у карачаевцев было написано Б. В. Миллером, учеником М. М. Ковалевского. Будучи студентом Московского университета, он совершил вместе с В. М. Сысоевым, А. Н. Дьячковым-Тарасовым и другими членами Общества любителей изучения Кубанской области поездку в Карачай в 1898 г. Во время этой поездки он собрал материал по обычному и наследственному праву карачаевцев. В Хумаринском укреплении (Новый Карачай), где находился горский словесный суд, он ознакомился с делами этого суда, обращая особое внимание на поземельные споры. Результатом его работы была также небольшая, но интересная статья «В Карачае»⁴.

Вопросу поземельных отношений в Карачае посвящено исследование М. В. Орлова. Автор сосредотачивает свое внимание на доказательстве тезиса о господстве общинной собственности в Карачае⁵. Автор не мог дать правильного анализа земельных отношений в Карачае, не увидел зарождения феодальной собственности на землю, поэтому к выводам его надо относиться критически.

Более обобщенный характер носят работы преподавателя Екатеринодарской гимназии А. Н. Дьячкова-Тарасова⁶. Неоднократно посещая Карачай, он обращал внимание на быт народа, на его экономическое положение, особенно на острое имущественное неравенство и малоземелье.

Материал о социальной жизни карачаевцев содержат «Очерки Карачая» Н. Е. Талицкого⁷. Автор показывает бедность карачаевского крестьянства, захваты земли сельской верхушкой⁸.

Историки и этнографы, изучавшие карачаевский быт и историю в начале XX века, проявляли большой интерес к аграрным отношениям

¹ «Вестник Европы», СПб., 1884, кн. 4.

² Там же, 1886, кн. 1 и 2.

³ СМОМПК, вып. XIV, 1892.

⁴ Б. Миллер. В Карачае. ЭО, 1899, № 1 — 2; его же. Из области обычного права карачаевцев. ЭО, 1902, № 1 — 2.

⁵ М. В. Орлов. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае, ИОЛИКО, вып. III, 1902.

⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК, вып. 25, 1898; его же. В горах Большого и Малого Карачая. СМОМПК, вып. 28, 1900.

⁷ СМОМПК, вып. 40, 1909.

⁸ Там же, стр. 46.

ям. Это особенно заметно в работах Н. С. Иваненкова. Будучи членом Абрамовской комиссии, ему пришлось самому объехать все карачаевские земли, вникнуть в специфику аграрных отношений в Карачае, обмерять земли и беседовать со стариками. В результате им было написано исследование «Карачаевцы»¹, в котором основное внимание уделяется земельным отношениям.

Наиболее полное историко-этнографическое описание Карачая в досоветской литературе принадлежит В. М. Сысоеву. Известный археолог и историк Кубани исследовал знаменитые аланские храмы и многие другие памятники. объехал большинство карачаевских селений, собрал большой статистический материал².

К числу сводных этнографических работ о Карачае принадлежит работа И. С. Щукина «Материалы для изучения карачаевцев»³. Автор довольно обстоятельно рассказывает о происхождении карачаевцев и материальной культуре народа, о вере и обрядах. Последняя глава посвящена антропологическим измерениям, проведенным самим автором.

Ценные сведения о животноводстве в Карачае содержатся в статьях ветеринарных врачей А. А. Атманских и С. В. Ваганова. Статья С. В. Ваганова «Значение охранно-карантинной линии по границе Кубанской области с Закавказьем, в связи с условиями животноводства в нагорной полосе»⁴, кроме описания карачаевских кошей и скотопрогонных перевалов, содержит статистический материал о количестве пригнанного для продажи скота. Более специальный характер носят работы А. А. Атманских, в которых детально описаны виды скота, их размеры, вес, масти, экстерьер, продуктивность. Рассмотрены топографические и климатические условия и степень влияния их на сельское хозяйство⁵.

Изучением кустарных промыслов кавказских народов занимались О. В. Маргграф⁶ и А. С. Пиралов⁷. Работа первого из них более полно отражает производство карачаевцев и других горских народов Северного Кавказа. Он обрисовал все основные отрасли горского ремесла: изготовление войлоков и сукон, кожевенных изделий и шелка, искусство золотого шитья, оружейный промысел, производство деревянных изделий.

Дополнительный, как бы иллюстративный, материал дают о карачаевцах путеводители по Кавказу и особенно два из них: «Теберда — 145 солнечных дней в году» (ст. Лабинская, 1912) и «Путеводитель по волшебной Теберде» (Ростов-на-Дону, 1913).

К числу содержательных работ по экономическому обследова-

¹ ИОЛИКО, вып. V, 1912.

² В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОМПК, вып. 43, 1913.

³ «Русский антропологический журнал». М., 1913, № 1 и 2.

⁴ ИОЛИКО, вып. I, 1899.

⁵ А. Атманских. Животноводство в Карачае, Кубанской области. Жур. «Юго-восточный хозяин», Ростов н/д., 1913, вып. 2; он же. Скотоводство в Карачае Кубанской области. СПб., 1910.

⁶ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, СПб., 1882.

⁷ А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, СПб., 1913.

нию Карачая относится исследование А. Д. Петровского-Ильенко «Район железной дороги Невинномысская—Сухум в экономическом отношении».

Большой материал об экономическом и политическом развитии кавказских народов, в том числе и карачаевцев, содержится в периодических изданиях XIX—начала XX вв. В них помещались путевые очерки, экономические обзоры и историко-этнографические статьи.

Быстрее всего появлялись отклики на кавказские события в местных газетах «Кавказ», «Кубанские областные ведомости», «Северный Кавказ» и др. Но отдельные сведения можно почерпнуть и из центральных газет. Так, газета «Северная пчела» опубликовала ряд очерков о походе генерала Г. А. Емануэля в Карачай и о покорении карачаевцев¹.

Подготовка к отмене крепостного права у горского населения Северного Кавказа вызвала большой интерес к вопросам поземельных отношений и социального строя. В газете «Кавказ» за 1867 г. была опубликована статья «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области»², довольно подробно рассказывающая о категориях горского крестьянства, их экономическом и правовом положении.

В конце XIX—начале XX вв. в газете «Кавказ» печатались статьи Г. Ф. Чурсина о карачаевцах. Автор в кратких газетных заметках сумел изложить большой и ценный материал. В статье «Этнографические заметки о Карачае»³ есть сведения и о происхождении народа, и о его занятиях и обычаях. В статье «Экономическая жизнь Карачая»⁴ ценный и интересный материал о резком имущественном неравенстве, о бедности крестьянства.

Хорошо знал Г. Ф. Чурсин и культуру карачаевского народа. В очерке «Музыка и танцы карачаевцев»⁵ он пишет о народных песнях, мелодиях и музыкальных инструментах. Описывает он также обычаи и предрассудки карачаевцев⁶.

Больше всего материала о карачаевцах публиковалось в газетах «Кубанские войсковые ведомости» и «Кубанские областные ведомости». Одной из интереснейших статей, опубликованной в последней из них, нужно назвать статью В. Колесникова «Нужды Карачая»⁷.

Вместе с тем, ко всем этим авторам, дающим главным образом фактические сведения, часто принижающим уровень социально-экономического развития горских народов, всецело подходит характеристика домарксистских историков, данная В. И. Лениным, который отмечал, что «в лучшем случае давали накопление старых фактов, отрывочно набранных, — изображение отдельных сторон исторического процесса»⁸.

¹ «Северная пчела», 1828, № 138, 140, 141.

² «Кавказ», 1867, №№ 37, 38, 44, 50 и 51.

³ «Кавказ», 1900, № 305 и 306.

⁴ «Кавказ», 1900, № 322.

⁵ «Кавказ», 1901, № 270.

⁶ «Кавказ», 1903, № 201 и 31.

⁷ КОВ, 1898, №№ 242, 257, 259, 262, 265, 267.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 57.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в двадцатые годы, появились исследования, авторы которых пытались впервые создать марксистскую историю Карачая.

Наиболее ярким представителем этого поколения историков был Умар Алиев—первый профессиональный историк Карачая. Занимаясь большой организаторской работой, У. Алиев живо интересовался и историей, причем, не только своего народа, но и всех горских народов Кавказа. Исключительна плодотворность этого разностороннего человека, писавшего и исторические труды, и научную грамматику, словари и буквари для школьников. Уже в 1926 г., когда советская историческая наука в национальных окраинах делала только первые шаги, появились его книги: «Национальный вопрос и национальная культура в Северокавказском крае», «Карахалк» (черный народ) (1927 г.), «Карачай» (1927 г.), «Адыгея» (1927 г.) в соавторстве с Б. М. Городецким и С. Сиюховым.

Серьезным историком Карачая был Ислам Тамбиев. Он впервые выдвинул тезис о наличии в Карачае не только рабовладельческих, но и феодальных отношений¹. Несколько позже мысль о феодальных отношениях у карачаевцев была развита Е. Н. Студенецкой².

Организация в 1935 г. в Микоян-Шахаре научно-исследовательского института послужила новым стимулом к изучению истории карачаевского народа. Сотрудники института провели несколько археолого-этнографических, лексикографических и фольклорных экспедиций.

В годы Великой Отечественной войны институт был закрыт, однако изучение истории народов Северного Кавказа продолжалось.

По периоду феодализма большой интерес представляют работы Е. Н. Кушевой, освещающие вопросы взаимоотношения народов Кавказа с русским государством в XVI—XVII вв.³ А. В. Фадеев раскрыл в своих исследованиях уровень феодализации горских народов, показал влияние на горцев русской колонизации, вовлечение их в систему Российского капитализма⁴. М. О. Косвен всесторонне изучил се-

¹ И. Тамбиев. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации. «Революция и горец», Ростов н/Д., 1931, № 12; его же. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае. Там же, 1932, № 4; его же. Заметки по истории Балкарии. Там же, 1933, № 1—2.

² Е. Н. Студенецкая. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае XIX века, СЭ, 1937, № 2 — 3.

³ Е. Н. Кушева. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552 — 1572 гг. «Исторические записки», т. 34. М.-Л., 1950; ее же. Из истории сношений западных адыгов и северо-кавказских абазин с русским государством в XVI—XVII вв. Труды КЧНИИ, вып. 4 (серия историческая), Черкесск, 1964; ее же. Народы Северного Кавказа и их связи с русским государством в XVI — XVII вв., М., 1963.

⁴ А. В. Фадеев. О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период. Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; его же. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; его же. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России. «История СССР», 1959, № 6.

мейную общину, проблемы историографии и общественного строя народов Северного Кавказа¹.

Л. И. Лавров исследовал разные аспекты истории Карачая до фактического вхождения его в состав России².

Историками Карачаево-Черкесской автономной области также проделана значительная работа по изучению истории и этнографии народов области. В трудах НИИ и пединститута получили освещение важнейшие вопросы истории и этнографии карачаевцев. Важным этапом в разработке этнической истории карачаевцев явилась сессия по проблеме этногенеза карачаевцев и балкарцев, проходившая в г. Нальчике в 1959 г. Материалы сессии были опубликованы*.

Ранний период истории карачаевцев, вопросы этногенеза, генезиса и развития феодальных отношений, политические и культурные связи карачаевцев с другими народами освещены в работах Е. П. Алексеевой, особенно в ее монографии «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии» (Вопросы этнического и социально-экономического развития, М., 1971). Вопросы этногенеза карачаевцев и балкарцев рассматриваются Х. О. Лайпановым в работе «К истории карачаевцев и балкарцев» (Черкесск, 1959 г.).

Вопросам социально-экономического развития карачаевского народа посвящена работа Е. Н. Студенецкой: «Ортак — одна из форм эксплуатации в Карачае и Балкарии (конец XIX — начало XX вв.)», а также этнографический очерк «Карачаевцы», написанный совместно с Г. А. Сергеевой («Народы Кавказа», I, М., 1960).

Проблемы аграрных отношений, социально-экономического развития карачаевского народа в XIX — начале XX вв., эволюции сельской общины освещены в работах В. А. Невской⁴. Хозяйственный быт карачаевцев, их народный календарь, обряды и обычаи, связанные

¹ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия, М., 1963; его же. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии, СЭ, 1951, № 1; его же. Пережитки матриархата у народов Кавказа. СЭ, 1946, № 4 — 5.

² Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. «КЭС», вып. IV, М., 1969; его же. Происхождение балкарцев и карачаевцев. «Краткие сообщения ИЭ», XXXII, М., 1959. К чтению аланской Зеленчукской надписи. ИСОНИИ, т. XXVII, языкознание, 1968; его же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I, М., 1966, ч. 2, 1968.

* МНС.

³ «Сборник трудов Карачаево-Черкесского пединститута», вып. I, Нальчик, 1958.

⁴ В. П. Невская. Карачаевцы. «Народы Карачаево-Черкесии» (историко-этнографические очерки), Ставрополь, 1957; ее же. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе. «Сборник трудов Карачаево-Черкесского пединститута», вып. I, Нальчик, 1958, ее же. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период), Черкесск, 1960; ее же. Карачай в пореформенный период, Ставрополь, 1964; ее же. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века. Труды КЧНИИ, вып. IV, серия историческая, Ставрополь, 1964; ее же. Пережитки родовой общины и семейная община карачаевцев в XIX веке. Труды КЧНИИ, вып. VI, серия историческая, Ставрополь, 1970; ее же. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма, Черкесск, 1972.

с хозяйством,—И. М. Шамановым¹, поселение и жилище—К. М. Текеевым² и Е. Н. Студенецкой³.

Участие карачаевского народа в революционной борьбе, Октябрь на Кавказе и борьба с контрреволюцией в годы гражданской войны полнее всего освещены в работах К. Т. Лайпанова⁴.

Отдельные стороны этнографии Карачая освещались и в работах филологов, вышедших после 1960 годов (А. И. Караевой, Р. А. Ортабаевой, М. А. Хубиева), и языковедов (У. Б. Алиева, М. А. Хабичева, Ш. Х. Акбаева, Х. И. Хаджилаева, Х. И. Суюнчева). Исследование о зарождении и развитии промышленности на территории дореволюционного Карачая и Черкесии написано Р. С. Тебуевым⁵. Издан обобщающий труд по истории народов Карачаево-Черкесии⁶.

Материал о социальной структуре населения, об обычаях народа и многом другом содержится в немногочисленных публикациях по обычному праву карачаевцев. Изучение обычного права горцев Северного Кавказа началось в 40-е годы XIX в. Записанные в те годы адаты карачаевцев и балкарцев были позже опубликованы Ф. И. Леонтовичем⁷. В советское время новый список адатов был опубликован в работе У. Д. Алиева «Карахалк»⁸. Исследованию обычного права карачаевцев в системе общественных отношений посвящена работа Ф. Д. Эдиевой⁹.

Важным источником по истории и этнографии карачаевцев являются документы, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Орджоникидзе, Краснодара, Нальчика, Ставрополя и Черкесска.

Богатый материал дают археологические раскопки.

Изучение археологических памятников в пределах Карачая началось с конца XVIII в. Внимание первых путешественников и исследователей в основном было обращено на описание христианских

---

¹ И. Ш а м а н о в. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев. «Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии», Черкесск, 1971; его же. К истории домашних промыслов карачаевцев. «Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области», Черкесск, 1972; его же. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев. «КЭС», вып. V, М., 1972; его же. Народный календарь карачаевцев. СЭ, 1971, № 5.

² К. М. Т е к е е в. Обстановка и внутреннее убранство карачаевского жилища второй половины XIX в. «Ученые записки АНИИ», т. XI, Майкоп, 1970; его же. Жилища карачаевцев в XIX в., «Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», вып. 5, Нальчик, 1972.

³ Е. Н. С т у д е н е ц к а я. Культура и быт карачаевцев. «Очерки истории Карачаево-Черкесии», Ставрополь, 1967, т. I.

⁴ К. Т. Л а й п а н о в. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917 — 1920), Черкесск, 1971 и другие.

⁵ Р. С. Т е б у е в. Зарождение промышленности в Карачае и Черкесии, Черкесск, 1975.

⁶ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Ставрополь, 1967; т. II, Черкесск, 1972.

⁷ Ф. И. Л е о н т о в и ч. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа, Одесса, 1882.

⁸ У. Д. А л и е в. Карахалк (черный народ). Очерк исторического развития горцев Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1927.

⁹ Ф. Д. Э д и е в а. Обычное право в системе общественных отношений карачаевцев в XIX в., Дисс., М., 1975.

древностей и храмов в верховьях Кубани — И. Гильденштедт (1773—1774 г.), Я. Рейнегс (1781—1783 г.), Ж. Потоцкий (1789 г.), майор Потемкин (1802 г.), Ю. Клапрот (1807—1808 г.), И. Бернардацци (1829 г.), А. Фиркович, П. Хицунов, Г. Токарев (1848—1849 г.), братья Нарискины (1867 г.).

В начале 80-х годов XIX в. С. Д. Фелицин зафиксировал археологические памятники Карачая, М. Алейников и Г. Петров описали башни Б. Карачая. В начале 90-х годов XIX в. памятниками Карачая интересовались В. М. Струков, Г. И. Куликовский, В. Я. Тепцов, И. Хурумов. Наиболее значительные раскопки в Карачае были проведены В. М. Сысоевым (1895—1898 г.), А. Н. Дьячковым-Тарасовым (1898 г.) и Н. И. Веселовским (1901 г.). В 1913 году работа В. М. Сысоева подвела итоги археологическому обследованию Карачая в дореволюционный период.

В 20-х годах нынешнего столетия работа по археологическому изучению Карачая заметно оживилась. Д. М. Павлов в 1927 г. опубликовал большую работу по описанию археологических памятников Карачая. А. Н. Дьячков-Тарасов в эти годы продолжил свои изыскания, работая в Северо-Кавказском краевом горском НИИ. В 1930-е годы большую работу по исследованию памятников провели К. М. Петролевич, Х. О. Лайпанов и Т. М. Минаева. В послевоенные годы на территории Карачаево-Черкесской автономной области археологические раскопки систематически проводили Т. М. Минаева, Е. П. Алексеева, В. А. Кузнецов. В настоящее время археологические раскопки производят А. П. Рунич, А. Л. Нечитайло, И. М. Мизиев, А. В. Гадло, Х. Х. Биджиев. Благодаря более или менее глубокому охвату археологических памятников стало возможным осветить советским археологам некоторые проблемы древней и средневековой истории Карачая¹.

Как видно из этого краткого обзора литературы, она освещает многие вопросы истории и быта карачаевцев, но не дает полной картины развития материальной и духовной культуры карачаевского народа. Данные очерки пытаются восполнить этот пробел.

¹ В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. «Материалы по археологии Кавказа», вып. VIII, М., 1898, стр. 115—136; его же. Археологическая экскурсия по Закубанью. «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX, М., 1904, стр. 89 — 169; А. Н. Дьячков-Тарасов. Сентинский храм и его фрески. Екатеринодар, 1899; его же. Археологические разведки в Карачае в 1927 г. «Бюллетень Северокавказского Краевого горского научно-исследовательского института». Ростов-на-Дону, № 2 — 4, стр. 83; Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, 45, Махачкала, 1926, стр. 1—27; Т. М. Минаева. К истории алан верхнего Прикубанья. Ставрополь, 1971; В. А. Кузнецов. Алания в X — XIII вв., Орджоникидзе, 1971; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. О работах других исследователей см. библиографию в работе Е. Алексеевой, стр. 272 — 291.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ КАРАЧАЕВЦЕВ

О происхождении карачаевцев имеются различные противоречивые гипотезы*. Существуют кипчакская и болгарская версии, версия о происхождении карачаевцев от изначально тюркоязычных алан, а также гипотеза о том, что основным в формировании карачаево-балкарской народности является местный, кавказский компонент¹.

В языке карачаевцев и балкарцев, в эпосе, преданиях, языческих верованиях наблюдается много элементов, общих для всех северокавказских народов. Например, в карачаево-балкарской версии обидекавказского эпоса о нартах прослеживается, что основное ядро нартского эпоса было создано в ранний период железного века, когда-то около VIII—VII вв. до н. э. Творцами этого эпоса являются племена кобанской, прикубанской и, отчасти, колхидской культуры².

Наряду с другими северокавказскими племенами, создателями нартского эпоса были и предки карачаевцев и балкарцев.

В верованиях карачаевцев и балкарцев, кроме тюркских, значительное место занимали местные кавказские элементы. Например, культ бога охоты Апсаты, одинаково известный карачаевцам, абхазам, осетинам и чеченцам, восходит еще к эпохе кобанской культуры³. Весьма почитаемыми божествами считались покровитель скотоводства Аймуш, божество грома Элия и другие божества⁴, имеющие прямые кавказские аналогии.

Как показывают данные этнографии, материальная культура и искусство карачаево-балкарцев по своему облику являются в основном кавказскими. Конечно, многие черты культурной общности карачаевцев и балкарцев с другими кавказскими народами могут объяс-

* Положения, высказанные в этой главе, дискуссионны. (Ред.).

¹ Литературу вопроса см.: Л. И. Лавров. Происхождение балкарцев и карачаевцев; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 161—162.

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 372 — 375; его же. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа. Сб. «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа», М., 1969, стр. 15 — 30.

³ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 374.

⁴ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария, стр. 109; Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, Черкесск, 1957, стр. 31—35.

няться позднейшими заимствованиями, сходством условий жизни. Но такое объяснение далеко не во всех случаях будет удовлетворительным и исчерпывающим. Так, гораздо глубже надо искать появление кавказских мотивов в орнаментальном искусстве карачаевцев и балкарцев. В орнаментальном искусстве карачаевцев прослеживаются традиции древних культур кобанского и докобанского периодов (стилизованная баранья голозка, бегущая спираль, ромб, квадрат и другие детали орнамента)¹. Таким образом, и этнографические материалы подтверждают существование кавказского субстрата в карачаево-балкарском этносе.

Археологические исследования позволяют заключить, что формы могильного сооружения, характерные для карачаево-балкарских могильников XVII—XVIII вв., прослеживаются на территории Карачая и Балкарии с глубокой древности. Так, погребения, отмеченные на поверхности земли прямоугольными и овальными выкладками из крупных камней, заполненные мелким камнем, в Карачае и Балкарии существовали и в древности (VI в. до н. э.), и в начальный период раннего средневековья (V—VII вв.)², и на позднем этапе раннего средневековья³, и в XV—XVI вв.⁴, и в XVII—XVIII вв.⁵

Антрополог В. П. Алексеев пришел к выводу, что предки карачаевцев и балкарцев, так же как и сами эти народности, представляют собой широколицый кавказский тип, который сложился на Кавказе в очень давнее время⁶.

Итак, данные всех смежных дисциплин свидетельствуют о том, что древнейшими предками карачаевцев и балкарцев, наряду с исконно тюркскими, были местные кавказские племена. Судя по археологическим материалам, это была западная ветвь носителей кобанской культуры, то есть те «кобанцы», которые жили в горных районах современного Карачая и Балкарии. Впоследствии в это ядро влились ираноязычные и тюркоязычные этнические включения.

Ираноязычным компонентом в формировании карачаево-балкарцев явилась часть алан, которые в IV в. н. э. покинули степи Пред-

¹ Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 7. М., 1970, стр. 370 — 374.

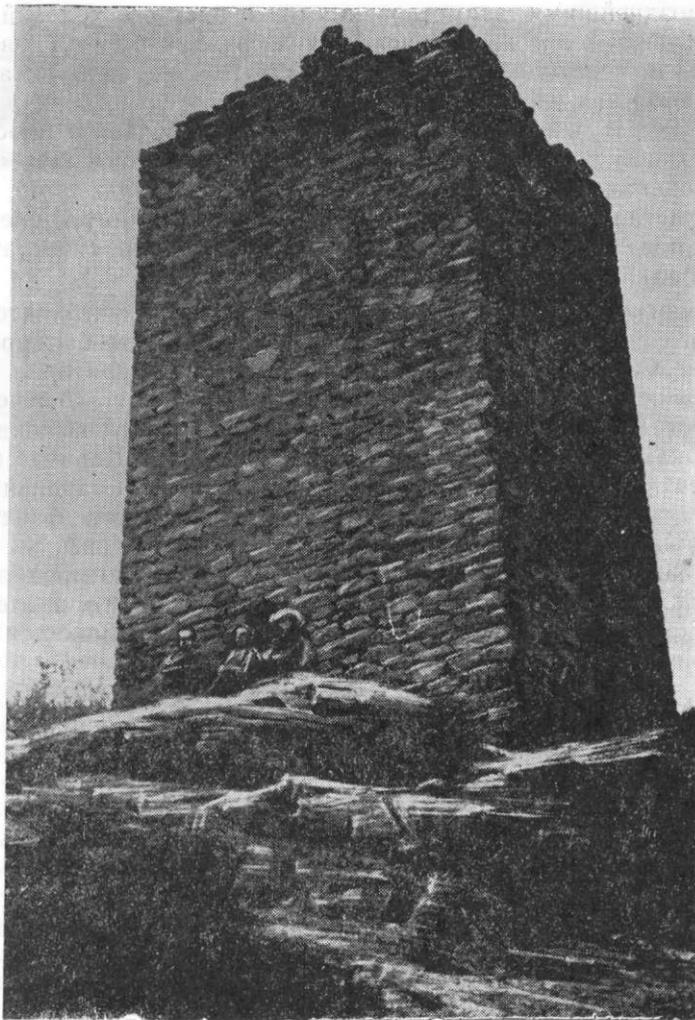
² Например, могильник Кызыл-Кала VI в. до н. э.—Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, Черкесск, 1964, стр. 7 — 8.

³ Могильник у сел. Верхний Чегем в Балкарии X—XI вв. — Е. П. Алексеева. Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 г. «Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии», вып. 9, Нальчик, 1961, табл. IV—V.

⁴ И. М. Мизиев. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. Сб. «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 128; Х. Х. Биджиев, И. М. Шаманов. Раскопки в Карачае. Сб. «Археологические открытия 1970 года», М., 1971, стр. 131.

⁵ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., табл. XXVI, XXVII; Х. Х. Биджиев. Археологические раскопки в горном Карачае. Сб. «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 127.

⁶ В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. МНС, стр. 318 и в других работах этого автора.

Сторожевая башня Мамня-квала
(с. Хурзук, фото 1970 г.).

кавказья и поселились в горах Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Иранские элементы прослеживаются как в языке (В. И. Абаев, Н. А. Баскаков)¹, так и в изобразительном искусстве карачаевцев и балкарцев².

Существует мнение ряда ученых, что часть алан изначально была тюркоязычной. Восточная часть карачаево-балкарской народности — балкарцы — назывались асами, а западная — карачаевцы — ала-

¹ МНС, стр. 133, 238, 240.

² Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь, 1967, стр. 370.

нами¹. На некоторых картах XVII—XIX вв. на месте Карачая обозначены аланы². Слово «алан» и по сей день существует у карачаевцев как обращение друг к другу. У некоторых соседних народов, как, например, у менгрелов, карачаевцы и теперь называются «алани».

Из тюркоязычных племен, принявших участие в карачаево-балкарском этногенезе, следует назвать болгар. Это подтверждается сходством этнических наименований (болгар-блкар-болкар-балкарцы), а также некоторыми данными археологии и эпиграфики. В районе Кисловодска и в других местах Карачаево-Черкесии найдены обломки глиняных котлов с внутренними ручками, которые многие археологи считают болгарскими³. Х. Х. Биджиев погребения Карт-Джуртского могильника сопоставляет с болгарскими⁴. Несомненно, что болгарскими являются тюркские рунические надписи VIII—XI вв. на каменных блоках оборонительной стены Хумаринского городища⁵.

М. А. Хабичев приводит большой языковой материал, подтверждающий мнение о том, «что древние болгары сыграли важную роль в формировании тюркоязычного ядра карачаевцев, балкарцев и чувашей⁶».

Кроме болгар, на территорию Карачаево-Черкесии могли проникать тюрки Западно-тюркского каганата (VI в. н. э.)⁷, а с IX — X вв. в верховьях Кубани проживали тюрки, оставившие рунические надписи и каменные статуи воинов некипчакского типа⁸.

С приходом болгар и других докипчакских тюрков начался процесс языковой тюркизации какой-то части доаланского населения Карачая и Балкарии. В еще большей степени эта тюркизация была закреплена с приходом кипчаков⁹.

¹ Арабский автор Абу-ль-Фида (умер в 1331 г.), основываясь на показаниях арабского автора XIII в. Ибн-Саида, замечает, что к востоку от абхазов и западу от Дарьяльского ущелья, то есть на северных склонах Кавказа, по соседству с абхазами, жили тюркоязычные аланы и асы (Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история..., стр. 167—168). Многие авторы в настоящее время считают, что аланы и асы Ибн-Саида и Абу-ль-Фиды—карачаевцы и балкарцы. (О происхождении балкарцев и карачаевцев..., стр. 131.)

² А. Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии. ЗООИД, т. X, 1877, карта на табл. III. Карта XVIII в. обнаружена Г. А. Кокневым — Г. Кокнев. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев. Газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», 1941, № 22—24. Карты XIX в.—Кондратьева (1872 г.), Риттиха и др.; В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 115.

³ В. А. Кузнецов. Глиняные котлы Северного Кавказа. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии АН СССР», вып. 99, М., 1964, стр. 34—39; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 21—28.

⁴ Х. Х. Биджиев. К вопросу о происхождении карачаевцев. Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа, Орджоникидзе, 1974, стр. 11.

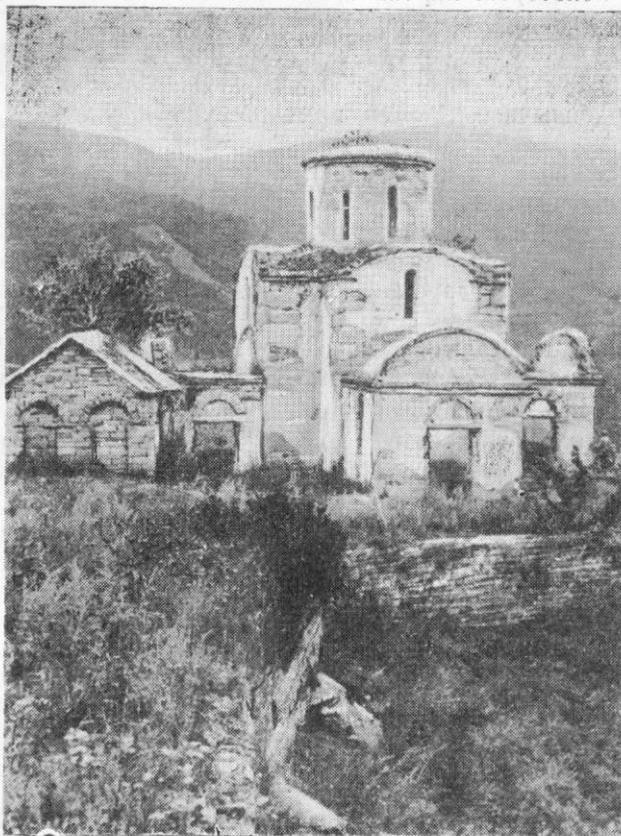
⁵ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища, СА, 1963, № 1, стр. 298—305; его же. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. Х. Х. Биджиев. О тюркском элементе в этническом составе населения Северного Кавказа в средние века. Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Алма-Ата, 1976, стр. 23.

⁶ М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование, стр. 16.

⁷ Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история..., стр. 170.

⁸ В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа, М., 1962, стр. 62.

⁹ МНС, стр. 234, 237 — 238.

Сентинский храм (X—XI вв.), с. Нижняя Теберда.

Этнография дает весьма показательные примеры, говорящие о том, что кипчакский элемент явился одним из компонентов карачаево-балкарского этногенеза (кипчакские элементы в орнаменте узорных войлоков)¹.

По данным археологии, с конца XI—XII вв. кипчаки заходили в предгорные районы Карачаево-Черкесии. Здесь известны кипчакские каменные бабы (у ст. Исправной и в других местах) и кипчакские курганы XI—XII вв. (у Кубани и Икон-Халка)². В более значительном количестве кипчаки заселили горы и предгорья нынешней Карачаево-Черкесии, Пятигорья и Кабардино-Балкарии в XIII в. после монгольского нашествия³. О том, что часть кипчаков, спасаясь

¹ Е. Н. Студенецкая. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев. — КЭС, VI, М., 1976, стр. 202—221.

² Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. «Материалы по истории Ставропольского края», вып. II. Ставрополь, 1964, стр. 167—196; Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы..., стр. 31—40.

³ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария..., стр. 76—77.

с монголов в 1222 г., проникла в горы, сообщает современник этих событий Ибн-эль-Асир¹.

Данные антропологии, на современном этапе изучения этого вопроса, говорят о том, что среди предков карачаевцев и балкарцев кипчаки составляли ничтожное меньшинство².

Итак, данные смежных дисциплин говорят о том, что в сложном процессе карачаево-балкарского этногенеза приняли участие близкородственные по культуре алано-булгары, проживавшие в течение многих столетий на смежной территории. Местное ядро впитало в себя часть алан, проникших на Северо-Западный Кавказ в I столетии н. э., тюркоязычных племен булгар и других тюрков, селившихся в этих местах с VI—VIII вв.

В XI—XIII вв. карачаево-балкарская народность вобрала в себя кипчакский (куманский) элемент. И, таким образом, как и другие народности Северного Кавказа, карачаево-балкарская народность окончательно сложилась в XIII—XIV вв.

Карачаевцы и балкарцы занимали смежную территорию у отрогов Эльбруса, на которой они жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии). В источниках XIII—XIV вв. карачаевцы и балкарцы встречаются под названиями «аланы» и «асы». Исторически среди соседей карачаевцы известны: у адыгов — «кърэшей», абхазцев — «акарач», абазинцев — «кърчэ», сванов — «мукрчай» («савьяр»), осетин — «къарасейаг» («аси»), менгрелов — «алани»³.

По преданиям, карачаевцы живут на территории Большого Карачая свыше 600 лет⁴. Эти данные народной версии подтверждаются археологическими материалами. В окрестностях сел. Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук имеются курганные могильники карачаевцев, генетически связанные с более ранними и более поздними курганными захоронениями этих мест, датируемые нами XIV—XVI вв.⁵

Согласно преданиям, колыбелью карачаевского народа был Архыз. В Архызе есть развалины «Старое жилище», которые считаются остатками карачаевского селения. В середине XIX в. около «Старого жилища» находилась плита, на которой были высечены тамги всех карачаевских родоначальников⁶. У слияния рек Кизгич и Архыз находится укрепление Карча-кала, датируемое XIII—XIV вв.⁷

Топонимика этого района также подтверждает древность проживания карачаевцев на этой территории⁸.

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 25.

² В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев, стр. 339.

³ Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 94—97, 107.

⁴ Н. С. Иваненков. Карачаевцы. — ИОЛИКО, вып. V. Екатеринодар, 1912, стр. 25—26; ГАКК, ф. 574, 507, лл. 2—3.

⁵ Е. П. Алексеева. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа, стр. 43—44.

⁶ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 24.

⁷ И. М. Мизнев. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, стр. 20, 24, 49.

⁸ К. Т. Лайпанов. О тюркском элементе в этногенезе осетин. Сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967, стр. 212; Х. И. Хаджиллаев. Очерки карачаево-балкарской лексикологии, Черкесск, 1970, стр. 15—45.

Арабские авторы Ибн-Саид (XIII в.) и Абу-ль-Фида (XIV в.) локализовали тюркоязычных аланов и ассов (карачаевцев и балкарцев) на северных склонах Кавказского хребта, по соседству с абхазами, то есть на территории современного Карачая и Балкарии.

О карачаевцах упоминают авторы XVII века А. Ламберти¹ и Ж. Шарден². На карте Ламберти 1654 г. карачаевцы-карачиоли помещены северо-западнее сванов, то есть на территории нынешнего Карачал.

Часть карачаевцев жила и восточнее Карачая. Так, в отписке терского воеводы М. И. Волынского от 1643 г. упоминаются и «карачаевские черкесы», которые жили «в Кабарде... под Пяти горами»³, то есть около Пятигорска. В этот период карачаевцы обитали также в Балкарии, в Баксанском ущелье⁴.

В 1639—1640 гг. русские послы в Менгрелию Ф. Елчин и П. Захарьев проходили, как сказано в документе, через «Карачаеву Кабарду», которая находилась по соседству с «Алегукиной Кабардой»⁵. Некоторые исследователи считают, что речь идет о карачаевцах Баксанского ущелья.

Сведений о политической истории карачаевцев в изучаемый нами период сохранилось немного. В 1395 г. Тимур, после победы над Тохтамышем, совершил поход к подножию горы «Эльбрус», уничтожая по пути «все живое и мертвое», «все мокрое и сухое»⁶. Исследователи полагают, что эти события развернулись на территории Карачая и Балкарии⁷. Тимур разрушил города и храмы (в том числе, очевидно, и Зеленчукские храмы)⁸, захватил много горских крепостей. По словам Шереф ад-Дина Иезди, в числе покоренных крепостей были крепости, которыми владели местные предводители Кула, Тауса и Пулад⁹. Карачаевские и балкарские предания сохранили память об этом походе Тимура¹⁰.

Народная память хранит также предания о дружественных связях карачаевцев с соседними народами, в частности — со сванами¹¹.

¹ А. Ламберти. Указ. соч., стр. 178—224.

² Шарден Жак. Путешествие Шардена... «Кавказский вестник», № 9. Тифлис, 1900, стр. 18 — 22.

³ Кабардино-русские отношения в XVI—XIII вв., т. I, XVI—XVII вв. М., 1957, стр. 222.

⁴ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 12, 16, 24—30.

⁵ С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Даднанскую землю. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 2, М., 1887.

⁶ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 87.

⁷ Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., стр. 49—50.

⁸ В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X в., СЭ, 1964, № 4, стр. 150.

⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, М.—Л., 1941, стр. 119—123, 180—183. В Балкарии имеются сторожевые башни, именуемые Кула, Тауса, Булат.

¹⁰ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев, стр. 10, 24; Л. И. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., стр. 87.

¹¹ М. К. Абаев. Балкария. «Мусульманин», № 14 — 17, Париж, 1911, стр. 595.

О хозяйстве карачаевцев в XIV—XVII вв. сведения весьма скудные. Известно лишь, что основную роль в хозяйстве играли скотоводство и охота¹. Но существовало и земледелие. Территория Карачая, вплоть до самых высокогорных районов, хранит следы весьма высокой земледельческой культуры. Камень с полей собран в кучи, повсюду видны бывшие хозяйственные участки со следами оросительной сети. Сохранились остатки древних садов. На склонах встречается рожь-многолетка и другие злаки. Предания говорят о возделывании ячменя².

Производство у карачаевцев было, в основном, домашнее. В ремесло выделилось только кузнечное дело. У с. Карт-Джурт в балке Сес-Кол обнаружены старые выработки железной руды и обломки шлака. По преданиям, здесь добывал железо Боташ. Очевидно, добывались свинец, медь и серебро, из которых местные мастера изготовляли разные металлические вещи, находимые в карачаевских погребениях XIV—XVII вв. (медные наперстки, серебряные серьги и другие). Карачаевцы с давних пор особым способом добывали серу и умели делать порох³.

Из дерева изготовлялась значительная часть орудий труда, домашняя утварь.

Говоря об обмене, необходимо заметить, что никаких данных о внутреннем обмене у карачаевцев у нас нет. Внешний же обмен существовал. Через территорию Карачая проходили древние торговые пути из «абазг в алан»⁴. По Клухорскому, Махарскому, Марухскому и другим перевалам издавна велась торговля между населением Предкавказья и Закавказья, а также более удаленных стран. В XIII—XV вв. торговлю с народами Северного Кавказа вели генуэзцы. В более позднее время (XVII в.) эпизодический обмен был с русскими. Так, русский посол в Менгрелию Ф. Елчин (1639—1640 гг.) «за торгом» жил в Карачае 15 дней. С большим барышом Елчин торговал с «мурзами» карачаевскими и черкесскими, меняя сукно и другие ткани, ножи, зеркала и прочие вещи на золотые и серебряные сосуды, серьги, перстни и другие вещи⁵.

Обмен был безденежным. А. Ламберти, говоря о сванах и соседних с ними народах, в частности о «карачиолах», писал, что некоторые из них в начале года отправлялись в Грузию на полевые работы, а после уборки хлеба возвращались оттуда, взяв в уплату за труд не деньги, «которые были бы для них бесполезны», а медные бляхи, котлы, железо, холсты, сукна, соль⁶.

Изучая общественный строй карачаевцев, следует иметь в виду, что у них в наиболее чистом виде сохранилась территориальная община с сильными элементами общины родовой⁷. Еще Ф. Энгельс

¹ А. Ламберти. Указ. соч., стр. 2.

² Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 1900, № 322.

³ ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 78.

⁴ А. Н. Дьячков-Тарасов. Неизвестный торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. «Новый Восток», т. 28, М., 1930, стр. 148—156.

⁵ С. А. Белокуров. Материалы..., стр. 305.

⁶ А. Ламберти. Описание Колхиды, стр. 211.

⁷ См. стр. 197 и далее настоящей монографии.

отмечал, что территориальная община особенно долго сохранялась в высокогорных местах¹. Однако, несмотря на сохранение общины и очень сильных пережитков патриархально-родового строя, в Карачае продолжались процессы феодализации, начавшиеся еще в период раннего средневековья. Известно, что территория Карачая в ранне-средневековую эпоху входила в состав Алании, представлявшей собой раннефеодальное образование с чертами государственности². У кипчаков в XI — XIII вв. также существовали раннефеодальные отношения с чертами государственности³.

Карачаевские предания упоминают о знатных фамилиях, о «наиболее влиятельных членах общины», которые владели скотом и другими ценностями⁴. Вначале эти «наиболее влиятельные члены общины» были военными предводителями, которые стояли во главе отрядов, защищавших карачаевцев от нападения врага⁵.

Письменные источники XVII в. уже говорят и об эксплуататорах и об эксплуатируемых. Карачаевские и балкарские князья-бии в русских документах XVII в. именуется «мурзами», иногда — князьями и владельцами⁶. Основную массу населения составляли свободные крестьяне-общинники — уздени («ёзден»). Какая-то часть крестьян уже закрепощалась — очевидно, это те крестьяне, которые именовались в русском документе 1629 г., касающемся балкарцев, «ясачными мужиками»⁷.

Существование зачатков феодальных отношений у карачаевцев в период позднего средневековья подтверждается археологическими исследованиями. В Карачае сохранились башни и крепости, относящиеся к интересующему нас времени (Хурзукская башня XII — начала XIII вв., башня у сел. Кызыл-Кала в верховьях реки Джегуты XVI—XVII вв., укрепление Карча-Кала XIII—XIV вв., у селения Архыз и другие). На левобережном Карт-Джуртском могильнике имеются склепы-кешене и полусклепы (высокие ограды без крыш), относящиеся к XV—XVI вв. Башни, крепости, кешене и полусклепы в основном принадлежали князьям.

Таким образом, судя по доступным нам источникам, в XIV—XVII вв. у карачаевцев складывались социальные отношения, характерные для раннего феодализма.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. II, т. 19, стр. 333.

² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, стр. 144—149; В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 203—239.

³ С. А. Плетнев. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях. Л. — М., 1956, стр. 192—193; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966, стр. 218—219.

⁴ Н. С. Иваненков. Указ. соч., стр. 34—35; А. Н. Дьячков-Тарасов. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощь. «Записки Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института», т. I. Ростов н/Д., 1928, стр. 142; И. Тамбиев. Карачай прежде и теперь, Ростов н/Д., 1931, стр. 4.

⁵ Н. С. Иваненков. Карачаевцы, стр. 30.

⁶ С. А. Белокуров. Материалы..., стр. 305.

⁷ Кабардино-русские отношения, т. I, стр. 121.

В XVIII в. народам Северного Кавказа пришлось испытать на себе все усиливающуюся агрессию со стороны султанской Турции. Вассалами султанов были крымские ханы. Отряды крымских захватчиков грабили горские аулы, угоняли людей и скот, требовали покорности. Однако горцы выступали против постыдной и тяжелой зависимости от ханов, отказывались признавать себя их данниками, несмотря на угрозы и карательные походы крымских феодалов¹.

В числе горских народов, не признававших власти хана, были и карачаевцы². От разорительных набегов крымцев их спасали высокие горы, но и они не могли защитить от предательства знати, подкупаемой крымскими феодалами, от распространения ислама. Народные массы протестовали против подчинения ханам, о чем доносил в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. губернатор Астрахани³.

Победы русских войск в Крыму привели к отпадению Крыма от Турции и переходу его под покровительство России, а вместе с ним и народов Предкавказья, в том числе и карачаевцев, находившихся в то время в зависимости от кабардинских князей. Под руководством А. В. Суворова новая граница была укреплена редутами и крепостями. Объявление р. Кубани в 1783 г. российской границей явилось закреплением акта присоединения Карачая к России.

Однако ни русские войска, ни администрация не проникали в Карачай. Зависимость карачаевцев от кабардинских князей заключалась в том, что каждый крестьянский двор должен был давать по одной овце в год кабардинским князьям. Попытки феодалов повысить размер дани вызывали негодование народа, жалобы русскому командованию. Так, в 1788 г. карачаевцы просили генерала П. А. Текелли «приказать кабардинским владельцам, чтобы поступали с ними по обычаям наших предков»⁴, то есть взымали дань в прежних размерах. В противном случае карачаевцы грозили перекочевать дальше, за горы. Этот документ является одним из наиболее ранних письменных свидетельств о переходе карачаевцев под русское подданство, так как они называли себя в нем «зависимыми Российской империи»⁵.

В конце XVIII в., когда султанская Турция активизировала свою деятельность в Закубанье, задумав собрать под свои знамена мусульманские народы Северного Кавказа, район верхней Кубани привлек к себе особое внимание. Усилилась проповедь ислама, началась подготовка к походу турецкой армии в глубь Кавказа. В турецкой крепости Анапе сосредоточилась значительная армия под командованием Батал-паши. В сентябре 1790 г. она двигалась через Закубанье к верховьям р. Кубани. Однако расчет турецких стратегов на поддержку со стороны местного населения не оправдался. Когда Батал-паша подошел к верховьям Кубани, то многие горцы

¹ Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. II, М., 1957, стр. 28.

² То же, стр. 188.

³ АКАК, т. I, 1866, стр. 82.

⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1194 св. 120, д. 481, л. 44.

⁵ Там же.

и кошица погайцев пришли на помощь русскому отряду¹. Битва с Батал-пашой на берегах Кубани окончилась полным поражением многочисленной турецкой армии и пленением командующего. В результате потерпели крах планы и надежды турок поднять на борьбу с Россией горское население всего Северного Кавказа. С 1804 г. началось строительство укреплений по верхнему течению Кубани: Батал-пашинского, у Каменного моста и других.

Русско-турецкая война 1806—1812 гг. обострила положение на границе. Усилилась антирусская агитация турецких агентов и мусульманского духовенства, привлекавшего на свою сторону горскую знать. А в народных массах росло возмущение как против местных феодалов, так и против колониальной экспансии царизма, посылавшего в горы карательные экспедиции.

В карачаевской феодальной среде протурецкой ориентации особенно прочно держались князья Крымшамхаловы, один из которых (Ислам) получил от анапского пашы титул вали (губернатора). Они подбивали народ на принесение присяги турецкому султану и уговаривали выдать заложников-аманатов. Это было явное нарушение трактатов, в силе которых р. Кубань признавалась границей между Россией и Турцией², и поэтому кавказское командование в 1828 г. предприняло поход к верховьям Кубани. Войска, выйдя из Кисловодска, поднялись по р. Эшкакон на водораздел Кубани и Малки и оттуда спустились по р. Худес в Карачай. Карачаевское ополчение пыталось оказать сопротивление, но силы были неравными. 20 октября у горы Хасаука произошло двенадцатичасовое сражение, о котором генерал сообщал в торжественном тоне: «Термопилы Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всех горских народов враждебных против России, помощью божьею и храбростью войск, под личным моим предводительством, разрушен»³. 21 октября русский отряд без боя подошел к Карт-Джургу, где его встретила депутация карачаевцев, подавшая генералу Г. А. Емануэлю «Прошение от карачаевских владельцев нижеподписавшихся и черного народа»⁴. Это была присяга на верность России. 24-го октября войска покинули Карачай.

В знак нерушимости присяги карачаевцы выдали заложников-аманатов. С этих пор в Карачае утвердились мирные условия жизни, а история карачаевцев стала составной частью истории народов России, с их борьбой за освобождение от социального и национального гнета.

Присоединение Карачая к России навсегда избавило горцев от угрозы порабощения со стороны Турции и приобщило к более высокой и прогрессивной системе социально-экономических отношений и

¹ Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа, 1790 с 22/IX по 30 число, Екатеринодар, 1896, стр. 10.

² «Кавказский сборник», т. XV, I, 1890, стр. 445.

³ Л. А. Лавров. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., стр. 96; ЦГВИА, ВУА, д. 6231, II, лл. 117—122.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6231, лл. 125—126.

тем самым ускорило их экономическое и культурное развитие, приобщило трудовые массы Карачая к революционной борьбе народов России. В результате этого еще теснее стали торговые связи русских с карачаевцами. Карачаевцы, как и другие горцы, стали постоянными посетителями меновых дворов. Они привозили туда продукты своего хозяйства и изделия своих искусных мастериц: бурки и черкески, сукна и войлоки. Пригоняли овец, лошадей, крупный рогатый скот. В обмен получали соль, холст и ситец, хлеб и металлические изделия.

Антиколониальная и антифеодальная борьба в Карачае, как и в Черкесии, где мюридизм не получил распространения, не носила религиозного характера. Попытки набов Шамиля привлечь карачаевцев на свою сторону и заставить их выступить против царских колонизаторов неизменно кончались провалом. В 1837 г. с антирусской агитацией выступил в Карачае прибывший туда посол Сефер-бей Зана, связанный с турецким правительством, но не имел успеха. В 1845 г. к границам Карачая приблизился отряд Сулейман-эфенди. Но карачаевцы отказались пропустить его на свою территорию и оказали помощь русскому отряду, разбившему войска наиба. И только наибу Мухаммед-Амину удалось привлечь на свою сторону карачаевского кадия М. Хубиева, который смог уговорить лишь незначительную часть населения выступить под знаменем мюридизма.

Большинство горцев не поддержали его, хотя он «силой и влиянием своим» пытался заставить карачаевцев «участвовать в измене»¹. На подавление мятежа были посланы войска, и Хубиев бежал в Закавказье, а на Карачай была наложена контрибуция. Простые карачаевские крестьяне были возмущены действиями Хубиева. «Народу слишком памятно это событие, потому что за несколько злоумышленников народ заплатил 20 000 рублей»², — показывал на дознании один из крестьян Гына Халкечев.

Царизм заигрывал с горской знатью и обирал крестьян. За малейшее неповиновение начальству на крестьян налагали штрафы. Сбором денег и натуральных поставок занималась местная администрация, во главе которой стоял пристав. Он назначался обычно из русских или кавказских офицеров, но не карачаевской народности.

Особенно ретивым защитником интересов царизма в Карачае был пристав Мистулов³. Он штрафовал карачаевцев за малейшие проступки и просто за то, что «не имеют должного повиновения к начальству»⁴.

Самым острым вопросом было для карачаевцев малоземелье. Не хватало не только пахотных земель, но и пастбищ для скота. Правительственная комиссия 1895 г. отобрала у карачаевцев Эшкаконские пастбища, которыми они пользовались много лет, а в 1862 г. то же самое сделала и с лесными массивами по р. Теберде и ее притокам, передав их в казну.

¹ ГАКК, ф. 774, оп. I, д. 195, л. 8.

² Там же.

³ ЦГА КБ, ф. 16, оп. I, д. 272, л. I.

⁴ ЦГА КБ, ф. 16, д. 381, л. I.

В 1865 г. Верхне-Кубанское пристаство, в которое входил Карачай, было преобразовано в Эльбрусский округ. Во главе его был поставлен Н. Г. Петрусеви́ч, отличавшийся передовыми взглядами и стремлением улучшить положение народа. Он глубоко вникал в положение горского крестьянства, лично объехал все коши и, убедившись в крайнем малоземелье карачаевцев, начал хлопотать о прирезке земли. Кубанская администрация отнеслась к его хлопотам неодобрительно, не раз делали ему замечания и предписывали «воспретить входить в гласное обсуждение каких бы то ни было общественных вопросов»¹.

Несмотря на недовольство администрации, на препятствия и многочисленные задержки, карачаевскому народу все же выделили довольно значительный надел земли (40 тысяч десятин).

В 60-е годы XIX века положение в Карачае, как и в других горских округах, было напряженным. Горские крестьяне, узнав об отмене крепостного права в России, а главное, в соседних с ними губерниях, в частности у так называемых «инородцев» Ставропольской губернии, отказывались подчиняться своим владельцам, требовали освобождения их от крепостной зависимости. Начатая правительством работа по сбору сведений «о родах и степенях зависимости»² у горцев еще более накаляла обстановку. Крупные волнения крестьян произошли в Кумско-Абазинском ауле, входившем в Эльбрусский округ³.

Кубанская администрация, напуганная наличием «крайне напряженных отношений между сословиями»⁴, требовала принятия строгих мер, «чтобы крестьяне исполняли прежние повинности к своим владельцам»⁵. Заботясь прежде всего об интересах феодалов, члены специально образованного комитета выработали такие условия освобождения, которые совершенно разоряли крестьян.

Бесплатному освобождению подлежали только дети до 7 лет и старики старше 55 лет. Остальные должны были платить выкуп в зависимости от возраста до 150 рублей у крепостных крестьян-юльгюлю кулов и до 200 рублей у рабов—башсыз кулов. Но большинство выкупиться на таких условиях отказались. И только после объявления об обязательном освобождении 1 ноября 1868 г., убедившись, что лучших условий не дожидаться, они стали заключать выкупные сделки.

Кроме тяжелого денежного выкупа, крестьяне должны были отдать владельцам половину своего имущества. Так как у большинства выкупавшихся не было ни денег, ни скота для уплаты столь тяжелого выкупа, они вынуждены были отрабатывать его в течение шести или восьми лет, оставаясь временнообязанными. Таким образом, и в Карачае, как и в России, «крестьяне вышли «на свободу»,

¹ ЦГА КБ, ф. 16, д. 381, л. 1.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 653, л. 42.

³ То же, оп. 2, д. 539, л. 2.

⁴ ЦГИА, ф. 416, оп. 3, д. 318, л. 3.

⁵ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, л. 7.

ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»¹.

Несмотря на крепостнические методы проведения реформы, по своему характеру это была буржуазная реформа. Она способствовала ломке феодальных отношений, расчищала дорогу для проникновения в карачаевские аулы товарно-денежных отношений. Реформа не только освободила более двух с половиной тысяч человек от крепостного права, но и ликвидировала рабство. Однако крестьянская реформа не ликвидировала поземельной зависимости и малоземелья. Даже основание новых селений не разрешило проблему, т. к. многие крестьяне еще продолжали отрабатывать выкуп, а кроме того, часто просто не имели средств для переселения. Для переселения были предложены земли по течению рек Теберда, Мара, Джегута и Кичибалык.

Но только те, кто переселился в первые годы после основания селений, попали в число коренных жителей, а остальные считались иногородними и не имели права на получение земельного надела из общинного фонда. Таких иногородних в Маре было 35%, в Теберде — 21%, в Сентах — 18%. Таким образом, и основание новых аулов — Малого Карачая — не разрешило земельную нужду карачаевского крестьянства. Многие крестьяне после реформы остались без земли, скота и другого имущества.

Верное своей классовой природе, царское правительство свято охраняло интересы горской знати. За ними были закреплены фамильные земли, а кроме того, им были выделены земельные пожалования из казенных фондов. Крымшамхаловы, сохранив монополию земельной собственности — 2850 десятин земель, получили дополнительно 1789 десятин, расположенных в долине р. Эльтаркач. Дополнительные участки были выделены также Карабашевым, Байрамуковым, Боташевым и другим (в верховьях Зеленчуков, Джегута и Эшкаконе).

Значительная часть земель между верховьями Кубани и Кумы была оставлена в пользование старых аулов Большого Карачая. Эти земли сдавались с торгов в аренду большими участками, так что арендовать их могли только крупные скотовладельцы. Средние и тем более бедные крестьяне вынуждены были переарендовывать землю у богачей или вступать с ними в неравноправные товарищества, становясь фактически батраками крупных скотовладельцев.

Одновременно с крестьянской реформой в Карачае были проведены административная и судебная реформы, которые несколько уменьшили власть господствующей верхушки, так как во главе аулов и в суде стали находиться выборные лица. По сравнению с русскими губерниями, реформы в Карачае были сильно урезаны. Земская реформа на горские области совсем не распространялась, вместо введения общеимперских судов создавались особые «горские словесные суды», судившие не по общим законам империи, а по особым правилам.

Выбор аульных старшин, казначеев, судей фактически зависел от царской администрации, так как суды подчинялись начальнику Ку-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

банской области и его ставленникам. В аульной администрации и в судах процветали взяточничество и подкупы.

Но и то небольшое самоуправление, которое было дано карачаевскому населению в 60—70 годах XIX века, было фактически сведено на нет контрреформами 80-х годов. Военно-народные округа были упразднены, уезды заменены отделами, в которых вся власть принадлежала казачьей администрации. Все население отделов, как казачье, так и горское, было подчинено начальнику области, который являлся одновременно и наказным атаманом войска казачьего.

Карачаевцы, черкесы, абазинцы и ногайцы входили в Хумаринский и Бибердовский участки Баталпашинского отдела. Во главе участков стояли участковые начальники. Под их контролем были и финансы, и суд, и аульные правления¹.

В пореформенный период, в экономической и социальной жизни карачаевских селений произошли большие перемены. Основание не вдалеке от горских селений русских станиц способствовало втягиванию Карачая в общее русло экономического развития Кубани. По селениям и кошам ездили скупщики шерсти и скота, открывались временные, а затем постоянные лавки, в которых в обмен на продукты, а затем и за деньги продавали ситец, металлические изделия, керосин, соль, сахар, чай и другие привозные продукты.

Для покупки товаров и для уплаты налогов, которыми были обложены карачаевцы, нужны были деньги. Чтобы добыть их, крестьянам приходилось везти на базар или ярмарку в станицу, а в конце пореформенного периода и на свои базары, которые открылись в Учкулане, Джегуте и других местах, продукты своего хозяйства — скот и изделия домашних промыслов. Часть вырученных денег шла на покупку хлеба, так как своего хватало всего на два-три месяца.

Развитие торгово-денежных отношений обогащало отдельных владельцев табунов лошадей, отар овец и стад крупного рогатого скота, а для мелких крестьянских хозяйств часто было причиной обеднения и разорения. Горское крестьянство расслаивалось на небольшую кулацкую верхушку и беднейшую массу.

В зажиточных хозяйствах скот разводили специально для продажи, учитывая потребности рынка. Крупные кулацкие хозяйства снабжали мясом и молочными продуктами курорты Кавказских Минеральных вод. Строительством маслосырозаводов в Кубанской области занимались крупные молокозаводчики А. Кириш и капиталисты Бландовы, Губаревы и другие. Они скупали у карачаевских крестьян за бесценок молоко, закабалили их неравноправными договорами. Пользуясь малоземельем карачаевского крестьянства, разрешали на своей земле пасти скот и за это заставляли поставлять молоко на очень невыгодных для крестьян условиях.

Наряду с переработкой сельскохозяйственного сырья, в пореформенный период возникает в Карачае и горнодобывающая промышленность. Русский капитализм превращал Кавказ в свою сырьевую и топливную базу. С середины XIX века началась добыча угля в районе Хумаринских месторождений.

¹ ЦГВИА, ф. 4. оп. 69, д. 89, лл. 8—9.

В 90-е годы началась разработка серебряно-свинцовых месторождений в районе Худеса. Для добычи серебра и свинца было создано акционерное общество «Эльбрус». Оно арендовало у карачаевского общества земли, строило дороги, возвело рудообогатительный завод и лабораторию. Начато было строительство электрического цеха для электролиза цинка, но у общества иссякли средства, так как очень дорого обошлось строительство дорог и выписка машин из-за границы. Поэтому большой размах работ постепенно стал сокращаться, число рабочих — уменьшаться.

На Эльбрусском руднике наряду с приезжими русскими рабочими трудились карачаевцы, осетины и другие горцы. Работа на руднике способствовала сближению горцев с русским рабочим классом, приближала их к борьбе против эксплуататоров. Русские рабочие, а среди них были и представители передового петербургского пролетариата, рассказывали карачаевцам о классовой борьбе, о великих идеях Маркса и Ленина.

Выступления пролетариата Москвы и Петербурга в период революции 1905—1907 гг. получили широкий отклик не только среди рабочих и крестьян центральных губерний, но и среди народов национальных окраин империи.

В станице Баталпашинской ссыльный учитель А. Г. Макеев создал первую в отделе социал-демократическую организацию. Ее члены провели в мае 1905 г. маевку в зарослях «Зеленого острова», писали и распространяли листовки¹. Группа Макеева была связана с Кубанским комитетом РСДРП и особенно с армавирской организацией. Прокламации Баталпашинской организации призывали народ бороться против самодержавия, добиваться свободы слова и свободы собраний.

Несмотря на жестокие расправы правительства, на повальные аресты, аграрные волнения не прекращались. В станице Баталпашинской были арестованы члены кружка во главе с А. Г. Макеевым, но и после этого не прекратилось распространение противоправительственных прокламаций. Крестьяне самочинно захватывали помещичьи земли, производили порубку казенных и частных лесов. Более двухсот случаев порубок было зарегистрировано в 1905 г. только по одному Карачаевскому лесничеству. Жители Джегутинского села выступили в 1907 г. вместе с беднотой станицы Усть-Джегутинской против крупного землевладельца Свидина, земли которого были расположены между селом и станицей. Повстанцы захватили земли, разогнали стражу. В это же время происходят аграрные волнения крестьян с. Хурзук. По словам старшины села, жители «учинили бунт»². Зачинщиков крестьянского движения посадили под арест при сельском правлении, но ночью крестьяне сломали замки и освободили арестованных. Начальник Кубанской области писал прокурору Екатеринодарского окружного суда: «При сем препровождаю на распоряжение Вашего высокородия дознание о насильственном освобождении арестованных из арестного помещения Хурзукского

¹ ЦГАОР, ф. МЮ. 1906, д. 2009, л. 1.

² ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 3501, л. 52.

аульного правления и сообщая, что о перечислении обвиняемых по сему делу содержанием под стражей при аульном правлении распространение сделано»¹. Зачинщики и участники были осуждены и сосланы в Сибирь. Так расправилось правительство со всеми попытками крестьян разрешить аграрный вопрос в своих интересах.

Чтобы создать видимость заботы о малоземельных горских крестьянах, правительство назначало одну за другой аграрные комиссии. Наиболее деятельной из них была Комиссия по исследованию землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области под председательством Я. Абрамова. Комиссия исследовала землевладения и землепользование жителей нагорной полосы Терской области и Карачая и пришла к выводу о «невыносимости существования горского населения при настоящем земельном положении»².

Однако дальше констатации факта малоземелья комиссия не пошла. Единственным практическим результатом ее работы было содействие в образовании нового селения для жителей аварийных кварталов Хурзука — Лайпановых, Элькановых и Тоторкуловых, которые подвергались частым бедствиям, живя у подошвы крутой горы, от селевых потоков, стекавших с гор. Для них были выделены земли около укрепления Хумаринского, на которые переселилось 153 семьи. Новое селение было названо Воронцово-Карачаевским, по имени наместника Кавказа И. В. Воронцова-Дашкова.

Работа комиссии породила у крестьян большие надежды на улучшение положения, на прирезку земли, но когда этого не произошло, то возмущенные крестьяне перешли к самовольным захватам земли.

Так, в сел. Тебердинском борьбу за справедливый передел земли возглавил Султан Байчоров, о котором карачаевцы сложили песню, называя его «защитником народа». Будучи избранным на должность карачаевского доверенного, Байчоров возбудил в горском словесном суде дело «об изъятии из владения некоторых влиятельных жителей Карачая самовольно захваченных ими участков из общекарачаевской территории»³. Однако суд стал целиком на сторону крупных землевладельцев. Убедившись в этом, С. Байчоров призвал крестьян своего села самовольно отобрать земли, незаконно захваченные богачами. В 1908 г. крестьяне Тебердинского сел. поломали ограды, которые были возведены вокруг захваченных земель, и объявили земли общественными. Старшина села телеграфировал в Петербург и Тифлис «о сопротивлении властям и насильственном отчуждении чужих земель»⁴.

Казачья администрация решила прежде всего обезглавить движение крестьян, поэтому по приказу начальника Кубанской области Байчоров был арестован и сослан в Оренбургскую губернию. Как и всякое крестьянское движение, оно было подавлено, «потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 3501, л. 53.

² Там же, ф. 317, оп. 2, д. 4059, л. 1.

³ Там же, ф. 454, оп. 1, д. 1377, лл. 5—7.

⁴ Там же, ф. 318, оп. 2, д. 4059, л. 1.

определенных, ясных политических требований, т. е. без требования изменить государственные порядки»¹.

В период реакции, которая последовала за подавлением революции 1905—1907 гг., усилился национальный и социальный гнет. Хотя карачаевцы фактически участвовали в войнах, с них продолжали брать военный налог. Крестьянская беднота страдала от усилившегося расслоения, роста цен на землю и особенно арендной платы. Столыпинская аграрная политика была направлена на поддержание кулацких элементов, на разорение общины. Карачаевские кулаки захватывали общинные земли, основывали хутора (Байчоров Дж., Байрамкулов Д., Боташев Ю. и др.).

Столыпинщине не удалось «умиротворить» деревню и ликвидировать крестьянские волнения. В Баталпашинском отделе продолжалась борьба за землю между иногородними и казаками, между беднотой и верхушкой горских аулов. «Кубанская область сильно затронута антиправительственной агитацией»², — писал начальник области.

Революционной борьбой в области руководил Кубанский комитет РСДРП. Революционизирующее влияние на горское крестьянство Кубани оказывало рабочее движение в Екатеринодаре, Армавире, Ставрополе, Минеральных Водах и других промышленных центрах, крестьянские выступления в соседней Кабарде. В Баталпашинском отделе, в станицах Отрадной, Невинномысской возник ряд революционных кружков. В эти годы (1909 г.) нелегальные кружки возникли и в Карачас. Их создали на руднике «Эльбрус» — Григорий Чучулин, а в Теберде — Саид Халилов, студент Петербургского университета³.

Кружковцы использовали как легальные методы агитации и пропаганды, проникая в массовые организации — кредитные товарищества и потребительскую кооперацию и учительские совещания, так и подпольные собрания, на которых велись открытые антиправительственные речи.

Нелегальные политические кружки оказывали большое влияние на весь Карачай. С ними были связаны прогрессивные учителя Большого Карачая Иммолат Хубиев, Наны Токов и другие. Собирая крестьян, желающих учиться грамоте, Иммолат Хубиев вел с ними беседы о насущных потребностях жизни села, о необходимости борьбы с притязаниями богачей, выступал на страницах газеты «Кубанские областные ведомости» со статьями о необходимости обучения детей бедняков, о пользе политехнического обучения. Агитационную работу среди крестьян вел молодой учитель Курман Курджиев. Он призвал бедняков бороться за справедливый передел земли, за равенство.

Подъем революционного движения в России, который начался после Ленского расстрела 1912 г., был прерван первой мировой войной. Карачаевцы сразу же почувствовали на себе тяготы войны. Начались реквизиции скота и лошадей для армии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 196.

² ЦГИА, ф. 13, оп. 27, д. 944, лл. 9—10.

³ В. П. Невская. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в период империализма, стр. 171.

Страдали карачаевцы и от повышения хлебных цен, так как хлеб был, главным образом, покупной. Нехватка рабочих рук приводила к тому, что в упадок пришли оросительные каналы, резко снизилась урожайность. Причем, больше всего от военных невзгод страдали крестьяне, кулаки же, напротив, наживались на повышении цен на скот, на поставках.

Кроме оброчной подати и поземельного налога, крестьян отягощали дорожной, мостовой и почтовой повинностями. Не был снят с карачаевцев и военный налог, хотя многие мужчины сражались на фронтах войны и обслуживали нужды фронта.

Недовольство населения выражалось в глухом брожении и открытых выступлениях, в столкновениях с аульными старшинами и стражниками. В 1915 г. в Карачаево-Воронцовском селе возникло вооруженное столкновение между жителями и стражниками. Население напало на казарму стражников, началась перестрелка¹. Население отказывалось платить повышенные налоги, работать на поставках сена и выполнять другие виды экстраординарных повинностей.

По всей Кубанской области усилились аграрные беспорядки.

Чем дольше длилась война, тем хуже становилось положение народа. Все чаще происходили столкновения крестьян с местным начальством. Начальник Кубанского жандармского управления писал в 1916 г. о том, что в области «ожидается общее выступление, которое будет поддержано рабочими забастовками»². Бастовали рабочие механических мастерских в северной части Баталпашинского отдела и Эльбрусского рудника³.

К началу 1917 г. по всей России создавалась революционная ситуация. 27 февраля 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция.

Трудящиеся национальных окраин также поддержали революцию. Власть перешла к Советам рабочих и крестьянских депутатов. В Карачае первый Совет возник на Эльбруском руднике. Но, как и во многих местах, первые Советы состояли в основном из меньшевиков и эсеров, поэтому они передали власть комиссарам Временного правительства.

Под руководством станичных атаманов и аульных старшин были проведены выборы в гражданские комитеты — органы Временного правительства. Буржуазное правительство не решило ни одного из важнейших вопросов. Продолжалась война, измучившая народ. Решение аграрного вопроса было отложено до созыва Учредительного собрания. Население по-прежнему страдало от поставок и реквизиций.

На Кубани активизировалась казачья верхушка. Созванная ею казачья рада не только согласилась на передачу части земли иногородним и горцам, но требовала передачи в казачий фонд казенных и монастырских земель. Горская верхушка пошла на сговор с казачьими верхами, предавая интересы народных масс.

¹ «Кавказские ведомости», 1915, 20 мая.

² ЦГАОР, ф. ДП, 1915, д. 167, лл. 36, 18.

³ ЦГИА ГР. ССР, ф. 13, д. 375, оп. 12, д. 31.

Из всех гражданских комитетов Карачая наиболее прогрессивным был Тебердинский. Выборами в ауле руководил Султан Байчоров, вернувшийся из ссылки. Комитет попытался провести справедливое перераспределение земель. Но это встретило резкий протест общекарачаевского гражданского комитета. Членов Тебердинского комитета обвинили «в защите своеволия и принципа самоуправного захвата общественных земель»¹.

Таким образом, органы Временного правительства ничего не сделали для улучшения положения карачаевского народа. Попытки крестьян захватить землю подавлялись. Казачье правительство Кубани издавало приказы о недопустимости «решения земельного вопроса захватным путем»², карало крестьян за все попытки добиться земли.

Но, несмотря на все репрессии, крестьянское движение росло и ширилось. Напрасно жаловались властям князь Крымшамхалов и помещик Николенко на самовольные захваты земель и порубки лесов. Крестьяне продолжали борьбу за землю.

Осенью 1917 г. Кубанская область была объявлена на военном положении, запрещены собрания и сходки, жестоко карались все народные волнения. Но ничего уже не могло остановить волны крестьянских восстаний. В. И. Ленин писал в октябре 1917 года: «По всей России разливается широкой рекой восстание крестьян, от которых обманом оттягивали до сих пор землю. Крестьяне терпеть не могут»³.

Под руководством большевиков крестьянское движение слилось в единый поток с революционной борьбой рабочего класса, с национально-освободительным движением народов национальных окраин. Это обеспечило победу Великой Октябрьской социалистической революции.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В КАРАЧАЕ

На следующий же день после победы Октябрьской социалистической революции II Всероссийский съезд Советов принял исторические декреты о мире, о земле, об образовании Советского правительства во главе с В. И. Лениным. Советское правительство провозгласило ленинскую национальную политику — политику равноправия, дружбы и братства всех народов. «Декларация прав народов России» изложила основные принципы национальной политики Советского государства: равенство и суверенность народов, их право на свободное самоопределение; отмена всех и всяких национальных, религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам

¹ ГАКК, ф. р. — 1259, оп. 1, д. 4, л. 133.

² Там же, ф. р. — 6, оп. 1, д. 16, л. 9.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 284.

России и Востока» Совнарком провозгласил: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно... Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всею мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹.

Эти идеи нашли горячий отклик в сердцах трудящихся всех народов России. Однако борьба за победу социалистической революции и установление Советской власти на Северном Кавказе, в том числе в Карачае, несколько затянулась. Хотя к марту 1918 г. трудящимся Северного Кавказа под руководством большевиков удалось разбить силы местной контрреволюции и добиться провозглашения Советской власти на Дону, Кубани и Тереке, но развернувшаяся в дальнейшем гражданская война и иностранная интервенция привели к временному падению Советской власти в крае. Народам Северного Кавказа пришлось сбрасывать со своих плеч ряд самозванных «правительств» типа Кубанской краевой рады, «Союза объединенных горцев Кавказа», и «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» и других, созданных белогвардейцами, казачьими и горскими верхами.

На Кубани Советскую власть провозгласил I Кубанский областной съезд Советов, проходивший 1—5 (14—18) февраля 1918 года в Армавире, а на Тереке — второй съезд народов области, состоявшийся в феврале—марте 1918 года в Пятигорске. Съезд Баталпашинского отдела начал свою работу 7 (20) февраля 1918 года в станице Баталпашинской. В работе съезда приняли активное участие большевики Кубанской области, в том числе и представители карачаевского народа. Председатель съезда А. Г. Макеев объявил о провозглашении Советской власти в отделе, куда входила и территория нынешнего Карачая.

На съезде, работа которого была перенесена в станицу Отрадную, был избран отдельский исполком. В состав исполкома вместе с представителями других народов вошли и карачаевцы: Т. Алиев, Н. Токов, И. М. Хубнев, С. Халилов, К. Халкечев и др.

Для того чтобы отстоять Советы на территории Баталпашинского отдела, был сформирован 2-ой Кубанский военно-революционный отряд под командованием Я. Ф. Балахонова. В боевом отряде Красной Армии бок о бок сражались русские солдаты-фронтовики, хумаринские шахтеры и горняки «Эльбруса», беднота казачьих станиц, карачаевских, черкесских, абазинских и ногайских аулов. Организацией красногвардейских отрядов в селениях Карачая руководил уполномоченный отдельского исполкома и военревкома Т. Д. Алнев. Большую разъяснительную работу в пропаганде политики Советской власти на территории Карачаево-Черкесии проводили Г. Чучулин, М. Шовгенов, С. Халилов, Д. Гутекулов, И. Байкулов, Г. Дзасохов, И. Хубнев, А. Аджиев и другие².

¹ «Образование СССР». Сборник документов 1917—1924 гг., М., 1949, стр. 20.

² К. Т. Лапанов. Октябрь в Карачаево-Черкесии, стр. 67.

Разгромив контрреволюционные силы в горных районах Баталпашинского отдела, военно-революционный отряд к концу марта 1918 года установил Советскую власть на всей территории отдела. Вскоре был созван съезд горцев отдела, который единогласно признал Советскую власть. В апреле 1918 г. в станице Отрадной под председательством И. П. Пузырева проходил II съезд Советов Баталпашинского отдела. На съезде были приняты большевистские резолюции: немедленно конфисковать частновладельческие и казенные земли, передать их трудовому крестьянству, горской и казачьей бедноте; национализировать промышленные предприятия — рудник «Эльбрус», угольные шахты, шерстомойную фабрику Лапина, ткацкую фабрику Мамонтова, лесопильный завод Крымшамхалова.

Но всенные события, развернувшиеся на территории области, затормозили и приостановили на время начавшую входить в нормальную колею жизнь. 17 августа 1918 года «добровольческая» армия Деникина захватила город Екатеринодар и начала наступление на восточные районы Кубанской области. В сентябре 1918 года белоказачий отряд Шкуро захватил территорию Карачая и Черкесии, а к началу 1919 года Северный Кавказ оказался под властью белогвардейцев.

Деникинцы восстановили буржуазно-помещичьи порядки, ввели военную диктатуру. Вернулись к власти атаманы и князья. Национализированные при Советской власти земли и промышленные предприятия были возвращены бывшим владельцам.

ЦК партии под руководством В. И. Ленина разработал план разгрома Деникина. Борьбу народов Северного Кавказа против контрреволюции возглавили посланцы ЦК партии Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, У. Д. Алиев и другие партийные и советские работники.

В тылу «добровольческой» армии на Кавказе велась всенародная война. Активное участие в ней приняли и трудящиеся Карачая и Черкесии. Антиденкинским движением руководили Я. Балахоннов, Т. Алиев, С. Халилов, И. Хубиев, Н. Токов, Д. Гутекулов, А. Аджиев, поддерживавшие связь с Северокавказским комитетом партии. Г. К. Орджоникидзе сообщал, что «кавказские горцы никакой деникинской власти не признают. Все горцы с нетерпением ждут прихода большевиков. В горах до сего времени стекаются кабардино-карачаевские партизанские отряды, которые борются против Деникина»¹. В конце 1919 г. XI армия перешла в решительное наступление против деникинских войск. В составе этой армии кавалерийским эскадронам командовал коммунист А. Карабашев. Усилась антиденикинская борьба на территории Баталпашинского отдела. Весной 1920 г. Красная Армия завершила разгром деникинской армии и очистила от белых Северный Кавказ. В связи с этим 2 апреля 1920 года Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа... стало совершившимся фактом»².

К началу апреля на территории Карачая была восстановлена Со-

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, том I. М., 1956, стр. 89—90.

² Там же, стр. 111.

ветская власть. Красная Армия принесла трудящимся горцам свободу, счастье и возможность приступить к мирному созидательному труду на новых социалистических началах. Горские народы, сплотившись в единую братскую семью, показали пример героизма в борьбе за власть Советов и горячо поддержали все мероприятия молодой советской республики. В апреле 1920 года I съезд народов Баталпашинского отдела приветствовал восстановление Советской власти.

В марте 1920 года начал работать ревком Баталпашинского отдела, который вскоре стал издавать свой орган — газету «Баталпашинская правда». При отделском ревкоме был создан временный горский ревком под председательством А. Кочкарова. Одновременно при ревкоме создавались горские отделы — зачатки национальной государственности горцев. Осенью 1920 г. в г. Кисловодске У. Алиевым и с. В. Теберда С. Халиловым были созданы первые ячейки РКП(б) в Карачае¹.

Партийная организация Баталпашинского отдела в эти годы вела работу в чрезвычайно трудных условиях, в обстановке острой классовой борьбы. Однако трудности не испугали большевиков. Опираясь на решения IX съезда РКП(б), коммунисты твердо осуществляли ленинскую политику строительства новой жизни. Руководствуясь законами о земле, первый Кубано-Черноморский областной съезд трудового казачества, горцев и рабочих, проходивший в конце мая 1920 года, положил начало разрешению земельного вопроса. Съезд объявил об отмене частной собственности на землю, на ее недра, леса и воды. Вскоре все земли бывшего нетрудового пользования были взяты на учет и переданы в ведение земотделов².

В соответствии с постановлением Баталпашинского землеустроительного съезда от 21 июня 1920 года было решено провести временное наделение землей всех трудовых хозяйств.

Благодаря помощи молодой Советской республики, горцы Карачая с энтузиазмом начали восстанавливать разрушенное народное хозяйство, приступили к переустройству своей жизни. В. И. Ленин лично руководил оказанием помощи горским народам. В его рабочем кабинете в Кремле хранится карта Северного Кавказа, на которой рукою В. И. Ленина обведена четкой линией территория Карачая и Черкесии и написаны слова «карачаевцы» и «черкесы»³.

В октябре 1920 года, когда В. И. Ленину стало известно о нуждах карачаевцев, он направил записку в Наркомнац и предложил оказать трудящимся Карачая помощь хлебом и товарами первой необходимости.

Однако мирному труду вновь помешали контрреволюционные банды. Остатки деникинской армии, казачья верхушка и горские богатеи совместно с мусульманским духовенством в 1920 году развернули подрывную работу и антибольшевистскую агитацию в массах, пытаясь организовать вооруженное выступление населения против Советской власти. Опираясь на широкие слои трудящихся, ревкомы и партийные организации возглавили борьбу с бандитизмом. В ноябре

¹ К. Т. Лаипанов. Октябрь в Карачаево-Черкесии, стр. 147.

² Газета «Горская жизнь», 1927, 7 ноября.

³ Карачаево-Черкесия за полвека, Черкесск, 1972, стр. 15.

1920 года революционные отряды карачаевской бедноты вместе с трудящимися Баталпашинского отдела при активной помощи частей Красной Армии успешно разбили основные силы контрреволюции. В Карачае была окончательно восстановлена Советская власть. 11 ноября 1920 года в с. Учкулан под руководством уполномоченного Наркомнаца У. Алиева состоялся первый чрезвычайный съезд представителей карачаевского народа. Съезд выразил желание трудовых карачаевцев иметь советскую автономию. Здесь были избраны делегаты на съезд горских народов Терской области во главе с У. Д. Алиевым.

17 ноября 1920 г. во Владикавказе открылся съезд народов Терек-ка, проходивший под знаком пролетарского интернационализма и дружбы народов. На съезде была торжественно провозглашена Горская автономная социалистическая республика. В январе 1921 года ВЦИК РСФСР законодательно утвердил образование ГАССР, в которую наравне с другими округами вошел и Карачаевский.

ГАССР просуществовала недолго. Выполнив свои задачи по национально-государственному строительству, летом 1924 года республика была упразднена. Она сумела проделать значительную работу среди трудящихся горцев Северного Кавказа. Содействуя и возрождая социалистическое строительство, Горская республика подготовила почву к созданию национальных автономных областей. Приказ об образовании Карачаевского округа был издан 19 ноября 1920 г. Возглавил Карачаевский окружной ревком и Оргбюро РКП(б) У. Алиев. Окружной ревком и Оргбюро проделали большую работу по восстановлению и развитию хозяйства и культуры горцев.

В апреле 1921 г. в г. Кисловодске состоялся I съезд Советов Карачая. Съезд принял ряд важнейших для трудящихся горцев постановлений. В том числе по земельному вопросу решил: «Все частновладельческие земли (кышлыки), имеющиеся в Карачае, отныне объявляются общественной собственностью. Все имеющиеся земли, как пашни, так и выгоны, входящие в Карачаевский округ, распределяются среди всех трудящихся Карачая на уравнильных началах»¹. Было решено распределить покосные земли — биченлики и кышлыки по потребительно-трудовой норме. Пахотная земля предоставлялась только тем, кто обрабатывал ее своим трудом. Воспрещалась купля и продажа. 3 мая 1921 г. был образован Карачаевский исполком, в состав которого вошли У. Алиев (председатель), А. Хасанов (зам. председателя), С. Халилов, М. Батчаев, И. Фомин, Ф. Толон, Ш. Алиев, И. Хубиев, М. Урусов, К. Курджинов, Н. Токов, Т. Биджиев, Р. Куатов и др.

В ноябре 1921 г. в Баталпашинске проходил съезд народов Карачая и Черкесии. Съезд высказался за образование объединенной национальной автономии Карачаево-Черкесии и принял решение послать в Москву делегацию в составе У. Алиева, Д. Гутекулова, А. Калмыкова, И. Хубиева, А. Батчаева, К. Курджиева и др. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР своим постановлением оформил образование Карачаево-Черкесской автономной области. Состоявшийся в ноябре 1922 года областной съезд Советов избрал облисполком

¹ «Жизнь национальностей», 1923, № 1—3, стр. 115.

под председательством К. Курджиева. 26 апреля 1926 г. область была преобразована в самостоятельные Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ и Баталпашинский район.

Образование автономии народов Северного Кавказа, в том числе Карачая, было важным шагом в национально-государственном развитии. Автономия приблизила органы Советской власти к трудящимся массам, способствовала «лучше учитывать местные особенности при решении очередных государственных задач»¹.

Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, Коммунистическая партия и Советская власть направляли экономическое, политическое и культурное развитие народов национальных окраин по пути социализма. X съезд РКП(б) поставил задачу ликвидации фактического неравенства народов. Для того чтобы отстала аграрная колония царизма, какой была территория Карачая, догнала по уровню развития остальные районы страны, необходимо было преобразовать сельское хозяйство, провести культурную революцию, создать свою индустриальную базу. Это были основные звенья строительства новой жизни.

В. И. Ленин, внимательно следивший за укреплением советского строя на Кавказе, в историческом письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» дал ряд руководящих указаний о путях и методах социалистического строительства на Кавказе. В. И. Ленин призывал коммунистов Кавказа «не копировать тактику коммунистов России», а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий и советовал осуществлять «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму»². Эти и другие указания В. И. Ленина вооружили партию большевиков Карачая и Черкесии ясным и конкретным знанием путей и методов строительства социализма.

Одним из первых и важнейших мероприятий Советской власти, направленных на развитие социалистической экономики, явились аграрные преобразования, ибо «...горские массы в прошлом являлись экономически обездоленными, и чтобы сделать их союзниками Советской власти, необходимо было наделить их землей»³.

Начиная с 1922 года ежегодно проходило распределение земельных угодий между селами. Передел пахотных участков происходил почти ежегодно, сенокосные угодья распределялись на более длительный срок. В дальнейшем из года в год, предоставляя горцам Карачая дополнительный земельный фонд, Советское государство организовало переселение горных жителей на новые земли и последовательно осуществило проведение землеустроительных работ. Переселение горцев на новые земли было составной частью решения земельного вопроса в Карачае.

Благодаря проведению работ по сплошному землеустройству, законченному в основном в 1932 году, и планомерно проводимому расселению в значительной степени были устранены дальнотемелье и

¹ Культура и быт народов Северного Кавказа, стр. 20.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 198—200.

³ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, стр. 130.

чересполосица. В ходе землеустройства подрывались старые формы и методы землепользования; закреплялся принцип национализации земли.

В связи с планомерным расширением территории области и осуществлением внутриобластного переселения к 1940 году карачаевцы создали 22 новых селения, преимущественно в предгорной зоне.

В 1924—1925 гг. для развития промышленности государство отпустило значительные средства, что позволило оснастить предприятия новым оборудованием и повысить их производительность. На базе механической мастерской началось строительство завода «Молот». Выросла добыча угля на шахтах Хумаринская и Кулаевская. Возобновили работу семь сыроваренных заводов Карачая¹.

XIV съезд партии наметил программу индустриализации страны, которая имела решающее значение и для ускоренного развития экономики национальных областей. Накануне реконструктивного периода, благодаря большой помощи русского народа и прежде всего русского рабочего класса, в Карачае были разведаны новые запасы каменного угля, барита, асбеста, огнеупорных глин, мрамора, яшмы, магнитного железняка. Большие разведывательные работы велись в районе бездействовавшего с 1918 года серебряносвинцового рудника «Эльбрус».

В ноябре 1927 года трудящиеся Карачая торжественно отметили 10-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. В живописном месте у слияния Теберды и Кубани при огромном стечении народа состоялось открытие первого города Карачая. Всего один год понадобился, чтобы здесь вырос административный центр области — г. Микоян-Шахар.

Строительство областного центра явилось одним из замечательных достижений национальной политики нашей партии. Вместе с русскими рабочими бок о бок работали карачаевцы, черкесы, осетины, ногайцы, армяне, абазинцы и другие братские народы СССР.

В годы первой пятилетки возобновились разработки угольных месторождений. Были построены Даусузский, Марухский и Аксаутский лесозаводы, работали 16 маслосыроваренных заводов, продолжала развиваться и промысловая кооперация, объединявшая 24 артели.

В годы довоенных пятилеток промышленность области продолжала успешно развиваться. Дальнейшее развитие получили угольная, лесная, деревообрабатывающая и пищевая промышленность. В долине рек Теберды, Кубани, Б. Зеленчука и Урупа были открыты месторождения россыпного золота с большим процентом его содержания. В 1935 году началась их промышленная эксплуатация. Геолого-разведочными работами руководил талантливый инженер А. М. Кубанов, выпускник Московской горной академии.

Важным шагом на пути осуществления программы индустриализации явилось завершение реконструкции серебряносвинцового рудника «Эльбрус». Полностью были освоены Хумаринские каменноуголь-

¹ «Советский юг», 1926, 20 мая.

ные залежи, разработка которых началась в 1933 г. В 1935 году добыча угля в 12 шахтах составила 4 млн. 688 тыс. тонн¹.

Велась добыча гранита, мрамора, производство извести, алебастра, цемента, кирпича. Успешно развивалась и лесная промышленность, созданная на базе использования местных сырьевых ресурсов. Предприятия промкооперации области произвели продукцию на 12,5 млн. рублей².

За годы Советской власти большое внимание было уделено дорожному строительству и развитию транспорта. К началу второй пятилетки было открыто автобусное движение Черкесск—Микоян-Шахар, Микоян-Шахар—Зеленчук, Микоян-Шахар—Кисловодск, Микоян-Шахар—Теберда, Микоян-Шахар—Учкулан.

Таким образом, осуществление за годы предвоенных пятилеток ленинского плана индустриализации обеспечило реконструкцию народного хозяйства Карачая. В ходе социалистического строительства вырос многонациональный рабочий класс. Школой производственного обучения и интернационального воспитания рабочих явились как местные предприятия, так и предприятия городов Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Дзауджикау (Орджоникидзе), где проходило профессиональное обучение посланцев Карачая.

Огромное значение в жизни горского села имело развитие кооперации. В период военного коммунизма и НЭПа в горских областях Северного Кавказа, в том числе и в Карачаево-Черкесии, в основном происходила частная торговля всеми продуктами и товарами по вольным ценам. В руках частника, например, в 1923—24 гг. находилось 92,5% товарооборота. Основным орудием в борьбе с торгово-ростовщическим капиталом была потребительская кооперация. Для активизации деятельности горской потребительской кооперации существенное значение имело образование в конце 1922 года областного кооперативного центра — «Карчерсоюз». Первая кооперативная ячейка в Карачае возникла в 1922 году в с. В. Теберда, а в следующем году — в Хурзуке, Карт-Джурте и в других селах.

Главную роль в хозяйственном возрождении и укреплении позиции социализма в горской деревне играла сельскохозяйственная кооперация.

Вплоть до сплошной коллективизации в Карачае преобладали сельскохозяйственные товарищества. Они перерабатывали и сбывали продукты животноводства, снабжали крестьян сельхозинвентарем, оказывали поддержку кустарно-ткацкому производству. Через кооперацию распределялись денежные ссуды и посевной материал. В середине 1924 года в Большом Карачае открылось первое кредитное сельскохозяйственное товарищество по сбыту и переработке молочных продуктов, а в конце 1924 года в с. Учкулан состоялось собрание скотоводов по организации первого кооперативного скотоводческого товарищества. В 1925 г. в с. Учккен было учреждено товарищество «Берекет».

¹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Карачаевской области, Кисловодск, 1935, стр. 42.

² «Советский Карачай», стр. 36.

XV съезд партии, состоявшийся в 1927 г., определил курс на коллективизацию сельского хозяйства. Коллективизация сельского хозяйства в Карачае проходила в трудных условиях. В связи с тем, что в быту горцев цепко держались различного рода патриархально-феодалные пережитки, преобладали отсталые формы хозяйства, понадобилась огромная политико-массовая и культурно-воспитательная работа по созданию экономических и организационно-политических предпосылок к сплошной коллективизации.

В апреле 1928 года в с. Терезе был организован первый колхоз: 20 бедняцко-средняцких хозяйств решили совместно работать в коллективе, а через год в колхоз вступило еще 100 хозяйств. Первым привел свою корову с телкой на колхозный двор и внес 25 руб. паевого взноса и 1 руб. вступительный Гочияев Рамазан. Затем примеру Гочияева последовали семьи А. Джаммаева, А. Сарыева, А. Тебуева, З. Чочуева, М. Теунаева и др. Возглавил первый колхоз, названный «Кёб болсун» («Да будет много»), коммунист Джаммаев Азрет Кантемирович, выходец из аула В. Теберда. Его первым помощником являлся Гочияев Рамазан — секретарь парторганизации.

Работа проводилась в исключительно трудных условиях. Кулаки пытались отговорить рядовых горцев от вступления в первый колхоз. Когда им не удалось сагитировать, то они решили отомстить колхозному вожаку: подожгли его дом. Однако, трудности не испугали энергичного руководителя.

В конце 1929 года крайком ВКП(б) принял решение о проведении массовой коллективизации в крае. Учитывая исторические особенности развития отдельных областей и неодинаковую степень их подготовленности к массовой коллективизации, крайком партии определил темпы коллективизации в национальных областях с учетом их местных особенностей. Карачай был отнесен к третьей группе. Ввиду своеобразия культурно-бытовых и экономических условий развития Карачая центр тяжести был перенесен на создание всех необходимых предпосылок для массовой коллективизации с тем, чтобы она осуществлялась лишь по мере фактического поворота бедняцко-средняцких масс крестьянства в сторону колхозов.

Первые колхозы Карачая несколько отличались от коллективов соседних областей: здесь процент бедноты составлял больше, а землю колхозы были обеспечены значительно меньше. В общей массе крестьянская беднота составляла 70%, середняки — 24,6%, зажиточные (кулаки) — 6,6%. Зажиточная верхушка деревни владела свыше половины всего поголовья скота, а у бедноты отсутствовал рабочий скот¹.

В 1929 году, когда по всей стране прошел «День урожая и коллективизации», в подготовке к этому дню активное участие приняла бедняцко-средняцкая масса крестьянства Карачая. В местах скопления скота, на летних пастбищах, были организованы выставки скота, где проходили совещания стариков, съезды сельского актива. В результате разъяснительной работы усилилась тяга крестьян к кооперации — на 1 октября 1929 года в Карачае было создано 29 сельхозобъединений: 27 сельхозартелей и 2 ТОЗа.

¹ «Северо-Кавказский край», 1931, № 7—8, стр. 48.

В горах создавались животноводческие товарищества и группы по совместному сенокосению, пастьбе скота, переработке и сбыту продукции, а в предгорьях—товарищества по совместной обработке земли и сельхозартели. Особое внимание в эти годы уделялось изучению экономики и социальной структуры кошевых товариществ. В постановлении «О состоянии коллективизации в области» обком ВКП(б) отметил, что наиболее близкой и понятной формой для широких слоев бедняцко-средняцких масс на ближайшее время является «простое кошевое товарищество («кьош-негерлик») по совместному выпасу и уходу за скотом, совместному сенокосению»¹. Исторически сложившиеся в Карачае кошевые товарищества в условиях советской действительности, изменив социальную природу, были призваны стать переходной ступенью горских скотоводческих хозяйств к колхозам.

Трудовым крестьянским объединениям государство оказывало большую заботу и помощь: отпускались специальные кредиты для приобретения скота, семян и сельхозмашин, организовывалась массовая агротехническая учеба. Достаточно указать, что только на 1930 год крестьянские хозяйства Карачая получили кредит в сумме 307 тыс. руб. Помогая во всем трудящемуся крестьянству Карачая, Советская власть ограничивала и вытесняла кулачество, а наиболее злостных подвергала раскулачиванию. Колхозное строительство в Карачае, как и по всей стране, проходило в условиях классовой борьбы, особенно обострившейся в 1930 году. Кулаки и представители мусульманского духовенства подбивали народ к вооруженному выступлению против Советской власти. В некоторых селениях им удалось мобилизовать антисоветские элементы, потерявшие свою власть и привилегию, и организовать их силами выступления против социалистических преобразований. Но курс партии на всемерное укрепление хозяйства трудового крестьянства, при одновременном ограничении и вытеснении кулачества, одержал победу. К концу 1931 года удельный вес кулацкого хозяйства в скотоводстве резко сократился.

Продуманная разъяснительная работа партийных и советских органов давала свои результаты. Начался новый прилив в колхозы. Если в первой фазе колхозного строительства в колхозы шли исключительно бедняцкие массы, то в начале 30-х гг. в колхозы вступили и основные массы крестьянства — середняки, прекратились случаи массового выхода из колхозов. Повсеместно на плоскости стали создаваться сельхозартели по типу СОЗов, а в горах—животноводческие товарищества по совместному содержанию скота. Социальная структура колхозного населения представляла следующую картину: бедняки — 46,6%, середняки — 42,3%, рабочие и служащие — 11,1%. На один колхоз в среднем приходилось 86 хозяйств (по 363 человека)². Изменения в социально-экономическом отношении привели к осереднячиванию крестьянства.

Впервые в хозяйственный быт колхозного крестьянства входит

¹ Резолюция IV обл. партконференции Карачая, Микоян-Шахар, 1930, стр. 16—23.

² Колхозное строительство на Северном Кавказе, Ростов н/Д., 1932, стр. 78.

сельскохозяйственная техника, которая, облегчая труд крестьян, способствовала росту производительности труда и укреплению колхозного строя. В 1932 г. в Учкеекене организуется машинно-сенокосная станция (МСС) для обслуживания 14 колхозов, а в Джегуте вступает в строй первая МТС с 15 тракторами и другими сельскохозяйственными машинами, обслуживающая девять колхозов¹.

1933 год явился переломным в области борьбы за подъем горного животноводства. поголовье скота в общественном секторе, по сравнению с 1929 годом, возросло почти в 4 раза, а социалистический сектор объединил треть поголовья скота области².

В начале второй пятилетки по-прежнему темпы коллективизации в горах и в предгорьях области были различны: в 1933 году колхозы Учкуланского ущелья объединяли всего 11,6% крестьянских дворов, а в Малокарачаевском районе 41,4 процента. Несмотря на трудности, новое все прочнее входило в жизнь горского села, в сознании большинства трудового крестьянства крепла идея коллективного труда.

Пятый областной съезд Советов Карачая, открывшийся 30 декабря 1934 года, был первым съездом трудового крестьянства с колхозным большинством. Горцы-единоличники воочию убедились, что именно через колхозы лежит путь к светлой, зажиточной жизни. С трибуны съезда председатель исполкома областного Совета К. Курджиев доложил делегатам о решении Советского государства списать с колхозов Карачая задолженности по кредитам. Съезд подвел итоги колхозного строительства и наметил пути дальнейшего развития и укрепления колхозов.

1 марта 1935 года проходил областной съезд колхозников—ударников Карачая. Делегаты обсудили примерный устав сельхозартели, принятый на втором Всесоюзном съезде колхозников.

В итоге осуществления второй пятилетки в Карачае окончательно победил колхозный строй. Производственные товарищества уступили место сельскохозяйственной артели. В 1937 году колхозы Карачая объединяли 88% крестьянских хозяйств. На долю колхозов приходилось 98,3% всех посевов, социалистическому сектору принадлежало свыше 70% общего поголовья скота³. Объединение мелких распыленных единоличных хозяйств горцев в крупные коллективные хозяйства на основе обобществления средств производства позволило резко поднять культуру животноводства и земледелия, широко использовать сельскохозяйственные машины. На поля колхозов вышли гусеничные тракторы ЧТЗ, комбайны «Коммунар», культиваторы, сенокосилки, конные грабли. Колхозники стали выращивать новые сельскохозяйственные культуры — подсолнечник, коноплю, сою, кормовые и лекарственные травы. Посевы кукурузы уступили место пшенице, овощам, корнеплодам и сеяным травам. Появились сортовые семена пшеницы, овса, ячменя, масличных культур, ржи. Возникли

¹ Административно-хозяйственный справочник по сельскому хозяйству Северо-Кавказского края, Ростов н/Д., 1932, стр. 170.

² А. Г. Евсеев. Карачай на социалистическом подъеме, Ростов н/Д., 1934, стр. 16—17.

³ Сб. «Советский Карачай», стр. 58.

новые отрасли общественного хозяйства — садоводство, огородничество, пчеловодство.

Важные сдвиги произошли в эти годы и в животноводстве. Наряду с увеличением поголовья скота, улучшились условия его содержания. В колхозах было построено 383 животноводческих помещения. Вместо малопродуктивного скота на фермах появились швицы, симменталы, горные меринсы, ангорские козы и породистые племенные лошади.

Впервые женщины-карачаевки, ознакомившись с основными зооветеринарными правилами, пришли на фермы в качестве доярок. Лучшие мастерицы, объединенные в артели, по заказу изготавливали традиционные изделия из шерсти — бурки, башлыки, ноговицы и кошмы. Социалистическая организация труда и стахановские методы работы в колхозах вырастили немало передовиков сельскохозяйственного производства, замечательные кадры, овладевшие техникой. Откликнувшись на призыв П. Ангелиной, в эти годы горянки овладевают техникой управления трактором и комбайном. В числе первых горянок-трактористок были Г. Байчорова, А. Гочияева, З. Шоштаева, Т. Аджиева, С. Элканова, Б. Айбазова и другие. Горянки были среди лучших полеводов Карачая.

Осуществление коллективизации дало возможность полностью ликвидировать патриархальный уклад, свести до минимума роль мелкотоварного уклада и добиться господства социалистических отношений. Были подорваны основы старого быта.

Огромные социально-экономические и политические преобразования в стране были законодательно оформлены в новой Конституции СССР. Обсуждение проекта Конституции, который закреплял победу социализма в нашей стране, проходило в обстановке трудового подъема.

В деле пропаганды передового опыта и дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства нашей страны громадное значение имела открывшаяся в 1939 году в Москве Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Свои достижения на выставке демонстрировали и труженики Карачая — 142 передовика из 16 колхозов приняли участие на выставке. В Книгу почета Всесоюзной сельскохозяйственной выставки было занесено 86 передовиков социалистического сельского хозяйства Карачая, 8 колхозов и 3 конетоварные фермы. Из всех 13 коневодческих рассадников Союза Карачаевский был вторым на выставке. За большие успехи в развитии народного хозяйства Президиум Верховного Совета СССР наградил 11 передовиков орденами и медалями. Девять участников выставки получили золотые и серебряные медали.

Одновременно с перестройкой экономики огромные перемены произошли и в культуре карачаевского народа. Народ, не имевший своей письменности, приобщился за годы строительства социализма к высотам культуры и науки.

Известно, что В. И. Ленин главным содержанием культурной революции в деревне считал кооперирование крестьянства¹. Поэтому партия большевиков рассматривала подъем культурного уровня как

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 376.

условие успешного продвижения по пути к социализму. И в этой работе огромную роль играла деятельность политико-просветительных учреждений. В них велась широкая работа по разъяснению решения партии и правительства, проводилась учеба по ликвидации неграмотности, пропагандировались научно-атеистические знания, велась агропропаганда, работали различные кружки и т. д.

Для горянок создавались специальные клубы, которые занимались вопросами вовлечения женщин в хозяйственно-политическую и культурную жизнь. Первые клубы горянок в Карачае стали появляться в 1926 году, а к концу первой пятилетки таких клубов было девять.

Важную роль в повышении культуры горцев сыграло появление в быту кино и радио. Первый трансляционный узел был установлен в 1929 году в г. Микоян-Шахаре и к началу второй пятилетки в области работало 7 радиоузлов. Количество заявок из аулов на установку радиоприемников превышало «всякие ожидания»¹.

Первое звуковое стационарное кино в Карачае было установлено в 1934 году, а через год колхозники смотрели и слушали звуковые фильмы кинопередвижек. Значительны были успехи в развитии телефонной связи. Телефонизация селений области закончилась в конце пятилетки. Вслед за электрификацией г. Микоян-Шахара в 1937 году колхозники Кубанского ущелья приступили к строительству межколхозной ГЭС.

С образованием Карачаево-Черкесской автономной области стала выходить областная газета на русском языке «Горская беднота». В 1924 году в Баталпашинске выходит первый номер газеты «Таулу джашау» («Горская жизнь») на карачаевском языке. Половина газеты печаталась на карачаевском языке (на арабском шрифте), другая половина — на русском языке. Редактором ее, как и «Горской жизни», был Ислам Хубиев (Карачайлы), который одновременно сотрудничал в пятигорской газете «Терек» и ростовской — «Советский юг».

Газета «Таулу джашау», часто заменявшая в школах учебники, сыграла большую роль для развития карачаевской письменности. В 1928 г. она полностью перешла на латинскую графическую основу, а в 1929 году была переименована в «Таулу джарлыла» («Горская беднота»).

С 1938 года карачаевская газета перешла на русскую графическую основу, а со следующего года стала издаваться под новым названием «Къызыл Къарачай» («Красный Карачай»). Одновременно возобновилось издание областной газеты на русском языке — «Красный Карачай».

В связи с культпоходом по ликвидации неграмотности и малограмотности трудящихся в 1931 году организуется выпуск газеты для малограмотных «Джарыкълыкъ» («Просвещение»). В 1936 и 1940 годах были изданы 2 литературно-художественных альманаха.

Благодаря Советской власти стало возможным печатание книг на родном языке. Они выходили в Москве, Ростове-на-Дону, в Кисловодске и Баталпашинске. В 1924 году выходит сборник стихов И. Ка-

¹ «Революция и горец», 1929, № 5, стр. 79.

ракотова «Джангы шигирле» («Новые песни») — первое книжное издание произведений карачаевской литературы. В Москве выходит в свет учебник «Новый карачаевский букварь» У. Дж. Алиева. В 1925 году в сел. Старого Карачая ставится первая пьеса на карачаевском языке — драма Г. Гебенова «Дарфат и Хаулат».

В 1925 году организуется Северо-Кавказское краевое национальное издательство. Областное книжное издательство выпускает русско-карачаевский словарь И. Акбаева, книгу для чтения «Билим» А. Биджиева, хрестоматию «Бирликде тирилик» У. Алиева. В 1930 г. в г. Карачаевске (Микоян-Шахаре) открылось областное национальное издательство, которое начало регулярно выпускать учебную, общественно-политическую и художественную литературу на карачаевском и русском языках.

Создание национальной письменности, рост грамотности явились предпосылками для создания и развития карачаевской художественной литературы. Молодые писатели и поэты получают возможность сделать свое творчество достоянием читателей прежде всего через областные газеты «Горская жизнь» и «Таулу джашау».

В 1927 году в целях объединения литературных сил создается Карачаево-Черкесская ассоциация пролетарских писателей, а с 1928 года — Карачаевская АПП. В 1935 г. в Карачае создается отделение Союза писателей СССР. К этому времени значительно выросло число литературных работников. Видное место в карачаевской литературе занял Хасан Аппаев, издавший в 1936 году первый роман на родном языке «Черный сундук». Широкую известность получают произведения И. Каракотова, А. Уртенова, А. Биджиева, Д. Байкулова, Х. Бостанова, А. Батчаева, молодых писателей и поэтов — М. Урусова, Т. Борлакова, А. Байкулова и других. Свой вклад в карачаевскую литературу вносят старейшие народные певцы и сказители Касбот Кочкаров, Аппа Джанибеков и др.

Благодаря заботам партии и Советского государства на службу народа была поставлена наука. С первых же дней мирного социалистического строительства уделяется особое внимание использованию природных богатств Карачая: исследуются производительные силы, горно-климатические условия, лесные и рудные богатства. В 1933 году в г. Микоян-Шахаре состоялось открытие областного краеведческого музея. В его организации активное участие принимали научные сотрудники этнографического отдела Государственного русского музея в Ленинграде. Потребность в изучении проблем языка и культуры карачаевцев привела к созданию в 1935 году в Карачае научно-исследовательского института. Его сотрудники, вместе с учеными братских народов, приступили к сбору материалов по языку, фольклору, истории и этнографии.

В том же году в Теберде организован государственный заповедник.

В связи с развертыванием сети школ большое значение имело открытие в 1938 году учительского института, который сумел сделать два выпуска до 1941 года — учителей физики, математики, истории, русского языка и литературы. Знаменательным событием в культурной жизни горцев явилось создание в 1940 году пединститута на базе Карачаевского учительского института в г. Микоян-Шахаре.

К началу Великой Отечественной войны трудности коренной перестройки горской жизни были уже позади. Из скотоводов-горцев выросли партийные и советские работники, специалисты общественного хозяйства, культуры и медицины, сформировался национальный отряд рабочего класса, крестьяне освоились с новыми формами ведения хозяйства.

Но мирный труд советских людей был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии. Война на долгие годы помешала работе по преобразованию жизни карачаевцев, вместе со всеми советскими народами вставших на борьбу с фашистскими захватчиками. С первых же дней войны трудящиеся Карачая, как и другие народы нашей страны, были охвачены патриотическим подъемом и ненавистью к врагу. По зову Коммунистической партии было подано свыше тысячи заявлений о добровольном зачислении в Красную Армию¹. 23 июня началась массовая мобилизация военнообязанных.

Экономика Карачая стала перестраиваться на военный лад. На полях колхозов и совхозов, шахтах и промышленных предприятиях ушедших на фронт мужчин заменяли женщины, старики и подростки. Горянки в ускоренном порядке изучали трактор, автомобиль, комбайн и другие сельскохозяйственные машины. Многие женщины были выдвинуты на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Удельный вес женщин в составе трудоспособного населения составил около 77 проц.²

В результате большой организаторской и массово-политической работы, проведенной партийными организациями, труженики полей и ферм Карачая в 1941 году досрочно выполнили планы по поставкам продуктов полеводства и животноводства. Немало трудового героизма проявило крестьянство Карачая и в сложной обстановке 1942 года, работая на строительстве оборонительных рубежей, заготовке строительных материалов. Трудящиеся области не щадили сил, чтобы помочь Советской Армии в снабжении всем необходимым. В эти годы трудящиеся области собрали и отправили для Красной Армии свыше 6 вагонов коллективных и индивидуальных подарков и 68 650 теплых вещей — валенок, полушубков, бурок, шапок-ушанок, шерстяных носков³. В свободное время горянки готовили шерстяные изделия на дому.

Патриотический подъем выражался и в сборе денежных средств в фонд обороны страны. На добровольные взносы трудящихся создавались эскадрильи и танковые колонны. Например, на 15 декабря в 1941 году на строительство авиаэскадрильи «Северо-Кавказский комсомолец» поступило по области 245 тыс. рублей деньгами и 350 тыс. облигациями. На формирование Орджоникидзеградской добровольческой кавалерийской части трудящиеся Карачая собрали свыше 6 млн. рублей⁴. Колхозники, рабочие и служащие Малокарачаевского района собрали значительную сумму на строительство боевых самолетов «Колхозник Карачая» и «Красный Карачай». За период с

¹ ПАКЧАО, ф. 45, оп. 1, св. 11, д. 107, л. 45.

² Там же, ф. 1, оп. 10, д. 57, л. 91.

³ ПАКЧАО, ф. 371, оп. 1, л. 18.

⁴ Карачаево-Черкесия за полвека, Черкесск, 1972, стр. 24.

1941 по 1943 гг. поступления в фонд обороны от жителей Карачая и Черкесии составили более 52 млн. рублей¹.

В середине августа 1942 года на территорию области вступили гитлеровцы. Первыми вступили в борьбу с частями дивизии «Эдельвейс» отряды партизан, помогая войскам 46-ой армии в уничтожении вражеских горных стрелков. Упорные бои развернулись на Клухорском, Махарском, Марухском и Санчарском перевалах. На помощь войскам Кавказского фронта пришли трудящиеся Кавказа. 1 сентября 1942 года продвижение немцев было остановлено, а в октябре началось контрнаступление советских войск. Попытка фашистов прорваться в Грузию через горы Карачаево-Черкесии не удалась. Организатором партизанской и подпольной борьбы трудящихся Ставрополя была краевая партийная организация. В Ставрополе был создан Краевой штаб партизанского движения во главе с первым секретарем крайкома партии, членом ЦК ВКП(б) М. А. Сусловым. В каждом районе были созданы партизанские отряды. От смелых ударов народных мстителей не было покоя оккупантам. Партизаны западной группы в горных ущельях преграждали путь вражеским войскам, рвавшимися через перевалы в Закавказье². В боях за перевалы Кавказского хребта участвовало 17 партизанских отрядов, в которых насчитывалось около 1200 человек, в том числе около ста женщин³. Отдали свои жизни во имя победы отважные партизаны и партизанки М. Романчук, З. Эркенов, М. Исаков, З. Эркенова, И. Акбаев, Х. Касаев, Я. Чомаев и др.

Враг пытался посеять вражду между народами Кавказа, привлечь их на свою сторону, разорвать узы, которыми они были связаны со всей великой семьей советских народов. Но эти расчеты врага не оправдались. Народы Кавказа оказали всемерную помощь частям Советской Армии и партизанским отрядам в борьбе с врагом. В эти тяжелые времена для страны на сторону врага перешли антисоветские элементы из числа буржуазных националистов и агентов⁴, которые, выслуживаясь перед фашистскими захватчиками, совершали преступления против советского народа, наносили огромный ущерб народному хозяйству области. От руки фашистских оккупантов и их местных прихлебателей погибли десятки и сотни советских патриотов, в том числе верные сыны и дочери карачаевского народа Фатима Халилова, Али и Нану Канаматовы, Идрис и Ислам Глоовы, Халит Кагиев, Локман Узденов, Магомет Хубиев, Зекерья Лепщочков, Магомет Семенов и многие другие.

В январе 1943 г. советские войска сломали сопротивление гитлеровцев и выбили врага с территории области.

За мужество и подвиги на различных фронтах страны звание Героя Советского Союза получили 16 человек (И. И. Лаар, М. А. Карданов, Г. Д. Бутаев и другие) — в том числе за форсирование Днепра Х. У. Богатырев, посмертно — прославленный командир 121 партизанского полка в Белоруссии О. М. Касаев⁵.

¹ «Ленинское знамя», 1965, 12 мая.

² А. А. Гречко. Годы войны. М., 1976, стр. 374.

³ Р. Г. Саренц. Непокоренный край. Ставрополь, 1966, стр. 88.

⁴ Культура и быт народов Северного Кавказа, стр. 41.

⁵ «Навечно в сердце народном», Минск, 1975, стр. 177—178.

Хорошо известны трудящимся области имена генерала С. Магометова, полковника М. Деккушева, Ш. Халилова, подполковников М. Акбаева, Р. Темрезова, М. Байчорова, И. Джазаева, Ю. Гочияева и др. В боях с гитлеровцами смертью героев пали сыны Карачая, участники различных боевых операций: Х. Хачиров, И. Баниев, И. Каракотов, Х. Гочияев, Ш. Крымшамхалов, Г. Шаманов, К. Хаиркызов, Р. Халилов, А. Узденов и многие другие.

В военных действиях принимали участие свыше 700 девушек из Карачая и Черкесии, ушедшие добровольцами на фронт, в том числе М. Глоова, Х. Эбзеева, З. Куатова, К. Чотчаева, Ф. Чичханчиева, Ш. Токова и др.

Высоко оценила Родина ратные подвиги сыновей и дочерей Карачаево-Черкесии. Свыше 14 тыс. граждан были награждены орденами и медалями Советского Союза. Семеро стали кавалерами ордена Славы всех трех степеней¹.

За время оккупации гитлеровские полчища нанесли огромный ущерб народному хозяйству и культуре Карачая: они угнали и уничтожили более 185 тысяч голов скота, разрушили и разграбили 402 животноводческие фермы колхозов, вывезли в Германию 106 тыс. центнеров зерна, 8 тыс. цент. муки, 75 тыс. цент. овощей и картофеля. Они уничтожили школьные здания, больницы, клубы и библиотеки. Ущерб, нанесенный фашистами народному хозяйству, составил свыше трех миллиардов рублей. Война нанесла также большие людские потери: свыше 9 тысяч мирных жителей Карачая и Черкесии были убиты.

После изгнания жестокого врага с территории Карачаево-Черкесии потребовались колоссальные средства и усилия, чтобы восстановить и наладить мирную жизнь населения. Состоявшийся в марте 1943 г. пленум обкома партии «О задачах областной партийной организации по ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации» наметил конкретный план возрождения народного хозяйства области. Большую помощь оказало Советское государство. Совет народных комиссаров СССР отпустил кредиты колхозам и колхозникам на восстановление хозяйства, приобретение товаров широкого потребления. К весеннему севу 1943 г. колхозы Карачая получили в виде ссуды 3300 цент. семян, а для проведения осеннего сева 240 центнеров².

В Карачай, как и в другие области Северного Кавказа, из братских республик и областей стали поступать строительные материалы, много скота, продовольствия, а также различное фабрично-заводское оборудование. Например, трудящиеся Нагорного Карабаха передали Карачаю сотни центнеров зерна, предметов одежды, обуви, комплекты оборудования для детских яслей³. Так, с помощью русского и других братских народов в короткий срок были ликвидированы наиболее тяжелые последствия оккупации.

¹ Ч. С. Кулаев. Партийная организация Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Из истории Карачаево-Черкесии, вып. VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, стр. 127.

² ПАКЧАО, ф. 371, оп. 2, л. 206.

³ «Ставропольская правда», 1943, 29 сентября.

Но в результате нарушения ленинских принципов национальной политики на Северном Кавказе 2 ноября 1943 года Карачаевская АО была упразднена, а карачаевцы переселены в различные районы Средней Азии и Казахстана¹. Карачаевцы, активно включившись в хозяйственную жизнь на новых местах поселений, вместе с братскими народами в тяжелые годы Великой Отечественной войны честно и самоотверженно трудились на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, ковали победу над врагом. Тысячи из них за ударный труд были награждены орденами и медалями Советского Союза, Почетными грамотами Верховных Советов Казахстана и республик Средней Азии. Среди них прославленные мастера высоких урожаев — Герои Социалистического Труда Нузула Кубанова, Патия Шидакова, Тамара Абдуллаева; кавалеры ордена Ленина — Балбу Эркенова, Асият Лайпанова, Патия Айбазова, Маруа Шаманова, Фатима Умарова, Мариам Хапаева, Суфият Гаджиева, Солтан Гербеков; животноводы — Тинибек Семенов, Алий Салпагаров, Ахмат Кубеков, Д. Хубиев; доярки — Каракыз Джатдоева и Софья Эбзеева; механизаторы — Анзор и Абу-Юсуф Биджиевы, Мухтар Коркмазов, Мусалий Эбзеев и многие другие.

Опираясь на традиционный опыт местного населения, карачаевцы за короткое время научились выращивать новые для них сельскохозяйственные культуры — сахарную свеклу, хлопок, табак, коноплю, кенаф, сою, рис, лен, овощи и фрукты. Дружная трудовая жизнь способствовала взаимообогащению ряда элементов культуры народов, укреплению интернациональных связей.

XX съезд КПСС вскрыл факты нарушения основных принципов ленинской национальной политики на Северном Кавказе. Исходя из решений съезда партии, 9 января 1957 г. была восстановлена автономия карачаевского народа. Черкесская АО была преобразована в Карачаево - Черкесскую².

Коммунистическая партия и Советское правительство, местные партийные организации провели огромную работу по возвращению карачаевцев в родные места, по их хозяйственному и трудовому устройству. Многонациональное население области по-братски встретило карачаевцев. Встречи превращались в яркую демонстрацию нерушимого братства трудящихся многонациональной области.

Советское правительство оказало большую финансовую и экономическую помощь. По распоряжению Совета Министров РСФСР только в 1958 г. КЧАО было отпущено 16,5 млн. руб. на строительство производственных и бытовых помещений, на строительство и ремонт индивидуальных домов ассигновано 45 млн. руб., на приобретение скота — свыше 16 млн. руб. В течение 1957—1958 гг. Карачаево-Черкесия получила кредиты на сумму около 100 млн. руб.³

Вся страна оказала помощь в подготовке национальных кадров. Карачаевцы на льготных условиях были приняты на учебу в вузы

¹ Большая советская энциклопедия, изд. 3. М., 1973, II, стр. 399.

² История национально-государственного строительства в СССР, т. 2, М., 1972, стр. 133—134.

³ «Ленинское знамя», 1957, 27 марта.

и техникумы Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Новочеркаска, Саратова, Воронежа, Орджоникидзе, Риги, Таллина, Ставрополя. В Ленинградском театральном институте была открыта карачаево-черкесская студия. Научные центры страны помогли подготовить национальные кадры научных работников. В мае 1957 года Черкесский научно-исследовательский институт был преобразован в Карачаево-Черкесский. Был восстановлен пединститут. Возродились карачаевская литература и искусство. С 1957 года вновь начала выходить областная газета «Къызыл Къарачай». Представители карачаевского народа были выдвинуты на руководящую работу в партийно-советском аппарате. Демонстрацией дружбы народов СССР стало празднование в июле 1957 года четырехсотлетия добровольного присоединения народов области к России. Президиум Верховного Совета СССР 27 сентября 1957 года наградил Карачаево-Черкесскую автономную область орденом Ленина. Правительственных наград были удостоены 365 передовиков промышленности, сельского хозяйства, работников науки и культуры, партийных и советских работников, в том числе орден Ленина получили 22, Трудового Красного Знамени — 42; 12 специалистам сельского хозяйства было присвоено звание заслуженного агронома и заслуженного зоотехника РСФСР.

Важным этапом в экономическом и культурном развитии Карачаево-Черкесии явился семилетний план развития народного хозяйства. За годы семилетки были освоены рудные месторождения Урупа, завершено Головное сооружение Большого Ставропольского канала, введены в эксплуатацию Эркин-Шахарский сахарный завод, заводы резиново-технических изделий, холодильного машиностроения, низковольтной аппаратуры, новые цеха химического завода, инструментальный завод, завод «Электронизолит» и молочный завод. Завершились электрификация и радиофикация городов и сел, была построена линия электропередач Невинномысск—Черкесск—Уруп, Черкесск—Куршавские ГЭС.

Родина по достоинству оценила трудовые подвиги передовиков и новаторов производства: гуртоправу Д. Узденову и чабану М. Черкесову было присвоено звание Героя Социалистического Труда, 278 передовиков сельского хозяйства были награждены орденами и медалями. В том числе ордена Ленина были удостоены чабаны У. А. Боташев, Х. Х.-М. Долаев, доярка Б. С. Кубанова, тракторист Ш. И. Кумуков и другие.

Значительные успехи за семилетие были достигнуты и в культурном строительстве. К 1963 году в основном завершился переход к обязательному всеобщему восьмилетнему обучению детей. Было организовано 6 школ-интернатов с контингентом учащихся около 2 тысяч человек. За семилетие была построена 31 школа на 11 тыс. мест. За успехи в развитии народного образования, в воспитании и обучении подрастающего поколения 22 учителям было присвоено почетное звание заслуженного учителя школ РСФСР и 143 педагога награждены значком «Отличник народного просвещения». Большинство выпускников восьмилетних школ продолжало образование в средних школах, техникумах и профессионально-технических училищах.

В 1962 году состоялся первый выпуск питомцев Карачаево-Черкесского пединститута. Ежегодно сотни юношей и девушек направлялись на учебу в вузы страны.

Важным событием в научной жизни области была научная сессия, посвященная этногенезу карачаево-балкарского народа (Нальчик, 1959 г.). Вывод сессии о том, что карачаевцы и балкарцы — древние народы Кавказа, образовавшиеся в результате смешения местных племен с тюркоязычными и ираноязычными племенами, получил одобрение научной общественности.

В эти годы действенную помощь партийным, советским и хозяйственным организациям в мобилизации масс оказывала печать. Если в 1958 году областное книжное издательство выпустило 65 названий книг, то в 1963 году — 125 названий. Общий тираж соответственно вырос со 131 тыс. до 254 тыс. экземпляров. Разовый тираж областных газет — с 19,2 тыс. экземпляров в 1960 году до 71,6 тыс. к 1975 году¹. В августе 1959 года газета «Къызыл Къарачай» была переименована в «Ленинни байрагъы» («Знамя Ленина»). С 1 июля 1965 года объем ее был увеличен до четырех полос формата газеты «Правда» и установлена периодичность — три номера в неделю.

За годы семилетки вошли в строй новый корпус областной больницы и стоматологическая поликлиника. Массовыми стали альпинизм и туризм.

Наряду с радио, вошло в быт населения и телевидение. На пяти языках звучат передачи из нового Дома радио. В 1961 году закончилось строительство телевизионного ретранслятора в г. Черкесске, а в следующем году вступил в строй ретранслятор в г. Карачаевске.

Широкие горизонты дальнейшего развития экономики и культуры определил XXIII съезд КПСС. За восьмую пятилетку в области были введены в строй около 30 промышленных предприятий и цехов, в том числе Урупский горно-обогатительный комбинат, каскад Кубанских ГЭС и другие. Объем промышленного производства возрос почти в два раза. Валовая продукция сельского хозяйства области возросла по сравнению с 1913 годом в 2,8 раза, а урожайность — более чем в два раза. Это стало возможным благодаря интенсификации сельскохозяйственного производства.

Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства области продолжало оставаться животноводство, доля которого в общем объеме продукции сельского хозяйства составила к концу пятилетки 59,7%.

Высокую оценку партии и правительства заслужил самоотверженный труд работников промышленности, строительства, сельского хозяйства и культуры. В восьмой и девятой пятилетках 1340 человек были награждены орденами и медалями Советского государства. Среди них звание Героя Социалистического Труда было присвоено доярке Зухре Байрамкуловой. Ордена Ленина были вручены доярке А. У. Абайхановой, чабанам Х. А. Батчаеву, М. Х. Байрамукову, Ф. М. Кочкарову, Х. С. Лайпанову и другим.

Ускоренное развитие экономики области и рост производительности труда обеспечили дальнейшее повышение материального благо-

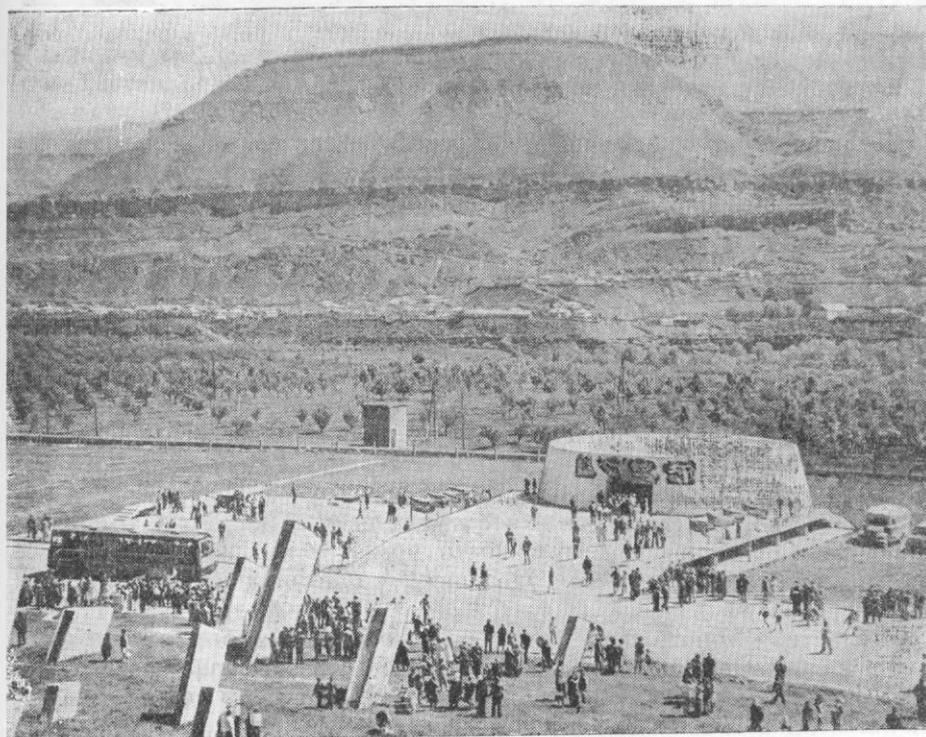
¹ Карачаево-Черкессия к 50-летию СССР, Черкесск, 1972, стр. 158.

состояния и культуры трудящихся. Средняя заработная плата рабочих и служащих области к концу пятилетки повысилась на 27 процентов по сравнению с 1965 годом. Среднегодовая оплата труда колхозников в 1970 году по сравнению с 1965 годом увеличилась на 17,8 процента. Было упорядочено пенсионное дело и увеличен размер пенсий по старости и болезни, а также инвалидам войны. Стали получать пенсию престарелые колхозники и инвалиды колхозного труда.

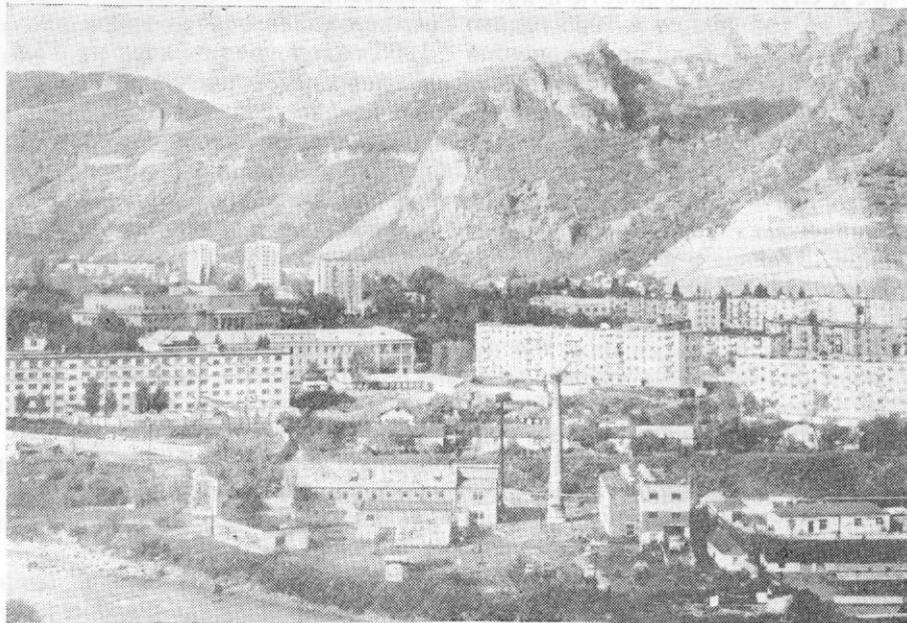
Повысилась покупательная способность населения и уровень народного потребления. Объем розничного товарооборота увеличился по сравнению с 1940 годом в 13 раз, а продажа товаров на душу населения — более чем в 9 раз.

Возросли темпы жилищного строительства в городах и селах области. Расширилось курортное строительство в Теберде.

XXIII съезд партии наметил пути перехода ко всеобщему среднему образованию. Выполняя решения съезда, в 1966—68 учебном году 29 восьмилетних школ области были преобразованы в средние, а при некоторых из них открыты интернаты. За восьмое пятилетие возникли ясли-сады — новые типы дошкольных учреждений. По сравнению с 1940 годом число детей в садах и яслях увеличилось в 6,7 раза.

101 001 * Памятник защитникам Кавказских перевалов.

Карачаевск (общий вид с северо-востока). Фото 1977 г.

Дальнейшее развитие получила сеть библиотек, клубных учреждений, киноустановок. Количество массовых библиотек к 1971 году по сравнению с 1940 годом увеличилось на 23%, а книжный фонд в них — в 10 раз; количество киноустановок возросло с 35 в 1940 году до 203 в 1970 году.

Большую роль в подготовке учителей рисования, черчения, физического воспитания и труда сыграло открытие с 1967 года в Карачаево-Черкесском педагогическом институте двух новых факультетов: художественно-графического и физвоспитания. Для подготовки технических кадров в 1966 году в Черкесске был открыт учебно-консультационный пункт Краснодарского политехнического института, а с 1974/75 учебного года — дневное отделение Ставропольского политехнического института.

В 1968 году вошла в эксплуатацию релейная линия связи, обеспечивающая трудящимся возможность смотреть программу центрального телевидения, была завершена радиофикация сел, аулов и станиц.

Областная типография получила новое здание. Тираж выпущенной литературы в 1970 году возрос в 1,4 раза по сравнению с 1965 годом. Тираж газеты «Ленинни байрагъы» за этот же период увеличился на 2 тыс. экземпляров и составил 10,1 тыс. экземпляров¹.

¹ Карачаево-Черкесия к 50-летию СССР, стр. 154 — 155, 158; 100 — 101.

В эти годы происходит дальнейшее развитие художественной литературы и литературной критики. Ряды литераторов пополнились свежими силами, окончившими литературный институт им. М. Горького. Усилились личные контакты между писателями Карачаево-Черкесии и других республик и областей, устраивались совместные литературные встречи и вечера. Эти встречи значительно расширили творческие связи между литераторами братских народов.

Дальнейшее развитие получило театральное искусство. В 1967 году при Тбилисском театральном институте им. Ш. Руставели открылась карачаево-черкесская национальная студия, выпускники которой составили новое пополнение национальной труппы областного драматического театра. С 1966 года существует творческий союз композиторов области.

В обстановке подъема трудового энтузиазма встретили трудящиеся Карачаево-Черкесии вручение области ордена Дружбы народов, которое состоялось 24 января 1974 года. Братские народы многонациональной области своим самоотверженным трудом превратили Карачаево - Черкесию в один из цветущих уголков СССР.

Воодушевленные историческими решениями XXIV и XXV съездов КПСС, народы Карачаево-Черкесии, как и всего Советского Союза, уверенно идут по пути коммунистического строительства. Карачаево-Черкесия сегодня — это развитая индустриально-аграрная область. Выпуск валовой продукции промышленности предприятиями области в 1975 году по сравнению с 1917 годом вырос более чем в 500 раз. Удельный вес промышленной продукции в общем валовом производстве составляет около 70%. Промышленное производство товаров за 9-ю пятилетку увеличилось на 84%; производительность труда в промышленности возросла на 40%, по сравнению с 1970 годом.

Современные совхозы и колхозы Карачаево-Черкесии — это крупные социалистические предприятия, хорошо оснащенные техникой и укомплектованные высококвалифицированными национальными кадрами. За годы 9-ой пятилетки капиталовложения в сельском хозяй-

Город Карачаевск, Дом Советов, Фото 1977 г.

стве увеличились по сравнению с 8-ой пятилеткой в 2 раза и составили 168 млн. руб. Основные фонды в колхозах и совхозах возросли в 1,6 раза, энергетические мощности — в 1,5 раза.

В 1975 году валовой сбор зерна составил около 153 тыс. т., крупных успехов добились животноводы. За годы 9-ой пятилетки общественное стадо крупного рогатого скота увеличилось на 13% (22 тыс. голов), овец — на 10% (50 тыс. голов). В среднем в одном хозяйстве работает 112 механизаторов, 35 специалистов.

В сельском хозяйстве возросли не только количественные показатели, но произошли большие качественные изменения. На территории области создаются крупные межхозяйственные объединения по откорму и выращиванию скота и птицы, производству плодов и ягод. Это помогает оснастить хозяйство современной техникой и внедрить прогрессивную технологию.

В 10-й пятилетке объем промышленного и сельскохозяйственного производства возрастает. Будут построены каскады Зеленчукских гидроэлектростанций, 17 промышленных объектов. Объем производства на предприятиях области должен возрасти на 46%. На одну треть увеличится объем производства товаров народного потребления. На основе химизации и улучшения агротехники возрастет урожайность зерновых культур и валовой сбор зерна достигнет 210 тыс. тонн.

Огромные сдвиги произошли в культуре, психологии и быту населения. В двух институтах, сельскохозяйственной опытной станции, Тебердинском государственном заповеднике, лечебных учреждениях, специальной астрофизической обсерватории АН СССР работают 134 кандидата и докторов наук; 24 тысячи дипломированных специалистов работают в городах, рабочих поселках и в селениях Карачаево-Черкесии. В вузах и техникумах области обучается около 9,4 тысяч человек. Сейчас в области каждый четвертый человек учится. На пяти языках ведется радиовещание и выпускаются областные газеты. На территории области имеются 205 общеобразовательных школ, работают 165 массовых библиотек, 216 киноустановок, около 190 Домов культуры, городских и сельских клубов. В сети медицинских учреждений области заняты около 4 тыс. врачей, медицинских сестер и другого медицинского персонала. Из года в год расширяется сеть альпинистских и туристских лагерей, ежегодно обслуживающих десятки тысяч трудящихся нашей страны.

Произведения писателей и поэтов, композиторов и художников являются подлинно народными, интернациональными по духу и характеру.

Современные достижения Карачаево-Черкесии — это результат победы завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, результат последовательного проведения принципов ленинской национальной политики, благотворного влияния взаимопомощи народов нашей страны и прежде всего бескорыстной помощи великого русского народа, его славного рабочего класса и трудового крестьянства, заботы Коммунистической партии и Советского государства о процветании всех народов Советского Союза.

ГЛАВА II

ХОЗЯЙСТВО

ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ЗАНЯТИИ

И сконным занятием карачаевцев было отгонно-пастбищное скотоводство. Оно наложило отпечаток на все стороны жизни карачаевского народа. Скот кормил и одевал карачаевцев, давал средства для покупки хлеба и фабричных изделий, для уплаты налогов и аренды земли. Скот был основным мерилем богатства и эквивалентом стоимости. Скотом уплачивались калым и штрафы, подарки и приданое, давалась ссуда и, исходя из приплода, вычислялись проценты. Язык отражает детально разработанную терминологию по скотоводству. Сюжеты, связанные со скотоводством, занимают значительное место в фольклоре народа.

По свидетельству первых письменных источников, «Главное богатство народа состоит в рогатом скоте и баранах хорошей доброты»¹. «Они большей частью занимаются скотоводством. Хлебопашество у них неважное»², — сообщал П. П. Зубов. «Скотоводство развито довольно хорошо и составляет все их богатство»³, — говорилось о карачаевцах в военно-статистическом описании Ставропольской губернии.

Во время первой всеобщей переписи населения Российской империи на вопрос о главном занятии 87,7% карачаевцев назвали скотоводство и только 8,1% — земледелие. Остальные 4,3% составляли ремесленники, поденщики, духовенство, пчеловоды⁴.

Так как сенокосы и пастбища оказались в руках зажиточной верхушки и феодальной знати, то крестьяне вынуждены были прибегать к аренде у казны и казачьих станиц, у русских и местных землевладельцев. Сумма арендной платы непрерывно росла, достигнув к началу XX в. почти 800 тысяч рублей⁵. Наряду с денежной арендой имела место исполщина, к которой чаще всего прибегали бедняки.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19247, 1834 г., лл. 1—33.

² П л а т о н З у б о в. Указ. соч., стр. 133.

³ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии, СПб., 1851, стр. 133.

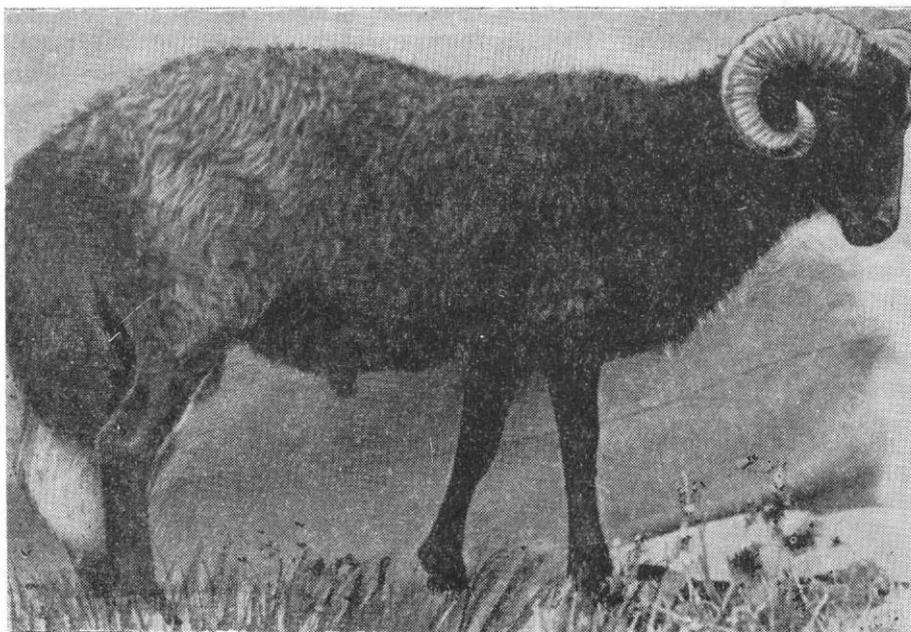
⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, т. 65, Кубанская область, СПб., 1905, таблица XXII.

⁵ Труды Комиссии, стр. 32.

Процветала субаренда — передача арендованной у казны земли мелкими участками по повышенным ценам. Даже летних пастбищ не хватало и приходилось арендовать у станиц по 3—4 рубля за десятину, в то время как сенокосные земли ценились по 8—12 рублей. В конце XIX в. около трехсот карачаевских кошей находилось на арендованных землях от Лабы до Кисловодска. Там происходили основные процессы скотоводческого хозяйства: случка, окот, стрижка овец, поэтому наряду с жилыми постройками на кошах возводились и хозяйственные.

Основными видами скотоводства было овцеводство и коневодство, в меньшей степени разведение рабочего и мясного крупного рогатого скота. Карачаевская овца относилась к породе жирнохвостых. У хороших валухов курдюк с салом достигал 20—25 фунтов¹. Кроме вкусного мяса, которое пользовалось большим спросом на курортах Кавказских минеральных вод и даже в столичных ресторанах, карачаевские овцы давали длинное и глянцевитое руно. Неприхотливость и породистость карачаевских овец была отмечена уже в этнографическом описании карачаевцев в 1812 году².

Крупный рогатый скот местной породы был небольшим, темной масти и невысокой производительности. Корова давала в среднем 8—10 литров молока в сутки. Выносливый и нетребовательный в кормах, горский скот умел добывать корм из-под снега, но был подвер-

Овца карачаевской породы.

¹ А. А т м а н с к и х. Овцеводство и козоводство в Карачае, Кубанской области, М., 1913, стр. 93.

² ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 78.

жен эпидемическим заболеваниям. Поэтому у русских карачаевцы охотно приобретали серых украинских быков-производителей для улучшения породы своего скота.

Лошадь карачаевской породы была несколько ниже кабардинской, но не уступала ей по экстерьеру и ездовым качествам. В условиях бездорожья она была незаменимой и под седлом и как вьючное животное.

Скотоводство имело экстенсивный характер. Большинство скота находилось круглый год под открытым небом, на подножном корму. Велики были потери от бескормицы, нападения диких зверей, эпизоотий. Затяжные снежные зимы уносили тысячи голов скота. Морозы и метели, плотный слой льда оказывались губельными для скота¹. Борьба с эпизоотиями началась лишь в конце XIX в., когда стали создаваться карантинные заставы и ветеринарные пункты.

Как и при всяком экстенсивном хозяйстве, главная забота владельцев заключалась в стремлении к численному росту стада, который виден из следующей таблицы:

Виды скота	Количество	
	в 1867 г.	в 1908 г.
Лошади	13625	33756
Крупный рогатый скот	30150	125027
Овцы	186471	487471
Всего:	230246 ²	646254 ³

Высокими были средние цифры количества скота на сто душ населения: лошадей — 59, крупного рогатого скота — 219, овец — 1001⁴.

В. И. Ленин подчеркивал, что «количество скота на единицу населения оказывается всего больше в местностях «экстенсивного скотоводства»⁵. За средними цифрами крылось острое имущественное неравенство. В то время как на сто человек с Учкулан приходилось 1216 овец, на такое же количество жителей Каменноостского аула приходилось только 40 овец. «Количество скота между дворовыми хозяйствами, как это выяснилось из подворных записей, — сообщила Абрамовская комиссия, — распределяется крайне неравномерно, встречаются дворы, имеющие от 2500 до 20 овец, но в общем 40% дворов не имеют овец»⁶.

Включение Карачая в пореформенный период в единую систему хозяйства Кубани привело к изменениям в составе стада, где увеличился процент гулевого скота, в характере хозяйства, которое стало все теснее связываться с рынком. Улучшилось несколько содержание скота, его породность. Однако попытки использовать производителей швицкой породы не дали успехов, как не привилось и тонко-

¹ ГАКК, ф. 460, оп. 1, д. 93, л. 1.

² Там же, ф. 452, оп. 1, д. 605, л. 18.

³ Труды Комиссии, статистическая ведомость № 1.

⁴ Военно-статистическое обозрение Кубанской области, Тифлис, 1900, приложение 6.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 258.

⁶ Труды Комиссии, стр. 30.

рунное овцеводство. Тонкорунные овцы плохо переносили перегоны, болели, шерсть их грубела.

Рост товарности хозяйства усиливал имущественную дифференциацию крестьянства. Наряду с кулацкими хозяйствами, поставлявшими на рынки тысячи голов овец, снабжавшими казацки войска строевыми лошадьми, появилось множество бедняков, совсем не имевших скота и живших продажей своей рабочей силы. Батрачеством занимались фактически и многие безземельные крестьяне, вынужденные вступать в кошевые товарищества с богачами.

Кошевое товарищество, как форма коллективного трудового объединения, состояло из 5—10 хозяйств, насчитывающих 20—30 человек. Возникнув как объединение равных членов с одинаковыми правами и обязанностями, чаще всего разделившихся братьев (айырылгъан къарнашла) или более дальних родственников (тукъум къарнашла), или просто соседей (хоншула), по мере феодализации карачаевского общества «къош нёгерлик» изменил свой первоначальный облик. Он стал приобретать форму завуалированной эксплуатации маломощных скотовладельцев более зажиточными. Организатором коша обычно выступал крупный скотовладелец, который был арендатором земли для товарищества.

Как форма помощи обедневшим родственникам возник и обычай сдачи скота в аренду — ортакъ. Взявшие в аренду скот родичи ухаживали за ним, заготавливали сено, кормили, а по окончании срока аренды получали часть приплода. Однако по мере разложения общинных отношений, родственные связи играли все меньшую роль, и все более яркий характер приобретала эксплуататорская сущность аренды. Крестьянин, взявший в арендное содержание скот, попадал в зависимость от владельца. Договор об ортаке предусматривал только обязанности берущего скот и ничем не ограничивал права дающего скот.

Исследователи, изучавшие ортачные отношения, различают три основных формы ортака: чегем-ортакъ, при котором взявший скот через пять лет возвращал хозяину то же количество скота, а весь приплод оставлял себе, къошхан-ортакъ или ортакъ с прибавкой, при котором крестьянин должен был к хозяйскому скоту добавить такое же количество своего скота, а через пять лет скот делился пополам. Третьей формой был къошмагъан-ортакъ или ортакъ без прибавки. Именно эта форма чаще всего использовалась при отдаче скота бедняку, которому нечего было добавить к хозяйскому скоту. Пять лет крестьянин вместе со всеми членами своей семьи ухаживал за хозяйским скотом, получая за работу третью часть скота. Вся пропажа скота от болезней и нападения диких зверей относилась за счет крестьянина¹.

Обе формы хозяйства — кошевые товарищества и ортакъ — часто сочетались. Крестьянин, не имевший ни земли, ни скота, взяв скот в ортакъ, вступал в кошевое товарищество, чтобы обеспечить его кормами.

Натуральное скотоводческое хозяйство карачаевцев в пореформенный период приобрело черты товарного. Специально для продажи разводили определенные виды скота, пользующиеся наибольшим

¹ А. Терентьев. Артачное право в Карачае. «Революционный Восток», 1929, № 7, стр. 332.

Карачаевки перед выездом на кош (конец XIX в.).

спросом на рынках. Лошадей выращивали для пополнения казачьей кавалерии определенного роста (2 аршина 2 вершка) и экстерьера. Овец — для снабжения мясом городов-курортов Кавказа и для продажи на племя в другие области.

Проведение Ростовско-Владикавказской железной дороги расширило торговые связи. Продукты карачаевского скотоводства и скот стали вывозиться в центральную Россию и на Украину. «Животноводство в Карачае, — писал ветеринар А. Атманских, — заслуживает особенно серьезного внимания потому, что эта отрасль сельского хозяйства в этом чисто скотоводческом районе служит не только источником существования самого населения, но этот район является солидным поставщиком всех видов сельскохозяйственных животных и может в будущем служить обширным рассадником улучшенных пород»¹.

Сумма доходов от продажи скота и продуктов скотоводства возросла с 1860 годов до 1905 г. более чем в 20 раз, со 150 тысяч рублей до 3300 тысяч рублей².

Усилилось разделение труда и специализация хозяйства. Выделились молочные, овцеводческие хозяйства, конные заводы. Молочные хозяйства были связаны с маслосырозаводчиками. Особенно

¹ А. Атманских. Животноводство в Карачае Кубанской области, «Ю-ВХ», 1913, № 2, стр. 49.

² Труды Комиссии. Статистическая ведомость.

крупным заводчиком, известным не только на всем Кавказе, но и во всей России, был Бландов, о заводах которого упоминал В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России»¹. Бландов основал на карачаевских землях два маслосырозавода: один на Покун-Сырте и другой — на Бичесыне, у истоков Эшкакона. Заводы изготовляли лучшие сорта сыра: швейцарский, голландский и другие, а также масло. Поставщиками молока были исключительно карачаевцы.

Управляющий заводом заключал договора с владельцами крупных молочных хозяйств, имевших сто и более дойных коров. Они должны были поставлять на завод дважды в день молоко — утренней и вечерней дойки. Управляющий платил им по 40 копеек за пуд молока и давал им право пасты коров на заводской земле. Это было главным соблазном для карачаевцев, испытывавших постоянную нужду в земле. С весны до осени паслись на бландовской земле стада молочных коров по видимости бесплатно, а фактически за плату, которая входила в стоимость молока, так как Бландов покупал его дешевле, чем другие заводчики.

Попытки создать товарные молочные фермы предпринимались и отдельными карачаевцами. Так, Ислам Крымшамхалов организовал опытное молочное хозяйство в Теберде, выписал мастеров-маслоделов и сыроделов, купил племенных коров. Но хозяйство его просуществовало недолго.

Как уже говорилось, скотоводство у карачаевцев было связано с длительными перегонами скота. Ранней весной, как только появлялась первая трава-гяхыник, скот выгоняли на эту траву недалеко от зимовки. Он пасся там, пока не появлялась возможность перегонять скот в горы, где к этому времени покрывались травой долины и нижние склоны гор. Гнали не весь скот вместе. Первыми, в самом начале мая, трогались в путь лошади и гулевой скот. Овцы с ягнятами и коровы с телятами шли несколько позже. Постепенно, по мере таяния снегов, расцветали субальпийские и альпийские луга, и скот передвигался все выше в горы. К середине лета он был уже под самыми ледниками.

С конца августа начиналось обратное движение стад с гор на плоскость, так как в горах наступали заморозки. Перегоны скота на десятки, а порой и сотни верст, проводились в тяжелых условиях. Особенно трудны были весенние перегоны. Они происходили вскоре после окота и отела, молодняк был еще слабый, поэтому шли стада медленно. Самых слабых ягнят перевозили иногда в корзинах, привязанных к лошадям или ишакам.

Выбрав наиболее удобный путь, карачаевцы-скотоводы гнали скот по этому пути в течение многих лет. Так сложились определенные скотоперегонные дороги. Они проходили по местам, где больше было корма, где были родники с чистой водой.

Многовековой опыт ведения скотоводческого хозяйства выработал у карачаевцев определенные формы и методы ведения хозяйства, приемы ухода за скотом. Народная память хранила сведения и о том, когда лучше всего проводить те или иные сельскохозяйственные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 277.

работы и как уберечь скот от потерь и голода. Рассчитано было, когда лучше всего принимать молодняк и когда отбивать его от маток.

Так как самым распространенным видом скота были овцы, рассмотрим подробнее календарную систему овцевода. Лучшим временем окота считалась весна—апрель месяц, когда появлялась в горах первая весенняя травка. Причем, важно было, чтобы ягнята успели окрепнуть ко времени перегона на летние пастбища. Учитывая это, скотоводы высчитывали наиболее удобные сроки подпуска баранов к овцам, а поэтому с августа по ноябрь делили отары, и овец пасли отдельно от баранов. Пуск баранов к овцам в ноябре месяце обставлялся торжественно, как праздник. Устраивалось угощение. Чтобы отогнать злых духов, стреляли в воздух из ружей. Бывали случаи, когда по недосмотру овца приносила ягнят зимой. Такие ягнята назывались «джюмел кьозу» — ранний ягненок. Они были слабее весенних.

К окоту тщательно готовились, чтобы он не застал чабанов врасплох. Отару на этот период делили на три части: яловые овцы — кысыр кьой и молодняк — токьлу, сюда же относились и ягнята — кьозу. Вторая часть состояла из суягных овец — «кьозлар кьой» или «буаз кьой», и третья из окотившихся — «кьозулу кьой». Больше всего внимания чабаны уделяли суягным, особенно первородящим маткам.

До осени ягнят держали около маток. Не отбитые ягнята назывались маркьа кьозу. Мясо их считалось особенно вкусным, поэтому трехмесячных ягнят дороже всего ценили на рынках курортных городов, куда возили карачаевцы продавать свой скот. Такой ягненок считался и лучшим подарком родственнику или дорогому гостю. Когда ягненка собирались отбить от матери, овцу последний раз доили и делали айран из этого молока, который называли «булгьама» (месиво). После этого дойку прекращали до следующей весны. После того как осенью ягненка отлучали от матери, он получал наименование токьлу. Такие ягнята уже и днем и ночью находились отдельно от овец в течение 1—2 месяцев, после чего отары маток и молодняка снова соединяли.

К перегону на зимние пастбища ягнят отделяли от остальных овец. Их и баранов первыми гнали на зимовки, следом овец и остальной скот. Во главе отары шел всегда козел «башчы», так как козлы значительно храбрее и самостоятельнее баранов. На отару полагалось 5 — 6 козлов (эркечле).

После перегона на зимние пастбища ягнят держали отдельно от маток. Дважды в день их прикармливали сеном, на ночь старались обеспечить теплым помещением — «токьлу бау» — загон для молодняка. Взрослых овец держали под открытым небом и не прикармливали, за исключением суягных. Остальные овцы паслись на отаве, а затем на прошлогодней траве, добывая ее даже из-под снега. Если снег был уж очень глубокий и овцы не могли разрыть его передними ногами, то на пастбище пускали лошадей, которые добывали пищу и из-под глубокого снега, а после них пускали туда овец.

Поили овец из родников. Речная вода считалась хуже родниковой, поэтому не только на стоянках, но даже во время перегонов, для того чтобы напоить скот, искали родники.

Важным моментом овцеводческого хозяйства была стрижка овец. Ее производили дважды в год — весной и осенью. Весной овец

стригли вскоре после окота. Стрижку производили специальными ножницами — «кыпты». Их изготавливали местные кузнецы, выковывая из цельной полосы железа. Ножницы состояли из двух заостренных к концу лезвий, с прямыми круглыми ручками, концы которых соединялись между собой пружиной из плоской, изогнутой спирально пластинки. Несмотря на кажущуюся примитивность, они были очень удобны в работе. Шерсть от каждой овцы — руно «джюн чулмак» связывали и укладывали в канары.

В отличие от некоторых тюркских народов, у которых за молочным скотом ухаживали женщины, у карачаевцев весь уход за скотом, и крупным, и мелким, был делом мужчины. С детства мальчиков приучали пасти ягнят и телят, а с 15 лет приучали к уходу за взрослым скотом. Вместе с отцами и старшими братьями выезжали мальчики на кош, что обставлялось как праздничное событие, с угощением и добрыми пожеланиями.

На летних и особенно на далеких зимних пастбищах мужчины одни управлялись со всеми делами: пасли скот и принимали телят, доили коров и приготавливали из молока айран и сыр, а в случае болезни скота сами лечили его. Женщины ухаживали только за тем небольшим количеством коров, которые оставались в селе.

Отел коров старались приурочить к концу февраля, чтобы телята успели окрепнуть до весны, когда им предстоял тяжелый перегон в горы. Стельных коров ставили отдельно, желательно в теплое помещение, их подкармливали сеном, стелили им солому.

Корову начинали донть с первого же дня после отела. Молозиво «уууз», которое корова давала первые дни после отела, ели только в сваренном виде. Доили коров 2 раза — утром и вечером. И в последующие дни практиковался подсосный метод доения. Дойных коров, как и телят, подкармливали сеном.

Весной, когда начинался перегон на весенние пастбища, первыми в начале мая гнали молодняк и яловый скот, а дойных коров с телятами и овец с ягнятами — позже, в конце мая.

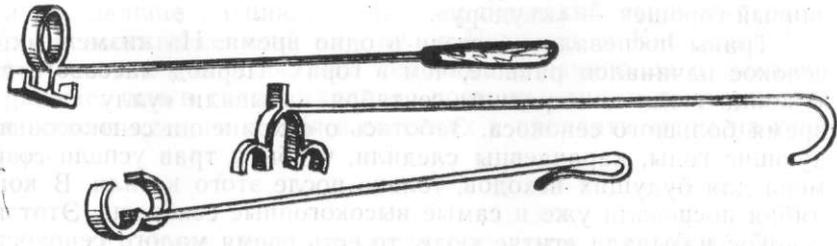
Особой любовью горца пользовалась лошадь. «Конь — крылья мужчины», — гласит старинная карачаевская пословица. Лошадь была исключительно средством передвижения. До конца XIX в. лошадей не запрягали. Уход за лошадьми был более тщательным, чем за другими животными. Лошадей таврили тамгами (фамильно-родовыми знаками). Свою тамгу имели только представители зажиточных фамилий и семей.

Тамгу ставили годовалому жеребенку на правую заднюю ляжку. К этому времени жеребенку подстригали гриву и хвост, раскаляли на огне железный трафарет тамги и прикладывали к ляжке.

Самыми древними тамгами были родовые — адурхаевцев (адурхай тамгъа), будияновцев (будиян тамгъа), наурузовцев (науруз тамгъа), трамовцев (трам тамгъа). Наряду с ними в XIX веке уже существовали фамильные тамги.

Так как лошадь выносливее других животных и может добывать корм даже из-под глубокого снега, разгребая его копытами, то лошадей держали зимой на участках с некошенной засохшей травой — кьаудан. После того как лошади пробивали лед и разгребали снег, доставая траву, на участки пускали и остальной скот. В то время как весь табун добывал себе пропитание на каудане, жеребят и производителей подкармливали кроме того сеном и зерном. Ездовых лоша-

Կ Պ Ն Ղ Ճ Ն Ե Պ Փ Ք Ն Ժ
 Ի Կ Խ Ծ Գ Փ Դ Պ Ջ
 Ռ Ն Թ Պ Ծ Ս Ն Ն Ն Ն
 Շ Պ Ն Թ Փ Կ Վ Յ
 Ջ Կ Ղ Ն Ն Ն Ն Ն Ն
 Ջ Կ Կ Ն Կ Պ Վ Ն
 Ն Կ Կ Կ Ն Ն Ն Ն Ն
 Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն
 Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն
 Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն Ն

Некоторые карачаевские тамги.

дей тоже подкармливали, особенно во время поездок. Лошадь была и наиболее подвижным животным. Паслись лошади и днем и ночью. Для коня не нужна стоянка — стаут. Всю ночь лошади пасутся на пастбище и только перед рассветом в течение 1—2-х часов спят, поворачивая спину к восходящему солнцу. Поэтому для лошадей нужен был не только дневной, но и ночной табунщик — гёзетчи. Раз в неделю лошадям давали соль, причем весной соли давали больше, чем осенью. Кобыл карачаевцы не доили, поэтому жеребята находились при матках. Через полгода или иногда через 5 месяцев после рождения жеребенка кобыла сама прогоняла его. Носит кобыла 11 месяцев, поэтому жеребцов подпускали весной, чтобы на следующую весну кобыла ожеребилась.

Меринов использовали как рабочих лошадей, но больше всего продавали казакам, так как ни жеребцов, ни маток для службы не покупали, а только кастратов. Жеребцов осенью отделяли от кобыл и использовали зимой на нетяжелых работах, а весной, дав отдохнуть и набраться сил, подпускали к маткам. Это обставлялось как праздник, со стрельбой и угощением.

Конские табуны делились на косяки — «аджир юлюш». Каждому жеребцу давался косяк 15—20 маток, которых он и пас и охранял, держась в стороне от других косяков.

Важнейшей частью скотоводческого хозяйства была заготовка сена. Чтобы прокормить имевшееся у карачаевцев к началу XX века количество скота, надо было использовать все внутренние ресурсы, а кроме того приобретать сенокосные угодья на стороне. На своих землях карачаевцы собирали едва 3 миллиона пудов сена, в то время как требовалось им более 20 миллионов пудов. Неудивительно, что в таких условиях дорожили каждым участком сенокосной площади, за сенокосами около сел тщательно ухаживали, поливали, а кроме того, использовали все возможности для прокорма скота на подножном корму.

Урожайность трав на поливных сенокосах была в несколько раз выше, чем на естественных. В то время как на поливных участках собирали до 200 пудов сена с десятины, сенокосы на склонах гор давали от 20 до 50 пудов. С лесных полей выкашивали до 120 пудов¹. Поэтому карачаевцы так охотно арендовали у казны лесные поляны.

Лучшей травой на сенокосе считалась типчак-гелеу. Сенокосы с этой травой ценились выше всего. Недаром существовала пословица: «Когда видишь типчак, то не спрашивай, какая земля, когда видишь хороших людей, то не спрашивай, какое село» («Гелеу кёрсенг джер сорма, келбет кёрсенг эл сорма»). Хорошими травами считались также овсяница — «къара от» и дикий клевер — «ючкюл ханс», мышиный горошек — «къудору».

Травы поспевают не везде в одно время. На низменных местах сенокос начинался раньше, чем в горах. Период массового сенокоса с конца июля до середины сентября называли «уллу кюз», то есть время большого сенокоса. Заботясь о сохранении сенокосов и на следующие годы, карачаевцы следили, чтобы у трав успели созреть семена для будущих всходов, только после этого косили. В конце сентября поспевают уже и самые высокогорные сенокосы. Этот поздний сенокос называли «гитче кюз», то есть время малого сенокоса. Тогда

¹ Труды Комиссии, стр. 20—21.

же иногда повторно косили подростую траву — отаву «алысын» на низменных сенокосах. Но чаще отаву оставляли для подножного корма скоту на позднюю осень.

На покос косари ехали с летних пастбищ, оставив со скотом стариков и подростков. Все трудоспособные мужчины, которые в состоянии были держать косу в руках, участвовали в покосе.

Сенокос был важнейшей порой скотоводческого хозяйства. В организации сенокоса особенно сказывались пережитки общинных отношений. Уже накануне покоса селения разбивались на несколько групп — «джыйынов» — для совместной работы. Во главе джыйына стоял «джыйын тамада», которому все подчинялись. Он определял срок начала сенокоса, место покоса, обязанности членов джыйына, норму выработки. Каждый косарь являлся со своей косой и пригонял корову и баранов. Питание в джыйыне всегда было общим. Согласно обычаю, каждый хозяин скота перед началом сенокоса производил соответствующий расчет своего хозяйства через «кормовую корову», которая служила единицей для мены и называлась «борч инек», т. е. «долговая корова». Цена «борч инек» определялась ежегодно в каждом сельском правлении в соответствии с эквивалентной оценкой разного скота¹. Средняя корова с теленком была признана равной 10 руб. — одному «тюменю», и учет скота производили через «тюменный скот» — «тюмен мал»². Один «тюмен мал» в кормовых единицах приравнялся к одной корове или лошади, 10 овцам или 20 ягнятам, 1,5 телке, 0,7 вола. За период сенокоса, длившийся 2—2,5 месяца, каждый полный косарь («толу чалкычы») обязан был заготовить корма для скота 20 тюменей, т. е. двадцати коровам³. Это количество скота называлось — «скот одного косаря» («бир чалкычы мал»). Юноши-косари до 15—16 лет считались «неполными» косарями, «джарым чалкычы».

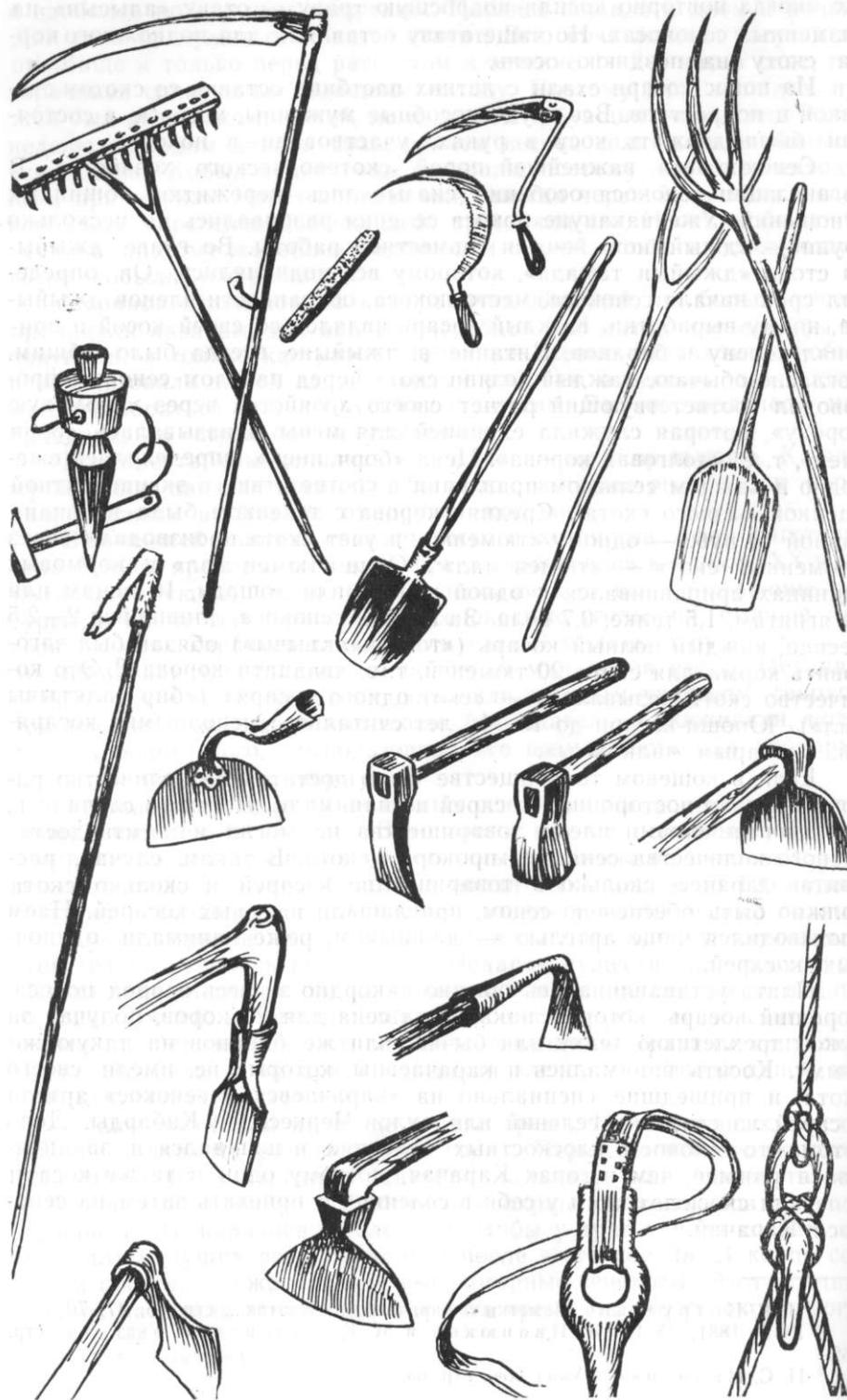
Если в кошевом товариществе было достаточное количество рабочих рук, то посторонних косарей не нанимали. Но часто случалось, что своими силами члены товарищества не могли накопить достаточного количества сена для прокорма скота. В таком случае, рассчитав заранее, сколько в товариществе косарей и сколько скота должно быть обеспечено сеном, приглашали наемных косарей. Наем производился чаще артелью — джыйыном, реже нанимали одиночных косарей.

Плата устанавливалась обычно аккордно за весь период покоса. Хороший косарь, который накашивал сена для 20 коров, получал за покос трехлетнюю телку или бычка, или же баранов на такую же сумму. Косить нанимались и карачаевцы, которые не имели своего скота, и пришедшие специально на «карачаевский сенокос» артели косарей из сванских селений или аулов Черкесии и Кабарды. Дело в том, что сенокос в плоскостных селениях и начинался и заканчивался раньше, чем в горах Карачая, поэтому одни и те же косари успевали скосить сено и у себя в селениях и приехать затем на сенокос в Карачай.

¹ Н. Г. Петрусевич. Заметки о карачаевских адатах..., стр. 46, 47, 70.

² КОВ, 1881, № 17; И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 562.

³ Н. С. Иваненков. Указ. соч., стр. 63.

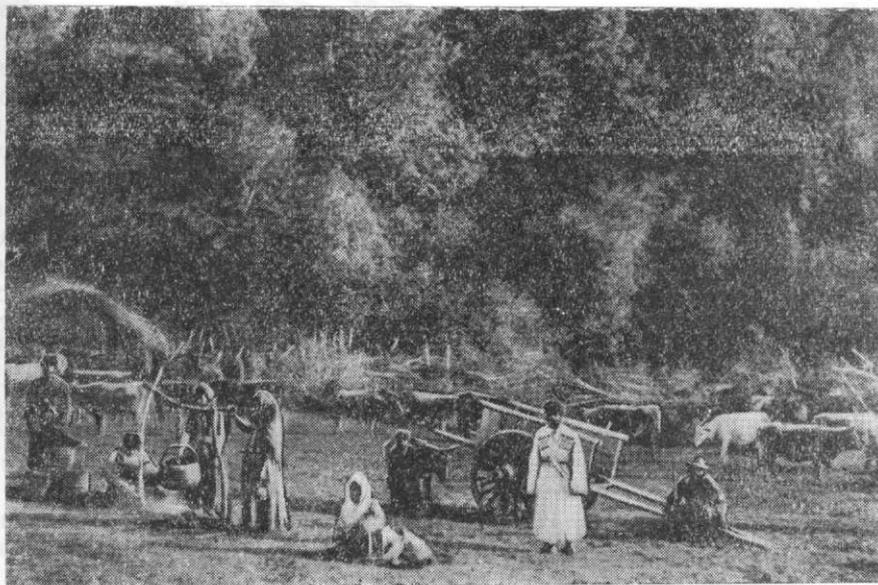
Сельскохозяйственные орудия.

На коше в период сенокоса существовал строгий порядок. Во главе объединения стоял тамада. По обычаю его должны были выбирать из самых опытных и умных скотоводов. Но фактически тамадой становился не самый умный, а самый богатый из членов товарищества. На его имя снимался арендованный участок, он вел переговоры об условиях аренды, распоряжался финансовыми делами товарищества, нанимал косарей, если не хватало своей рабочей силы, одним словом, был полновластным главой кошевого товарищества.

Тамада должен был обеспечить кошевое товарищество землей, следить за правильной расстановкой рабочей силы, за обеспечением членов товарищества продуктами питания, а скота — солью. Все остальные члены товарищества должны были слушаться его распоряжений.

В период сенокоса важной фигурой на кошу был также аксакал. Это был весельчак, который развлекал и подбадривал уставших людей веселой шуткой. Аксакалом мог быть самый остроумный и озорной из членов товарищества. Он мог брать штрафы и со своих товарищей и с проезжих, которых останавливал и не пропускал, пока они не уплатят «штраф». При этом аксакал должен был быть и хорошим работником, не отставать от других в косье и других работах. Для потехи аксакал одевал самодельную маску «теке бёрк». Подарки, которые аксакал брал в качестве «штрафа» у своих товарищей, а также у приезжих, передавал особому кассиру.

Скошенная трава несколько дней сохла. Для наименования скошенной травы, которая еще не высохла, существует особый термин — дырын. Лишь через неделю высохшая трава в дырыне превращалась в сено — бичен. Из 20 — 25 навильников (сенек ауз) сено собирали в копны (лыпныр). В копнах оно стояло до конца сенокоса, после

Карачаевский кош в урочище Хурла (конец XIX в.).

чего его стягивали с помощью волов в скирды — гебен. Размер скирды зависел от местности. В горах, где сенокосные участки были небольшими, скирды делали из 10 и более копен (ёгюз гебен), а на равнинах они доходили до 30 копен (антау гебен) и более (тиш).

Занятие земледелием требовало от карачаевцев особенно большого трудолюбия и упорства. Только один процент карачаевских земель был пригоден под пашни, но и эти земли были отвоеваны у природы ценой огромного труда многих поколений. Чтобы превратить каменные склоны гор и узкие речные долины Приэльбрусья в плодородные поля, надо было очистить их от многочисленных камней, укрепить и огородить каменными стенами, провести оросительные канавы и удобрить. «Каждый вершок земли добыт потом и кровью человека»¹, — писал о Карачае Г. Ф. Чурсин.

Рядом с небольшими пашнями — сабанами в аулах Большого Карачая высились пирамиды из собранных с участка камней. Они и сейчас стоят как памятник трудолюбию и упорству народа². Часто обвалы и горные потоки — сели («ырхы») в течение нескольких минут уничтожали работу многих лет по созданию пахотных и сенокосных участков.

Несмотря на эти неблагоприятные условия, на ранние заморозки и иссушающие южные ветры, карачаевцы сумели превратить свои сабаны в плодородные поля и выращивали на них неплохой урожай. Земледелие было почитаемым занятием. «Богатство в земле; кто не пашет, богатым не будет», — гласит карачаевская пословица. «Ячмень и пшеница — это хлеб насущный, а золото и серебро — камень» («Байлык джердеди, джер сюрмеген байынмаз», «Арпа, будай — аш кибик, алтын, кююш — таш кибик»). «Мал тејрисине джер тејрисине табынр». (Владелец скота поклоняется владельцу земли).

Будучи уже мусульманами, карачаевцы не забывали языческого бога земледелия Эрирея. Ему были посвящены песни, которые пелись во время сельскохозяйственных работ, в частности, во время молотбы. В добрых пожеланиях (алгыш) среди лучших благ упоминается сабан, дающий хороший урожай: «Пусть урожай будет так хорош, что четвертью не измерить колос, пусть хлеба будут так густы, чтобы между ними змея не могла проползти».

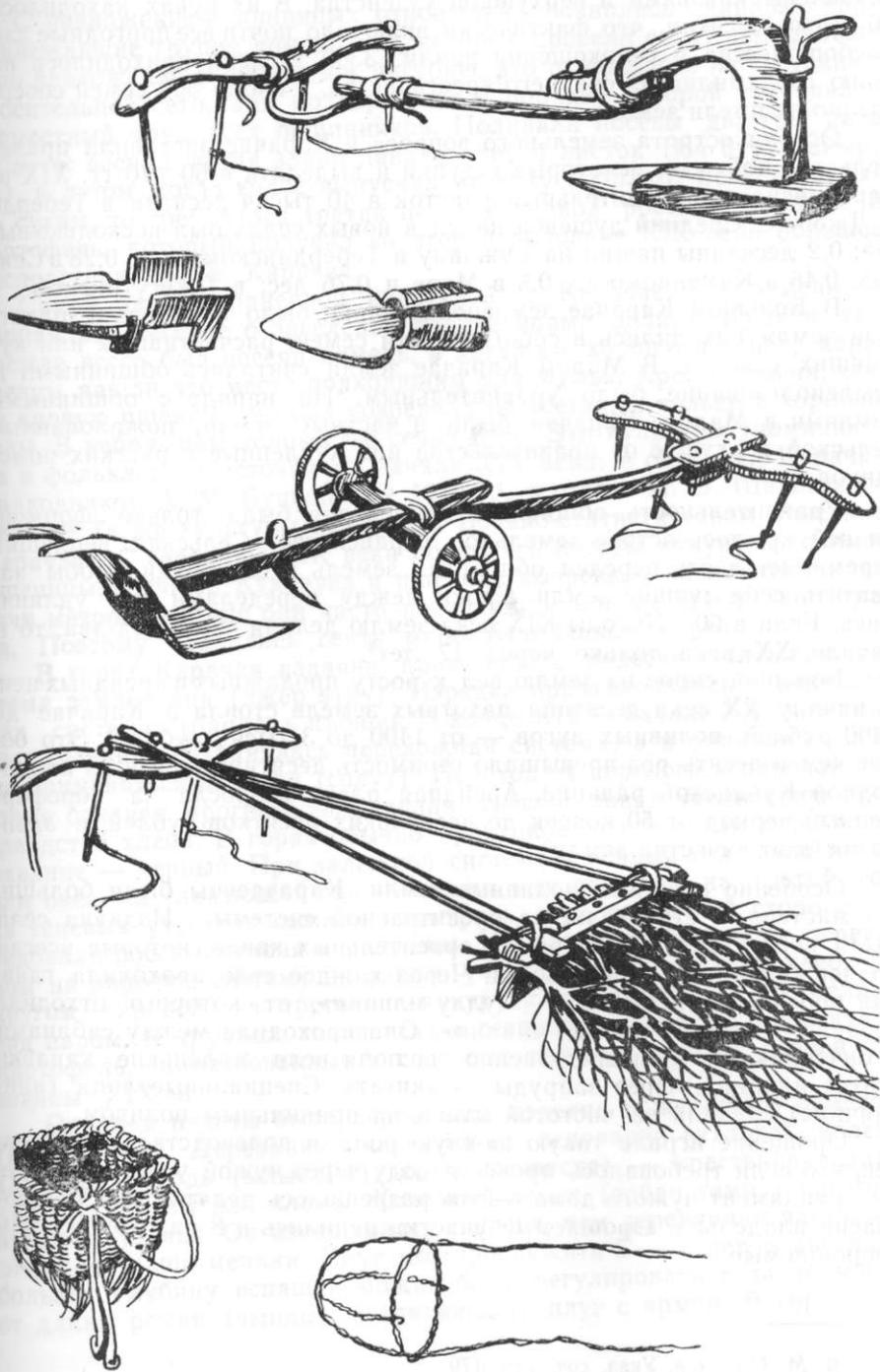
Недостаток пахотных земель вынуждал карачаевцев выискивать пригодные для хлебопашества участки и около дома, и на коше, и на далеких арендованных землях. В самих селах все лучшие земли, ближе всего расположенные к воде, отводились под пашни, а дома ставились на худших, возвышенных и неудобных землях. Но и это не спасало от крайнего малоземелья. Особенно острым оно было в селах Большого Карачая, где на душу мужского населения приходилось в среднем чуть больше одной сотки: в Учкулане 0,12 десятины, в Карт-Джурте 0,11 дес., а в Хурзуке и того меньше — 0,09 дес.³ На женщин земли не полагалось, и их не учитывали при подсчете надела.

За этими средними цифрами душевых наделов крылось значительное имущественное неравенство. Лучшие пахотные участки были

¹ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 1900, № 322.

² ГАКК, ф. 449, оп. 2, л. 32.

³ Труды Комиссии. Ведомость № 1.

Орудия обработки земли.

захвачены князьями и верхушкой узденства. В их руках находилось 26 тысяч десятин, что фактически включало почти все пригодные для хлебопашества и сенокосения земли. 3300 десятин приходилось на долю 73 фамилий из среднего крестьянства, а около 500 семей совершенно не имели земли¹.

Особая острота земельного вопроса в Карачае заставила правительство пойти на некоторые уступки и выделить в 60—70 гг. XIX в. карачаевцам дополнительный участок в 40 тысяч десятин в Теберде и Джегуте. Средний душевой надел в новых селах был несколько выше: 0,2 десятины пашни на мужчину в Тебердинском селе, 0,28 в Сен-тах, 0,46 в Каменномосте, 0,5 в Маре и 0,76 дес. в Джегутинском².

В Большом Карачае землепользование было подворным, пахотные земли находились в собственности семей, расчистивших или купивших участки. В Малом Карачае земли считались общинными и землепользование было уравнильным. Но наряду с общинными землями в Малом Карачае были и частные земли, пожалованные сельской верхушке от правительства или купленные у русских помещиков.

Уравнильность общинного земледелия была только формой. За ней крылось острое земельное неравенство. Сельская верхушка стремилась взять передел общинных земель в свои руки, чтобы захватить себе лучшие земли. Сроки между переделами все удлинялись. Если в 60—70 годы XIX века землю делили через год-два, то в начале XX века только через 17 лет³.

Большой спрос на землю вел к росту продажных и арендных цен. К началу XX века десятина пахотных земель стоила в Карачае до 2400 рублей, поливных лугов — от 1400 до 3 тысяч рублей⁴. Это более чем в десять раз превышало стоимость десятины земли на плодородной Кубанской равнине. Арендная плата возросла за пореформенный период от 50 копеек до нескольких десятков рублей, в зависимости от качества земли⁵.

Особенно ценились поливные земли. Карачаевцы были большими мастерами строительства оросительной системы. Издавна села были перерезаны целым рядом оросительных канав, которые всегда поддерживались в исправности. Через каждое село проходила главная оросительная канава — «уллу илипин», от которого отходили средние канавы — «орта илипин». Они проходили между сабанами и биченликами. Непосредственно на поля вели маленькие канавки (гитче илипин), через запруды — «чигат». Специальные лица (илипинчиле) следили за чистотой канав, за правильным поливом.

Орошение играло такую важную роль в полеводстве карачаевцев, что если требовалось провести воду через чужой участок или через фундамент чужого дома — это разрешалось делать даже без согласия владельца. Орошаемые участки ценились в 8 раз дороже, чем неорошаемые.

¹ В. М. Орлов. Указ. соч., стр. 179.

² Труды комиссии, статистическая ведомость.

³ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая.

⁴ Труды Комиссии, стр. 20—21.

⁵ Там же.

С разложением общинных отношений появились канавы, принадлежавшие группе домохозяев, которые провели ее. И чем дальше шло разложение общины, тем пагубнее это отражалось на состоянии оросительной сети, для поддержания в порядке которой требовался совместный труд всех общинников. Поливали посеы два-три раза за лето: весной, когда злаки давали третий листок (юч бууун айырса), и летом, когда колос выпускал метелку (гюллю). Если лето было сухим, то требовался третий полив в период роста. Поливали и картофель, который получил во второй половине XIX века большое распространение в Карачае.

Самой распространенной культурой в Карачае был ячмень — «арпа». По легенде о заселении карачаевцами долины Кубани, там прежде всего был посеян ячмень, а когда он хорошо взошел, карачаевцы нашли это место подходящим для жилья. Кроме ячменя, сеяли яровую пшеницу, но она созревала не всегда, а только в хорошие годы. В небольшом количестве сеяли овес. Эти культуры упоминаются в фольклоре и источниках начала XIX века: в описании Карачая полковником А. М. Буцковским 1812 г.¹, в отчете И. В. Шаховского 1834 г.² Те же культуры названы в Военно-статистическом описании Карачая³. С середины XIX века появились посеы кукурузы, озимой пшеницы, гречихи. Кукуруза и пшеница вызревали на высоте до тысячи метров, а выше они часто погибали от ранних заморозков, града. Поэтому старались сеять морозоустойчивые сорта.

В горах Карачая издавна применялась подсеčno-залежная система земледелия (джер этиу). Изредка практиковалась и переложная система (барлакъ кююу). В конце XIX — начале XX вв. в горных селениях сохранялась переложная система, а в равнинных стала применяться паровая (солуу). Переход от перелога к паровой системе означал прогресс земледелия, способствовал увеличению производства хлеба. В горах обычно практиковался зеленый пар, а на равнине — черный. При залежной системе в первый год сеяли просо или овес, на следующий год — ячмень или пшеницу, на третий год на теневых участках сажали картофель, а на солнечной стороне чередовали посеы ячменя и пшеницы. На плоскости в связи с переходом на паровую систему на одном участке сеяли озимый хлеб, на другом — яровой, на третьем — кукурузу, а четвертый оставляли под паром. В крупных хозяйствах в севооборот вводились гречиха и картофель, заимствованные у соседних народов в конце первой половины XIX в.

Орудием пахоты было деревянное изделие с железным лемехом (къаладжюк). Деревянную часть плуга: основание (къанга), колесо (луккур), жердь (ылысхын), ярмо (боюнсха) — крестьяне делали сами из березы или клена. Железный лемех (сабан темир) изготовлялся в кузнице. Он изнашивался раньше, чем деревянная часть, поэтому его чаще меняли. Плуг мог прослужить 5 — 6 лет, а иногда и больше. Глубину вспашки можно было регулировать в зависимости от длины ремня (чынды), соединяющего плуг с ярмом. В горах, где

¹ ЦГВИА, ф. 414, д. 300, л. 78.

² Там же, ф. ВУА, д. 19247, лл. 1—33.

³ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии, стр. 133.

плодородный слой неглубок и почва очень камениста, применяли неглубокую пахоту, без отвала, так как иначе плуг выворачивал камни из нижнего слоя земли. Поэтому в плуг впрягали только одну пару волов.

В плоскостных селениях применялась более глубокая вспашка. Там пахали не только старинным каладжюком, но и передковым плугом, с парой колес и отвалом, впрягая в него две и три, а для поднятия залежи и четыре пары быков. Этот деревянный плуг называли (черкес агъач) — черкесское дерево. С конца XIX века стали употреблять и металлические заводские плуги, покупаемые в станичных лавках. Такие плуги проникали в небольшом количестве и в горные селения. Так, в 1894 г. в Карт-Джурте было 27 усовершенствованных плугов, столько же в Хурзуке, 21 в Маре и 16 — в Сентах. Покупать их могли, разумеется, только самые зажиточные хозяева.

Сеяли прямо по вспаханному полю и только после посева использовали волокушу «сибиртги», которая состояла из куста терновника или хвороста, зажатого между двумя досками. Эта волокуша прикреплялась к ярму, в которое впрягали быков. Чтобы хворост прижать к земле, на доски клали тяжелые камни, иногда поверх еще сажали детей, для которых такое участие в пахоте было большим развлечением.

С конца XIX века в Джегутинском, а затем и в других селах стали применять деревянную борону (тырнау), заимствованную у русских. Наиболее зажиточные хозяйства стали покупать и металлические бороны, которые использовали и для рыхления земли до посева и для боронования после посева.

Пропалывали посеы вручную, выдергивая сорную траву, которую затем сушили на корм скоту. Но при более крупных посевах, особенно в новых селениях, стали применять для прополки особую лопаткообразную мотыгу (чага). Жатву производили серпами (оракъ) местного производства. С конца XIX века, когда стали широко проникать привозные орудия, самодельные серпы были вытеснены заводскими.

При прополке, провеивании и других работах применялись деревянные вилы (айры), с наконечниками из козьих рожек, деревянные лопаты (агъач кюрек). В конце XIX — начале XX века в зажиточных хозяйствах, особенно на равнине, стали применяться более сложные сельскохозяйственные машины — жатки, конные молотилки.

Огромного труда требовала очистка пахотных участков от камней. Каждую весну и осень производили эту работу трудолюбивые землепашцы всей семьей, трудясь над очисткой пашни, но каждый год, когда таяли снега, ручьи с гор снова заносили участки камнями.

Очистив поле от камней, надо было удобрить его, иначе истощенная почва не давала урожая. Для удобрения всю зиму собирали навоз, а ранней весной вывозили его на поля и разбрасывали равномерным тонким слоем. В плоскостных селах в начале, а в высокогорных — в середине апреля начинали пахоту. Для этого приезжали в село мужчины, зимовавшие со скотом на зимних кошах. Со скотом оставались на это время более пожилые и слабые мужчины, а все трудоспособные ехали в село, взяв с собой рабочий скот для пахоты. Заодно везли и молочные и другие продукты, собранные на кошу,

Вид долины Уччулап (фото конца XIX в.).

а также дрова. Начало пахоты отмечалось как праздник «Сабан оюн». Сев обычно начинали рано утром, пока почва хранила влагу. Семена для сева ссыпали в башлык или сумку. Посев считался ответственным делом, поэтому его доверяли опытному члену семьи. Сеяли одной рукой, равномерно разбрасывая семена по полю так, чтобы посев не был густым, так как замечали, что в условиях горного земледелия лучше вырости семена, посеянные редко. Первым сеяли ячмень, который не боится заморозков, затем пшеницу, кукурузу и другие культуры.

Покончив с севом, мужчины приводили в порядок оросительные каналы. На этом их забота об урожае кончалась. Остальной уход падал на женщины. Они следили за чистотой посевов, дважды пололи поля, собирая выполотый сорняк на корм скоту. Пололи руками, иногда, при значительных посевах, лопатой, одетой на согнутую палку.

К уборке хлеба тщательно готовились, приводили в порядок инвентарь, договаривались о «помочах», чтобы ни у одной семьи хлеб не оставался необранным. Женщины заранее готовили угощение, варили бузу.

В Большом Карачае жали только женщины. На плоскости, где земледелие играло значительно большую роль, в уборке принимали участие и мужчины. Особенно в уборке тех культур, которые поспевают позже, когда мужчины возвращались с сенокоса. Ячмень, который поспевал раньше всего, убирали всюду одни женщины, а гречку, пшеницу и особенно кукурузу помогали убирать мужчины.

Жатву начинали рано утром, и жали до обеда. После обеда связывали сжатый хлеб в снопы (кюлте), а через 2—3 дня из снопов складывали суслон (беджен). В суслонах хлеб стоял недели две, после чего его можно было скирдовать. В скирдах (антау) хлеб лежал до молотбы. Их складывали так, что колосья были внутри и не мокли от дождя.

Предметы для обработки и хранения зерна.

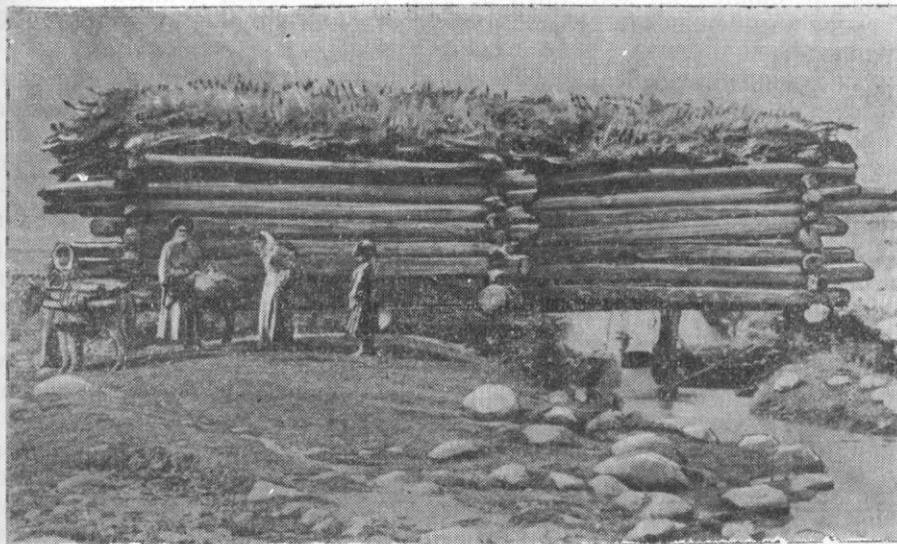
Молотьба была мужским делом, поэтому к ней приступали после возвращения мужчин с сенокоса. Подготовка к молотье начиналась с устройства тока (ындыр). Для этого выбирали ровный участок, утрамбовывали его, смазывали навозом. В середину вбивали столб (ындырагъач). К этому столбу привязывали волов, а под ноги им складывали толстым слоем, до метра, колосья. Время от времени ворошили снопы деревянными вилами.

Собранное зерно веяли на ветерке деревянными лопатами (агъач кюрек). Это считалось тяжелой работой, поэтому веяли не только женщины, но и мужчины. Сметали полову и зерно специальным веничком из веток барбариса (аулау). Зерно хранили в деревянных ларях (гюрбе), которые ставили в сухое место в доме или в амбаре. Такой ларь вмещал до 20 пудов зерна.

Кукурузу убирали двояким способом — или ломали початки, оставляя будылки на поле в качестве корма скоту, или скашивали серпами, а потом ломали початки после того, как кукуруза была отвезена в хозяйство. Початки хранили в плетеных корзинах (гён). Завершение полевых работ отмечалось радостным праздником «ишхайты байрам».

На муку зерно мололи на водяных мельницах (суу тирмен). За помол владельцы мельниц брали обычно каждую десятую меру «уууч». Муку привозили домой и ссыпали в деревянные лари (гюрбе). Ячменная и пшеничная мука могла лежать долго, а кукурузная — меньше, поэтому всю кукурузу никогда не мололи сразу, а только по мере надобности. Остальную же сохраняли в початках или в зерне.

Чтобы не везти небольшое количество зерна на мельницу, пользовались ручными мельницами (къол тирмен). Для приготовления

Горская мельница (с. Хурзук).

крупы применялись ступы (кели), в которых толкли зерно. В плоскостных селах применяли, кроме того, ножные ступы (гюх), заимствованные, очевидно, у черкесов, о чем свидетельствует сходство названия с черкесским «гухъу».

Первый хлеб из новой муки вызывал радость. Его пекли торжественно, вся семья ждала той минуты, когда хлеб будет готов. Разрезав хлеб, первые куски давали почетному старику и ребенку. Только после них хлеб ела остальная семья.

Несмотря на чрезвычайно тщательную обработку земли, удобрение и орошение, урожай оставались низкими (сам-три, сам-четыре).

Собранного зерна едва хватало на два-три месяца. В начале XX века карачаевцы тратили на покупку хлеба свыше полумиллиона рублей. Расширять посевы внутри Карачая не было никакой возможности — давно уже были использованы под пашни все более или менее пригодные участки и даже превращены в пригодные казалось бы совершенно неплодородные каменные кручи.

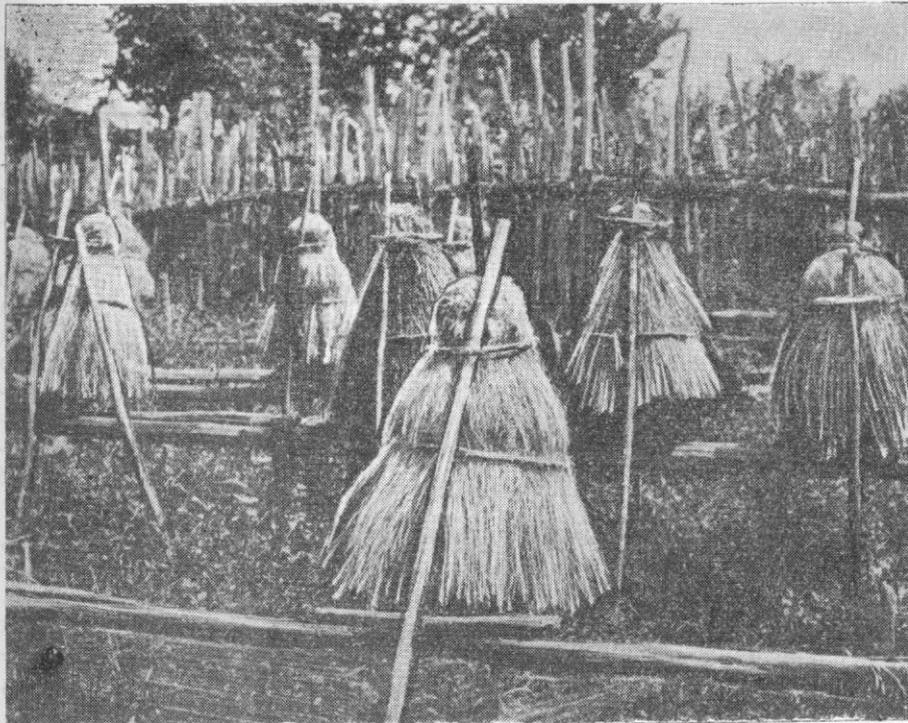
Огородничество в небольших размерах было распространено у карачаевцев еще до знакомства с русскими. На приусадебных сабах сажали понемногу редьку (турма), лук (сохан), чеснок (сармакъ), фасоль (къудору), морковь (быхы), тыкву (къаб), табак (тютюн). Расширение связей с русским населением обогатило карачаевцев новыми огородными культурами и, в первую очередь, картофелем. Карачаевцы дали картофелю свое название (джер мапдалакъ) — земляной плод, но оно скоро было вытеснено словом «гардош».

Познакомившись в первой половине XIX века с картофелем, карачаевцы быстро оценили эту неприхотливую и урожайную культуру. Картофель произрастал на больших высотах, до 1500 и более метров над уровнем моря. Он легко переносил суровый климат Приэльбрусья, не боялся ни холодных ветров, ни ливневых дождей. Поэтому вскоре картофель стал самой излюбленной огородной культурой в Карачае.

Садоводство в Карачае было меньше развито, чем у соседних адыгских народов, которые жили в более низменных и теплых местах. В первой половине XIX века только отдельные хозяева имели небольшие сады, в которых росли яблони (къарачай алма) и груши (къарачай кертме), реже сливы (эрик), вишни (балий).

Со второй половины XIX века садоводство получило большее распространение. Этому способствовали пришкольные и другие питомники, открытые в конце XIX века. Карачаевцы охотно приобретали саженцы культурных плодовых деревьев в станицах Великокняжеское, Невинномысское, в питомниках Утяковских садов. Выращенные на этих саженцах фрукты так и называли: «орус алма» — русские яблоки, «орус кертме» — русские груши, сливы — «орус эрик» и т. д.

Лиственные леса и богатые альпийские луга с ярко цветущей медоносной растительностью были хорошей базой для пчеловодства. Занятие пчеловодством (балчылыкъ) — одно из древнейших занятий народа — часто упоминается и в фольклоре. Мед ценился не только как продукт питания, но и как лекарство при лечении простудных заболеваний и болезней желудка. В этом случае использовали не всякий мед, а с определенных трав, считавшихся целебными.

Ульи-сапетки (конец XIX в.).

Кроме меда (бал), пчеловодство давало воск (балаууз), который ценился на меновых дворах и базарах значительно дороже меда, так как шел на изготовление свечей. Кроме того, горцы из воска готовили восковую материю (мелте). Пчеловодство имело кошевой характер. Пасеки предпочитали держать на кошах в более низменных и теплых местах. Особенно важно для пчел было выбрать безветренное место. Имела значение и растительность, так как не со всех трав мед получался одинаковым. Лучшей травой для меда считалась «балханс»,

Некоторые виды растительности считались совсем не пригодными для взятка. Вкусовые качества меда портила близость посевов табака и кустарников азалия (залыккылды).

Пчеловодство было роебойным: пчел не подкармливали, содержали в ульях-плетенках (бал четен). Но при этом сложились выработанные веками определенные приемы, которые давали возможность и при экстенсивном пчеловодстве иметь неплохие пасеки.

Сапетки для пчел сами пчеловоды плели из ивовых и фундуковых прутьев и обмазывали глиной. Иногда использовали дупляные ульи. На каждую сапетку одевалась, как крыша, шапочка из камыша (четен баш) — плетеная головка, чтобы в сапетку не попадал дождь. Рабочие пчелы назывались «бал чибин», трутни «кзул чибин», а матка «бий чибин».

В течение лета в сапетке успевали вывести и вырасти два по-

колениа пчел. Пчелы первого роения (селпи) считались сильнее, второго (кагыбал) — слабее. Но мед от старых пчел считался хуже, он ценился не так дорого, так как был темнее и менее вкусным. Медом от молодых пчел угощали самых желанных гостей, а также давали больным в качестве лекарства.

Когда в сапетке выводилась молодая семья и отмечался вылет роя, то хозяин старался поймать его при помощи особого приспособления (гадура). Это был кулёк, сделанный из древесной коры, внутри которого располагались палочки, смазанные мёдом. Пчелы летели на запах мёда и оказывались в ловушке. Этот сачок подносили к новой сапетке и вытряхивали в неё пчёл.

Доставали мёд в июле-августе, для этого отбирали сапетки со слабыми семьями или старыми, а молодых и сильных оставляли на племя. Под сапеткой делали ямку, в которую насыпали серу, иногда даже немного пороху, подсыпали землей и поджигали. Пчелы быстро задыхались и погибали. Тогда их вытряхивали из сапетки и доставали мёд с сотами. Чтобы отделить мёд от воска, процеживали его через мешковину. Воск оставался на мешке, а мёд стекал в подставленную посуду. Воск тщательно собирали, растапливали, чтобы потом продать.

На зиму сапетки с оставленными на племя пчелами утепляли. Для этого делали доньшко из ивовых прутьев, примазывали его глиной. Сапетки на зиму вносили в помещение и ставили друг на друга. Если на коше не было подходящего помещения, то укрывали сапетки как-нибудь иначе, например, под скалой. Пчеловодство считалось выгодным занятием, так как одна сапетка с пчелами стоила столько же, сколько овца с ягненком.

Знакомство с русскими приёмами пчеловодства внесло изменения в старые методы. Карачаевцы стали покупать, а потом и сами делать деревянные ульи системы Зубарева и Дадана, исключаящие уничтожение пчел. Возросла торговля медом, который карачаевцы стали возить на Кисловодский базар, в Баталпашинскую и другие станции. Например, в 1895 г. в одном с. Карт-Джурт было продано 150 пудов мёда и 50 пудов воска¹. Большим спросом пользовался мёд на Джегутинском базаре, где его покупали карачаевцы и специально приезжавшие за мёдом русские. В конце XIX — начале XX в. в Карачае почти не было крестьянского двора, не имевшего несколько сапеток; богатые же содержали и 200 и более сапеток². Всего во всем Карачае насчитывалось около 50 крупных пасек и до 5 тысяч ульев³.

Охота была одним из древнейших занятий карачаевцев. Давая названия горам и ущельям, первые обитатели карачаевских гор связывали их с животным миром и особенно объектами охоты. Поэтому топонимика служит ярким подтверждением охотничьего образа жизни народа, заселявшего верховья Кубани. Широко известная поляна Домбай означает Зубр, Джугутурлу чат — Котловина туров, Борсуклу — Обиталище барсуков, Покун сырт — Урочище диких баранов, Мамучар — Волкодав, Аюлю кьол — Медвежья балка, Тонгуз кьулак — Ущелье кабанов.

¹ Труды кавказской шелководственной станции, Т, 1896, № 8, стр. 21.

² «Кавказское пчеловодство и птицеводство», 1914, № 7, стр. 152.

³ Г. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая.

В фольклоре сохранились охотничьи песни «Апсаты», «Бийнѣгер», в древнем пантеоне — охотничье божество — Апсаты. Охотой занимались персонажи народных сказаний и сказок. Охотником был сын Карчи—Джантуган, имевший свое охотничье угодье, в котором больше никто не имел права охотиться.

Сцены охоты запечатлены в исторических памятниках, на скалах пещер. В. М. Сысоев в работе «Древности по верхнему течению р. Кубани» описывает древнюю пещеру в местности Кышлык орунла между верховьями р. Марджи и Аманкола, на стенах которой он нашел несколько изображений охоты: «На верхней части скалы (2—4 арш. высоты) изображены красной краской: охотничья сцена — охотники, стреляющие из лука, всадники, собаки и олени, волнистые или ломаные линии и прямоугольные геометрические фигуры в виде лабиринта или тавров»¹.

Начиная со второй половины XIX в., охота большого хозяйственного значения не имела. Но благодаря богатству карачаевских земель дичью, она сохраняла значение подсобного промысла. В горах Карачая водились медведи (айю), туры (джугутур), олени (буу), дикие кабаны (кьабан), козы (кьашха эчки), зайцы (кьоян), куницы (суусар), лисы (тюлкую), барсуки (борсукь), а кроме того множество птиц. Из птиц предметом охоты были только куропатки (джумарыкь). Зайцев иногда убивали для лечебных целей, чтобы приготовить лекарство, а в пищу заячье мясо не употребляли.

Самой распространенной и почетной была охота на диких коз и туров. У коз ценилось и мясо, которое очень вкусно, и шкуры, и рога. Шкуры выделывали и использовали для шитья мужской обуви и ружейных чехлов. Шерсть диких коз считалась лучшим материалом для набивки седельной подушки. Рога шли на черенки для ножей, шил и т. д. Среди зверей мясо тура считалось наиболее вкусным.

Преследуя туров, охотникам приходилось порой подниматься на неприступные кручи. Для облегчения таких подъемов существовали особые приспособления типа «кошек» (тагъай), которые привязывали к обуви. Подходить к турам и диким козам старались с подветренной стороны, чтобы животные не учуяли запаха человека.

Опасная охота на медведя давала шкуры, из которых шили медвежьи шубы (айю тон), а также стелили медвежьи шкуры на пол. Мяса медвежьего не ели, только некоторые внутренности использовали для приготовления лекарств. Так, из жира медведей и барсуков варили лекарство от ревматизма, из желчи — для борьбы с поносом и болезнями мочевого пузыря.

Волков и кабанов убивали, главным образом, из-за того вреда, который они наносили стадам и посевам. Кабаньи туши иногда продавали русским.

Прежде охота занимала несравненно большее место в жизни народа, чем в XIX веке. Охота и охотники (мараучу) упоминаются во многих песнях, сказках и пословицах. Древними охотничьими песнями являются «Апсаты» и «Бийнѣгер». Песня «Апсаты» обращена к божеству охоты Апсаты, который покровительствует охотникам, дает им удачу и богатую добычу. И в фольклоре и в рассказах информаторов охота рисуется как индивидуальный подвиг. Массовых об-

¹ В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. «Материалы по археологии Кавказа», вып. IX, М., 1904, стр. 163—164.

лав на зверей не бывало. Главным охотничьим орудием было ружье (шок). Уже в песне «Апсаты» поется об охотнике: «За плечами у него тяжелое железное ружье, за пазухой — кусок подгоревшей кукурузной лепешки». До распространения огнестрельного оружия охотились при помощи лука и стрел (садакь).

Кроме охоты с ружьем, и в XIX веке сохранялась охота с ножом. Находились смельчаки, которые даже на медведя с ножом ходили. Эта опасная охота происходила так: охотник надевал на левую руку шапку, приматывал ее к руке, чтобы крепче держалась, ремешком — тилимди. Повстречав медведя, охотник совал ему в пасть левую руку в шапку, а правой рукой наносил в это время ножевые раны в живот, пока зверь не падал, истекая кровью. У медведя зубы короткие, поэтому он не мог прокусить шапку, а оборонялся только лапами, иногда нанося увечье охотнику.

Большой отваги требовала и охота на кабана, так как раненый, разъяренный кабан бросался на охотника и, если тот не проявлял достаточной ловкости, мог убить его. На кабана охотились в высокой траве. Чтобы отвлечь кабана от себя, охотник привязывал на длинную палку пучок травы и отвлекал этим пучком кабана от себя.

Распространена была охота при помощи ловушек и западней. Капканы ставили на лис, барсуков, волков и т. д. Выкапывали довольно глубокую яму, которую маскировали, и устанавливали сверху капкан из двух жердей, соединенных тонкими палочками. В яму клали цепь с крючками. На оленей ловушку делали около водопоя. Зверь приходил пить, наступал на натянутую тетиву, которая спускала стрелу. Капканы на волков сохранялись в течение длительного времени. Древний капкан был деревянным (агъач къапхан). Капканы были разных размеров, в зависимости от того, на какого зверя они ставились. Чтобы около капкана не оставалось следов человека, под ноги, при установке капкана, ставили два камня, которые, уходя, забирали. При этом старались отпрыгнуть от капкана как можно дальше.

Ружья для охоты в течение долгого времени изготавливались местными мастерами. Карачаевцам исторически было известно несколько разновидностей ружья: древнейшие — «муджукъа» и «къауал», более поздние — «мылтыкъ» и «эреджеб».

Местное производство ружей для охоты сохранилось и после того, как карачаевцы стали пользоваться заводскими берданками. В старых сёлах были мастера, ружья которых славились по всему Карачаю. Ценилось ружье очень дорого, примерно в 100 овец. Свинцовые пули для них были также самодельного изготовления.

Лучшими помощниками охотников были собаки, среди которых особенно отличались баксанские (басхан парийле). Они выслеживали дичь и медвежий берлоги, выгоняли медведей из берлоги, преследовали волков и лисиц. Больше всего с собаками охотились на зайцев, реже — на птицу. Несмотря на то, что охота в XIX веке не имела большого экономического значения, уважение к ней сохранялось как к очень достойному занятию.

Специального охотничьего языка, который встречался у других народов Кавказа, нам у карачаевцев обнаружить не удалось. Но стремление не называть животных, на которых шли охотиться, и давать им иносказательные имена или называть описательно, можно

наблюдать и у карачаевцев. В охотничьей песне «Апсаты» охотники просили божество послать им «толстошее животное», имея в виду тура. В другом месте тур назван просто «круторогим».

На охоту старались идти на рассвете такими путями, чтобы никого не встречать. Заранее говорить о предполагаемой охоте избегали. Удачным предзнаменованием считалось встретить женщину с полными ведрами. Как и у других народов, у карачаевцев к убитой дичи было принято относиться с чувством святости, существовал своеобразный регламент, согласно которому охотнику разрешалось убивать определенное количество дичи. Отступление от общего правила могло повлечь гнев Апсаты.

Тушу убитого на охоте животного делили поровну между всеми участниками охоты, но голову и шкуру обязательно отдавали тому, чей выстрел убил зверя. Эта доля называлась «окъ тасмасы». При возвращении с удачной охоты всех встречных оделяли кусками мяса на одну еду (джоллукъ) на дорогу. Принесенное домой мясо варили и оделяли им соседей. В сыром виде давался обычно подарок в виде трех ребер и задней ноги (уча). Им одаривали близких друзей, которые за эту честь преподносили, в свою очередь, богатый подарок охотнику. Рога убитого тура вешали над дверями дома, считая, что это принесет хозяину дома удачу.

С развитием торговых отношений часть охотничьей добычи стала идти на продажу. На меновых дворах горцы выменивали на соль и фабричные изделия лисьи, куньи, медвежьи и заячьи шкурки, кожи оленей и туров, оленьи рога¹.

В условиях натурального хозяйства каждая карачаевская семья изготовляла для собственного потребления и орудия труда, и одежду, и обувь, и мебель, и предметы домашнего обихода: посуду, утварь. «Домашние промыслы,—писал В. И. Ленин,—составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»². Часть изделий домашних промыслов шла на продажу. Наличие обмена не противоречило натуральному характеру хозяйства. «Как известно,—писал В. И. Ленин,—товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего»³. Товарное обращение в Карачае было и в первой половине XIX века, а товарное производство появилось лишь во второй половине века.

Однако профессиональная специализация в домашнем производстве была незначительной. Всеми видами производства занимались одни и те же лица, разделение труда было незначительным. Женщины в семье обрабатывали шерсть и валяли войлоки и бурки, пряли и ткали сукно, сами красили его и шили одежду, обрабатывали овечьи и козьи шкуры, шили обувь себе и детям, варили мыло. Мужчины занимались кузнечным и деревообделочным промыслом, обрабатывали кожи крупного рогатого скота, делали ремни и шили рабочую обувь. Только отдельные отрасли домашних промыслов, в частности, кузнечное дело, выделились в ремесло.

¹ ЦГА КБ, ф. 16, оп. 1, д. 516, лл. 2—3.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 553.

Техника домашних промыслов была невысокой, орудия труда самыми примитивными. Но благодаря большому искусству мастеров, изделия отличались прочностью, красотой и совершенством. Знаток кустарных промыслов Северного Кавказа О. В. Маргграф отмечал в 80-х годах XIX века, что «при всей несложности и грубости орудий производства,— некоторые местные изделия отличаются совершенством работы, красотой отделки и дешевизною»¹.

Проникновение в горские селения фабричных и заводских изделий подрывало местное кустарное производство, что стало особенно заметно к началу XX века. Вместо кустарных обоюдоострых кос и серпов стали применяться заводские орудия, самодельное сукно вытеснялось фабричным. Это был процесс, общий для всех районов Кавказа. «Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кожи и т. д. — все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия»², — писал В. И. Ленин.

Добыча металла прекратилась совершенно. Упадок коснулся и горского ткачества, но в меньшей мере, так как казаки охотно покупали черкески местного производства. Меньше всего пострадало производство войлоков, оно было монополией женщин. Бурки и в XX веке пользовались большим спросом на рынках. Жительницы многих сел специализировались на изготовлении бурок для продажи и на заказ. По данным 1867 г., жительницами Карт-Джурта было изготовлено 1186 бурок, из них для домашнего употребления—335 и для продажи—831³. Войлоков для продажи делалось в два раза больше, чем для себя. В 1878 г. из Карачая было вывезено и продано 16075 бурок и 3470 войлоков⁴.

Изготовление войлоков, бурок, ноговиц, шляп и других войлочных изделий было основным видом домашних промыслов.

Орудия труда для изготовления войлочных изделий были очень примитивны: плетень, на котором взбивали шерсть (джамчы четен), лучок, при помощи которого взбивали шерсть (джая), палочки (сабала), грубый гребень (таракъ) и щетка для поднятия ворса (джамчы таракъ).

На бурку и на войлок (книйиз) шло 12 или 13 рун (чулмакъ), т. е. шерсть с 12 или 13 овец. Шерсть брали обязательно осенней стрижки, она считалась значительно лучше весенней, пригодной только на матрацы и подушки. На обычную бурку, как и на сукно, шла черная шерсть, и только князьям делались черкески из белой шерсти. Прежде всего шерсть сортировали: отбирали самую лучшую, мягкую и длинную шерсть на сукно, остальную пускали на изготовление бурок и на войлоки.

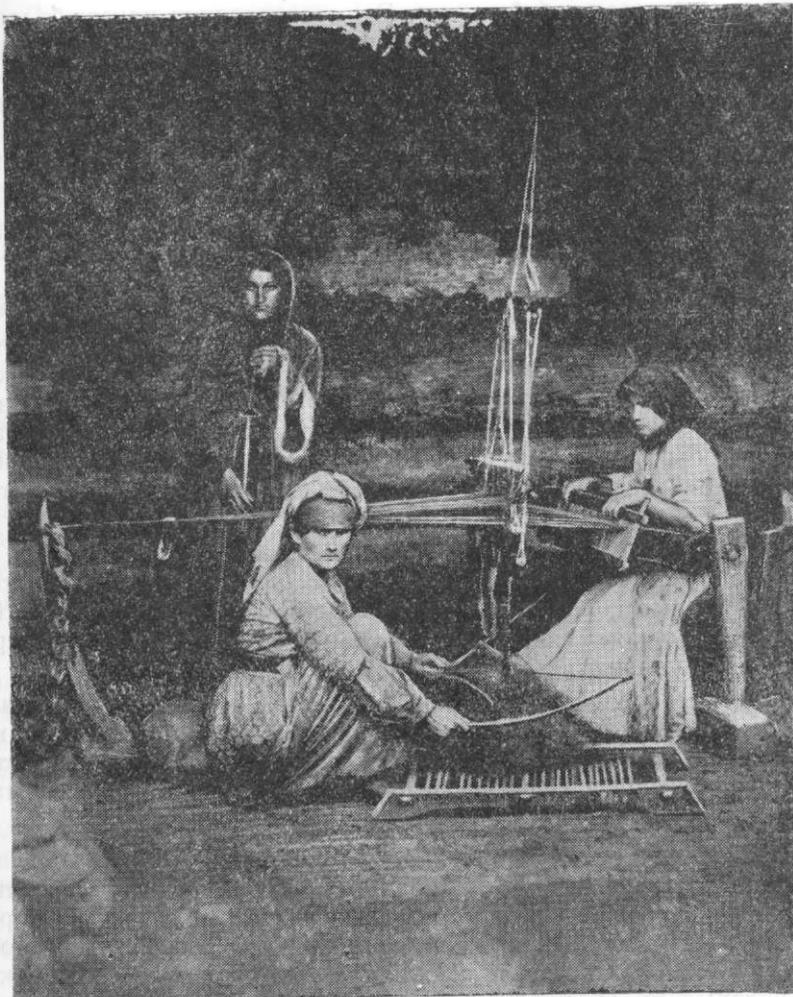
Материал для изготовления бурки или войлока приготавливали заранее, тщательно мыли шерсть с мылом, просушивали, перебирали

¹ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 31.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 594.

³ ГАКК, ф. 452, оп. 1, д. 605, л. 24.

⁴ Г. Петров. Указ. соч., стр. 145—146.

Женщина за ткацким станком (конец XIX в.).

руками, отделяя длинную шерсть от мягкого подшерстка. Перебрав, расчесывали шерсть особым гребнем и взбивали лучком.

Когда шерсть была готова, карачаевки приглашали на помощь родственниц или соседок и вместе приступали к изготовлению бурки, так как эта работа требовала обязательно совместного труда 6 или 8 женщин. Бурки и войлоки валяли обычно во дворе, выбрав для этого теплый солнечный день.

Женщины укладывали приготовленную шерсть ровным слоем на специальную циновку из камыша (чий). Затем шерсть обрызгивали кипятком при помощи веника или ложки и закручивали в циновку. Катали руками все женщины вместе до тех пор, пока шерсть превратится в кошму. Развертывали, накладывали второй слой из длинных волокон, снова брызгали и снова валяли. Приготовленный таким образом материал (джамчылыкъ) мыли, сушили, снова мыли в горячей воде и катали уже не на циновке, а на плетне. Ворс под-

нимали при помощи особой щетки. Этим создавался начес, благодаря которому дождь стекал с бурки, и она не промокала. После начеса опускали материал в большой казан с горячей водой, вынимали и вновь катали на плетне, с одной стороны 4 человека и с другой 4. Эта процедура замачивания и катания повторялась три-четыре раза. Щеткой поднимали ворс, густо смазывали материал мылом и били его палками.

Для определения прочности материала на него с размаху выливали ведро воды, если она не просачивалась, материал для бурки считался готовым. Чтобы придать ему ровный, красивый черный цвет, красили самодельными красителями из коры ольхи, березы и дуба с добавлением медного купороса. В растворе держали материал сутки, после чего несли на речку мыть. Обычно это поручалось девушкам. Группой в 9—10 человек шли они на речку с буркой, завернутой ворсом вниз. Вынув из воды, расстилали на траве для просушки начесом вниз, чтобы ворс был кудрявым, бурку несколько раз закручивали и для окончательной просушки заматывали вокруг жерди и туго связывали ремнем.

Высушенный материал подкраивали, вырезали ворот и плечи, делали кожаную отделку и завязки (сахтиян бау). Эти завязки продевались в кожаные кольца (джамчи тегерек). После этого бурка была готова. Хорошая бурка ценилась наравне с лошастью. Мастериц по выделке бурок знали далеко за пределами селения.

Процесс изготовления войлоков и кийизов, которыми так славились карачаевские женщины, схож с приготовлением бурок. Также укладывалась на циновку шерсть, но несколько худшего качества, чем на бурки, и более толстым слоем. Также собирались на маммат женщины, чтобы помочь хозяйке в валянии войлоков.

Из лучшей шерсти ткали сукно, которое шло главным образом на мужскую одежду. Шерсть, отобранную для ткачества, тщательно перебирали и сортировали. Длинная шерсть шла на основу, а короткая—на поперечную нить. Разобранную шерсть пряли при помощи веретена (урчукъ). Оно было неотъемлемой принадлежностью женщины, которую она носила с собой даже в дорогу, чтобы не терять времени даром и прядь по пути. Уже четырехлетним девочкам вместо игрушки давали маленькое веретено, на котором они учились работать.

Как только ноги доставали у девочки до станка, ее учили ткать. Ткацкий станок (чепкен агъач) умели изготавливать большинство мужчин. И только челнок (чоллакъ), гребень требовали особого искусства, поэтому их делали мастера. Карачаевский горизонтальный станок мало отличался от распространенного на всем Северном Кавказе типа станков, описанных еще в 80-х годах XIX века О. В. Маргграфом, но был несколько более усовершенствованным.

Процесс ткачества начинался с подготовки пряжи, которую наматывали на вбитые в землю колышки в 240 ниток, затем перевязывали узелками и переносили на станок. Натянув основу, мастерица пропускала между нитками основы челнок, затем нажимала на педаль, основы поднимались и зажимали поперечную нитку—уток (аркъау).

Снятое со станка сукно тщательно мыли, катали на плетне, как бурку, топтали ногами и снова мочили теплой водой. От этого сукно становилось плотнее. После того как сукно высыхало, его красили самодельными красителями, сделанными из коры деревьев. Размер одного куска ткани был таким, что из него выходила одна черкеска.

Горское сукно и сшитые из него черкески шли не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Мерой сукна был локоть. Так, в 1867 году в Карачае было соткано 2932 локтя сукна, из них для собственных нужд 1569 и для продажи 1364¹.

Кроме ткацкого горизонтального станка, в некоторых домах был и вертикальный станок для ковроделия (кергич). Ковры делались как с ворсом (къатапа кюйюз), так и без ворса (къаты кюйюз). Изготовление ковров было сложным и трудоёмким делом.

С расширением торговых связей ткачество несколько сократилось, так как дешевле и выгоднее стало шить мужскую одежду из фабричного сукна.

В XX веке из шерсти изготавливались также различные вязаные изделия: платки, носки и чулки (чындайла), варежки (къоллукъла). Варежки вязали с одним пальцем (бир бармакълы къоллукъла), с двумя пальцами (эки бармакълы къоллукъла) и с 5 пальцами (беш бармакълы къоллукъла). Так как вязали главным образом чулки, то спицы называют чулочными иголками (чындай ийне).

Из шерсти же плелись различные шнурки, которые пришивались на одежду. Плетенье, шитье золотом и серебром и другие виды рукоделия считались девичьим занятием. Девушки вышивали украшения, подушечки (джастыкъ), завязки для люльки (бешик бау), галуны для бешмета и черкески, плели очкуры для шаровар (тартма).

Распространенным видом промысла было скорняжное и шорное дело. Обширное скотоводство и охота давали достаточно сырья для изготовления овчин, шуб, обуви, кожаных мешков и ремней. Часть шкур шла на продажу. В 1878 году из Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука было вывезено и продано 34500 овчин и 5956 кож². Большим спросом пользовались курпей—шкурки барашков (кёрпе).

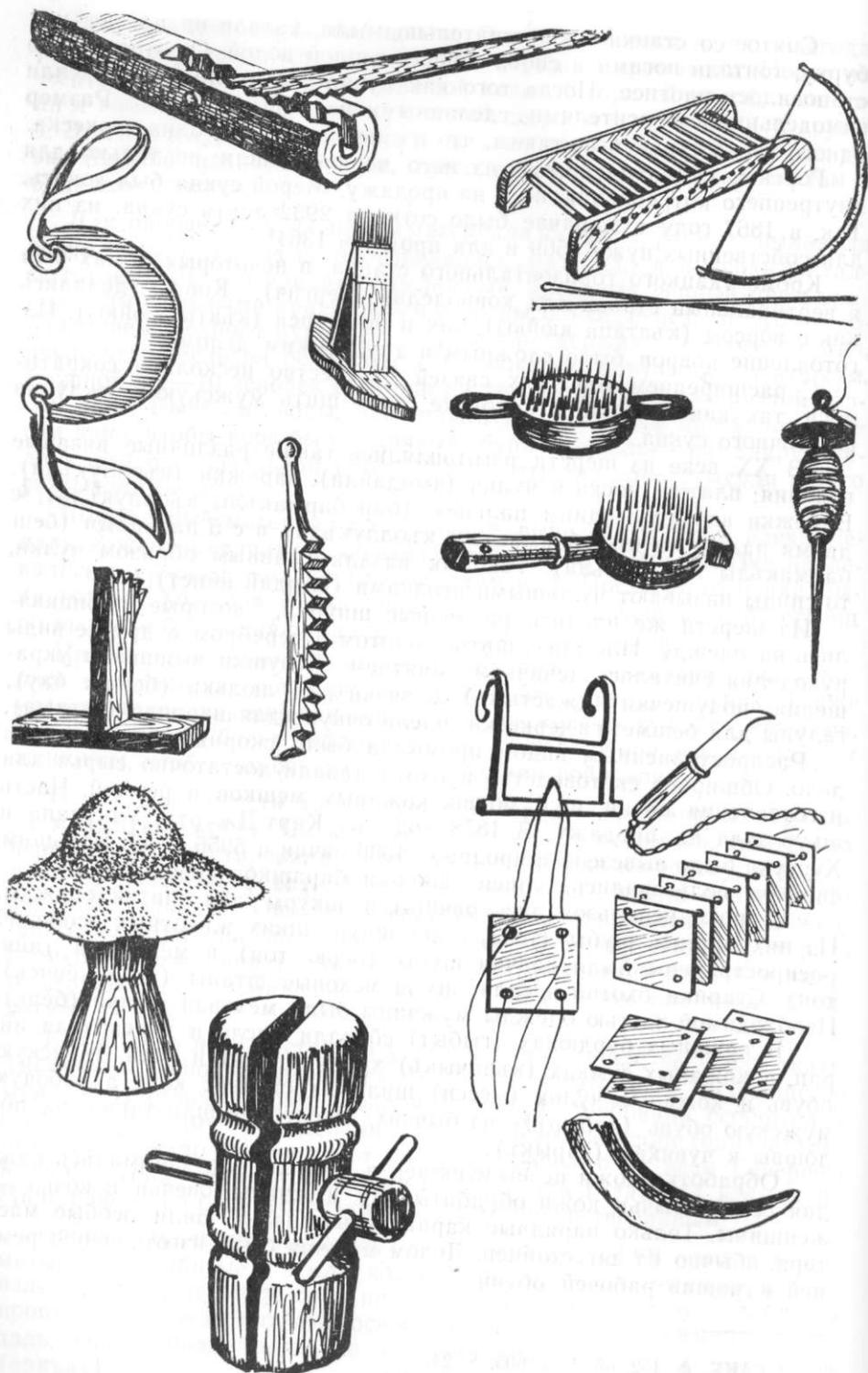
Широко использовались овчины и шкуры для шитья одежды. Из них шились шубы (тон), а из шкур диких животных особенно распространены были волчьи шубы (бёрю тон) и медвежьи (айю тон). Старики охотно носили зимой меховые штаны (тери кёнчек). Необходимой частью одежды мужчины была меховая шапка (бёрк).

В кожаных бурдюках (гыбыт) сбивали масло и перевозили айран, в кожаных сумках (къапчыкъ) хранили муку и соль. Женскую обувь и кожаные чулки (месси) шили из овечьих кож, а рабочую мужскую обувь (чабыр) — из бычьих. Последние шли также на подошвы к чувьякам (чарыкъ).

Обработка кожи не выделялась в ремесло, ею занималась каждая семья. Бычьи кожи обрабатывали мужчины, овечьи и козьи — женщины. Только нарядные каракулевые шапки шили особые мастера, обычно из дагестанцев. Делом мужчин было изготовление ремней и пошив рабочей обуви.

¹ ГАКК, ф. 452, оп. 1, д. 605, л. 24.

² Г. Петров. Указ. соч., стр. 145—146.

Орудия труда, используемые для обработки шерсти и кожи.

Техника обработки шкур и кож была детально отработана. Снятую с животного шкуру опускали в специальный раствор, приготовленный из ячменной муки с солью, или в кислое молоко. Там она мокла в течение недели. Вынув, раскладывали шкуру на солнце, шерстью вниз. Если выделывали кожу для обуви, то, подержав в особом растворе (эрик), ножом или лопаткой счищали шерсть. Высушив, начинали размягчать ее руками и ногами. Затем покрывали навозом или куриным пометом. Через некоторое время навоз смывали и дубили кожу особым раствором из коры дуба (эмен ичирну).

Для размягчения кожи после дубления использовали самодельный станок (джатхан талкы). Он состоит из желоба, в которой укладывали кожу, и палки с ребристой поверхностью, которая мяла кожу. Обрабатывать на этом станке кожу удобнее было вдвоем—один двигал палку, а другой поворачивал кожу.

Размягченную кожу надо было распрямить и разгладить, что делали на специальном стоячем валике (ёре талкы). Для этого к горизонтальной доске неподвижно прикрепляли стоячий брусок с ребристой поверхностью. Кожу брали за два конца и, натягивая, водили по валику, распрямляя и растягивая ее, а одновременно и счищая остатки мездры.

После этого кожу сушили и красили отваром из дубовой коры и ольхи, добавляя медный купорос (кёрдеуюк). Чтобы кожа была мягче, ее смазывали бараньим жиром.

Обработка металла в верховьях Кубани была известна с глубокой древности. На Сесколе и в других местах лежат груды шлака — остатки древнего производства. Обрабатывали металл в те времена методом сырого дутья, доводя его до мягкого состояния, поддающегося ковке¹.

Из железа изготавливали орудия труда, оружие, предметы домашнего обихода. Занимались этим кузнецы, чья профессия считалась очень почетной. Имена хороших кузнецов славились по всему Карачаю. Имена лучших из них (Татаркьян Богатырев, Джумарык Гоцияев, Локьяман Эбзеев, Джумай Бостанов, Мурзабек Байрамкулов и др.) до сих пор вспоминают с уважением.

В XVIII в. кузнечное ремесло полностью выделилось из сельского хозяйства. Кузнецов содержали всем селом или тийре, которому принадлежала кузница, давая ему по одному барану с каждого дома. В XIX в. кузнецы не плавил сами металл, а покупали у русских и изготавливали новые предметы, а еще больше приспособивали для нужд хозяйства покупные изделия и ковали лошадей.

С появлением заводских кос кузнецы перестали изготавливать косы, но к привозным косам приделывали шейку, что придавало им большую прочность, необходимую при косьбе на каменистых участках. Такая коса не ломалась, даже наскочив на камень. Когда коса отслужит свой век, кузнецы делали из нее лезвия для серпов и тяпок.

Железо покупали на меновых дворах, ярмарках и базарах. Дляковки лошадей старались приобретать мягкое железо, а для гвоздей — жесткое. Из такого же железа делали домашнюю утварь.

¹ Н. А. Штофф и М. М. Бегров. Из Петербурга в Карачай, СПб., 1912, стр. 16.

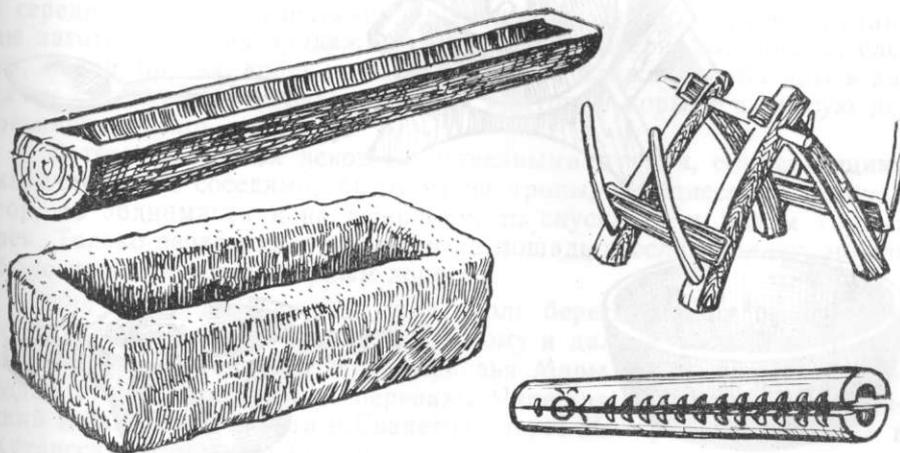
Кузнечные изделия.

Оружейное производство было мало распространено, ружья главным образом покупали у дагестанцев или у русских. Дагестанские мастера занимались и ювелирным делом, изготавливали пояса, нагрудники, серьги, броши, украшения для конской сбруи. Часть этих мастеров жила в Карачае, другие приезжали для продажи своих изделий.

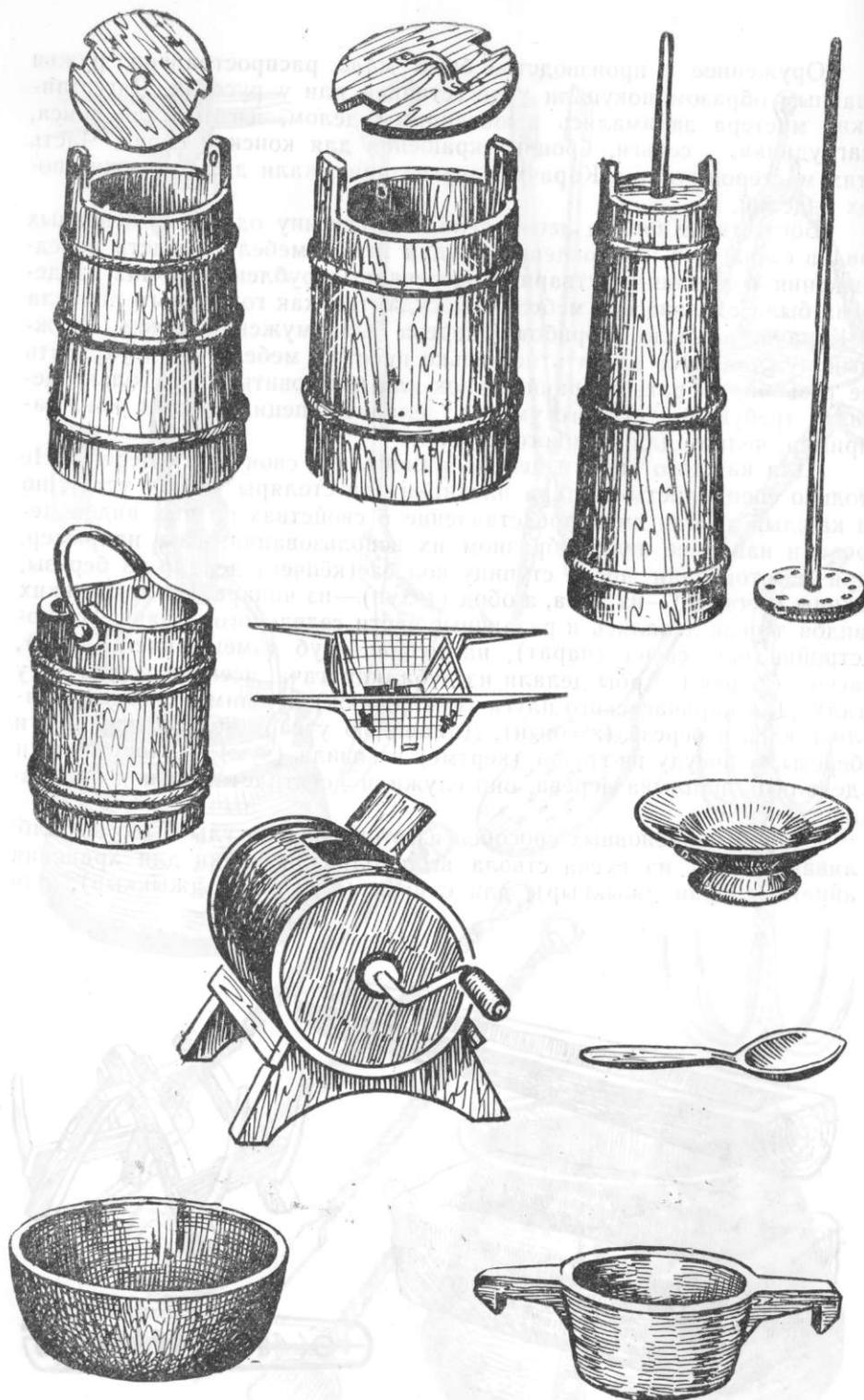
Богатство Карачая лесом делало древесину одним из основных видов сырья для изготовления орудий труда, мебели, средств передвижения и домашней утвари. В деревянных рубленых домах из дерева была сделана вся мебель и посуда, так как гончарного ремесла в Карачае не было. Обработка дерева была мужским делом. Каждый мужчина мог сделать не только простую мебель, но и украсить ее резьбой, собрать ткацкий станок или изготовить соху. Только детали, требующие особого умения, делались специалистами, как, например, челнок для ткацкого станка.

Для каждого вида изделий применялись свои сорта дерева. Не только специалисты-мастера плотники или столяры (агъач уста), но и каждый хозяин имел представление о свойствах разных видов дерева и наиболее целесообразном их использовании. Так, например, при изготовлении арбы ступицу колеса (кѣпчек) делали из березы, спицы (кегейле)—из дуба, а обод (тохун)—из чинара. Из нескольких видов дерева делались и различные части седельного арчака. На постройки шла сосна (нарат), на мебель—дуб (эмен), клен (юрге), ясень (кюрюч). Арбы делали из дуба, карагача, ясеня и вербы (суутал). Для карачаевского плуга (къаладжюк) лучшим деревом считались клен и береза (къайын). Домашнюю утварь делали из липы и березы, а посуду из груши (кертме) и кизила (чум). Лучшие чашки делали из напыла дерева, они служили десятилетиями и не раскалывались.

Одним из основных способов изготовления посуды было выдалбливание. Так, из куска ствола выдалбливали кадки для хранения айрана (айран джыккыр), для сливок (сют баши джыккыр), для

Предметы, используемые в хозяйственном быту скотоводов.

Деревянная посуда и утварь.

сыра (бышлакъ джыккыр), для сбивания масла (джау ургъанджыккыр). Из меньшего куска делались ведра (агъач челек), ступы (кели). Из половины куска выдалбливали корыта (тегене). Таким же образом делались различные чашки—большие, в которые помещается до двух литров (гоппан аякъ), литровые (аякъ), маленькие, вмещавшие чуть больше стакана (чёмюч). Ложки были тоже различного типа—ложка для мамалыги (как къашыкъ), ложка для калмыцкого чая (къалмукъ шай къашыкъ), ложка для снятия сливок (сют баши къашыкъ), большая разливальная ложка (чолпу) и т. д.

Для выдалбливания крупных изделий пользовались долотом (ютюргю), а иногда применяли и выжигание. Более мелкие изделия (чашки, ложки) делались обоюдоострым кривым резцом (юн-гюч). Для обработки дерева служили также топор (балта) и тесло (керки). Был в обиходе рубанок (сюрме) в виде острой изогнутой полосы железа, вбитой в деревянную планку с двумя ручками. Позднее вошли в обиход обычные рубанки и фуганки, заимствованные у русских. Несмотря на примитивность орудий труда, карачаевцы умели делать очень прочные, удобные в быту и по-своему красивые вещи. Особенно хороши были изделия, украшенные резьбой: кровати с тремя высокими спинками (орундукъ), детские люльки (бешик), столики-подносы (тепси). На кроватях делали украшения на спинках и шарики на углах. Столики, на которых подавалась еда, имели бортики, резьбу, а иногда и углубление в центре, в которое наливали присоленное кислое молоко (тузлукъ), так как чаще всего на столиках подавали куски вареного мяса, к которому полагалась острая приправа.

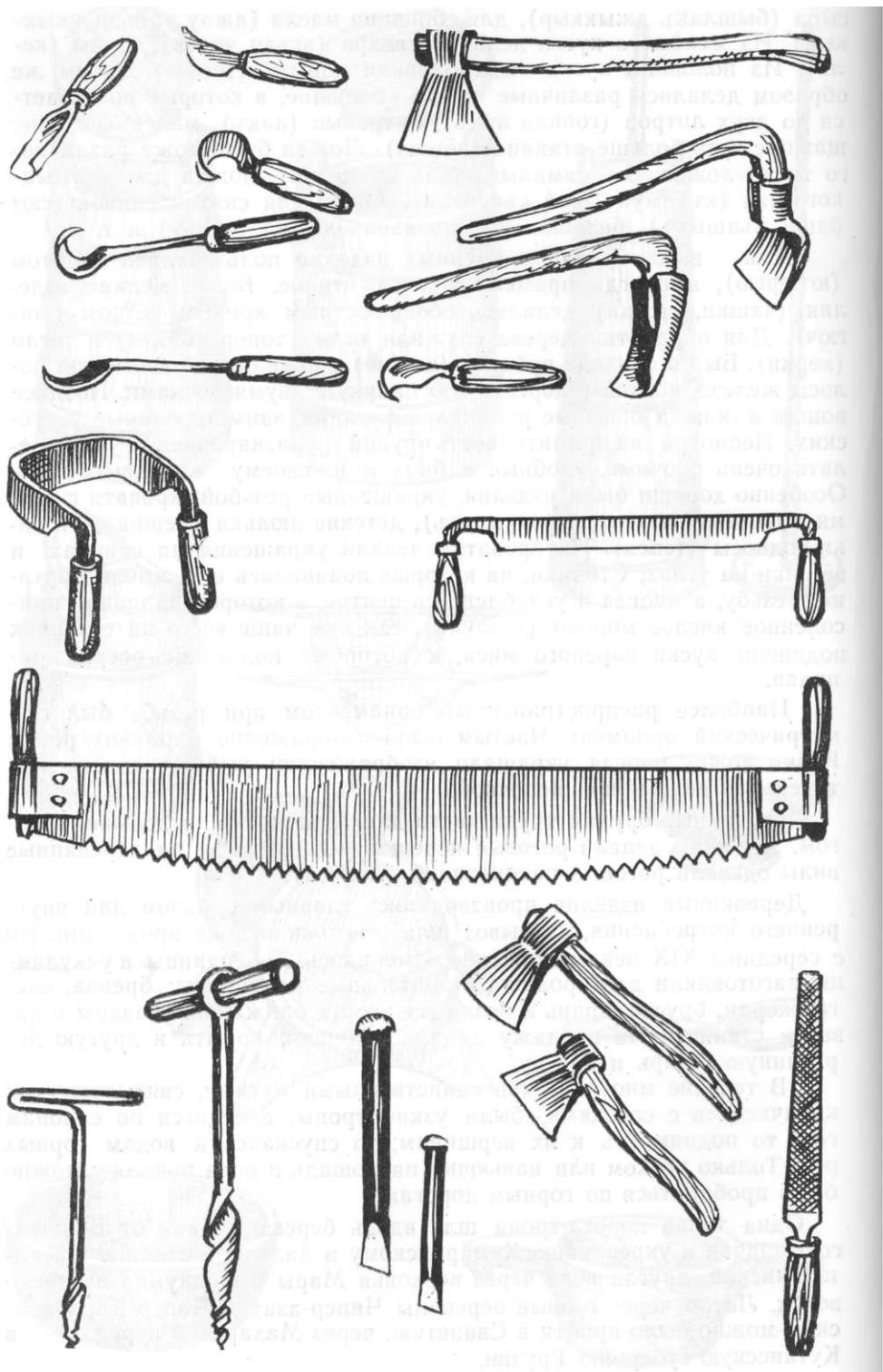
Наиболее распространенным орнаментом при резьбе был геометрический орнамент. Частым было изображение бараньих рогов. Ручки ложек иногда украшали изображением рыбьего хвоста или тоненькой деревянной цепочкой.

Деревянные орудия труда часто для прочности отделявали рогом. К ножам делали роговые черенки (мюйюз саб), на деревянные вилы одевали роговые наконечники (мюйюз).

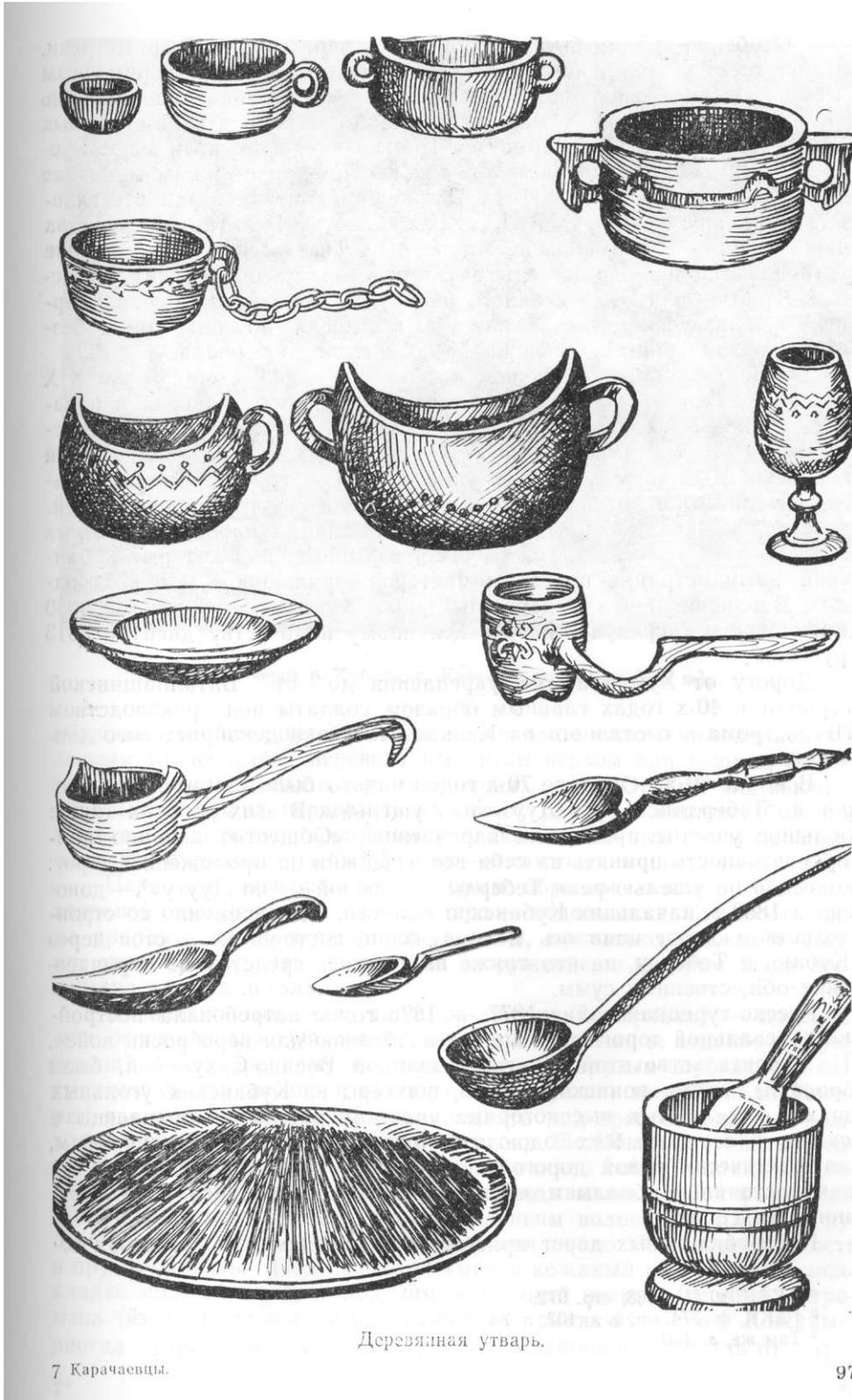
Деревянные изделия производились главным образом для внутреннего потребления, на вывоз шла ничтожная доля продукции. Но с середины XIX века положение изменилось. Тебердинцы и учкуланцы заготавливали для продажи строительные материалы: бревна, сляги, жерди, брусья, дрань и везли все это на ближайшие базары в казачьи станицы. На продажу делали кадушки, корыта и другую деревянную утварь и посуду.

В течение многих веков единственными путями, связывающими карачаевцев с соседями, были узкие тропы, вьющиеся по склонам гор, то поднимаясь к их вершинам, то спускаясь к водам горных рек. Только верхом или навьючив на лошадь и осла поклажу можно было пробираться по горным дорогам.

Одна такая дорога-тропа шла вдоль берега Кубани от Большого Карачая к укреплению Хумаринскому и дальше к станице Баталпашинской, другая вела через верховья Мары и Подкумка в Кисловодск. Летом через горные перевалы Чипер-азау и Чипер-Карачаевский можно было пройти в Сванетию, через Махарский перевал — в Кутаисскую губернию Грузии.

Орудия для обработки дерева.

Деревянная утварь.

Особенно трудно было перебираться через бурные горные реки. Чаще всего реки приходилось переходить вброд или по временным мосткам в виде сваленного бревна. Недалеко от впадения в Кубань реки Теберды природа сама создала мощные опоры в виде огромных глыб. Это место так и называется Ташкёнюр — Каменный мост. Русское командование использовало эту переправу еще в самом начале XIX века. Генерал-майор И. П. Дельпоццо доносил в рапорте главнокомандующему в Грузии П. Д. Цицианову в 1805 г.: «Переправа через Кубань — Каменный мост названа сим именем по причине устроенных природою от воды высоких и между собою узких утесистых берегов, через кои с одного на другой перекидываются одинарные бревна, сверху оных намащиваются доски, по коим имеют безопасную как конные, так и на арбах выгодную переправу»¹.

Строительство мостов, как и дорог, началось с 60-х годов XIX века, когда завершилось политическое завоевание Кавказа и началось экономическое освоение присоединенных земель. Первая колесная дорога с мостами была проложена от Учкулана до Хумаринской крепости. В строительстве ее приняли самое горячее участие сами жители, отработывая на постройке определенное количество дней. В условиях скалистого грунта, кроме земляных работ, на которых использовались жители, нужны были взрывные, для которых кубанская администрация прислала мастеров-бурильщиков и 6 рот солдат. В течение 1866 г. в дорожных работах принимали участие 4050 карачаевцев (чередуюсь по определенному количеству дней) и 3513 русских².

Дорогу от Хумаринского укрепления до ст. Баталпашинской строили в 40-х годах главным образом солдаты под руководством Игельстрома — сосланного на Кавказ участника декабристского движения.

В конце 60-х — начале 70-х годов начато было строительство дорог по Тебердинскому и Дуутскому ущельям. В этих работах также большое участие принимали карачаевцы. «Общество заявило полную готовность принять на себя все издержки по проложению дорог: колесной по ущелью реки Теберды и вьючной — по Дууту»³, — доносил в 1868 г. начальник Кубанской области. Одновременно со строительством дорог началось и сооружение постоянных мостов через Кубань и Теберду, на что также выделялись средства из карачаевских общественных сумм.

Русско-турецкая война 1877 — 1878 годов потребовала постройки перевальной дороги из Карачая в Абхазию для переброски войск. На строительство этой дороги, названной Военно-Сухумской, были брошены, кроме воинских частей, шахтеры из Кубанских угольных шахт, а на самых высокогорных участках работали карачаевцы и сваны. К середине 90-х годов строительство считалось законченным, но фактически новой дорогой невозможно было пользоваться, так как постоянные обвалы и осыпи делали ее непригодной для колесного транспорта.

Постройка новых дорог привела к переменам и в средствах со-

¹ АКАК, т. II, 1868, стр. 972.

² ГАКК, ф. 774, оп. I, д. 132, л. 83.

³ Там же, л. 120.

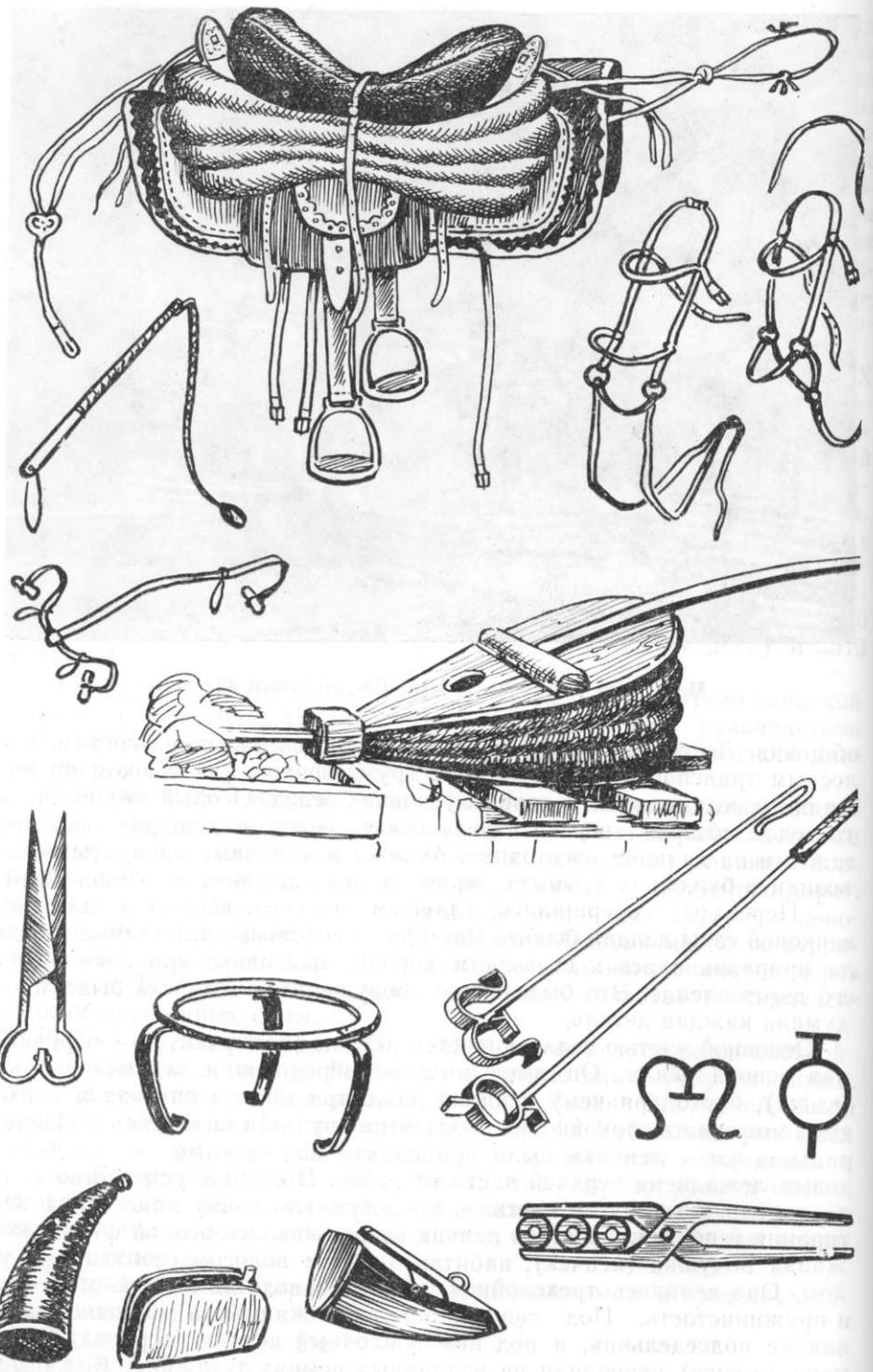

Мост через р. Кубань, с. Карт-Джурт (конец XIX в.).

общения. До середины XIX века карачаевцы мало пользовались колесным транспортом, перевоза все грузы верхом или вьюком на лошадях и незаменимых в горных условиях ослах. Особый вид вьючного седла позволял перевозить на ослах, реже на лошадях большие тяжести на дальние расстояния. Молоко и молочные продукты перевозили в бурдюках (гыбыт), зерно—в кожаных мешках (къапчыкъ).

Переезды совершались, главным образом, верхом. Седло для верховой езды делали особые мастера — седельщики. Стоимость седла приравнялась к стоимости коровы, настолько сложным было его изготовление. Это было целое сооружение, в котором была продумана каждая деталь.

Основной частью седла является ленчик (ангырчакъ) — деревянная основа седла. Он имел высокие переднюю и заднюю луку (къаш), благодаря чему всадник даже при крутых спусках и подъемах мог сидеть спокойно, не сползая на круп или шею лошади. Центральная часть ленчика была приподнята над хребтом лошади, а боковые лежали на верхней части ее ребер. Подобное устройство седла делало его упругим, легким, предохраняло спину лошади от натирания и повреждения. На ленчик накладывалась особой формы кожаная подушка (кёпчек), набитая оленьим волосом или козьим пухом. Она делалась трехслойной, что придавало ей особую мягкость и пружинистость. Под седлом имелся кожаный на войлочной подкладке подседельник, а под ним войлочный потник (терлик). Стремена (ёзенги) укрепляли на недлинных ремнях-путлищах. Кожаные, иногда украшенные тиснением, тебенки защищали лошадь от нати-

Шорно-кузнечные изделия.

рания боков ремнем, а ногу всадника от лошадиного пота. Подобное устройство седла облегчало длительные поездки по горным тропам и дорогам и обуславливало особую манеру езды горцев.

Деревянный остов седла изготовлялся специалистами, так как это считалось основной частью седла, которая делалась строго по мерке лошади, чтобы седло не натирало спину. Седло никогда не бросали во дворе или в сарае, а вносили в комнату и вешали на стенку рядом с оружием.

Для перевозки сена использовали особый вид саней, с толстыми деревянными полозьями (чана джаякъ), а также сани-волокуши (балас). Для перевозки камней и глины бытовали сани из рогатины (ишкил). В сани запрягали быков, пользуясь ярмом (боюнсха). При помощи саней перевозили сено не только зимой по снегу, но и летом и осенью по траве, особенно, если везти его надо было вниз по травянистым склонам гор. Изготовление таких саней не требовало особого искусства, их умел делать каждый крестьянин. С крутых склонов гор сено перевозили с помощью волокуш способом «кюрес».

Самым распространенным видом колесного транспорта была арба. Первоначально карачаевские арбы делались целиком из дерева, без единой металлической детали. Ось (кёчер агъач) была наглухо закреплена с колесами и вращалась только вместе с ними (тенгерте чарх). С 80-х г. XIX в. появились подвижные оси и металлические детали. Наиболее сложной частью арбы было колесо (чарх). Оно изготовлялось специалистами, а остальные части могли сделать сами хозяева. Обод первоначально делали составным из 4 — 5 кривых кусков дерева, срезанных наискось, для более удобного соединения частей. Арбы бывали с дощатым кузовом (кюбюр) или с плетеным (четен). Лучшим материалом для изготовления арбы считались твердые породы дерева, например, дуб.

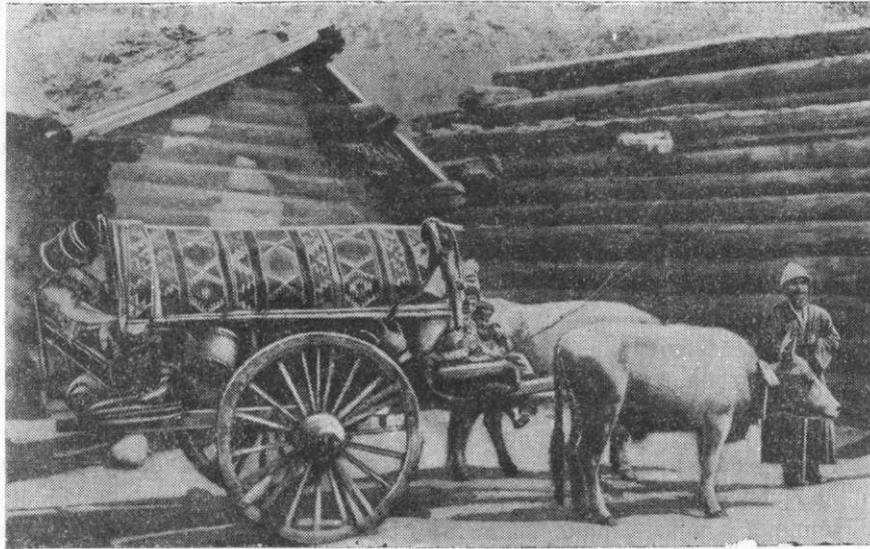
На изготовление арбы шло около трех недель, причем не всякий мастер мог сделать хорошую арбу, поэтому ценились арбы определенных хороших мастеров. Стоимость арбы приравнивалась к стоимости коровы.

При поездках на дальние расстояния, особенно если ехали женщины и дети, арбу покрывали сверху войлоком или ковром, устраивая своеобразный шатер.

Знакомство с русскими привело к проникновению в аулы четырехколесной телеги (тёрт чархлы арба) и фургона (маджар). В бричку впрягали и лошадей и быков, в то время как в арбу впрягали только быков. Если бричку тянули быки, то она имела такое же ярмо (боюнсха), как и арба. А если впрягали лошадей, то использовали хомут. Брички были только пароконные. Первое время их покупали у русских мастеров, но в начале XX века появились и свои мастера, изготавливавшие брички.

Несколько изменилась и конструкция арбы. На колеса стали надевать металлические шины, что делало их более прочными. Первое время смазку для колес варили из курдючного жира и масла, смешанного с золой из-под соломы. Позже стали применять покупной деготь. В конце XIX в. отдельные кулацкие хозяйства заводят тачанки и фатоны, выращивают специальных лошадей.

Железная дорога, проведенная в 1875 г. от Ростова до Владикав-

Выезд на кош (конец XIX в., с. Карт-Джурт).

каза, непосредственно по территории Карачая не проходила, но влияние ее на развитие хозяйства, на расширение торговых связей карачаевцев с Центральной Россией было очень велико.

В 80-е годы XIX века возник проект проведения железной дороги от Невинномысской до Теберды и дальше до Сухуми. В наиболее высокой точке трассы предполагалось проведение семикилометрового туннеля между верхними притоками Теберды и Кодора. Комиссия, исследовавшая возможности проведения дороги, перечисляла богатства края, через который должна была пройти дорога: мачтовые сосновые леса по реке Теберда, пихтовые и каштановые по Кодору, обширное скотоводство карачаевцев, фруктовые сады, эвкалипты и чайные насаждения Абхазии. Стоимость дороги определялась примерно в 40 миллионов рублей, из них девять с половиной миллионов — на постройку туннеля.

Правительство не торопилось с началом постройки. В XX веке вопрос этот был поднят снова, начата разведка, но первая мировая война помешала развертыванию работ.

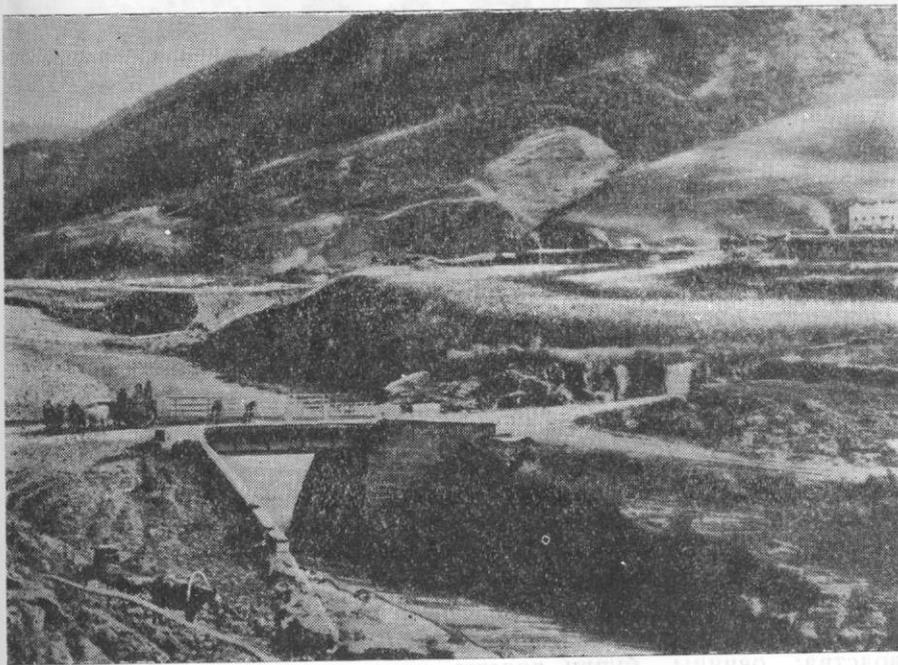
Несмотря на высокогорное положение Карачая, на его удаленность от городов и больших торговых трактов, карачаевцы имели издавна сложившиеся торговые связи с соседними народами. Горные тропы и перевалы связывали их с жителями Сванетии и Грузии, Балкарии и Кабарды. Вдоль Кубани шли тропы, а позже колесная дорога, связывавшая Карачай с плоскостными селениями Предкавказья. Через Каменный мост и дальше на восток вдоль Мары вела древняя дорога из Закубанья в Кабарду.

И. Гильденштедт, посетивший Кавказ в 1770-х гг., писал о торговых связях карачаевцев с Грузией, куда карачаевцы привозили войлоки и сукна и обменивали их на ярмарках на бумажные мате-

рии и другие товары¹. В Кабарду карачаевцы привозили шерсть, сукна, войлоки и меха и выменивали их на соль, бумажные ткани, холст и сафьян. П. Зубов сообщал о ярмарках в грузинском местечке: «Карачаевцы, балкарцы и чегемы отвозят туда свои домашние и грубые изделия: толстые сукна, войлоки, бурки, чекмени ...пушной товар, приобретая взамен оных соль, бумажные изделия»².

В карачаевские села приезжали для торгового обмена грузинские, армянские и еврейские купцы, которые выменивали свои товары на скот, продукты карачаевского скотоводства и ремесла. «Карачаевцы готовят хорошие сукна, бурки, полсти из овечьей шерсти и меняют их на красный товар евреям, приезжающим к ним для торговли»,—писал один из авторов³.

С начала, а особенно с середины XIX века все большее место в торговом обмене стали занимать связи с русскими. Первой формой этих связей была торговля на меновых дворах. Одним из условий принесения покорности царскому правительству со стороны карачаевцев было открытие менового двора, «на коем они могли бы получать хлеб, соль, железо и другие нужные им товары»⁴. Ближайшие к карачаевцам меновые дворы находились в станицах Боргустанской и Баталпашинской

Военно-Сухумская дорога. Мост через реку Кубань у сел. Каменноостского.

¹ И. А. Гильденштедт. Указ. соч., стр. 149.

² Платон Зубов. Указ. соч., стр. 136.

³ Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. I, СПб., 1851, стр. 133.

⁴ АКАК, т. VII, 1878, стр. 981.

Теберда. Дорога в горах (конец XIX в.).

Несмотря на ограниченность меновой торговли, которая служила не столько экономическим целям, сколько политическим—подчинению горцев царскому правительству, открытие меновых дворов способствовало установлению более регулярных торговых связей народов Северного Кавказа с русским населением.

Первые годы торговля была безденежной, горские товары обменивались непосредственно на соль, ткани, медную посуду, чугунные котлы и другие фабричные изделия. Но по мере расширения торговых оборотов все расчеты стали вестись на деньги. В течение 1847 года карачаевцы привезли на Боргустанский меновой двор товаров на 26 993 рубля, а приобрели на 22 715 рублей¹.

Основными предметами вывоза из Карачая были продукты скотоводства: овчины, бурки, холсты, сукна, кожи, также масло, сало, мясо и живой скот. Оживленной была торговля на ярмарках, которые открывались один-два раза в год около меновых дворов и в городах Кавказского края: Пятигорске, Георгиевске, Ставрополе.

С 60-х годов XIX века стали открываться базары и непосредственно в карачаевских селениях. На Учкуланский базар приезжали

¹ Военно-статистическое обозрение, стр. 226.

русские купцы со своими фабричными товарами, жители ближайших казачьих станиц с хлебом и овощами, которые они обменивали на скот и изделия домашней промышленности карачаевцев, сваны привозили сушеные фрукты, дагестанцы — металлические изделия. На Джегутинском базаре жители села продавали пшеницу, кукурузу и гречку. Особенно охотно ходили на базар карачаевские женщины, выносившие на продажу свои изделия: сукна, бурки, башлыки, войлоки.

С конца XIX века карачаевские товары, особенно шерсть, получили доступ на рынки Украины и Центральной России. По подсчетам ветеринара А. Атманских, карачаевцы вывозили ежегодно шерсти на 300 тысяч рублей¹. В рапорте Коваленского говорилось, что «шерсть идет преимущественно в Москву на выделку войлока и скупается периодически наезжающими агентами»².

Скупщик шерсти часто был одновременно и купцом, в обмен на шерсть он предлагал дешевые ситцы, шелка и другие товары. Наряду с приезжими скупщиками торговля в Карачае велась также в постоянных лавках.

Скупщики и лавочники обчитывали крестьян, навязывали им неэквивалентный обмен. Б. В. Миллер писал о том, что «за бурку, стоящую 12 рублей, торговец дает ситцу на 1,5—2 рублей»³. Коваленский рассказывает, как торгаши, купив у крестьян овечью кожу за 40 копеек, а воловью за 3 рубля, продают их потом в Харькове и Тифлисе в два и три раза дороже⁴.

В. И. Ленин называл таких купцов «мелкими пиявками» и писал, что «чем захолустнее деревня, чем дальше она стоит от влияния новых капиталистических порядков, железных дорог, крупных фабрик, крупного капиталистического земледелия, — тем сильнее монополии местных торговцев и ростовщиков, тем сильнее подчинение им окрестных крестьян и тем более грубые формы принимает это подчинение»⁵.

Зарождение промышленных очагов на территории Карачая относится ко второй половине XIX века, хотя обследование недр, показавшее наличие ценных ископаемых, производилось и в первой половине XIX в. В 1829 г. Российской Академией наук была организована экспедиция для изучения природных богатств Карачая. Экспедиция нашла различные полезные ископаемые: каменный уголь и серебросвинцовые руды, минеральные источники и другие богатства. Но в условиях непрекращающихся военных действий на Кавказе эксплуатация недр была невозможна.

Добыча угля началась с 1846 г. «за счет казны», так как уголь шел главным образом на отопление казенных зданий Ставрополя, Георгиевска и Пятигорска. Добыча велась самым примитивным образом, силами солдат. В год добывали от 150 до 200 тысяч пудов угля.

¹ А. Атманских. Животноводство в Карачае, стр. 147.

² ГАКК, Рапорт Коваленского, стр. 57.

³ Б. Миллер. В Карачае, стр. 393.

⁴ ГАКК, Рапорт Коваленского, стр. 57 — 58.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 383.

Позже вместо солдат предприниматели пользовались вольнонаемными рабочими, главным образом, из самых бедных переселенцев на Кавказ. Рабочие жили в ветхих казармах или хижинах, которые лепились к скалам по берегам рек Кубани, Мары и Каракента. Условия работы были невероятно тяжелы. Шахтеры пробивались ползком по узким шахтам, работали лежа, катили вагонетки с углем на поверхность.

К концу XIX века на шахты стали наниматься и карачаевцы.

Вместе с русскими, осетинами и рабочими других национальностей карачаевцы принимали участие в разработке серебряно-свинцовых месторождений. Серебряно-свинцовые руды находились в непосредственной близости к карачаевским селам. По словам В. М. Сысоева, «разработка жил здесь производилась, по-видимому, с очень древних времен»¹. В конце XIX века начались детальные изыскания и промышленная эксплуатация Худесских серебряно-свинцовых месторождений. Горные инженеры Кондратьев и Томашевский обнаружили до 30 самостоятельных жил, содержащих свинцовый блеск с серебром.

Так как руда была расположена на земле, считавшейся собственностью карачаевского народа, то в 1891 г. был заключен договор между карачаевским обществом и акционерным обществом «Эльбрус», созданным для эксплуатации Кубано-Худесского месторождения. Акционерное общество начало строительство рудника, обогатительной фабрики и подъездных путей. Число рабочих на руднике быстро росло, причем наряду с приезжими русскими рабочими, на руднике и особенно на строительстве дорог и перевозке руды работали и карачаевцы.

В 1891—1892 годах на руднике жил и работал конторщиком и счетоводом выдающийся поэт, художник, просветитель и демократ Коста Леванович Хетагуров.

Работая на руднике, Коста Хетагуров вникал во все нужды рабочих. Хорошо зная условия работы и быта на руднике, он оставил ряд блестящих рисунков, изображавших жалкие землянки, в которых жили рабочие, тяжелый ручной труд по разбивке руды, вид штолен².

С постройкой завода увеличилась производительность рудника, а вместе с тем и число карачаевцев, занятых на руднике. Особенно много карачаевцев работало перевозчиками руды от рудника до железной дороги. По словам В. М. Сысоева, «во время работ у общества Эльбрус находили себе занятие до 2000 человек карачаевцев».³

Акционерное общество вынуждено было свернуть производство из-за нехватки средств, отсутствия хороших дорог и удаленности рудника от железной дороги. В первое десятилетие XX века несколько раз делались попытки возобновить производство, создавались новые акционерные общества, но рудник фактически бездействовал до начала первой мировой войны. Потребность в металле для нужд военной промышленности вынудила правительство обратиться на рудник

¹ В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 33 — 34.

² Жур. «Север», 1892, № 24, стр. 1243.

³ В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 36.

серьезное внимание и дать дотации, чтобы он мог нормально работать.

С первых дней существования рудника русские рабочие оказывали большое влияние на карачаевское население, знакомили их с революционной борьбой рабочего класса, защищали интересы бедняков. Но особенно сильным это влияние стало в годы первой мировой войны. Карачаевцы работали на руднике не только в качестве подсобных рабочих и возчиков, но опускались в штольни и осваивали профессии горняков.

Администрация рудника, стремясь выжать из рабочих как можно больше прибыли, пыталась за одинаковый труд платить карачаевцам меньше, чем русским, и ссылалась при этом на незнание карачаевцами русского языка. В ответ на это карачаевские рабочие вместе с русскими объявили забастовку. В течение одного 1915 г. четыре раза бастовали рабочие рудника. На рудник были присланы рабочие из центра, из Петербурга, имевшие большой опыт стачечной борьбы. Они передавали свой опыт, привлекая к борьбе местное население.

В конце XIX века на территории Карачая возникли несколько предприятий по переработке древесины и древесной смолы. В Худесском и Тебердинском ущельях были построены дегтярные заводы, в Тебердинском — скипидарно-смолокуренные, лесопилки. На заводах вместе с русскими работали карачаевцы, осетины, ногайцы, абазины и черкесы. Они же были поставщиками сырья для заводов—привозили корчаги, пни, бревна.

На маслосырозаводах работали русские мастера и рабочие, а карачаевцы были поставщиками молока. Но и это способствовало сближению карачаевцев с русским рабочим классом, вовлекало их в общую борьбу с эксплуататорами.

Империалистическая и гражданская войны, чума 1918 года, голод и бескормица 1919 и 1921 годов принесли большой ущерб народному хозяйству Карачая. В эти годы значительно уменьшилось поголовье скота: в горном районе, например, тонкорунное овцеводство сократилось на 60%, а в предгорной части почти погибло совсем¹.

Земледелие базировалось на примитивной технике, не хватало тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря. Ощущался острый недостаток семенного фонда. Прекратился вывоз из Карачая сельхозпродуктов, а также ввоз в Карачай промышленных товаров.

Без помощи Советской власти неммыслимо было восстановление народного хозяйства. В первые дни Советской власти население Карачая, испытывавшее большую материальную нужду, получило много муки, соли, керосина и семян.

Для налаживания нового социалистического хозяйства прежде всего надо было решить самый основной вопрос — земельный. В Карачае было слишком мало пахотных и сенокосных угодий, чтобы разрешить этот вопрос лишь путем конфискации и перераспределения.

¹ Жур. «Горский коммунист», 1923, № 2, стр. 5.

Советское правительство выделило для переселенцев с гор на плоскость 450 тыс. десятин земли, которые арендовались до Октября у казны и частных владельцев.¹

В результате переселенческого потока за 3 года (1921—1924 гг.) на новых землях оформились селения Архыз, Красный Карачай, Терезе, Учкеекен, Эльтаркач, Сары-Тюз и Морх. Только за один 1927 год число переселяющихся достигло 700 дворов; образовались селения Кызыл-Покун, Джага, Элкуш, Кичибалык, Койдан, Даусуз. В 1927—38 гг. возникли селения Кызыл-Кала, Кафар-баши. По данным сплошного агрономического обследования Карачая, проведенного в 1928 г., число новых поселений достигло 16, а количество дворов в них — 2781².

Окном в новую жизнь назвали карачаевцы одно из первых переселенческих селений «Терезе». Первым председателем сельского Совета трудящихся горцы единодушно избрали Касыма Боташева, вложившего много труда и энергии в организацию переселения.

Решая земельный вопрос, ревкомы проводили большую разъяснительную работу среди трудового крестьянства. При этом они исходили из ленинских указаний о необходимости учета местных особенностей при решении сложных вопросов хозяйственной жизни.

С первых же дней жители новых селений Карачая с радостью переходили от скотоводческого хозяйства к земледелию. Правда, недостаток рабочего скота и инвентаря вынуждал многих крестьян занимать его у кулаков на ростовщических условиях или объединяться с другими хозяйствами для проведения сельскохозяйственных работ.

В связи с переселением части крестьян на плоскость, несколько улучшилась земельная обеспеченность населения, оставшегося жить в горах. Однако они вынуждены были по-прежнему заниматься отгонным скотоводством. Большинство жителей покидало на более или менее длительный срок свои жилища, оставляя часть членов семьи на месте, а другую перебрасывая на большие расстояния для хозяйственных работ. Так, например, для выяснения местонахождения населения Карачая в зимний период, в 1924 году произведено весьма интересное обследование по Хурзуку и Уччулану³:

Селения, число дворов	Находится в зимний период в селении	Находится в летний период в селении	Кочует в горах в пределах округа	Кочует в пределах соседних округов	Проживает на арендо- ванных землях за предела- ми области
Хурзук	468	252	673	340	117
Уччулан	651	296	787	175	84

¹ ГА КЧАО, ф. р. — 30, оп. I, д. 88, л. 48; д. 94, л. 49; Газ. «Молот», 1928, 11 июня.

² Жур. «Революция и национальности», Ростов н/Д., 1933, № 2, стр. 61.

³ М. Мартынов. (Б-н). Производительные силы Карачаево-Черкесской автономной области, Кисловодск, 1926, стр. 47 — 48.

Из приведенных данных видно, что специфика занятий в горах — отгонное животноводство — приводила к тому, что лишь четверть жителей оставалась в селениях. Это были в основном ремесленники, кустари, не имеющие земельных наделов, а также бедняки.

Одна треть всех дворов находилась на расстоянии 75—100 км от селений, 7 — 10% всех дворов проводили зимний период на арендованных землях вне территории области, на расстоянии 130 — 150 км.

Специфические условия, в которых протекала традиционная хозяйственная жизнь Карачая, обуславливала сохранение вплоть до коллективизации старого скотоводческого быта в виде кошевых объединений (кьош нёгерлик), аренды и субаренды земель, а также испольного содержания скота.

В Большом Карачае сохранялись дальнотемелье и чересполосица, большинство лучших земель находилось в руках кулаков. Они всячески стремились срывать мероприятия местных Советов по уравнительному переделу земли. Земли Малого Карачая ежегодно подвергались переделу по числу едоков. Между отдельными селениями Большого Карачая отсутствовали границы землепользования.

На основании постановления СНК РСФСР от 5 декабря 1926 года и президиума ВЦИК от 25 июля 1927 года «О проведении сплошного землеустройства КАО»¹, народный комиссариат земледелия выделил на землеустройство в Карачае на 1927/28 операционный год 80 тыс. руб., обеспечил специалистами и инструментами. В основу землеустройства был положен принцип расселения путем образования новых аулов на вновь освоенных участках земли. В результате землеустроительных работ в плоскостных селениях землею наделались все трудовые земледельческие и скотоводческие хозяйства. В горах землеустройство проводилось одновременно с расселением горцев на плоскости.

Землеустроиваемым хозяйствам открывались долгосрочные кредиты на приобретение сельскохозяйственного инвентаря и скота, бесплатно отпускался лесоматериал, оказывалась агрономическая помощь. Все эти меры сыграли большую роль как в использовании земли, так и в организации крестьянского труда.

Землеустроительные работы в основном завершились в 1932 году, и тем самым в значительной мере были устранены дальнотемелье и чересполосица².

Селения горного Карачая не могли получить прирезок поблизости, и поэтому земельным органам пришлось предоставить им дополнительные участки далеко от селений. Это, конечно, порождало определенные хозяйственно-бытовые трудности, снижало агротехнику возделывания различных культур и вызывало громадные дорожные расходы. Частые перегоны скота по дальним маршрутам, оторванность скотоводов от семьи отрицательно влияли на содержание и уход.

¹ Газ. «Советский юг», 1927, № 125.

² А. Е. Серебряков. Расселение горцев в КАО. — «Революция и национальности», 1933, № 2, стр. 61.

В 1930—1931 гг. в состав области были включены станицы Усть-Джегутинская, Красногорская, Зеленчукская и Кардоникская общей земельной площадью 98 тыс. га и Лабинская лесная дача. Изменение территории Карачая было связано с плановым увеличением земельных фондов области и необходимостью разгрузки горных селений. В 1932 г. создается переселенческий фонд в 10 194 га удобных земель, который был освоен в начале 1932 г. образованием селений Кумыш, Красный Октябрь и Джаганас¹. Сюда переселилось 1 165 хозяйств (из Учкуланского ущелья—737, из Тебердинского—193 и других селений). От Краснодарского края были присоединены: аулы Ахматовский, Мансуровский, Псебай, Псемен и два хутора. Всего же за 1932—1933 годы переселением было охвачено 1784 хозяйства², а за время проведения сплошного землеустройства—2414 дворов (15% всех хозяйств области)³.

В 1932 году Наркомзем РСФСР предложил Северо-Кавказскому крайзупу изыскать возможности прирезать Карачаю еще 15 тыс. га пахотных земель для удовлетворения сельскохозяйственных нужд. Этот вопрос был разрешен в 1933 году путем передачи Карачаю из Ессентукского района 4200 га земель, а в 1934 году область получила прирезку земель в размере 9 тыс. га из бывшего Кавказского зерносовхоза⁴.

Мероприятия по подготовке переселения горцев на земли прирезок были единодушно одобрены и приняты населением. За переселяющимися сохранялись усадебные участки на прежних местах жительства в течение одного года после переселения. В течение пяти лет они освобождались от государственных поставок и всевозможных платежей, обеспечивались кредитами и бесплатными лесоматериалами.

Переселенческое движение в сторону Лабы началось в 1939 году. В начале мая из с. Джегута выехали на прирезанные земли на Лабе первые 100 хозяйств, а вслед за ними из Учкулана и Карт-Джурта — 200 семей.

В 1939 году в преградненские земли переселилось около 400 хозяйств, которые организовали селения Уруп и Ахматовская, а в колхозы и станицу Преградную влилось 100 карачаевских семей, выходцев из горного Карачая. Колхозное казачество радушно встречало горцев-переселенцев, оказывало всяческую помощь. Переселенцы сразу зачислялись в члены колхоза, получали усадебные участки и приступали к строительству домов. Государство отпустило в 1940 году на благоустройство переселенцев 3 млн. рублей⁵.

Переселенческое движение продолжалось и в 1941 году. Был утвержден план переселения на текущий год, где предусматривалось переселить 210 хозяйств, построить 500 домов за счет государства, осуществить мелиоративные и дорожные работы на Урупе и Абсеке-

¹ ГАРО, ф. р.—2485, оп. I, д. 151, л. 58.

² Итоги хозяйственного и культурного строительства КЧАО, стр. 71 — 72.

³ А. Е. Серебряков. Указ. соч., стр. 63.

⁴ Итоги хозяйственного и культурного строительства КАО, стр. 72.

⁵ Газ. «Красный Карачай», 1940, 22 ноября.

не. Только на строительство домов хозяйственно-бытового назначения государством было отпущено 2 млн. 579 тыс. рублей¹.

В результате постоянной помощи государства к лету 1941 года этническая территория Карачая, по сравнению с дореволюционным временем, увеличилась в 3 раза, на территории Карачая возникло 22 новых селения. Кроме того, карачаевцы расселились в г. Микоян-Шахаре, Кисловодске, в пяти казачьих станицах, 6 рабочих поселках и хуторах. Все это было не простое переселение людей, «это означало одновременно организацию хозяйства на новых социалистических хозяйственных началах»².

Новые селения в корне отличались от старых планировкой и благоустройством, обеспеченностью земельными участками, созданием ряда культурно-бытовых условий.

Специальные виды сельхозкооперации, строительство сыроваренных заводов на летних пастбищах сыграли огромную роль в переустройстве горского хозяйственного быта. В этот период стояла труднейшая задача: используя форму трудовых объединений прошлого, создать новые. Для этого необходимо было в корне изменить социальную природу традиционных хозяйственных объединений и создать простейшие сельскохозяйственные кооперативы, объединявшие хозяйства в сфере производства и сбыта продукции, снабжения сельскохозяйственным инвентарем, денежными кредитами и т. д. В условиях Карачая СОЗам (объединениям по совместной обработке земли) соответствовали «кошечные товарищества», создаваемые на принципиально новой социалистической основе, с устранением родофамильных отношений. Кошечные объединения представляли собой первичные производственные ячейки товариществ по совместному содержанию скота, заготовке кормов, улучшению пастбищ и стад, совместной переработке и сдаче государству товарной продукции.

Развитие производственных объединений началось с 1925 года, когда в Малом Карачае было создано кооперативное товарищество «Карачай». В начале 1926 года оно разделилось на две самостоятельные кооперативные организации: потребительское общество «Карачай» и сельскохозяйственное кредитно-смешанное товарищество «Кызыл малчы» («Красный животновод»). Уже в 1925 г. товариществу удалось распространить район своей деятельности почти на весь Карачай, восстановить и пустить в ход два маслосырозавода «Малчы» («Скотовод») и «Кошчу» («Кошевик»).

Организовав постоянный и выгодный сбыт молока, кооперация побуждала население к мероприятиям по увеличению производства молока, к рациональному ведению скотоводства. За каждым заводом закреплялись лучшие участки пастбища, товарищество получало кредит на приобретение сельхозинвентаря, на организацию племенного хозяйства, для проведения показательных выставок.

В течение 1928 года в области организуется 25 сельскохозяйственных кооперативных объединений, в том числе 2 колхоза, 18 молочных артелей. Возникает областной союз сельхозкооперации со специальной секцией колхозного объединения.

¹ Газ. «Красный Карачай», 1940, 14 февраля.

² Газ. «Молот», 1935, 19 января.

Свои особые формы и методы имела работа среди женщин Карачая. С целью вовлечения горянки в общественное производство при товариществе «Кызыл малчы» с 1926 года организуется женская трудовая артель, которая выписывает машины для выделки трикотажных изделий, шерсточесалки для валяльного производства. Вокруг производственных единиц и женских отделов при сельских Советах организуются ткацкие мастерские, школы кройки и шитья, артели по выделке бурок, башлыков, киизов, молочные артели. Например, в июле 1925 г. в с. В-Теберда была организована одна из первых шерстоткацких артелей из 40 женщин-горянок. В мастерской артели были поставлены ткацкие станки, на которых вырабатывали местное сукно «довольно хорошего качества»¹.

Вовлечение горянок в ряды активных работников низовой кооперации, кустарные артели подрывали основы старого быта. В 1925 году при краевом женском отделе были созданы четырехмесячные курсы по подготовке общественных работниц. С окончанием курсов они возвращались в свои родные селения как пионеры фактического раскрепощения женщин. Среди женских артелей работали комиссии по улучшению труда и быта горянок².

В октябре 1927 года в с. Каменномост состоялся первый областной съезд горянок. Из 17 населенных пунктов съехалось 62 горянки. С трибуны съезда выступали карачаевки Кулчаева Эрши, Лепшокова Мёлехан и другие, которые говорили о нуждах горянок, о необходимости организации кооперативных артелей и детских ясель.

Таким образом, коллективизация и развернутое строительство социализма в Карачае обеспечили широкое вовлечение женщин во все отрасли народного хозяйства и культуры.

Немалую помощь крестьянской бедноте оказывали комитеты крестьянской взаимопомощи (ККОВы), возникшие в Карачае с 1922 года. В 1922 году в карачаевских населенных пунктах имелось 17 ККОВов, а с 1925 года они работали при каждом сельском Совете. ККОВы проводили большую работу по линии кооперирования бедняцких хозяйств, являлись первыми помощниками потребительских обществ. Так, в Теберде находилась хорошо оборудованная молочная артель, объединяющая 42 женщины. На средства ККОВа население приобрело около 60 сепараторов. В 1928 году были созданы артели в сел. Терезе, Элкуш, Эльтаркач и Учкекен. Терезинский ККОВ в 1928 г. произвел запашку первых десятин земли. Благодаря деятельности ККОВов в 1924 году организуется первое кредитное товарищество, а в 1927 году число таких обществ достигло 11. При ККОВах работали группы бедноты, которые оживляли работу в Советах, распределяли кредиты, организовывали сельские стада и кошевые компании. Они вели широкую кампанию по заключению трудовых договоров на наем батраков и пастухов, регулировали раздел приусадебных участков, выявляли излишки земли, лучшие участки отво-

¹ Газ. «Советский юг», 1925, № 239.

² Газ. «Терек», 1927, № 72.

дили бедноте. Через группы, например, беднота с. Учкеек в 1928 г. получила ссуду на приобретение тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря.

Важным событием в хозяйственном быту карачаевцев явился первый в истории Карачая массовый весенний сев на ессентукских «прирезках». Жители высокогорных селений Карачая в апреле 1933 года впервые выехали на поля, отстоящие за 100—150 км от селений. Еще с зимы была проведена большая организационная работа по укомплектованию групп и бригад, подготовке тягла, приобретению сельскохозяйственного инвентаря. Коммунисты и комсомольцы перенесли свою работу непосредственно в производственные группы. Кулаки же агитировали против выезда на прирезки: «Отберут осенью тягло и хлеб», — уверяли они¹.

Подготовка к весенне-полевым работам активизировала широкие слои крестьянства. Энтузиасты колхозного строя хотели провести первую коллективную весну по-праздничному. Они хорошо понимали, что от того, как она пройдет, зависело многое. «Это был действительно праздник трудового подъема и соцсоревнований», — отмечал секретарь обкома ВКП(б) А. Г. Евсеев². С красными флагами и с песнями выходили колхозники на дорогу. Никогда раньше не видела этого горская деревня.

Впервые на «прирезках» развернулось широкое движение социалистического соревнования между отдельными колхозами. В первой половине мая труженики области рапортовали о досрочном завершении сева: было засеяно зерновыми культурами 27,4 тыс. га, техническими — 3,6 тыс. га, картофелем — 5 тыс. га, а также огородными, бахчевыми и травами³. Это была крупная победа на фронте социалистического хозяйствования, в приобщении крестьян к коллективному труду, серьезным экзаменом для рождающегося колхозного строя.

Трудности весны 1931 года закалили молодые колхозы. Через два месяца труженики области приступили к массовому сенокосению. Вся сенокосная площадь была разбита на производственные участки и закреплена за бригадами, группами и кварталами. Рядом с традиционными бригадами по сенокосению (джыйын), в которых принимали участие только мужчины, впервые были организованы женские бригады.

На сенокосных участках строились специальные женские коши, открывались сезонные детские ясли, организовывалось общественное питание. На сенокосной бригаде работал кружок по ликвидации неграмотности, а в обеденные перерывы проводились громкие читки газет и беседы. Коммунисты и комсомольцы были застрельщиками соцсоревнования.

Старинный обычай «акъсакъаллыкъ», получив широкое распространение на колхозных кошах по сенокосению, приобрел новое содержание. Теперь атрибуты «аксакала» вручались бригадирам и лучшим ударникам. Импровизатор стихов и прибауток, аксакал был

¹ Газ. «Красный Карачай», 1933, 3 сентября.

² А. Г. Евсеев. Указ. соч., стр. 19.

³ Там же, стр. 21.

Первая колхозная пахота.

организатором соцсоревнования, хозяином «красной и черной доски». Большое воспитательное значение имели маски, на обруче которых выводились лозунги об ударничестве, соцсоревновании, сатирические куплеты стихов. Нередко в аксакалах, под накладной бородой и усами, оказывалась комсомолия¹.

В октябре 1933 года в горы Карачая потянулись сотни арб, везущих хлеб, собранный на землях, где раньше карачаевцы не только не могли сеять, но даже и отпрягать быков. Земледелие на «прирезках» внесло большие изменения не только в производственный быт крестьянства, но и на их материальное благосостояние. Возросла стоимость трудодня.

Школой подготовки в колхозы явились в эти годы животноводческие товарищества и группы совместного труда (сева, сенокосения, кормления, пахоты и т. д.), которые укрепились постоянным составом в числе 10—15 хозяйств. Часть групп, на опыте убеждаясь в преимуществах социалистического кооперативного хозяйствования, целиком переходила на устав сельхозартели. Большое значение имела организация соцсоревнования. В эти годы колхозы области заключили договор по вопросам развития животноводства с Дагестанской республикой.

Одним из важнейших мероприятий в деле подъема животноводства и улучшения быта явилась постройка колхозных «культурных кошелей» и типовых домиков в горах. В чистой светлой комнате труженики в часы отдыха читали газеты, проводили беседы. Традиционные «мурджары» — соломенные настилы, где ранее спали закутавшись в бурки, уступили место железным кроватям с сетками, подушками и одеялами. Государство на эти мероприятия ассигновало 241 тыс. рублей².

¹ Газ. «Молот», 1935, 19 января.

² А. Г. Евсеев. Указ. соч., стр. 38.

Основными ячейками, где проводилась политико-воспитательная массовая работа, стали чабанская бригада, коши, полевые станы. Политотделы МТС, организованные в 1933 году, развернули широкую кампанию критики и самокритики, используя для этого стенную печать, районные и областные газеты. В самые отстающие бригады прикреплялись комсомольцы. В колхозах, на полевых станах возникали столовые, детские сады, клубы, амбулатории, красные уголки и бани.

Первый в Карачае колхоз, организованный в 1928 г. в с. Терезе, явился инициатором лозунга «Весь скот под крышу». Строились амбары для зерна, хозяйственные дворы, силосные башни, жилые дома для колхозников, культурные коши, школы, избы-читальни. Каждый чабан и пастух утверждался правлением животноводческого товарищества. Они обеспечивались колхозными бурками, башлыками и обувью. Большое внимание уделялось организации снабжения товарами первой необходимости. На горных пастбищах, в местах скопления кошей, открывались кооперативные лавки. На летних пастбищах постоянно пребывали зооветеринарные уполномоченные.

В 30-е годы начался массовый перевод животноводческих товариществ и СОЗов на устав сельскохозяйственной артели. Началось организационно-хозяйственное укрепление колхозов, внедрение в различные отрасли сельского хозяйства новой агротехники и зооветеринарии. Если в первые годы существования колхозов крестьяне обрабатывали землю в основном старыми орудиями, то теперь пахота производилась тяжелым плугом, куда впрягали несколько пар волов. Если раньше сев велся вручную, то с 1935 года крестьяне стали сеять при помощи сеялок. Почти повсеместно бороновали железными боровами.

В 1936 году впервые на полях колхозов работали комбайны «Коммунар». Тогда же 15 колхозов приобрели свои автомашины, а в МТС поступили первые партии тракторов гусеничной марки ЧТЗ, которые произвели на колхозников незабываемое впечатление. По этому поводу газета «Красный Карачай» сообщала, «что в с. Джегута смотреть на стального коня пришел старик 107 лет Текеев Бияслан, который сел на машину и объехал весь круг в 20 га».

Исключительное значение имело развитие работы по улучшению продуктивности скота. За годы гражданской войны карачаевский скот не только уменьшился численно, но ухудшился и в качественном отношении.

Местная порода овец, отличающаяся приспособленностью к горным условиям, давала высококачественное мясо. Однако шерсть ее была пригодна лишь для изготовления грубых тканей, бурок и войлока. Задачи по удовлетворению сырья растущей шерстообработывающей промышленности и повышения доходности колхозов требовали улучшения породности овец. С этой целью завозятся в область племенные меринсы.

В начале 30-х гг. для селекционной работы по улучшению породы овец были признаны кавказские меринсы.

С 1934 года в области организуется государственный рассадник карачаевской овцы. В селениях Хасаут, Терезе, Джегута, Кичи-Балык создаются племенные овцефермы. Здесь впервые практикуют ручную

случку овцематок. В конце 1935 года в Карачай завозятся тонкорунные овцы, а со следующего года разворачивается кампания массовой метизации карачаевских овец с мериносами¹.

В каждом округе были созданы фермы племенного скота. В 1929 году в животноводческие товарищества селений Терезе, Учкёкен, Ха-саут, Кичи-Балык были завезены из Смоленской области швицы. С 1933 года на базе племенных ферм колхозов с. Терезе и Учкёкен организуется племенное хозяйство крупного рогатого скота. Работа по метизации скота продолжается и в начале 40-х годов: были завезены чистопородные швицы.

Особую заботу заслужила местная карачаевская лошадь, хозяйственное значение которой было высоко оценено уже в первые годы Советской власти. В 1922 году состоялось собрание табуновладельцев Карачая, где была выбрана комиссия по возрождению коневодства. Недалеко от г. Кисловодска был учрежден конный завод, племенной совхоз, а в 1927 году в Первомайском создается государственная конюшня. Продукция госконюшни и конного завода оказывала большую помощь колхозам в улучшении коневодства. Карачаевская лошадь, хорошо зарекомендовавшая себя и в сельском хозяйстве, ежегодно вывозилась далеко за пределы области². В 1937 г. Совнарком СССР вынес решение об организации Государственного племенного рассадника карачаевской лошади. Наряду с основным методом чистого разведения карачаевской лошади практиковалось прилитие крови английских, арабских и кабардинских лошадей. По свидетельству специалистов, этот метод не изменял тип карачаевской лошади, а, укрепляя ее лучшие качества, способствовал исправлению некоторых экстерьерных недостатков.

Огромное хозяйственно-политическое значение имела организация перегона скота на летние пастбища. Опираясь на традиционный опыт хозяйствования, областные организации в 1935 году поставили задачу превратить перегон скота на летние пастбища в общенародный праздник. В населенных пунктах каждому району, колхозу впервые отводились определенные пастбищные участки и намечались скотопрогонные тракты.

Основной производственной единицей на пастбищах являлся колхозный кош, где руководящей фигурой был «кьош тамада». За «кьош тамадой» сохранялись традиционные функции, но теперь он стал подлинным руководителем колхозного производства и организатором культурно-бытовых условий на коше. «Кьош тамада» выбирался на общем собрании колхозников из числа проверенных и опытных людей, имеющих большой стаж работы в организации кошевого хозяйства. Это были пожилые колхозники, пользующиеся авторитетом среди сельчан.

Глубокое уважение к опыту стариков породило в эти годы и новую форму контроля над колхозным производством. По инициативе политотделов, в колхозах избирались специальные контролеры из по-

¹ Г. А. Чеботарев. Карачаевские овцы и первые итоги метизации их с мериносами. Пятигорск, 1939, стр. 10 — 11.

² П. А. Ковтун, Г. М. Мишин. Государственный племенной рассадник карачаевской лошади, Микоян-Шахар, 1940, стр. 6.

жилых колхозников, хорошо знавших производство, пользовавшихся доверием односельчан. Инспектора по качеству, получившие название «бригада стариков-качественников», осуществляли народный контроль за качеством сдаваемого в контрактацию скота и продуктов скотоводства, следили за тем, как идет уборка и заготовка кормов, строительство кошей, вспашка и прополка полей.

Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый в 1935 году, имел огромное значение для укрепления и дальнейшего развития колхозного строя. В нем на основе опыта передовых колхозов были подробно разработаны важнейшие вопросы внутренней жизни артели, ведения общественного и индивидуального хозяйства. Правление колхоза, партийная организация и Советы уделяли главное внимание всемерному укреплению ферм и бригад как основной формы артельного труда.

В том же году в Карачае окончательно закрепились форма организации сенокосения в виде традиционных сенокосных коллективов. Здесь сохранялась старинная форма, но в корне изменялось содержание. Вместе с мужчинами на сенокосе участвовали горянки. За каждой группой заранее закреплялись сенокосные участки, где строились мужские и женские коши — общежития. В процессе труда производственные бригады делились на звенья из расчета 4—5 косаря и 3 сгребальщицы. В сенокосных бригадах, как и на полевых станах, было организовано общественное питание. В отличие от прошлого, когда питание косарей находилось в руках мужчин, теперь готовили обед женщины, известные своими кулинарными способностями.

В связи с проведением организованной зимовки скота в хозяйствах развернулось массовое строительство зимних кошей, расчистка стойбищ, водопоев и дорог. Животноводы обеспечивались комплектом зимней одежды, продуктами питания. Характерно, что стада единопольщиков также размещались на зимовниках. Единоличники кошевые хозяйства имели возможность на конкретном примере увидеть и убедиться в преимуществах коллективного способа хозяйствования.

Успешное решение задачи коллективизации, особенно в горной полосе, имело большое значение для дальнейшего развития экономики и культуры Карачая. Выросли и окрепли колхозы, а вместе с ними и новые люди.

В начале 1936 года в Москве было проведено Всесоюзное совещание передовиков производства. Область послала на это совещание самых лучших людей. После совещания в Кремле карачаевская делегация была принята М. И. Калининым. В торжественной обстановке М. И. Калинин вручил высокие правительственные награды: ордена Ленина удостоились И. Банев, И. Курганов, И. Текуев, ордена Трудового Красного знамени — К. Ижаев, ордена «Знак почта» — А. Джаммаев и Г. Х. Гочияева. В своем колхозе Г. Гочияева (Боташева) — первая из горянок — пришла работать на ферму, а затем ее примеру последовали девушки-горянки.

В ряды первых почетных орденосцев Карачая влились и участники конного пробега вокруг Кавказского хребта: за 63 дня участниками пробега было пройдено 3 тыс. км горного пути. Первым на участке конного пробега был Мусса Казиев.

К 1937 году колхозный строй в Карачае окончательно победил; колхозы объединили 87,7% всех крестьянских хозяйств и свыше 90% посевных площадей. За девяносто четыре сельхозартелями области было закреплено навечно в бесплатное пользование 662,7 тыс. га земель, что способствовало еще большему подъему колхозов и повышению инициативы колхозных масс.

Посевные площади области за истекшие 10 лет увеличились в 12 раз. Развитие земледелия на плоскости способствовало росту экономики сельского хозяйства, более рациональному использованию богатых горных пастбищ.

Большое место заняла промышленная переработка продукции животноводства: 19 заводов сыро- и брынзоварения выпускали превосходные сорта сыров, масла и творога, которые находили широкий сбыт на рынке.

С победой колхозного строя изменился характер труда колхозников. Равная оплата за равный труд, независимо от пола и возраста, явилась экономической базой общественного и семейного равноправия.

Колхозы, наряду с сельскими Советами, стали центрами общественной жизни на селе. В системе производственной пропаганды большой практической действенностью обладали производственные конференции, совещания и слеты передовиков.

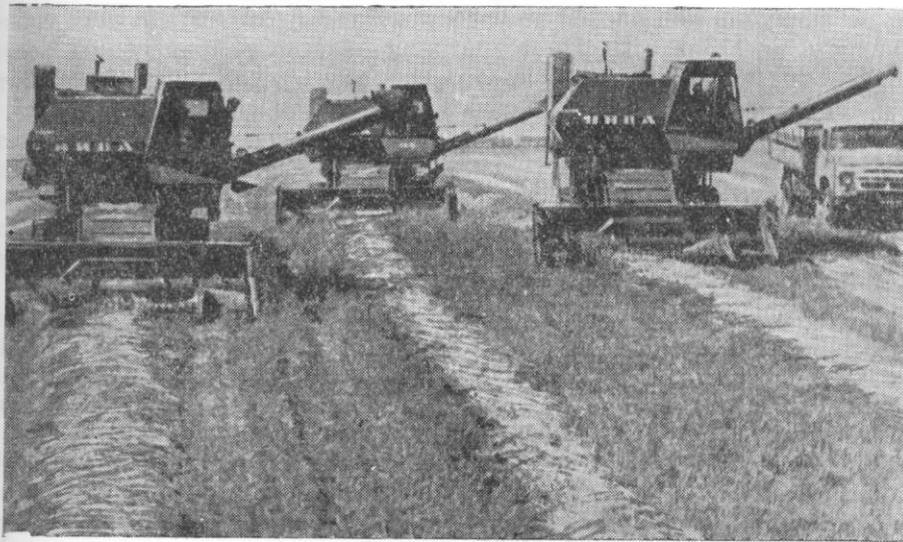
Движению за повышение производительности труда и дальнейшему росту коллективных начал при проведении праздничного досуга были подчинены новые традиции и обычаи, порожденные социалистической действительностью. Так, например, перед началом весеннего сева в колхозах стал устраиваться «праздник первой борозды», который способствует мобилизации колхозников на производство весенне-полевых работ, является смотром готовности.

Осенью, после завершения уборки урожая, в колхозах устраиваются дни урожая и дни чабана, на которых подводят итоги хозяйственного года, отмечают лучших колхозников, принимают обязательства на следующий год. Торжественная часть завершается праздничным угощением.

С созданием колхозов родился новый обычай «къзыл арба» — организация «красных обозов» по сдаче зерна, мяса, сена и другой сельхозпродукции. Везти продукцию на приемный пункт доверяют лучшим людям хозяйства. Колхозы стараются организовать сдачу продукции в один день, поэтому в состав обозов входят до сотни вozов, украшенных лозунгами и красными флагами.

* * *

Современные колхозы и совхозы Карачаево-Черкесии, в соответствии с природными условиями и историческим развитием, имеют мясомолочное направление. Это крупные хозяйства, оснащенные современной техникой. В 1977 году в хозяйствах области насчитывалось 3682 трактора, 1511 комбайнов, 1631 грузовая автомашина и много другой техники. В среднем на каждый колхоз приходится свыше 70 тракторов, 31 комбайн, 40 автомобилей. Из общей земельной площа-

Уборка урожая.

ди 1429,9 тыс. га под пашню отведено 189,7 тыс. га. В среднем на каждое хозяйство приходится более 18 тыс. га земельных угодий, в т. ч. около 6 тыс. га пашни. В результате внедрения достижений агробиологической науки и передового опыта, прогрессивных форм организации труда, укрепления технической базы сельского хозяйства производство зерна, по сравнению с 1922 годом, возросло в 4,3 раза, овощей—в 13 раз, картофеля—в 18 раз. Валовой объем сельскохозяйственной продукции увеличился в 6 раз¹.

Первое место по удельному весу в посевной площади области занимают зерновые культуры (43,0%), затем следуют кормовые культуры (40,2%), далее—посевы подсолнечника, сахарной свеклы и картофеля.

Среди зерновых культур ведущая роль принадлежит пшенице (22,5% всех посевов), а из технических культур—посевам картофеля.

За последние годы интенсивно внедряются высокоурожайные селекционные сорта пшеницы: «безостая-1», «мироновская-808», «юбилейная», «Кавказ», «Аврора». Урожайность озимой пшеницы в области в отдельные годы была от 17 до 29 ц с гектара. В 1975 году средняя урожайность составила 20,6 ц с га, а в некоторых хозяйствах—40—41,5 ц.

Важной культурой в хозяйстве стал картофель, выращиваемый повсюду, в том числе в высокогорных районах, где он дает более высокие урожаи, чем на равнине, и отличается лучшим качеством. В

¹ «Сельская жизнь», 1972, № 9.

1975 г. площадь под картофелем составляла 6,6 тыс. га, средняя урожайность — 113 ц с га. На территории области районированы следующие сорта картофеля: в предгорной зоне — «ульяновский», «крепш» и «столовый-19», а в горной зоне — «гатчинский», «волжанин», «любимец», «лорх».

Среди технических культур наиболее ценной является сахарная свекла. С пуском крупнейшего в стране сахарного завода в Эркин-Шахаре резко увеличилась площадь под посевами сахарной свеклы в области. Если в 1960 году она равнялась 1,4 тыс. га, то в 1975 году выросла до 12,8 тыс. га.

Из традиционных культур сохранились ячмень и овес, выращиваемые как кормовые и крупяные культуры. В ряде колхозов и совхозов сеют гречиху, высокомасличные сорта подсолнечника и зернобобовые.

Природные условия Карачаево-Черкесии благоприятствуют развитию огородничества. Выращивание овощных культур больше всего развито в колхозах и совхозах, расположенных в пригородной зоне. Они и являются главными поставщиками капусты, помидоров, огурцов, моркови на колхозный рынок.

В последние годы в пригородных хозяйствах расширяется парниковое хозяйство, некоторые из них используют термальные воды. Вплоть до коллективизации слабо развивалось и садоводство, хотя оно имело и некоторые традиции. Новые сады стали закладывать в 1950-е годы. В 1960 году площади под садами занимали 4435 га, а в 1975 году — 4663 гектара.

В области с каждым годом расширяется водохозяйственное и гидротехническое строительство. В зоне Большого Ставропольского канала расширяются площади орошаемых земель. Разработана система мероприятий по регулированию и переброске стока рек Большого и Малого Зеленчуков в реку Кубань, что значительно увеличи-

На Эркин-Шахарском сахарном заводе.

чит дебет воды в Кубани и Большом Ставропольском канале, даст возможность обводнить три миллиона и оросить свыше 200 тыс. гектаров земель степного Ставрополя.

Карачаевцы издавна славятся как хорошие ирригаторы. Земли селений горного Карачая полностью обеспечивались водою. Ныне реконструкция оросительной сети проводится на базе высокой машинной техники. В связи с мелиоративными работами осваиваются новые площади как в горах, так и на плоскости. На орошаемых землях возделываются зерновые, сахарная свекла и овощи.

За последние годы площадь орошаемых земель значительно увеличилась и составила 12040 га, что на 44% больше, чем их было в 1970 году. В горах колхозы и совхозы, используя современную технику и опыт предков, возвращают к культурной жизни не только земли древнего орошения, но и болотистые участки.

Луговое хозяйство — важная отрасль сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Полмиллиона гектаров (72 процента всех угодий области) занимают природные луга и пастбища, из них 22 тыс. гектаров улучшенных лугов. Две трети животноводческой продукции получают хозяйства области с естественных лугов.

Одним из эффективных приемов повышения урожайности лугов служит внесение органических и минеральных удобрений. При внесении минеральных удобрений урожайность пастбищ и сенокосов увеличивается в 2—3 раза. Ученые области ведут работу по борьбе с чемерицей, ставят опыты коренного улучшения лугов и пастбищ. Большой ущерб колхозам и совхозам области наносит эрозия почв, которая усилилась в связи с расширением посевов пропашных культур. В равнинной зоне преобладает ветровая эрозия, а в предгорных районах — водная. В зоне горных лугов наблюдается один из самых опасных видов эрозии — селевые потоки. В настоящее время проведено обследование почв области и разработана генеральная схема противозерозионных и противоселевых мероприятий.

За послевоенные годы в области изменились не только способы и структура, но в какой-то мере даже физические условия земледелия: полевые полосы разрезали поля равнинной и предгорной части в зеленые клетки, созданы водоемы в предгорьях.

Рост техники, развертывание строительства на основе новых промышленных методов потребовали организации квалифицированного технического руководства. Ныне агрономы и инженеры, зоотехники и мелиораторы, ветеринарные работники и экономисты — самые уважаемые люди в бригадах и на фермах, организаторы производства. К началу 1976 года в сельском хозяйстве области работали 3810 специалистов, из которых высшее и среднее образование имели 1975 человек¹. Если в 1963 г. на каждое хозяйство области приходилось 30 специалистов сельского хозяйства, то в настоящее время работает свыше 90 дипломированных специалистов. Особенно быстро растет численность инженеров и техников. Руководители всех хозяйств имеют высшее и среднее специальное образование, а некоторые из них — дипломы ученой степени.

¹ Статистический сборник. Черкесск, 1976, стр. 179—181.

«...Чтобы управлять, — писал В. И. Ленин, — нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование»¹. Наличие техники теперь позволяет высевать колосовые культуры за 4—5 дней, собрать урожай не более чем за 10—15 суток. В бригадах и звеньях существует традиционное разделение труда. Работы, требующие большой физической силы (пахота, сев, боронование, культивация и другие работы, проводимые с помощью механизмов, а также ручная косьба сена), выполняются мужчинами. Женский труд применяется в прополке, копке картофеля и сахарной свеклы, в уходе за овощебахчевыми культурами, очистке зерна, сгребании и укладке сена в горах.

Сейчас труженики сел считают два периода полевых работ наиболее напряженными: весной — прореживание и прополка сахарной свеклы, кукурузы и картофеля, и осенью — сбор урожая и заготовка кормов для скота. В эти периоды на поля (и сенокосные участки) выходят все члены бригады, на помощь приходят члены семей — служащие, школьники и студенты. По инициативе стариков создаются специальные звенья пожилых людей по заготовке сена.

У колхозников и рабочих, занятых в поле, рабочий день начинается с утра и продолжается до наступления темноты, с перерывами на обед. Поздней осенью рабочий день полеводо-в сокращается до 6—7 часов. Поэтому проблеме правильного использования трудовых ресурсов села уделяется в настоящее время большое внимание. Изыскиваются возможности создания в селах предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, а также различных подсобных промыслов, которые привлекли бы к общественной работе все трудоспособное население (особенно домохозяйек), давали бы дополнительные доходы колхозам и совхозам и повышали благосостояние тружеников села.

В горных урочищах уровень механизации невелик, поэтому здесь применяется традиционная форма ручной косьбы, сгребания и копнения. Нередко на период сенокосения, с конца июля по сентябрь, выезжают целыми семьями. В ряде хозяйств горной зоны используется труд сезонных рабочих, прибывших из соседних колхозов и совхозов Карачаево-Черкесии, а также из Грузии (Сванетии).

В горах также сохраняется и традиционное разделение мужского и женского труда. Женщины готовят обед, заняты обслуживанием косарей, помогают при сгребании и складывании копен. Если раньше травы в основном шли на сено, то нынче значительная часть их используется для закладки сенажа и силоса. Все процессы этого труда механизированы, ими занимаются в основном мужчины.

Поскольку поля и сенокосные участки удалены от населенных пунктов на несколько (в горах на десятки) километров, работников отвозят на работу и обратно автомашины и автобусы. Нередко мужчины предпочитают личный транспорт — мотоциклы, мопеды и легковые машины. Труженики полей завтракают и ужинают дома. В обеденный перерыв они обедают прямо в поле. На стене красного угол-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 215

Заготовка сена в горах (1970-е годы).

ка—стенды с обязательствами бригады, отделения, звена или фермы и доска показателей. Здесь нередко выступают агитхудожественные бригады, демонстрируются кинофильмы, работают медпункты. Часто молодежь под открытым небом устраивает танцы, пение и вечера художественной самодеятельности. Стенные газеты освещают ход социалистического соревнования. Кооператоры снабжают тружеников полей и ферм нужными товарами, в том числе и по заказу.

По вечерам сельские радиоузлы транслируют передачи о ходе полевых работ. В честь победителей в соревновании на высокой мачте у домика стана или сельского Совета поднимают алый флаг.

Животноводство — традиционная и ведущая отрасль в народном хозяйстве Карачаево-Черкесии. Современное животноводство ведется на базе передовой техники и зооветеринарии. Характерной особенностью животноводческого хозяйства является сохранение и широкое использование выработанных народом навыков и знаний. За последнее время в хозяйствах области много сделано по увеличению поголовья скота и птицы, совершенствованию структуры стада, повышению породности и продуктивности скота, созданию прочной кормовой базы и механизации трудоемких процессов производства.

В Карачаево-Черкесии в 1975 году поголовье крупного рогатого скота, по сравнению с 1922 годом, увеличилось в 1,6 раза, овец и коз — в 1,9 раза. Производство основных продуктов животноводства за этот период возросло: мяса в 2,6 раза, молока в 4,8 раза, шерсти в 6,6 раза, яиц в 8,2 раза. За 1975-й год в хозяйствах области закуплено 126 тыс. тонн мяса, 359 тыс. тонн молока, 196,9 млн. штук яиц, 14,8 тыс. тонн шерсти. В 1975 году произведено мяса — 38,5 тыс. тонн, молока — 152 тыс. тонн, яиц — 94,2 млн. штук.

Природно-экономические условия области, состояние кормовой базы обусловили проведение некоторой специализации в животноводстве.

На равнинной и предгорной полосе содержание большого количества молочного скота сочетается с отгонным овцеводством, а также разведением птицы. В горах же главной отраслью их хозяйства является отгонное овцеводство.

За годы Советской власти овцеводство претерпело значительные изменения в количественном и качественном отношении. Начиная с 1960 года, удельный вес тонкорунной и полутонкорунной породы овец постепенно увеличивается за счет кроссбредизации. Горный тип кроссбредных овец создается в основном в хозяйствах Зеленчукского и Карачаевского районов. Предгорный тип создается в хозяйствах наиболее интенсивного овцеводства — в Прикубанском районе. Повседневную методическую помощь оказывают животноводам области сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козоводства (г. Ставрополь). Здесь изучаются результаты скрещивания тонкорунных маток с баранами породы «линкольн», английской и аргентинской породы в предгорной зоне области.

Работа по улучшению породы овец в хозяйствах горных районов ведется путем отбора породистых баранчиков из собственного стада и проведения селекционной работы. Подобным образом создавалась карачаево-черкесская породная группа — горный корридель.

Второе место после овцеводства в животноводстве области занимает разведение крупного рогатого мясо-молочного скота. Еще в до-революционное время была признана целесообразной организация в Карачае племенной фермы швицкой породы. Однако по-настоящему этими вопросами занялись после коллективизации. Племенной скот в Карачай поступал из разных мест и особенно из Ярославской и Смоленской областей. Впоследствии животноводы Карачая в содружестве и под руководством опытных специалистов вели кропотливую селекционную работу. Если в 1960 году породного поголовья крупного рогатого скота было 40 процентов, то сейчас все стадо представлено швицкой, симментальской, красной степной и абердино-ангусской породами. В горах успешно идут опыты по разведению яков.

В настоящее время в хозяйствах области вопросам развития коневодства уделяется мало внимания. В некоторых хозяйствах имеются племенные лошади, скакуны, используемые для развозов. На конном заводе 168 выращивают прекрасных скакунов, которые славятся не только в нашей стране, но и за рубежом.

Решающими условиями успешного ведения животноводства и повышения продуктивности скота является создание прочной кормовой базы и строительство животноводческих помещений. Основную часть кормов хозяйства области добывают у себя и распределяют их в зависимости от поголовья по бригадам (отделениям), фермам и отарам.

Особое внимание в хозяйствах уделяется заготовке сочных кормов, главным образом, кукурузного силоса. Для хранения силоса сооружаются специальные ямы или силосные башни вблизи ферм крупного рогатого скота. Разнообразием сочных кормов является

Черкесск, проспект им. В. И. Ленина.

также свекловичный жом, закупаемый хозяйствами на сахарном заводе. Различные минеральные, комбинированные корма и концентраты, заготавливаемые самими хозяйствами и покупаемые, хранятся в центральных усадьбах хозяйств.

В горных районах имеются свои особенности, отличительные от предгорных и плоскостных.

Маршруты скотопрогонных путей в горах определились уже давно и являются постоянными. Тем не менее перегон скота пока еще остается трудным делом. Перевозка животноводов, их имущества и части животных осуществляется на автомашинах и телегах. очередность движения отар определяется в зависимости от времени года, расстояния маршрута и возрастных групп животных. Осенью на зимние пастбища первыми перегоняют отары молодняка, затем овец, выделенных на мясо, и баранов-производителей, наконец — отары овцематок и взрослых валухов. Порядок движения на летние пастбища несколько иной: первыми перегоняют валухов и баранов-производителей, а затем маточные отары.

Весенне-летние и осенние пастбища расположены южнее зимних отгонов, на высокогорных альпийских лугах. Пастбища эти (Бийчесьн, Покун-Сырт, Тохтамышле, Шелканка, Чапалы, София, Джалпакъла) выгодно отличаются по своим природным условиям от зимних пастбищ: сочный злако-разнотравный растительный покров, прохладный климат, отсутствие назойливых насекомых и чистая горная вода создают благоприятные условия для жизни в самые жаркие дни лета. На растительном покрове альпийских лугов, известном в народе как «гелеу», четко прослеживается вертикальная зональность. Расстояние между зимними и летними пастбищами состав-

ляет от 30 до 100 км, поэтому два раза в год скот находится в пути (весной и осенью).

Самый ответственный период в работе чабанской бригады — проведение окотной кампании, которая начинается в конце марта, а в горах — в апреле — мае. В настоящее время осуществляется переход на зимнее ягнение.

После завершения окотной кампании начинаются подготовительные работы к стрижке овец. В хозяйствах области сооружены стационарные стригальные пункты. Они обычно устраиваются вблизи селений или в горах у скотоперегонного маршрута, на горных выпасах. Механизированная стрижка овец имеет значительное преимущество перед ручной. Если при ручной стрижке один стригаль за целый день мог обрабатывать 30 — 40 овец, то при электрической стрижке он может за день стричь свыше 100 голов; шерсти же с каждой овцы получается на 100—200 граммов больше, чем при ручной стрижке, причем повышается классность шерсти.

Животноводам страны хорошо известно имя бывшего чемпиона страны по скоростной стрижке овец Сафара Касимовича Байрамкулова. Немногом более минуты нужно ему, чтобы снять руно. Еще в 1962 году С. К. Байрамкулов первым освоил скоростной оренбургский метод и завоевал звание чемпиона области. В 1964 году С. К. Байрамкулов, участвуя в чемпионате Европы, занял первое место и стал обладателем кубка Европы по скоростной стрижке. Позже С. К. Байрамкулов работал инструктором Министерства сельского хозяйства РСФСР. Не только в нашей стране, но и за рубежом С. К. Байрамкулов демонстрировал свое мастерство. Он ездил в Сирию, Болгарию, Индию, Австралию, Венгрию, Монголию и т. д., и всюду ему оказывали почет и уважение.

С. К. Байрамкулов награжден 7-ю золотыми, 8-ю серебряными медалями и орденом Трудовой Славы. Он ежегодно стрижет 2—3 тысячи овец. Звание чемпиона РСФСР завоевал в 1972 году другой прославленный стригаль — А. И. Айбазов из совхоза «Сторожевский». Мастерами скоростной стрижки овец зарекомендовали себя также М. Джуртубаев, М. Боташев и другие.

После стрижки и купания в растворе креолина овец в начале июня угоняют на горные пастбища. В высокогорных альпийских и субальпийских лугах Карачаево-Черкесии, площадь которых составляет около полмиллиона гектаров, ежегодно размещаются свыше полмиллиона овец, 134 тысяч голов крупного рогатого скота и 8 тысяч лошадей. В течение мая — сентября здесь получают около 30% годового объема производства молока, мяса и шерсти. С наступлением сентябрьских холодов отары спускаются с летних пастбищ, постепенно стравливая отаву (в горах) и жнивье (в предгорьях). В это время производится осенняя стрижка грубошерстных овец и их купание. После этого отары движутся к осенним пастбищам, где производится искусственное осеменение овец и вольная случка. С приближением зимних холодов овец возвращают к зимовникам. Ярки, валухи, бараны-производители и овцематки составляют отдельные отары из 600—800 голов. Каждую отару овец обслуживают обычно три человека, из которых старший является подотчетным лицом.

Всесоюзный конкурсе стригалей, г. Черкесск, 1977 г.

Профессия горного чабана сложная, требует хороших знаний природы окружающей местности и физиологии животных. Многие потомственные чабаны работают по 20—30 и более лет. Они хорошо знают, где какие растут травы, их свойства, умеют лечить многие болезни животных, знают, как говорят, «камни и воды». Специфические условия труда чабанов истари сделали этот труд исключительно мужским, но иногда для выпаса овец чабаны горных селений выезжают с семьями на 2—3 месяца в коши. Обычно же на горные пастбища чабаны выезжают одни, а семьи их остаются в селениях. За продуктами и для отдыха чабаны наведываются в село по очереди. Здесь они помогают ухаживать за хозяйством приусадебного участка.

Традиционные черты прослеживаются и при содержании и уходе за крупным рогатым скотом. Фермы молочного скота обычно летом располагаются на горных пастбищах, а зимою — в центральных усадьбах и на кышлыках. В предгорьях в основном практикуется стойловое содержание крупного рогатого скота. Для этого используется зеленый конвейер и кормовой цех по производству жидких кормовых дрожжей, запаренной соломы, кормовых гранул. На зимних стоянках имеются большие стандартные помещения и открытые загоны с кормушками. В ряде случаев дворы механизированы, имеются автопоилки. Многие фермы электрифицированы, жилые комнаты радиофицированы и имеют телефонную связь. Однако в животноводстве ручной труд является еще преобладающим.

Гулевой скот в конце апреля — начале мая перегоняется на альпийские пастбища. За пастбищный период, который длится до октяб-

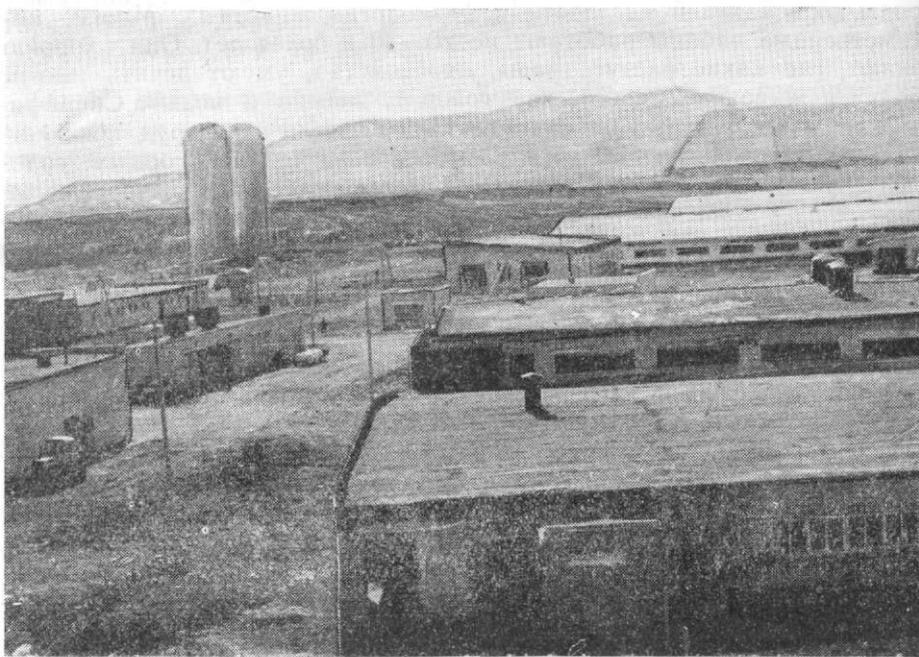
ря, гулевой скот наращивает много мяса. Отдельные животноводы совхозов и колхозов в течение пастбищного периода получают килограммовые привесы и пудовые удои.

Немаловажную роль в увеличении производства молока играет правильная организация дойки коров. Поскольку дойка коров — физически тяжелый труд, то в прошлом этим делом занимались мужчины. Эта традиция сохранялась вплоть до коллективизации. Начиная с 30-х годов, появилась женская профессия — доярка. В последние годы также замечается, что в ряде хозяйств наряду с женщинами доярками на МТФ работают мужчины.

Животноводы, находящиеся в горных выпасах, пользуются услугами автолавок потребительской кооперации, которые доставляют им продукты питания и промышленные товары.

Из других занятий карачаевцев следует отметить также птицеводство. В прошлом эта отрасль была развита слабо. В последние годы в области построены две птицефабрики.

Традиционным занятием карачаевцев является пчеловодство, которое стало быстро развиваться уже в первые годы колхозного строя. Однако в годы Великой Отечественной войны пчеловодство в Карачаево-Черкесии понесло большой ущерб. Ныне разведением пчел занимаются в пчелосовхозе и в ряде хозяйств предгорной зоны, где для этого имеются благоприятные условия. Пропаганде и развитию пчеловодства во многом способствует областная пчелобаза и хорошо оборудованные магазины, где производится продажа полного ассортимента пчеловодного инвентаря и искусственной вошницы в обмен на воск.

Животноводческий комплекс. Совхоз «Красногорский».

* * *

В первые годы после организации колхозы Карачая распределяли натуральные доходы по числу трудоспособных и количеству их выходов на общественные работы. В конце 30-х годов колхозы области стали учитывать затраты труда колхозников по установленным нормам выработки по различным видам работ и оценки их в трудоднях. В дальнейшем эта система учета и оплаты труда развивалась и совершенствовалась. Колхозы стали применять сдельную и премиальную оплату. Учет количества и качества затраченного труда в общественном производстве значительно способствовал росту производительности труда, повысил материальную заинтересованность тружеников села.

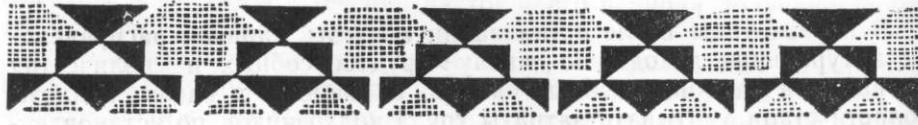
На современном этапе денежная оплата труда колхозников складывается из гарантированного ежемесячного заработка, выплачиваемого по установленным расценкам, и из фонда поощрения, который распределяется между бригадами (фермами) пропорционально выполненному производственному заданию по выходу продукции, а внутри бригады — пропорционально гарантированному заработку каждого колхозника. Кроме того, существуют премиальные фонды и фонды дополнительной оплаты, которые начисляются за отличное качество выполняемых работ. Внедрение новой формы оплаты труда сопровождается ростом уровня заработков колхозников, который с 1970 г. повысился на 24%. Значительно увеличился за этот период и среднемесячный заработок рабочих и служащих. Если в 1970 году зарплата рабочих и служащих составляла 104 рубля, то в 1975 году — 121 рубль.

С 1971 г. повышен минимальный размер пенсии колхозников и на них распространен порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих, повышены тарифные ставки механизаторов сельского хозяйства. С 1975 года производится выплата пособий на детей малообеспеченным семьям.

Помимо общественного хозяйства колхозники, рабочие совхозов и служащие села занимаются приусадебным земледелием и домашним животноводством. Хозяйства из общественных земель выделяют каждой семье (независимо от числа трудоспособных членов ее) приусадебный участок, который располагается в непосредственной близости от дома. Размеры приусадебных участков колеблются в пределах 0,15 и 0,40 га, а в колхозах ныне они составляют 0,25 га. На приусадебных участках выращивают садовые и огородные культуры, повсеместно сажают картофель.

В наиболее передовых общественных хозяйствах приусадебный участок служит лишь источником снабжения семьи свежими овощами и фруктами.

Таким образом, за годы Советской власти хозяйство карачаевцев претерпело огромные перемены. Коллективизация и оснащение хозяйств передовой техникой помогли осуществить переход от индивидуального скотоводческого к многоотраслевому механизированному социалистическому хозяйству.

ГЛАВА III

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

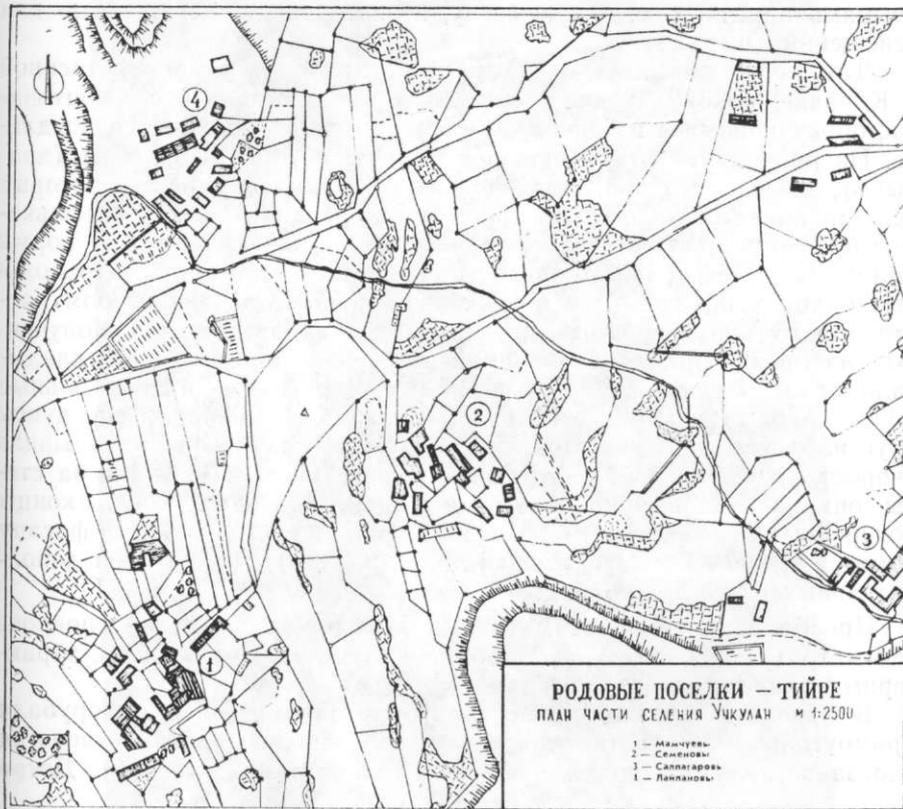
ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Селения и жилища карачаевцев имели свою специфику. В горных районах центрального и восточного Кавказа преобладали каменные жилища, и только карачаевцы, часть балкарцев и адыгейцев возводили свои жилые и хозяйственные постройки из дерева. Селения карачаевцев строились обычно вблизи рек на более или менее ровном месте или пологом склоне горы. Поэтому для них нехарактерна ступенчатость расположения домов, столь типичная для горной Осетии, Чечни, Балкарии¹. Селения Хурзук и Учкулан стоят на реках того же названия, слияние которых образует Кубань, с. Карт-Джурт расположено вблизи от них вниз по течению Кубани. Перечисленные выше селения, а также образовавшиеся позднее на реке Дуут поселки Дуут и Джазлык входили в состав Большого Карачая (Уллу Къарачай).

Для карачаевцев было характерно расселение небольшими поселками — тийре, в русской литературе обычно называемых кварталами. Каждый поселок был окружен пахотными участками (сабан) и поливными сенокосами (биченлик), имел свое кладбище, а иногда и мечеть. В поселке жили члены одного рода, а иногда большой патронимии, по имени которых поселки и получали свое название. Представители одного рода жили иногда в разных селениях. Большие фамилии занимали 2—3 и более тийре². Тийре состояли из ряда жилых и хозяйственных построек, обычно примыкавших друг к другу. Конфигурация и размеры тийре были различны. Постепенно разрастаясь за счет новых построек, они принимали порой очень причудливые очертания. Ориентировка жилищ была неопределенной и зависела от местных условий — склона горы, направления ветров, места, занимаемого данным жилым домом внутри тийре и др. Двери из жилых домов выходили во дворы или, вернее, внутренние пространства между жилыми и хозяйственными постройками.

¹ И. М. Мизнев. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, стр. 245.

² В. П. Невская. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в., стр. 139.

Строительным материалом для всех построек служила сосна, которой были богаты горы Большого Карачая. Часто постройки возводились из тех деревьев, которые были срублены здесь же, на строительной площадке. Возле домов долго сохранялись пни этих деревьев.

Постройки отличались большой монументальностью, впечатление которой усиливалось толщиной бревен. Нередко 5—6 бревен хватало на всю высоту сруба.

Крыши жилых и хозяйственных построек, так же как и крытых дворов, делались земляными. Слой земли, до метра толщиной, зарастал высокой травой, и с гор не всегда можно было разглядеть селение из-за его зеленых, слившихся с окружающим пейзажем, крыш.

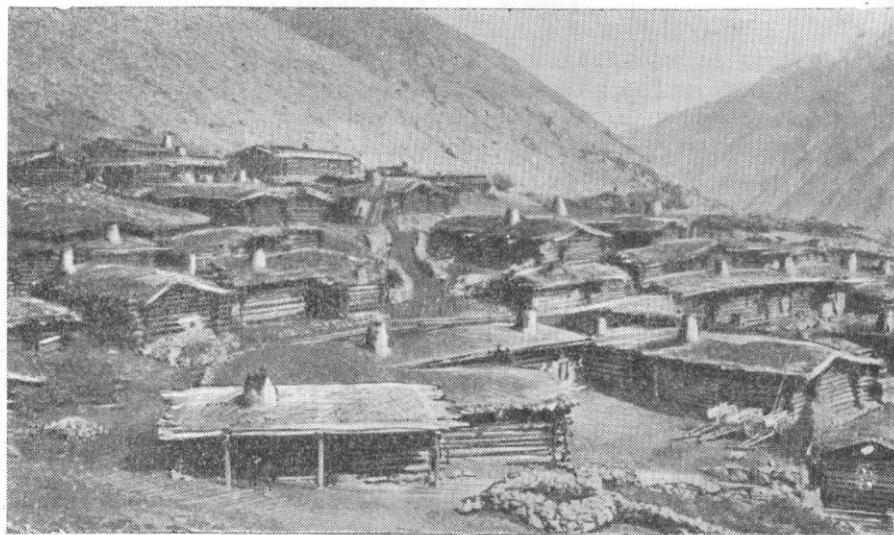
Господствующей формой жилого дома был прямоугольный, вытянутый в длину сруб из бревен. Концы бревен при постройке иногда не подравнивались, а торчали на углах, были различной длины, и иногда на них можно было видеть зарубки, служившие для захвата бревна при транспортировке. Площадку для строительства расчищали, выравнивали и утрамбовывали. Под углы и в нескольких местах по периметру подкладывали плоские камни. Нижние бревна

старались подобрать наиболее прочные, смолистые, так называемые «чыракъ нарат», т. е. такую сосну, из которой делали лучины для освещения (чыракъ).

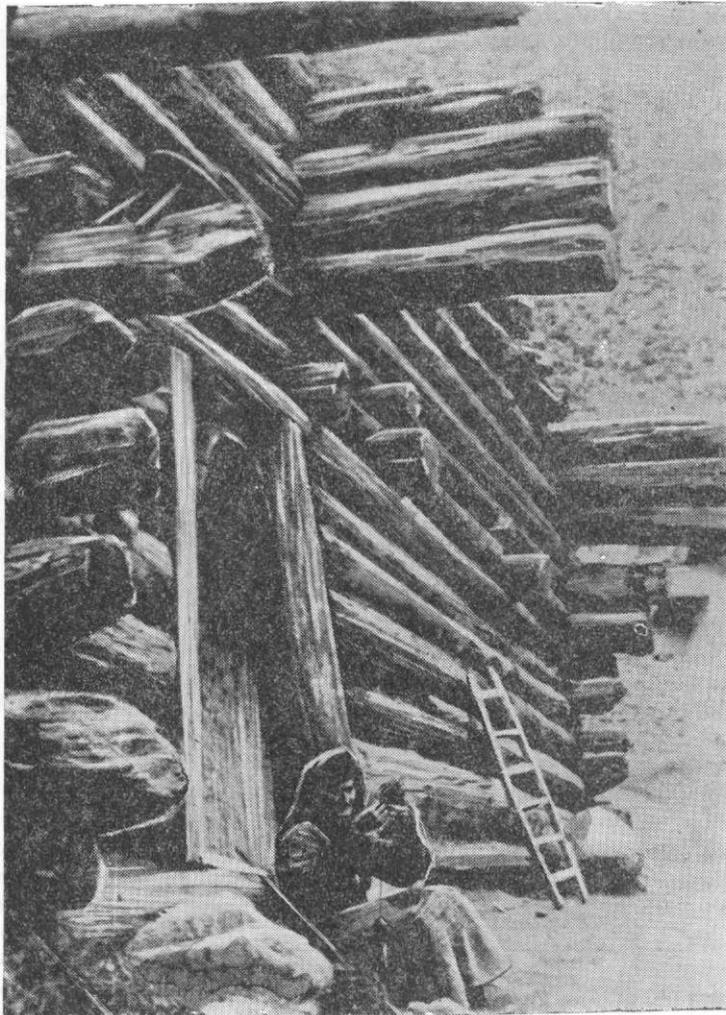
Для получения двускатной крыши, наиболее распространенной в Карачае, боковые узкие стены дома выкладывались с фронтонами, образующимися из бревен, постепенно укорачивающихся по длине. На продольные стены, поперек помещения, клали прогоны (аралыкъ), чаще всего два, и продольные балки (аркъау), которые лежали концами на боковых фронтонах. Средняя балка — коньковый брус — опиралась дополнительно на подставку фигурной формы «маймул» (обезьяна), стоящую на поперечных прогонах. Продольных балок было три. Две из них лежали ниже на некотором расстоянии от коньковой. Затем толстые доски или горбыли, полученные из бревна посредством забивания деревянного клина, укладывали одним концом на коньковый брус, другим — на продольные стены сруба. Их клали так, чтобы края досок находили, чередуясь, друг на друга и не было щелей. Затем поверх досок накладывали хворост, солому и землю. Края крыши несколько выступали за стены, опираясь на выпущенные концы бревен боковых стен, концы поперечных прогонов или бревен внутренних перегородок. По фасаду дома часто делали навес (джатма или халиуан), лежащий на дополнительных опорных столбах.

Преобладание двускатных крыш и толщина земляного покрова (до метра), поросшего травой, объясняются обилием осадков, характерных для Западного Кавказа.

В передней длинной стене, ближе к одному концу, прорубали прямоугольное отверстие для двери. В верхней части отверстия иногда вставлялась доска с полукруглым вырезом (мустук). Двери

Сел. Учкулан. Общий вид квартала Байчоровых (фото начала XX в.).

Тип старинного жилища: с. Хурзук (фото конца XIX в.).

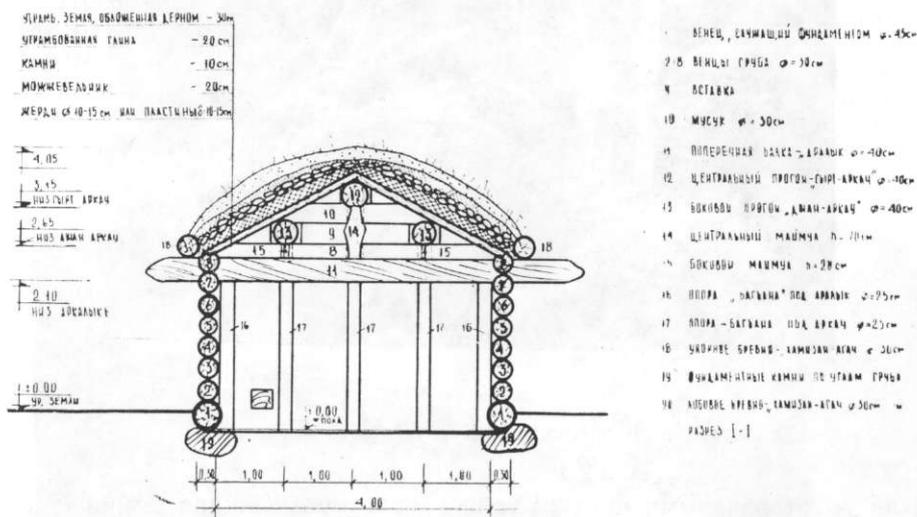
были двустворчатыми и открывались вовнутрь. Каждая створка делалась из одной широкой доски и имела сверху и внизу выступы, входившие в углубления, продолбленные на пороге и в верхнем косяке. Одна из створок, более широкая, находила на узкую. Запирали дверь изнутри при помощи деревянного засова. В двери было отверстие, позволявшее при помощи особого приспособления запираться ее, находясь снаружи. Свет проникал через дымовое отверстие камина. Иногда прорубали небольшое отверстие в толщину бревна, которое изнутри затыкали или прикрывали массивной деревянной ставней. Небольшие окна с мустук закрывали задвижной ставней, которая называлась «кёчген терезе», т. е. кочующее окно, или двумя створками, как дверь.

Внутри дом (юй), представлял собой большое помещение, к которому примыкала кладовая (гёзен) для хранения продуктов питания.

В XIX веке для жилища карачаевцев был характерен пристенный очаг (оджакъ) с широким плетеным из прутьев и обмазанным глиной дымоходом, торчащим высоко над крышей. Но более ранней формой был очаг в виде открытого костра, разводимого посередине дома на земляном полу. На это указывают и наиболее старые постройки типа «дома Боташа» в с. Хурзук и расположение очага во временных постройках — кошах.

В кошах — временных жилищах пастухов — очаг имел вид также открытого костра, но дымохода обычно не было и дым выходил в двери и щели. Для предохранения от загорания крыши (покрытой жердями, сеном или войлоком) над огнем горизонтально вешали кусок плетня, обмазанного глиной, который назывался дюгерлик¹.

В домах с пристенными очагами термин «дюгерлик» применяли по отношению к настилу из досок или жердей, положенных одним концом на поперечный прогон, а другим — на специальную зарубку — желоб в одном из бревен боковой стены. Этот настил играл роль чердака.

Поперечный разрез жилища большой семьи.

¹ Дома со срединным очагом, но без дымохода, сохранились до конца XIX в. в горной Осетии и Балкарии. У балкарцев также существовал и дюгерлик. См.: Ю. Н. Асанов. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, стр. 51.

В далеком прошлом такой дом представлял собой однокамерное жилище большой неразделенной семьи. Ложе молодой брачной пары отделялось особой занавеской «шымпылдыкь». Позднее для женившихся сыновей стали пристраивать к дому (или строить заранее) отдельные помещения «отоу». Оба термина были распространены и у ряда тюркских народов. Занавеска у ложа у тюркских народов играла большую роль в свадебных обрядах¹.

Почетная часть карачаевского жилища (тёр) находилась у боковой стены дальше от двери, за очагом. Там находилось ложе главы семьи, там же сидели обычно мужчины, а также гости мужского пола, если не было отдельного дома или помещения для гостей (кьонакь юй). В кошах, где очаг находился посередине, почетным местом—«тёр»—называли место позади очага, напротив двери. Термин «тёр» бытует у многих тюркских племен. У карачаевцев и балкарцев для почетного места существует также термин (от баши), что означает: глава или верх очага. Это указывает на то, что почетность или непочетность места в помещении тесно связаны с его расположением по отношению к домашней святыне — очагу. В непочетной половине — ближе к двери — на полу и полках стояла хозяйственная утварь, производились различные домашние работы, находились женщины и дети.

В отоу первоначально совсем не было очага, позднее очаг делался меньшего размера, только для отопления. Приготовление пищи для всей нераздельной семьи происходило на очаге «большого дома». Отоу всегда имел отдельный выход во двор и отделялся от «большого дома» стеной. Помещение, в котором жили родители неразделенной семьи, получило название «большой дом» («уллу юй», или «от юй»), что в данном случае имело значение «главный» дом.

Итак, в комплекс жилого дома входили «большой дом» — помещение, где жили родители, неженатая молодежь и дети всех возрастов, и помещения женатых сыновей (отоу), служившие в основном спальнями.

В селениях Большого Карачая вплоть до Великой Отечественной войны сохранялись остатки построек, сохранивших наиболее древние традиции. Это были довольно монументальные сооружения из бревен, имевшие форму многоугольника с земляной крышей, слегка приподнятой посередине и опиравшейся на специальный столб — беджены, сложенный четырехугольником, вроде клетки, из отрезков бревен. Количество беджен зависело от величины дома. Монументальность опор связана была с тяжелой земляной крышей. Сторона беджена иногда достигала в ширину размаха рук (кьулач).

До сих пор мы рассматривали два типа жилищ карачаевцев: продолговатый или более ранний многоугольный дом, отдельно, без сочетания с хозяйственными постройками. Однако в жизни они не всегда были разделены.

В тот же период в XVIII—XIX вв. бытовали крытые дворы — баши джабылгъан арбаз или просто арбаз.

Арбаз — весьма массивное сооружение из цельных бревен до 2/3

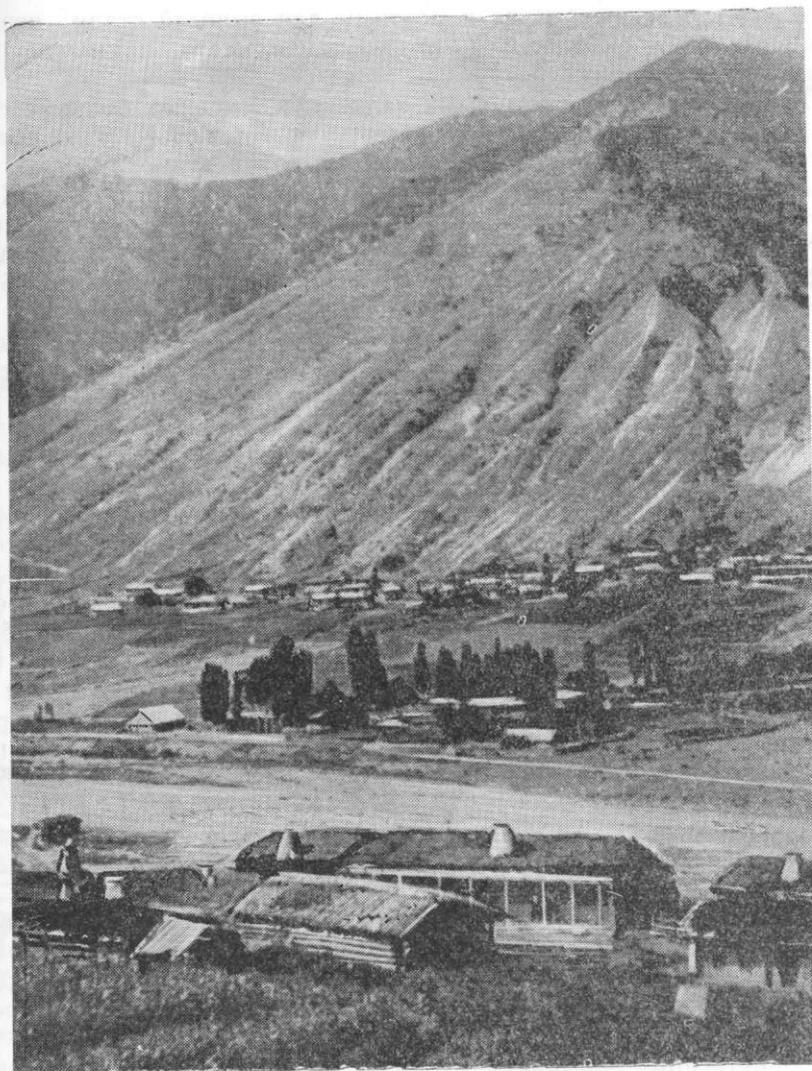
¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. «Материалы по этнографии России», т. III, в. I, Л., 1926, стр. 108. Ф. А. Фельдберг. Свадебные жилища турецких народностей. Там же, стр. 117 — 121.

метра толщиной, имевшее чаще всего довольно неправильную форму. Несколько жилых домов (юй) и хлебов (бау) располагались в виде замкнутого квадрата, прямоугольника или многоугольника. Выходы из всех этих помещений вели внутрь многоугольника. Образовавшийся таким образом замкнутый двор перекрывали тяжелой земляной крышей. Мощные балки крыши опирались на особенно толстые столбы (багъана) и обязательно на несколько беджен. Крыша имела легкий скат во все стороны, как и крыши многоугольных построек. Арбаз имел один (редко два) довольно широких входа, обычно закрытых массивными дверями (арбаз къабакъ). Высота арбаза была до 4—5 м. Помещения, входившие в состав арбаза, не имели окон. Иногда в жилых помещениях прорубались световые отверстия размером 30х30 или 40х40 см. Крытый двор был полутемным. В одном или двух местах в крыше двора делали отверстия для света, носившие название также оджакъ (очаг), что, возможно, указывает на их первоначальное назначение. Даже в конце XIX в., в случаях больших празднеств, под такими отверстиями разводили огонь и подвешивали большие котлы для варки целых туш баранов.

Крытые дворы, где было тепло и сухо, использовали для хранения сена, дров, разного имущества, валяния войлоков и бурок. Во время больших празднеств, семейно-родовых торжеств, когда дом не мог вместить всех гостей, в арбазах устраивали угощение и танцы.

А. Б. Байрамуков рассказывает об одном из арбазов фамилии Байрамкуловых—атауле Санграулар. «По периметру этого арбаза сомкнуто стояли пять домов, а также бау, сарай. Все двери выходили в арбаз. В центре были сложены клетки из бревен — беджены, на которые опирались по четыре балки, отходящие в разные стороны. В крыше арбаза было световое отверстие. Арбазы были очень высокие и середина крыши приподнята для стока воды. Мой дед родился в 20-х годах XIX в. Когда он женился, для него внутри арбаза построили дом — отоу из более мелких бревен. Эта постройка была изолирована от стен арбаза, но крышей для нее служила крыша арбаза, изнутри потолок отоу был плоский и обмазан глиной. В этом отоу в 60-х годах XIX в. родился мой отец, и дом этот стоял еще долго. Арбазы могли строить мощные хозяйства и большие семьи. В прошлом это были деревянные крепости, защищавшие от внешних врагов».

В более ранние периоды, по рассказам стариков, в крытых арбазах держали зимой часто и скот. Арбаз делился жердями на отсеки, чтобы разделить различные виды скота и оставить чистыми проходы в жилые помещения. В таком сооружении жили обычно члены большой семьи. Эта постройка является типичной для периода разложения патриархальной семейной общины. В отличие от многоугольных домов, в которых разделения помещения между брачными парами еще не было, здесь появились уже отдельные постройки — отоу. Но хозяйственное единство семьи выражалось в общем крытом дворе и помещениях для скота, а монументальность постройки, наличие только одного входа, отсутствие окон в доме превращали арбазы в своего рода крепости. По существу они и являлись своеобразным карачаевским вариантом домов-крепостей, весьма характерных для других народов горного Кавказа. Строительство их связано не только с формами социальных отношений, в частнос-

Кубанское ущелье: с. Карт-Джурт, левобережье (конец XIX в.).

ти с патриархальной семейной общиной, но и с постоянной опасностью нападения врагов и расхищения имущества, важнейшую часть которого составлял скот. Набеги соседних народов, а также межфеодалная и межродовая вражда способствовали созданию и сохранению подобных типов жилищ. В этих условиях арбазы облегчали оборону.

Дома-крепости были у хевсур, сванов, осетин, ингушей, чеченцев. Это были каменные постройки, в два и более этажей, часто с высокими башнями. Карачаевские дома-крепости, одноэтажные, возведенные из дерева, как в некоторых случаях и балкарские каменные, развивались в горизонтальной плоскости. После присоединения к Рос-

син опасность извне отпала и поэтому для сыновей стали строить отдельные дома, входившие в тот же тийре, часто примыкавшие к более старому арбазу.

Даже в каменных постройках балкарцев, имевших большее сходство с домами-крепостями других народов горного Кавказа, башни встречаются редко. Э. Б. Бернштейн датирует эти балкарские жилища XV—XVI вв.¹ Вряд ли в Карачае могли сохраниться до XX в. деревянные арбазы с такой датой, но широкое их распространение в XVII—XVIII вв. ясно и по тем их остаткам, которые нам удалось наблюдать в 30—50-х годах XX в. Некоторые тийре в селениях Большого Карачая имели по нескольку арбазов. Но и в Теберде, где селения образовались во второй половине XIX в., были известны арбазы Байкулова, Азаматова, Каншаова. Последнее доказывает, что не все арбазы являются старыми постройками. Строительство и поддержание их было под силу только большой и богатой семье, да и хранить свое имущество в подобной крепости могли только те, у кого было что хранить.

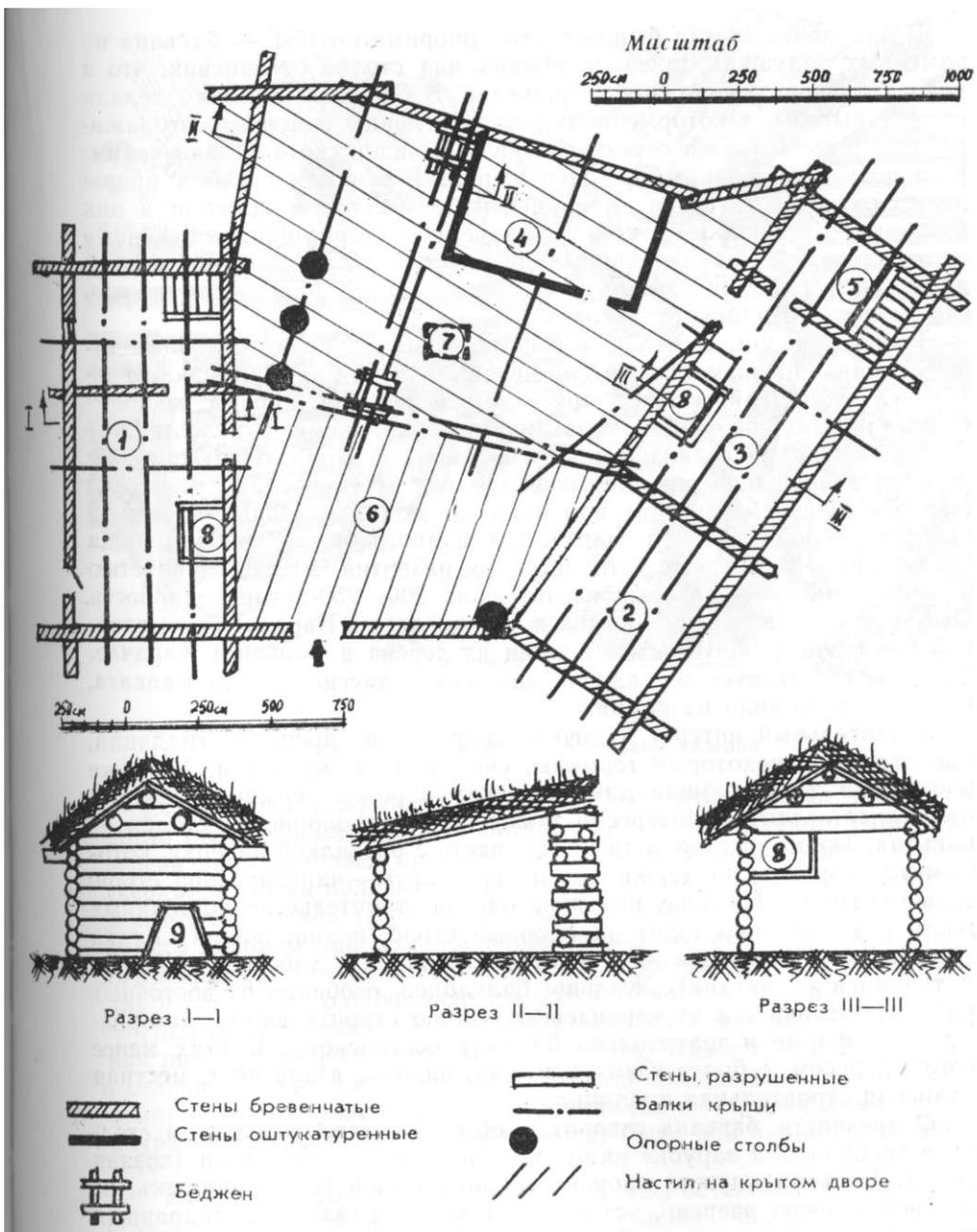
В начале 60-х гг. XX в. еще сохранился подобный арбаз в местности Чылмас, принадлежавший до революции семье Бегеуловых. В самом Хурзуке у Бегеулова была большая мельница и большой дом из пяти помещений. Бегеуловы имели много скота, особенно коз, и рядом с арбазом был дополнительно хлев для скота (бау), сарай для коз — новотелок (бёлген), площадка для дойки коз (юзгере) и громадный круглый каменный загон для коз. Его стены были сложены из камня-сырца и доходили по высоте до 3—4 метров. Ширина стены позволяла пройти рядом 2—3 человекам, а наружная сторона спускалась пологим склоном. Все сооружение было весьма грандиозным.

Арбаз был построен И. Бегеуловым. Вместе с отцом в нем жили сыновья Аубекир, Джагай и Осман, не разделившиеся и после смерти отца. В арбаз входили три жилых дома с кладовыми, в которых жили отец, братья, и один встроенный для кого-то из сыновей отцу. Эти помещения были расположены по периметру громадного крытого двора, куда выходили двери из всех помещений. Крыша двора опиралась на два беджен-клетки и ряд столбов и имела два отверстия (оджакъ). В арбазе жило свыше 20 человек².

Хозяйственные постройки у карачаевцев были немногочисленны, довольно однообразны по внешнему виду, что было связано с характером хозяйства. Земледелие их было незначительно, а его продукция, полученная тяжелым трудом, так ценилась, что зерно хранили в деревянных ларях, стоявших в доме или в кладовой. Скот, в основном, находился на летних или зимних пастбищах. Однако у более зажиточных хозяев около дома строили из дерева или, реже, из камня хлевы для скота — бау или мал орун, т. е. место для скота. Они напоминали жилые дома, но без очага. Обычно они были очень массивны и велики по размерам. Тяжелые земляные крыши, двускатные или плоские, были той же конструкции, что и в жилом доме, но без тщательной отделки внутри.

¹ Э. Б. Бернштейн. Народная архитектура балкарского жилища, стр. 198.

² Н. Петрусевич. Борьба с леопардом. «ССКГ», в. IV, Т. 1870, стр. 88.

Арбаз Бегеуловых, пос. Чылмас
 1 Уллу юй Аубекира 2 Уллу юй Джагая 3 Уллу юй Османа 4 Отоу
 5 Гезен 6 Арбаз 7 Тешик—световое отверстие в крыше
 8 Оджакь 9 Дверь

В бау почти всегда были толстые опорные столбы — багъана на каменных подушках, предохранявших низ столба от гниения, что в условиях хлева имело особое значение. В опорных столбах делали кривые вырезы, в которые вкладывались концы жердей, разгораживавших помещение на отсеки для разных видов скота. Кривизна выреза позволяла поднимать конец жерди. В этих же столбах прорезали сквозные отверстия для привязывания скота и вбивали в них колышки — вешалки. У стен устраивались кормушки, сложенные из толстых бревен. Деревянные двери бау, так же как и в жилом доме, были двустворчатыми, на пятках, но много шире, и запирались сложными деревянными засовами.

Таким образом, в XIX в. в Карачае существовали различные типы жилищ — древние многоугольные дома, дома прямоугольной формы со срединными, а затем пристенными очагами, арбазы, хозяйственные постройки — бау и различные виды временных жилищ — лошей. Среди последних можно было видеть варианты от простейших убежищ в пещерах, построек из трех составленных концами жердей, покрытых куском войлока¹, до монументальных деревянных срубов со срединным очагом. Такое многообразие форм жилища объяснялось ходом его исторического развития и долговечностью построек, многие из которых насчитывали 200—250-летнюю давность. Отсутствие строительного камня и обилие леса в Карачае было главной причиной строительства жилищ из дерева в Большом Карачае. Там, где отсутствует лес, карачаевцы, как и другие народы Кавказа, строения возводили из камня.

Значительный интерес, с точки зрения сохранения древних традиций, представляют некоторые термины, связанные с жилищем. Мы уже упоминали такие общие для тюркских народов термины, как тёр, отоу, шымпылдыкь. Интересно также название опорного столба — багъана. Тюрки называли так шест, часто с развилкой наверху, которым поднимали и поддерживали наверху круг — чангарак при строительстве юрты². Позднее, при переходе на строительство постоянных жилищ, термин переходит на опорный столб, подпирающий балки крыши (у карачаевцев — багъана, у казахов и узбеков — бакан, у тувинцев — магана). Жилище балкарцев, особенно в восточных районах, отличается от карачаевского и по строительному материалу, и по форме и значительно ближе к осетинскому. В этих менее богатых лесом и более узких ущельях, видимо, взяла верх местная аланская строительная традиция.

О древности багъана говорит и обычай оставлять на этом столбе в специальной зарубке пищу для домового — юй иеси (хозяин дома). Багъана служил опорой для поперечной балки аралыкь, на которой, в свою очередь, устанавливалась подставка, подпиравшая коньковую балку аркъау. Она имела обычно фигурную форму, часто в виде примитивной человеческой фигурки, и называлась маймул (обезьяна).

¹ В. Ф. Новицкий. В горах Кавказа. «Известия Русского географического общества», 1903, т. 39, в. II, стр. 94.

² В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. XXIII, СПб., 1909, стр. 1448.

Улица в старинном карачаевском селении.

Строительство жилищ было делом коллективным, да иначе и не могло быть при массивности построек и уровне техники. Обработка дерева производилась при помощи местного топора (балта) и тесла (керки), а доски получались путем раскалывания бревна с помощью деревянного клина (агъач чюй). Срубленные в лесу бревна доставлялись волоком при помощи пары быков. Большие бревна вкатывали наверх сруба по наклонным брускам. Работа эта была очень тяжелая и требовала одновременного участия многих людей.

Поэтому при постройке домов применялся маммат — коллективная помощь родных, а позднее и соседей. Даже гости, приехавшие в селение, приходили на маммат. Хозяин должен был поставить угощение для всех участников. Перед началом постройки дома делали кърманлыкъ, т. е. приносили в жертву быка или барана и молились богу.

Выбрав место для постройки дома, там оставляли на ночь чашу с медом и с водой. Если за ночь содержание чаши убывало, то место считалось несчастливим. Перед началом строительства все его участники «проходили под палкой». Палку держали два уважаемых в селении человека. Это считалось очень серьезной клятвой и должно было подтвердить чистоту помыслов работающих по отношению к хозяину будущего дома. В прошлом этот обычай сопровождал прием в род. Возможно, что это своеобразный отголосок того времени, когда участие в постройке могли принимать только члены данного рода.

При постройке под углы дома клали каменный уголь, серу, блестящие камни, чтобы земля была щедрой, а также деньги и дууа (амулеты). По окончании строительства устраивали «кърманлыкъ». Считалось обязательным, чтобы все, вплоть до малышей, попробовали мясо жертвенного животного. Почетный старик из фамилии хозяина произносил над чашей с бузой или пива (сра) благопожелание (алгыш).

В готовый дом сначала вводили детей, вносили вещи, а затем вешали очажную цепь. Когда первый раз разводили огонь в очаге, клали у очага топор или другую железную вещь, «чтобы было счастье». Очаг разжигал кто-либо из фамилии хозяина, но обязательно человек хороший, счастливый, «живущий своим трудом».

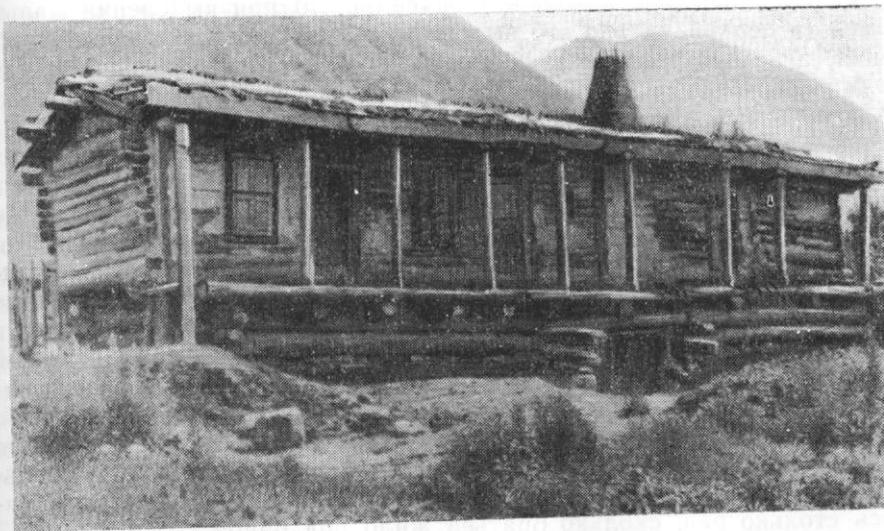
В пореформенный период, а в особенности с конца XIX в., произошли большие изменения в материальной культуре и быту карачаевцев. Объясняется это сдвигами в экономике, ростом классового расслоения, изменением форм семейного быта, а также связями с русским населением Северного Кавказа.

В селениях Большого Карачая продолжало сохраняться деление на патронимические кварталы (тийре), хотя в пределах одного тийре иногда поселялись отдельные лица, а порой и семьи из других фамилий. Но характерно появление уже более или менее определенного центра селения. Ярче всего он выявился в административном центре Б. Карачая, селении Уччулан. Здесь на средства общественных сумм Карачая были выстроены каменные здания с железными крышами — сельское управление, школа, больница. Неподалеку от них расположились лавки и площадь базара.

При отгоне стад на зимние пастбища, расположенные на плоскости, карачаевцы давно соприкасались с русской культурой и бытовым укладом в его местном северокавказском варианте. Но процесс заимствования русских форм жилища требовал соответствующей материальной базы и значительной перестройки не только быта, но и сознания. Препятствием в этом процессе была агитация мулл, осуждающих все, что идет от гяуров — неверных. Однако жизнь входила в противоречие со стариной и вносила ряд изменений в старое жилище карачаевцев. Они касались материалов, планировки, архитектуры и отделки здания. Преобладающим материалом для жилища продолжало оставаться дерево, но в конце XIX в., а особенно в начале XX в., начали строить дома из обтесанных брусьев или толстых досок, обмазанных глиной, а в отдельных случаях даже оштукатуренные. Дома такого типа первоначально возводили русские мастера, но позднее появились и карачаевские плотники. Вместе с русскими мастерами пришла двуручная пила, рубанок, вместо двуручного струга, и другие инструменты. Изменилась и система кладки бревен. Так, кладка угла сруба из брусьев или досок без выступающих концов до сих пор носит название орус чалдыш, т. е. русский угол. Шире начал применяться камень, в первую очередь, для хозяйственных построек, а изредка и для жилых домов. Впрочем, чаще всего из камня возводили только фундамент, а иногда первый полуподвальный этаж, в котором устраивали помещение для скота или кладовую. Земляная крыша оставалась преобладающей вплоть

до революции. В конце XIX—начале XX вв. богатые хозяева стали крыть крыши железом, реже—тёсом или дранкой. Железом или досками обшивался широкий дощатый дымарь, пришедший на смену плетеному. На некоторых домах появились и обычные печные трубы из кирпича. В отоу начали делать печи. С этого времени отдельную комнату стали называть —печ. Новые печи называли «русскими», но они с самого начала отличались от того, что обычно называют «русской печью», т. е. той, в которой пекли хлеб и варили пищу. В Карачае «русской печью», в отличие от камина—оджакъ, называли печь типа маленькой плиты, которая служила и для обогрева, и для варки пищи. Делали их первоначально русские мастера (печ-уста).

В 80-х годах XIX в. в домах появились окна русского типа с переплетом рам, наружными ставнями, а иногда и наличниками, украшенными пропиленной резьбой. Окна располагались по передней стене здания. В богатых домах стали делать одностворчатые или двустворчатые филенчатые двери на железных петлях. Наконец, в первую очередь, в отоу, появились деревянные полы и потолки. Чаще всего потолок делали с наружными балками, на которые поперек клали доски. В более богатых домах потолок зашивали так называемой вагонкой, т. е. узкими профилированными дощечками. Потолок красили темной, чаще всего коричневой, краской, пол оставляли некрашеным. В эти же годы навес крыши, опиравшийся на столбы, начал оформляться в виде галереи — коридора. Вместе с появлением фундамента, на его высоту поднялся и пол галереи, который оставался земляным или покрывался досками. Из досок же делали баллюст-раду и дверцу, ведущую на галерею. Но дома нового типа были доступны только богатым людям.

Типы жилища: с. Хурзук (вторая половина XIX в.).

Типы жилища: с. Учкулан (нач. XX. в.).

Крытые дворы — арбазы, характерные жилища больших семейных общин, доживали свою жизнь, подвергаясь естественному, а порой и искусственному разрушению. Возрастающая роль малых семей выражалась в изменении роли «большого дома». Если раньше он являлся центром жизни всякой семьи, то при выделении малых семей (а первоначально это выделение выражалось в сфере потребления, а не производства) «большой дом» остался помещением для родителей. Позднее он начинает приобретать значение кухни, летнего помещения, а на зиму даже и старики переходят в помещение с печью—печ. Отоу, находившееся под одной крышей с «большим домом», перестали играть роль только спален. Они увеличивались в размерах, в них стали устраивать большие очаги, на которых уже готовилась и пища. В дальнейшем при отоу начали появляться (хотя и нечасто) свои кладовые (гёзен). Так, совершенно четко появилось полное отделение потребления малой семьи, хотя хозяйство производящее (скот и земля) еще находилось в общей собственности и делился только продукт. Наряду с большими семьями, где главой являлся отец или дед, были семьи, состоявшие из братьев, после отца продолжавших общее хозяйство и живших под одной крышей. При этом варианте иногда можно было наблюдать механическое соединение всех ячеек, необходимых для большой семьи, т. е. «большого дома», отоу и кладовой. Такая комбинация обычно повторялась столько раз, сколько братьев жило под одной крышей.

В тех случаях, когда происходил выдел женатых сыновей или полный раздел большой семьи, выделявшийся получал новый от-

дельный дом (построенный чаще всего на средства всей семьи) поблизости от старого дома в пределах одного квартала — тийре. Иногда дом строился на новом месте вне своего тийре.

В 90-х годах XIX в. появились новые дома, имевшие в плане квадрат или слегка вытянутый прямоугольник. Это были деревянные постройки с оштукатуренными стенами, железной или тесовой четырехскатной крышей в один и два этажа. Коренным отличием от построек старого типа было наличие окон и дверей не с одной стороны, а со всех четырех или с трех сторон здания. С двух или с четырех сторон начали делать и галереи, на которые выходили окна и двери. Иногда эти галереи застекляли. В двухэтажных домах галереи делали только на втором этаже или (чаще всего в Тебердинском ущелье) во 2-м этаже делали навесной, на кронштейнах, балкон. Первый этаж такого дома использовали для кладовых, кухню, приспособляли под лавки или мастерские.

Дома нового типа напоминали постройки зажиточных хозяев в русских станицах, а двухэтажные с галереей вокруг приближались к западно-грузинскому типу жилища этого же периода. Но особенности заключались в планировке, отвечающей привычке карачаевцев. Согласно обычаю, невестка должна была избегать встреч со своим свекром и вообще старшими родственниками мужа — мужчинами. Поэтому в старинных длинных домах каждое помещение в доме имело отдельный выход на галерею, обходящую все здание и служившую единственным путем сообщения между комнатами. Этот же принцип соблюдался и при постройке квадратных домов нового типа.

2. Посредине проходил коридор, выходивший обоими концами на галерею. Двери комнат выходили в коридор. Наличие двух выходов из коридора позволяло в любом случае избежать нежелательной встречи невестки со свекром. 3. Выход из дома был один через небольшую комнату типа сеней, в которую выходили двери остальных помещений. Это более поздний и более редкий вариант.

Таков был общий путь изменений в селениях и жилищах карачаевцев в пореформенный период и особенно в начале XX в.

Образовавшиеся во второй половине XIX в. селения Гитче Къарачай (Малый Карачай) имели свою специфику. Наиболее ранним из них была В. Теберда. Официально она основана в 1868 г., но еще до этого на этих землях издавна находились карачаевские селения Джамагат и Кырылган Теберди¹.

В Теберде переселенцы (за исключением первой группы Байчоровых) жили уже не родовыми тийре, а вперемешку по мере заселения. И только уже родившиеся в селении впоследствии, при женитьбе, по мере возможности старались строиться около своих близких. Таким образом, в В. Теберде расселение сложилось по социальному положению и материальной обеспеченности. Характер построек в В. Теберде был, в основном, традиционным. У некоторых были даже небольшие арбазы. Но здесь довольно рано появились и новшества. В Тебердинском ущелье изменения в жилище распространялись быс-

¹ Здесь еще в конце XVIII в. находилось небольшое селение Джамагат. Но в начале XIX в. в связи с распространением чумы жители частью погибли, а частью переселились на Баксан.

Современный вид долины Хурзук (Кубанское ущелье).

трее по ряду причин: это были селения, строившиеся уже в иной исторический период. Связи с русскими в этих районах были сильнее, чем в Б. Карачае, что способствовало в конце XIX в. образованию здесь курорта.

В 1870 г. возникло селение Каменномоетское, а в 1875 г. — Маринское, Верхняя и Нижняя Мара. В Верхней и Нижней Маре уже не было родовых кварталов. Дома не лепились один к другому по родственному признаку, а каждая усадьба стояла самостоятельно.

Первоначально дома строили по старому образцу того же типа, что и в Б. Карачае. Но строительный материал был другим: сосна здесь не растет и в дело шли дуб и чинар. Семьи переселявшихся сюда были обычно небольшими, поэтому дома строили меньших размеров. Недостаток строительного леса заставлял прибегать к использованию для хозяйственных построек, главным образом, камня. Дома покрывали землей, а иногда даже соломой. Близость к станции Баталпашинской облегчала приобретение таких строительных материалов, как листовое железо, а позднее и оцинкованное, стекло и кирпич.

Заселение Дзегуты, начавшееся в 1881 г., затянулось на 10—15 лет. Наименования кварталов показывают кардинальное отличие от родовых кварталов Б. Карачая. Один конец селения так и называли — узденский, а второй — кульский. Некоторые называются по топографическим или другим специфическим признакам. Например: Эки сууарасы (Междуречье), Огъары тала (Верхняя поляна), Гю-

рюлдеуж (Шумный), Четет (Теневая сторона), Орта тийре (Средний квартал). Некоторые названия, видимо, произошли от имен переселенцев—Къонду къабакъ, Хаджай къабакъ.

Характер построек в Джегуте отличался от других селений. Окрестные леса почти не давали строительного материала. Трудно было найти бревна не только для стен, но даже для балок крыши, в особенности очень тяжелой, земляной. Поэтому нередко дома делали плетеными и обмазывали их глиной, а крыши покрывали соломой. Но при малейшей возможности старались построить каменные дома, хотя крыши тоже были соломенными. Камень клали всухую, но потом обмазывали стены с обеих сторон глиной. Солому на крышу клали поверх обмазанного с двух сторон плетня. Очаг, расположение и устройство полок, нар или кровати для спанья были традиционными.

С 900-х годов здесь начали строить дома русского типа. Первым такой дом с окнами, полами, потолками и печами построил себе богач Наны-Хаджи Батчаев, но крыша была земляная, и только когда семья стала делиться, построили дома под железом и черепицей.

Усложнение строительства домов и улучшение их отделки требовали квалифицированного труда специалистов—агъач уста и къалаучу.

Первоначально строителями были русские, главным образом, отходники из Пензенской и Тамбовской губерний. Печи клали тоже русские, а в Тебердинском ущелье—и осетины. Но трудолюбивый, привычный к работе с деревом, карачаевский народ быстро освоил строительное дело, и в каждом селении появилось немало местных мастеров.

Фундаментальность карачаевских построек способствовала их долговечности, и поэтому даже по материалам 30—60-х годов XX в. можно судить о характере жилищ XVIII—XIX вв. Значительно сложнее судить об убранстве жилищ того периода. Наиболее раннее описание внутреннего устройства и отчасти убранства жилища относится к 1848 году: «К середине внутренней стены приделывается навес с отверстием, выходящим в широкую и длинную круглую трубу, сплетенную из лозы и обмазанную серой глиной, под навесом четырехугольной формы устраивается очаг; отверстие над очагом заменяет окно и оттого здесь летом бывает в сакле светло, но не жарко; зимою же должно быть холодно, потому что печей нет. Кровать занимает почетное место, головою к камину. Она отставляется от стены... Перед камином ставится узкая длинная скамья, на которую накладывается нечто вроде нашей каретной подушки, с матерчатой покрывкой, иногда в конце противоположном кровати делают отверстие вроде окна и под ним устраивают нары для гостей. Рам и стеклов вовсе нет. Потолки и все бруссы внутри обтесаны чисто, гладко и прочно приложены. Полов дощатых не делают»¹.

¹ Г.—Д. Поездка к южному склону Эльбруса. «Библиотека для чтения», 1849, № 9, стр. 66—67.

Это описание доказывает устойчивость традиций планировки помещения и убранства жилища. И позднее на почетном месте (тёр) находилось место для сна главы дома. Первоначально это земляные нары, подобные тем, что позднее были в кошах. Затем начали делать нары из досок, положенных на глинобитные столбики—ножки. Судя по приведенной цитате, уже к началу прошлого столетия сложилась и форма деревянной кровати самодельной работы—орундук (от орун—место). Название это не случайно. Глава семьи был единственным, кто всегда имел определенное место для сна. Остальные члены семьи—неженатые сыновья, дочери, дети разных возрастов располагались на ночь чаще всего на полу, подстилая войлоки, а позднее — тюфяки и подушки.

Орундук имел с трех сторон равной высоты стенки из дощечек, украшенных резьбой (садрач орундукъ), а иногда и надстройку сверху в виде крыши или рамы. На стене над кроватью вешали узорный войлок или ковер. В дневное время постель с кровати убирали, застилали ее войлоком или ковром, и она служила местом сидения для хозяина и самых почетных его гостей мужского пола. Над орундуком поперек комнаты горизонтально подвешивали шест (кзурукъ). На нем развешивали нарядную одежду (кзурукъ кийим).

На кзурукъ вешали специальный войлок, украшенный аппликацией из сукна (кзурукъ кийиз), а иногда суконную занавеску (узкой полоской) с суконными же аппликациями. Поверх задней длинной стены делали полку (баш тапха), на которой расставляли красивую утварь или клали подушки. На нее вешали полоску ткани с бахромой (тапха джабыу). Ниже — примерно на середине высоты стены, также во всю длину, вделывали деревянную широкую полку (джыйгъыч), куда ставили различные сундуки и складывали матрацы и одеяла. На эту полку вешали джыйгъыч кийиз—длинную узкую полосу черного войлока с аппликациями из белого войлока или красного сукна, или, в более поздний период, занавеску из материи (джыйгъыч джабыу). По низу стены делали возвышение—завалинку из земли или обмазанного глиной бревна (тырхык). На нее ставили различные кувшины, кадки, лари с продуктами (особенно, если в доме не было кладовой). Перед задней стеной, напротив очага, ставили деревянный диван-топчан—того же устройства, что и орундукъ, с более низкими спинками, узкий и длинный. Он служил местом сидения гостей, а в их отсутствии, с разрешения старшего (юй тамады), на нем могли сидеть мужчины, члены семьи (но не молодежь). Вся часть помещения ближе к двери считалась непочетной и предназначалась для хозяйственных работ женщин. (Она называлась «тёбен тыбыр» или «от аягы».)

По боковой стене тянулись одна-две полки для посуды, внизу, на тырхыке, стояли чугунные котлы для варки мяса, жадушки для айрана и сыра, кувшины для носки воды, деревянные подойники, цедилки и т. п. На стене, под полкой, подвешивали за петельку круглые невысокие столики на трех ножках — тебси. Они употреблялись только для еды. На тебси без всяких дополнительных блюд и тарелок клали не только мясо или хлеб, но и крутую кашу. В доме обычно было несколько тебси для приема гостей. На хозяйственной женской половине не было никакой мебели, кроме низеньких скамеечек (шиндик),

куска сложенного войлока или подушки, служившей для сидения женщинам, детям и подросткам. В этой же части помещения находилась обычно дверца, ведшая в кладовую для хранения продуктов — парство старшей женщины в доме, носившей гордое название «юй бийче», то есть «княгиня дома» (первоначально — старшая дома). С балок крыши свешивались деревянные вешалки (ыргъакъ) в форме мутовки, на которые вешали разные предметы.

Пристенный очаг (оджакъ) первоначально представлял собой свешивавшийся сверху плетеный колпак, под которым разводили огонь. Позднее конструкция очага усложнилась. С двух сторон вертикально устанавливались билек агъач — доски, опиравшиеся на пол и расширявшиеся кверху. Они служили опорой для дымаря (оджакъ), первоначально плетеного и обмазанного глиной, а с конца XIX в. сложенного из досок. Место, где разводили огонь, называли от джагъа. Стену дома обычно в этом месте защищали от огня, выкладывая из камня и обмазывая глиной закругленное сверху утолщение — тыбыр. Иногда, если очаг был широким, с внутренней стороны, около билек агъач, делали глинобитные ступеньки (кьюуш). Край очага в месте соединения с билек агъач имел выступ-полку, на которой клали продолговатое корыто (тегене) для теста. В таком случае эту полку называли тегене-тапха. Внутри дымаря вделывались две поперечины (сынджыр агъач), на которые подвешивалась цепь для котла (сынджыр). Очаг располагался всегда в середине передней стены, и по его сторонам оставалось некоторое свободное пространство. В той части, где стояла кровать, в этой стене в более позднее время делали окно. Между окном и очагом вешали обычно постилавшийся при молитве из войлока или же покупной коврик (намазлык).

Огонь в очаге служил не только для тепла и приготовления пищи, но и для освещения. На ночь горящие угли слегка прикрывали золой, чтобы утром не возиться с кресалом и кремнем. Этот обычай соблюдали и позднее, когда уже были спички. Для освещения использовали длинную сосновую лучину, которую втыкали в щели стенки очага, в кувшин. Иногда делали чырахтан в виде деревянного кола с развилкой, воткнутого в земляной пол. Сверху прибавляли железку, на которую клали лучину. В некоторых домах имелись железные кованные стоячие или подвесные светцы для лучины, украшенные изображениями голов козлов, баранов, оленей. С другой стороны очага, ближе к двери, иногда делали дополнительные полки для чайной посуды (шай тапха). Деревянная люлька для ребенка (бешик) обычно стояла также на женской половине помещения.

Особенностью убранства жилища являлось большое количество войлоков (на стенах, полках, шесте для одежды, на кровати и диване, на полу), а также различных украшений из ткани.

Кроме уже упомянутых, информаторы называют еще джыйгъыч баши джабыу — белую полоску с бахромой под самым потолком, катапа—джабыу—бархатную занавеску над джыйгъыч, под потолком также вешали ингичге джабыучукъ «узкое покрывало». Поверху же вешали этегли джабыу из сукна с аппликациями. Информатор Джандет Байрамукова (сел. Джегута) рассказывала, что на баш тапха, где лежали пуховые подушки, вешали «тёшекле джабыу», поверх него полосу тюля — хар-джабыу. Она же вспоминала о каком-то украшении из ткани — кьыртчыгъа, которое вешали под крышей от

верхней коньковой балки (аркъяу) до верхней полки. Зимой для тепла на дверь изнутри вешали войлок в размере двери.

Особенно богато украшались отоу. В убранстве отоу важное значение придавалось шымпылдыкъ (занавеска, завешивавшая ложе молодых). В углу вешали также занавеску — мюйюш джабыу — из белой материи, и во время свадьбы за этой занавеской стояла невеста.

Указанные выше особенности убранства карачаевского жилища, отличающие их от соседей — черкесов, сванов, осетин, — с несомненной очевидностью подтверждают сохранение многовековых традиций.

Вопросу убранства жилища в народе уделялось большое внимание. Существовал любопытный обычай своеобразного соревнования в наилучшем украшении жилища. Девушка объявляла о своем желании показать убранство дома. Тщательно подготовившись, хозяева дома приглашали своеобразную «комиссию», состоящую, главным образом, из стариков, которые давали оценку убранству и работе девушки. В ответ на это подобное же приглашение поступало от другой девушки из другого тийре и т. п. Такого рода смотры способствовали сохранению традиционных черт в убранстве жилища и закрепляли опыт, сложившийся сотнями лет.

Определенную окраску интерьеру придает обычно и утварь, тем более при манере держать ее на открытых полках напоказ. Гордость хозяина и украшение жилища составляли обычно медные котлы для варки пищи, такие же кувшины для ношения воды и кумганы для омовения. Эти вещи привозились готовыми из Грузии, Турции или Дагестана, а также изготовлялись на месте мастерами-отходниками, главным образом, лакцами (всех дегестанцев в Карачае называли кумуками).

В дореформенный период в интерьере значительно ярче, чем в самой постройке, выступали социальные различия. Богатые люди имели больше скота и, следовательно, шерсти для изготовления войлоков, в их жилище большое место занимали покупные привозные изделия—для этого периода в первую очередь—медная посуда и ковры.

Наиболее резко выступали эти различия в дореформенный период. Общий характер расположения предметов и убранства остался прежним, но значительно увеличилось число покупных предметов. Вместо описанных выше нар стали появляться деревянные кровати русского типа с двумя спинками. Полки для посуды объединялись боковыми стенками, образуя подобие стеллажа или шкафа. Вдоль задней стенки иногда делали длинный во всю стену невысокий (вроде прилавка) «джыйгъыч шкаф» с многочисленными отделениями и дверцами. Часть отделений с подъемной крышкой предназначались для хранения зерна и муки. В других же отделениях держали различную посуду и другие вещи. На этом шкафу ставили сундуки и складывали постели, как раньше на полке — джыйгъыч. Круглые столики тебси стали выделывать при помощи токарного станка. Изредка можно было встретить и столы-шкафчики кухонного типа, стоявшие на почетном месте. В богатых домах в комнатах-печ можно было изредка встретить покупные столы, венские стулья, шкафы и стенные зеркала в резных рамах.

В убранстве дома продолжали играть большую роль войлоки, но вместе с тем шире стали употреблять ковры кавказского производ-

ства. Особенным спросом пользовались длинные паласного тканья дорожки, привозившиеся дагестанскими торговцами. Они с успехом вытесняли из обихода джыйгъыч кийизы, напоминая их по форме. Для завешивания полок стали покупать также фабричные дверные портьеры, вешая их горизонтально. Чаше стали использовать для украшения полосы покупного шелка, ситца или тюля.

Интересно описание убранства дома одного из Крымшамхаловых: «Дом у нас был деревянный с земляной крышей, состоявший из уллу-юй, отоу, гёзен и сеней. В 1913 г. в доме сделали окна и сложили плиту. Поверху задней стены (джыйгъыч къабыргъа) шла полка-тапха с ценной посудой. К ней была привешена шелковая занавеска из тонкого шёлка (гюлменди), а поверх ее тюль. На второй полке — джыйгъыч стояли сундуки, лежали запасные тюфяки, одеяла и ковры. Одеяла и матрацы были шелковые, сундуки деревянные с железными полосками. На этой полке в нашем доме висел не кийиз (войлок), а покупные персидские ковры и большие бархатные покрывала, шитые золотом, — къаты тикген (вприкреп) и чий тигиш (гладь). Перед полками вдоль задней стены был къурукъ, но у нас на него одежду не вешали, а только ковры и занавески. Одежду вешали на стене и закрывали занавеской. На почетном месте стоял орундук — кровать деревянная, крашенная, с верхом и на ней висела шелковая занавеска шымпылдыкъ. Перед очагом стоял топчан — диван, на котором сидели почетные люди, старики. На полу постлали алакыйиз — узорный войлок, а сверху ковер и тюфяки. Женщины сидели на ковре и низких скамеечках. Но были у нас и стулья¹. Описание относится к началу XX в. Стены не играли роли в интерьере. Их не было видно — они исчезали, сплошь закрытые войлоками, коврами, полосами ткани, полками с посудой, шестами с одеждой. Усиление торговых связей с Россией внесло изменения и в состав утвари. Начала входить в обиход фабричная металлическая, фарфоровая и стеклянная посуда, в богатых домах появились самовары и чайники. Стеклянные вазочки, сахарницы, стаканы и бутылки, как и другая фабричная посуда, употреблялись в торжественных случаях, а в обычное время расставлялись по полкам в качестве украшения.

К началу XX в. относится и появление керосинового освещения. Сначала появились керосиновые коптилки, а перед первой мировой войной — 3—5-линейные лампы.

Таким образом, прослеженный нами путь развития карачаевского жилища показывает это изменение в зависимости от общественно-экономического развития народа и географических условий. Разложение патриархально-феодального строя и зарождение капитализма в его неразвитой, типичной для колониальных районов, форме и сопутствующие этому процессу явления в семейно-бытовых отношениях сказались на планировке и внешнем виде селений и жилищ, на характере домашнего убранства и степени отражения в нем социальных различий.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в тех селениях, где смене социально-экономического уклада сопутствовала перемена географических условий в связи с переселением на новые места. Эволюция карачаевского жилища показывает все возрастающее влияние

¹ Полевой материал.

русской культуры и быта. Вместе с тем, ясно, что и в жилище и в особенности в его убранстве вплоть до Октября сохранились такие особенности, корни которых уходят в далекое прошлое и связаны с участием тюрков в этногенезе карачаевцев.

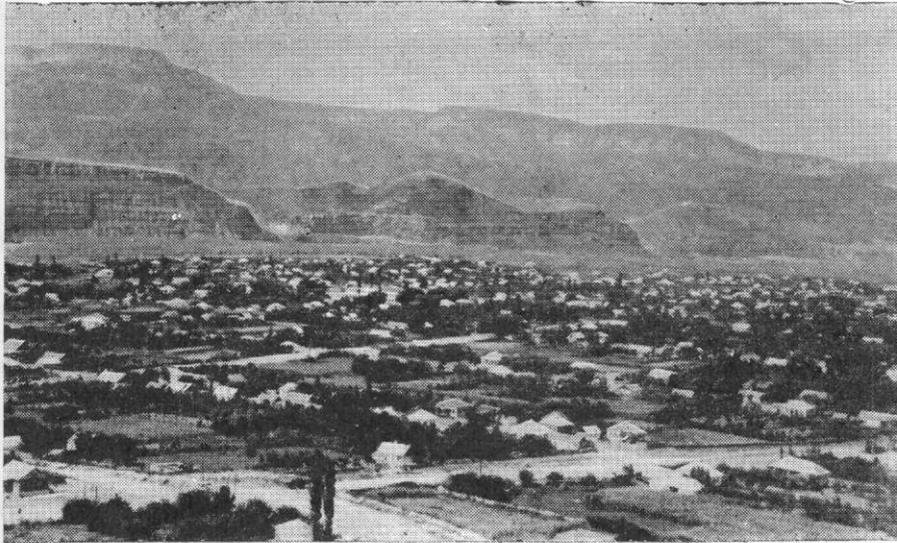
Организация новых селений по р. Теберде, Марс, Джегуте не могла решить проблемы, тем более в условиях растущего классового расслоения и эксплуатации трудящихся. Только социалистическая революция и аграрная политика Советской власти смогли решить «проблему гор» путем планомерной организации новых селений на плоскости. Переселение с гор было связано с переделкой не только хозяйства и быта, но и сознания людей. Разрывались, в значительной степени, старые родовые связи, столь сильные в родовых кварталах Б. Карачая, менялся уклад семьи, взаимоотношения между поколениями. Все это отражалось на размере и планировке домов, которые уменьшались в размерах, но стали более многокомнатными. Возросло значение земледелия, огородничества потребовало сооружения соответствующих хозяйственных построек. Вместе с тем, процесс коллективизации сельского хозяйства переселенческих аулов начался раньше и протекал более быстрыми темпами, что не замедлило отразиться и на быте.

В силу всего этого изменения селений и жилищ необходимо рассматривать отдельно для горных и плоскостных селений. В первые годы Советской власти нового строительства в горных селениях почти не велось, и лишь в конце 20-х годов начались некоторые улучшения. Выражались они, в основном, в приспособлении старых домов, прорубании окон и дверей, больших по размерам, устройстве в отдельных случаях рядом с камином печей-плиток, возведении отдельных пристроек, дальнейшем разрушении старых арбазов. Новые дома если и строились, то традиционного типа, но значительно меньших размеров, так как интенсивно шел раздел больших семей.

К концу 30-х годов число новых построек возросло. Характер их оставался тем же, что и для начала XX в., но теперь и рядовой колхозник мог построить себе дом, не уступавший старому кулацкому. В эти годы началось и некоторое общественное строительство, но наибольшую роль в изменении бытовых условий в Б. Карачае сыграла постройка электростанции в Учкулане. Электрические провода протянулись в дома 100—200-летней давности, наряду с более новыми постройками.

Особенности хозяйства карачаевцев — скотоводство отгонного характера и земледелие, как подсобное занятие, отразились и на облике колхозных селений. Если в других районах коллективизация принесла с собой строительство животноводческих построек, колхозных дворов, уменьшение хозяйственных построек на усадьбах колхозников, то в условиях карачаевских горных селений хозяйственных построек во дворах и раньше было немного, а фермы и полевые станы или культурные коши так же, как масло- и сырозаводы, строились не в селениях, а на пастбищах или на плоскостных участках-«прирезках» и, таким образом, не могли внести особых изменений в облик горных селений.

Иную картину можно было наблюдать в плоскостных селениях. Здесь первое время строили временки—землянки, плетеные или саманные домики с соломенными или земляными крышами. Это объяс-

Селение Сары-Тюз (основано в 1924 г.).

нялось в ряде случаев не только недостатком средств, но и опасением новых переселений. Более богатые нанимали русских мастеров, остальные строили сами, беря пример со специалистов.

Ровная площадь, отведенная под селение, сравнительный земельный простор позволяли располагать усадьбы более свободно, а возрастающая роль земледелия потребовала возведения ряда хозяйственных построек — навесов и сараев для сельскохозяйственных орудий, сапеток и амбаров для зерна. Появились колхозные дворы, амбары, фермы, новые здания правлений колхозов, магазины, школы и т. п.

В новых селениях не соблюдался принцип расселения родственными группами. Семьи стали значительно меньше, и в селениях преобладали небольшие дома из 2—4 комнат. Строились они из самана, покрывались черепицей, железом, редко — соломой. Преобладали длинные дома с галереей, куда выходили окна и двери. Стояли дома в глубине двора, обычно боковой стенкой к улице, некоторые строились углом. Отдельные хозяева возводили двухэтажные дома. В различиях постройки отражались навыки, создавшиеся в местах, откуда переселялись новоселы. Были, однако, и дома квадратные в плане с застекленными верандами. Расположенные правильными улицами усадьбы, иногда с деревьями, с дворами, огороженными плетеным или каменным забором, с огородами позади двора, с белыми домами, красными крышами, яркими ставнями, они были нарядны и живописны. В строительстве и планировке домов был использован опыт соседних народов — русских, черкесов, абазин. В домах уже чаще всего не делали очагов, а только плиты, зато во дворах появились отдельные домики-кухни с каминами или отдельно стоящие печи. В некоторых селениях строились бани, и не только общественные, но и частные.

Таким образом, к концу 30-х годов в Карачае в плоскостных районах сложились новые формы селений и усадеб, выработался довольно устойчивый тип домов, имевший много общего с постройками в других районах Северного Кавказа. Эти селения и жилища отражали новый этап в быте народа, являвшийся следствием коренного изменения социально-экономических условий и роста культурного уровня.

Отечественная война 1941—45 гг. и последующее переселение в Среднюю Азию и Казахстан прервали и задержали начавшийся процесс изменения жилища.

С января 1957 г. началось планомерное возвращение карачаевцев на родину. Они расселялись не только в прежних населенных пунктах, но и на новых местах. Для устройства карачаевского народа советское государство затратило огромные средства.

Необходимость скорее восстановить нормальные условия жизни в родных местах возродила старинный обычай «маммата». Строительство шло быстрыми темпами. Из палаток и временок, старых полуразрушенных домов переходили в новые дома. Строили дома сами с помощью соседей, привлекая специалистов для наиболее сложных работ. В настоящее время характерными чертами селений на плоскости являются прямые ровные улицы, новые одноэтажные и двухэтажные индивидуальные дома, разнообразные по планировке и внешнему виду. Большие многоквартирные дома, общественные здания, магазины, столовые, больницы, детские ясли, школы-интернаты, клубы, дома культуры, бытовые комбинаты, заводы, оживленное движение на улицах — таковы Терезе, Первомайское и многие другие селения, из которых выделяется районный центр Малокарачаевского района Учкеекен, по своему облику и масштабу развития все более приближающийся к городу. Вошли в обиход новые строительные материалы. Крыши чаще всего кроют шифером и оцинкованным железом. На плоскости строят дома из камня, кирпича, чаще двухэтажные. В горах по-прежнему преобладает дерево. Встречаются постройки из шлакобетона и блок-кирпичей.

В отделке домов применяется различная окраска, особое оформление углов здания, пилястры. Железные крыши и трубы украшают просечным железом. Деревянные переплеты застекленных веранд, которые имеются почти во всех домах, часто очень замысловаты и нарядны. Из дерева, цемента или кирпича воздвигаются заборы с ажурными железными воротами производства местных производственно-бытовых комбинатов.

Очень разительны и важны изменения в интерьере, убранстве жилища, характер которого совершенно преобразился.

В отой или печ убранство было и до революции менее стандартным и по своему характеру и по расположению вещей и в какой-то мере отражало не только степень благосостояния, но и индивидуальность хозяина. В связи с постепенным падением значения «большого дома» и возрастанием роли других комнат все новые и лучшие вещи стали сосредотачиваться в них. В «большом доме» находились старинные предметы убранства.

Дома, возводившиеся в конце 30-х годов, часто строились без очагов и без полок на задней стене. В связи с этим характер убранства и расстановки мебели в них был более вольным. Но при этом вы-

рабатывался другой стандарт, образцом для которого служила, по-видимому, обстановка в домах русского населения — кровати вдоль стен, головами к окнам, в простенке стенное зеркало, под ним у стены стол с разными вещами, книгами и т. д., по бокам два стула. На печке (летом), на полу или специальной скамеечке (зимой) гряда чемоданов. Стены закрыты, насколько возможно, коврами, войлоками, тканями, клеенками. В противоположность прежнему обычаю уборания на день постели, в эти годы сложилось и до сегодняшнего дня сохранившееся пышное убранство кровати с подзорами, покрывалами, поставленными стоймя подушками под тюлевыми и капроновыми накидками.

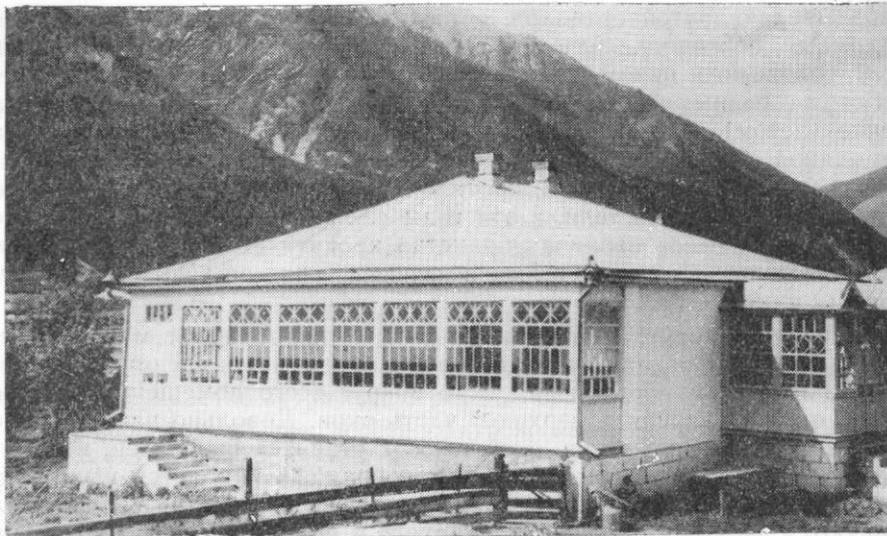
Интересно отметить, что по-прежнему преобладает манера развешивать ковры и дорожки в горизонтальном направлении, а наверху под потолком проводится, часто вокруг всего помещения, полоса тюля, прикрывающая и верхнюю часть окон. Довольно часто можно видеть скрадывание углов — наискосок ставится шифоньер, вешается занавеска и т. п. Комната для новобрачных убирается пышно. В ней не должно быть видно ни куска стены или пола. На двери и окна вешаются двойные портьеры из бархата и шелка. Очень в моде плюш и бархат, которым накрывают столы, часто стоящие посередине комнаты, а также диваны, чемоданы и т. п. Входят в обиход современные декоративные ткани, ковры ручной работы и фабричные с орнаментальными узорами. Во многих домах появились комнатные цветы, люминисцентное освещение.

На смену традиционным столикам пришли прямоугольные детские столики, покупаемые в магазинах или самодельные.

Поскольку традиционных полок на стенах в жилищах уже не делают, то запасные постели, войлоки, ковры и одеяла стали складывать друг на друга на нарядных сундучках, поставленных на пол или на невысокий помост. На зеркала, а иногда и на портреты на украинский лад повешены газовые шарфы или куски тканей. И в настоящее время в убранстве жилища можно встретить узбекские вышивки — сюзани, казахские узорные ткани — алаша, национальные паласы и войлоки, русские и украинские вышитые полотенца, хохломские расписные чашки и ложки, самые разнообразные ковры.

Наряду с этим в интерьере значительную роль играют вещи, сделанные руками карачаевских женщин, для которых было характерно трудолюбие, желание и умение овладеть новыми для себя видами рукоделия. Прежде всего это вышивка, которой украшают полотенца и наволочки, подзоры и занавески, часто отделанные вязаными кружевами. Мастерицы научились шить крестиком, тамбуром, ришелье, но чаще всего встречается гладь. В качестве образцов для вышивки используются рисунки фабричных тканей, обоев и сравнительно редко — печатные образцы и альбомы. Преобладают геометрический и растительный орнаменты, изображения птиц.

Для 60—70-х годов характерен быстрый рост культуры населения, что, естественно, нашло свое отражение в жилище и его убранстве. В новых многокомнатных домах каждое помещение получает свое назначение — гостиная, спальня, комната учащейся молодежи, комната стариков и т. п. При этом, если раньше основное различие было между помещением старшего поколения и молодых пар, то в настоящее время эта разница в значительной степени стерлась. Наи-

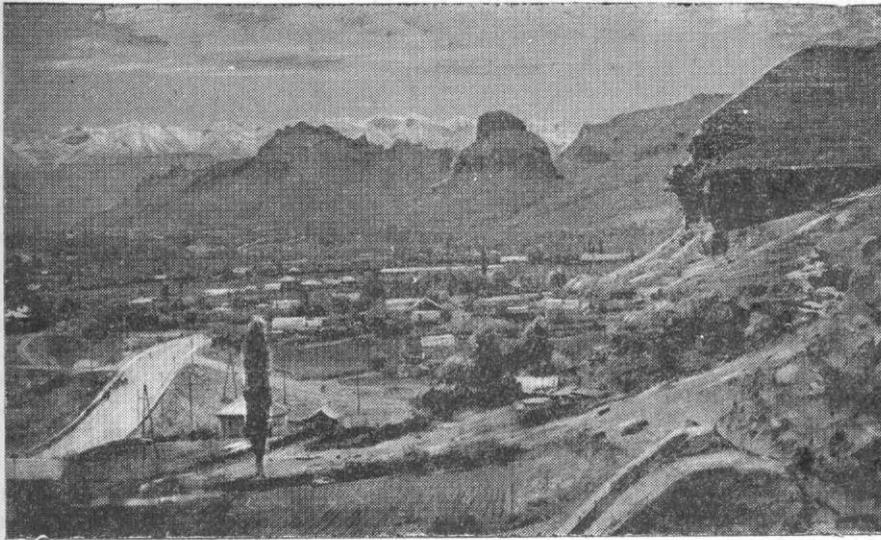
Тип жилища начала 60-х годов XX в.

более богато убранной является комната для гостей, в которой в обычное время спит кто-либо из членов семьи. Остальные помещения по убранству близки друг к другу, кто бы в них ни размещался, старые или молодые. Видное и почетное место в доме занимают книги, репродукции картин, иногда эстампы, различные статуэтки, сувениры и т. п. Радиолы, магнитофоны, телевизоры встречаются повсеместно, причем телевизоры даже в тех горных районах, где еще нет телевидения, но, несомненно, будет в ближайшем будущем.

Электрификация области и рост благосостояния расширили возможности и для применения бытовых электроприборов, обращение с которыми освоено даже самыми старыми членами семьи. Встречаются электрические швейные машины и даже электропрядки — изобретение местных умельцев.

Большее своеобразие сохраняется в хозяйственных постройках, часто сохраняющих традиции прошлого, и в интерьере. При наличии мебели городского типа в общем характере убранства жилища, в степени его загроможденности вещами и декоративными элементами, цветовой гамме и фактуре предпочитаемых тканей, отдельных предметах, изготавливаемых в национальной среде (войлоки, вышивки, циновки, ковры и т. п.), выражаются особенности быта, традиции и вкусы каждого из народов.

Однако основной линией, определяющей дальнейший ход развития, является сближение с городом, взаимовлияние народов и развитие черт единой общесоветской культуры. Из года в год селения области приобретают городской облик с многоэтажными домами, промышленными и культурно-бытовыми предприятиями. Особенно заметно растет население и меняется облик в селениях плоскостной части области.

Вид шахтерского поселка «Орджоникидзевский».

ОДЕЖДА

Археологические материалы, относящиеся к одежде карачаевцев, появились лишь в последние годы¹. Они позволяют судить о материалах, использовавшихся в одежде, и отчасти о женском костюме. На изготовление одежды шли местные материалы — войлок, кожа, а также полотняные и шелковые ткани, парча, привозившиеся извне.

Женский головной убор представлял собой остроконечную войлочную шапочку с конической верхушкой из бронзы или серебра. Найдены также бронзовые пластинки в форме диадемы, украшенные штампованным точечным геометрическим орнаментом. Эти пластинки имели отверстия для пришивания к войлоку или ткани. В некоторых случаях рядом с ними были найдены обрывки парчи. Подобные же пластинки, датируемые XIV—XVI вв., обнаружены на могильнике Курнаят близ с. Верхняя Балкария².

К сожалению, из публикаций не вполне ясно, относятся ли диадемообразные пластинки и остроконечные верхушки к одному типу головных уборов или налицо два вида шапочек (может быть, женские и девичьи?). Кроме частей головных уборов на Карт-Джуртском могильнике обнаружены перстни с разноцветными камнями, бронзовые пряжки, бубенчики, серебряные нагрудные украшения и серьги. Особо отмечается нагрудное украшение, «состоящее из 48 се-

¹ Х. Х. Биджиев. Археологические раскопки у истоков Кубани. «Краткие сообщения Института археологии», стр. 94—96, № 132, М., 1972; И. М. Мизиев. Могильник у с. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии. «Археологические открытия 1969 года», М., 1970, стр. 198.

² И. М. Мизиев. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии. «Археологические открытия 1968 года», М., стр. 126.

ребряных пряжек с отверстиями, пришитых в два ряда к ткани»¹. Эта находка указывает на сложившуюся традицию расположения на груди нашивных металлических украшений. Описанные выше шапочки Х. Х. Биджиев сравнивает с окъа бёрк — шапочками XIX в. в виде высокого цилиндра с округлой или конической верхушкой, которые шились на кожаной подкладке, обтянутой тканью, галуном, а иногда украшенными вышивкой. Шапочки типа окъа бёрк носили также балкарки, кабардинки, черкешенки, абазинки. Авторы раскопок датируют Карт-Джуртский могильник XIV—XVIII вв. Материалы этого могильника позволяют судить о сочетании в одежде и украшениях карачаевских женщин указанного периода различных по традициям элементов. Так, например, бубенчики, нашивавшиеся на одежду, а иногда служившие застежкой, — давняя местная традиция, особенно характерная для аланов². Войлочные конусообразные шапочки Е. Г. Пчелина обнаружила в 1929 г. в катакомбах могильника в Осетии (у с. Архон)³. Но встречались они и в адыгских курганах XIV—XV вв.⁴, в сочетании с металлическими конусообразными навершиями другого типа, чем в Карт-Джурте. Спецификой карачаево-балкарских шапочек являются металлические накладки в форме диадем.

Серьги в форме вопросительного знака, обломки которой были найдены в одном из погребений, были расположены повсему Северному Кавказу, в частности, в Балкарии⁵, Кабарде⁶, Чечено-Ингушетии⁷, и имеют довольно широкую датировку.

Таким образом, материалы Карт-Джуртского могильника указывают на северокавказские традиции в одежде и украшении карачаевцев.

По отношению к Карачаю мы не имеем описательных и иллюстративных данных ранее II-й половины XIX в., подобных тем, которые известны для осетин и, в особенности, для адыгских народов, благодаря побывавшим у последних путешественникам и ученым. К этому же периоду (II пол. XIX—XX вв.) относятся и музейные коллекции и полевые материалы. Это не позволяет восстановить с достаточной полнотой и достоверностью путь развития одежды карачаевцев на более ранних этапах.

Материалы для изготовления одежды можно разделить на получаемые в своем хозяйстве и привозные. Источники получения последних были различны. Через Западный Кавказ издавна шли торговые пути, соединявшие страны Средней Азии с побережьем Черного моря и начинавшиеся порой в Китае. Громадную роль в тор-

¹ Х. Х. Биджиев, И. М. Шаманов. Раскопки в Карачае. «Археологические открытия 1970 года», М., 1971, стр. 132.

² В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв., Орджоникидзе, 1971, стр. 114.

³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа, СА, 1959, № 2, стр. 114.

⁴ В. П. Левашёва. Белореченские курганы. «Труды Государственного исторического музея», XXII, М., 1953, стр. 186—188.

⁵ И. М. Мизиев. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии, стр. 125.

⁶ И. М. Мизиев и А. Х. Нагоев. Раскопка кабардинских курганов. «Археологические открытия 1970 года», М., 1971, стр. 133.

⁷ В. И. Марковин. Пещеры—родовые усыпальницы в Шатоевской котловине. «Краткие сообщения Института археологии», вып. 86, 1961, стр. 104, 106.

Карачаевки в парадной одежде (конец XIX в., с. Карт-Джурт).

говле с Северным Кавказом в течение ряда столетий сыграла Астрахань, в которой были постоянные колонии не только среднеазиатских и иранских купцов, но и индийских. Через Черное море и Крым имела связь с генуэзскими колониями, а также с Турцией. Вплоть до начала XX в. продолжались торговые связи с Грузией, в особенности Западной. Наконец, источником получения тканей русского и иностранного происхождения была Россия, роль которой особенно возросла во II-й половине XIX в. в связи с расширением внутреннего рынка для растущей отечественной промышленности. Соотношения местных и покупных материалов в одежде в каждый исторический период зависело от материальных возможностей, социального положения, пола и возраста ее носителей. Источником местных материалов (овчины, кожи, овечья шерсть, из которой валяли войлоки и ткали сукна) служило скотоводство. Растений, дающих текстильное сырье, карачаевцы не возделывали. Все местные материалы изготовлялись женщинами. Из овчин они шили шубы, шапки, иногда штаны, которые носили на кошах, а старики и в селениях. Из шерсти валяли войлочные шляпы, высокие теплые чулки, ноговицы и обувь, а также бурки и шили особую пастушью одежду — гебенек.

Карачаевские женщины были прекрасными ткачихами. Изготовленные ими сукна шли на шитье мужской одежды, а в более ранние периоды из них шили также женские платья и шали. Для изготовления обуви использовались шкуры крупного рогатого скота и коз. Меха диких животных в XIX—XX вв. имели ограниченное употребление. Богатый пожилой мужчина мог носить шубу из волчьего или медвежьего меха; легкий мех — белка, куница, выдра — использовался для подбивки и украшения нарядных женских шубок.

Привозные ткани употреблялись на женскую одежду, на мужские бешметы, штаны, иногда черкески. Некоторая географическая

изолированность Карачая служила причиной того, что привозные ткани здесь ценились дорого, были доступны, главным образом, богатым людям и шли на праздничную одежду.

Слово «сукно» в карачаево-балкарском языке переводится термином «схарла». Но карачаевка назовет этим словом только фабричное сукно, домотканое же называется чепкен. Можно предполагать, что в прошлом слово чепкен обозначало вообще ткань, так как существует термин джюн чепкен (джюн — шерсть), что в нынешнем понимании слово чепкен является тавтологией. Общее понятие «ткань» передается словом кьумач. Для уточнения употребляется прилагательное — джюн — шерстяная, дарий — шелковая, мамукъ — бумажная, гетен — льняная или конопляная.

Наименования видов тканей указывают на различные источники их проникновения в Карачай и вообще на Северный Кавказ. Ряд названий является общим для нескольких народов. Так, например, бархат у карачаевцев кьатапа, у кабардинцев кьэдабэ, у осетин — хьаедабае; дарий в значении шелковой ткани известно также кабардинцам и чеченцам и происходит, видимо, от персидского «дарай» — род шелковой ткани. Очень сходны у ряда народов наименования холста: карачаевцы — гетен, кабардинцы — четен, осетины — четэн. Карачаевский термин «чилле» — шелк у кабардинцев звучит щыле. Такая близость наименований, видимо, — следствие общности источника получения этих материалов. О восточном происхождении говорят названия тканей: кьутене (от арабского кутнийя — полосатая хлопчатобумажная ткань) — полосатая шелковая ткань; шамеледжи — полосатая полупелюшковая или бумажная ткань (Шам — Сирия, аладжа — турецкая полосатая ткань); кьанзар — полосатый кустарный шелк; кьасаб — персидская полосатая бумажная ткань; лаудан — один из сортов камки — плотная шелковая ткань с разводами или цветами того же цвета, до сих пор очень ценящаяся карачаевцами. Ткань китайского происхождения, но впоследствии, как и другие сорта ткани, делалась в разных местах. Та же ткань с введением золотых ниток называлась герхана лаудан. Слово схарла явно не тюркское, нет его и в соседних языках. Но в русских документах упоминается скарлат, или скарлатное сукно французского происхождения. Скарлатные кафтаны часто включались в подарки русских царей горцам. Видимо, карачаевское схарла сохранило давно забытое на Руси наименование вида сукна. Вероятно, через русских пришли названия кашемир, атлас (сатин), пай (фай), батис (батист), драп, памезей (бумазея), дигинал (диагональ), крымдешил (крепдешин). В последнем случае народная этимология очень интересна и связана с тем, что раньше многие товары поступали из Крыма.

Существуют наименования и для различных видов одной и той же ткани. Бархат — кьатапа, джибек кьатапа — бархат с шелковым ворсом, тума кьатапа — набивной, кьурт кьатапа — вельвет. Нам думается, что это показывает давность вхождения в обиход первых трех видов бархата, которые успели приобрести местные названия. Напомним, что бархат у народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. считался самой красивой и богатой тканью. Бумажные ткани имеют общее наименование мамукъ кьумач. Турецкое слово боз — бязь вошло в кабардинский язык, но у карачаевцев бязь называется маймёз. Ситец, видимо, от русского китайка, называется

ся ала кытай (т. е. пестрый кытай). В некоторых случаях в самом термине есть указание на происхождение ткани. Так, на мужские и женские капталы употреблялась плотная ткань типа рипса, а иногда «чертова кожа». Оба эти вида ткани называли «орускъяуракъ».

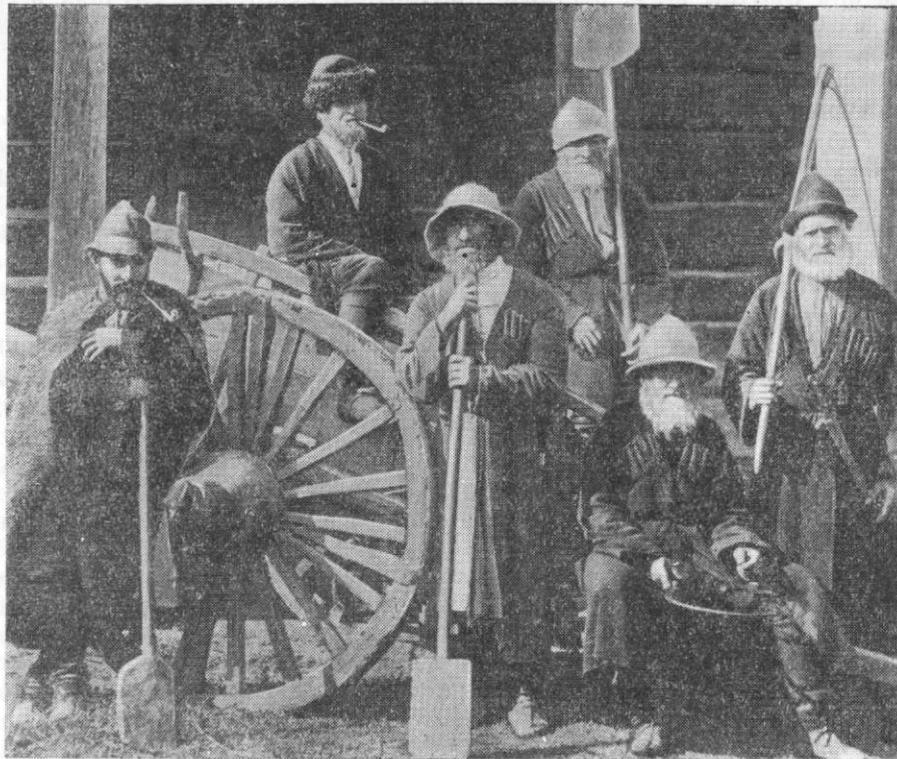
Одним из важнейших элементов женского костюма являлись платки, шали, позднее — шарфы. Они составляли основу женского головного убора, состоявшего из 1, 2, а иногда и 3-х платков; шали накидывались на плечи, заменяя пальто; платок или шаль пожилые женщины повязывали вместо пояса. Они входили в приданое, служили свадебными подарками. К общему наименованию платков и шалей — джаурукъ прибавляли определяющее слово, характеризующее материал, происхождение или, наконец, назначение платка. Так, например, чилле джаурукъ — платок, плетенный из шелковых ниток (включая и вологодские кружевные шарфы); лаудан джаурукъ — из шелка, затканного рисунком; джибекъ джаурукъ, а также гюлменди и гинадур — тонкие шелковые платки кустарной работы, украшенные набойкой, которые производились в Азербайджане.

Наименование — кюпес джаурукъ — указывает на тип шали (известной в России под названием «купеческой» шали — большой, затканной цветами, с бахромой) и на источник получения. Под названием палтон джаурукъ были известны клетчатые шерстяные пледы, которые носились на плечах и заменяли пальто.

В наименованиях тканей и платков отразилось несколько эпох. Название тканей, известных еще в средние века, сочетаются с наименованиями конца XIX — начала XX вв. Наряду с названиями восточного происхождения, бытуют термины французские, английские и пр., занесенные на Кавказ вместе с тканями через Россию и зачастую изменившиеся или осмысленные из карачаевского языка.

Наличие названий той или иной ткани и ее разновидностей в языке является несомненным доказательством ее бытования.

Мужская одежда состояла из рубахи (кёлек), штанов (кёнчек), бешмета (къяптал), черкески (чепкен). В качестве теплой одежды носили овчинную или меховую шубу (тон). Походной одеждой служила бурка (джамчи). На голову надевали меховую папаху (тери бёрк) или войлочную шляпу (кийиз бёрк), а в непогоду башлык (башлыкъ). На ногах носили ноговицы (ышым) из сукна, войлока или кожи, обувь со швом на подъеме (чарыкъ) или с подошвой, сплетенной из ремней (чабыр). Известны были войлочные чулки (уюкъ), мягкие носки из сафьяна (месси). Бытовал пояс из кожи с металлическим набором (белибау). Пастухи носили одежду из войлока (гебенек). Как видно из перечня, комплекс мужской одежды в основном общий для всех народов Северного Кавказа. Терминология ее (кроме месси) тюркская. Перечисленный выше комплект мужской одежды является наиболее полным, однако не все его составные части носились одновременно и не для всех случаев употреблялись. Это относится даже к такой части одежды, как туникообразная нательная рубашка — кёлек. В XIX — начале XX вв. иногда къяптал, известный в русской литературе под названием бешмет, надевался прямо на тело. Вместе с тем, существование термина кёлек — рубашка, распространенного у многих тюрко-

Карачаевцы в национальной одежде (конец XIX в.).

язычных народов, указывает на ее древнее происхождение. Рубашки шили из холста, бязи, полотна, ситца, т. е. привозных тканей.

К древним тюркским терминам относится кёнчек — штаны. Они имели, видимо, давно сложившийся покрой с прямыми неширокими, слегка суженными книзу штанинами, с большим ромбовидным клином (ау) между ними. Ширина клина в шагу иногда достигала 80—90 см. По верхнему краю шла обшивка для продергивания гашика, стягивавшего штаны на талии. Разреза спереди штаны не имели. Такой покрой штанов очень удобен при верховой езде, лазанье по скалам, прыжках через ручьи, и, вероятно, поэтому он не изменялся в течение долгого периода и дожил до наших дней.

Такой же покрой распространен у кабардинцев и у осетин, но дальше на восток (Чечено-Ингушетия, Дагестан) и в большей части Закавказья для штанов чаще встречаются покрои другого рода.

В настоящее время трудно определить, были ли штаны с ромбовидным клином исконными для Северо-Западного и Центрального Кавказа, или здесь сказалось глубоко уходящее влияние кочевнического мира, скорее всего тюркского. Сильное влияние тюрков можно подтвердить широким распространением тюркских наи-

менованій одежды у народов Кавказа¹. Штаны шили из домотканого, а иногда и фабричного сукна, фабричной плотной бумажной ткани, типа «чертовой кожи» (орус кьяуракъ), а нижние — из бязи. Старики, а иногда, на кошах, и люди средних лет носили штаны, сшитые из овчины (тери кёнчек) мехом внутрь. Их делали более узкими в шагу — с небольшим клином или вовсе без клина. На всех видах штанов были необходимы штрипки (сапал), чтобы при натягивании ноговицы они не задирались кверху.

Основной одеждой карачаевцев, как и других народов Кавказа, в их повседневной обстановке был бешмет. Его носили дома, во время работы, вне дома, а иногда и в качестве праздничной одежды; в последнем случае на него чаще всего надевалась черкеска. Рабочий бешмет шили иногда из домотканого сукна, без подкладки, а также из покупной бумажной ткани. Праздничный — из покупной фабричной ткани — шелка, тонкой шерстяной материи типа кашемира, чесучи, восточного кустарного шелка или из сатина. Бешмет — единственная составная часть мужского костюма, которую могли шить из рисунчатой (преимущественно полосатой) ткани, а также гладкой ткани ярких цветов. Достоинство ткани зависело от благосостояния человека и назначения бешмета — для повседневной носки или как праздничного — под черкеску. Длина бешмета обычно несколько выше колен, но старики носили их много длиннее. Иногда для утепления между подкладкой и верхом прокладывали тонкий слой ваты и делалась простежка вертикальными полосами. Такие бешметы носили обычно пожилые люди.

Покрой бешмета, система застежки — все это настолько совершенно отвечает назначению этой одежды, что надо считать ее сложившейся в течение длительного времени и проверенной, может быть, веками. Для бешмета характерна простежка мелкими стежками в несколько линий стоячего воротника, а иногда борта, подола и низа рукава. Позднее она заменилась машинной строчкой. Это придавало вещи в целом большую строгость и элегантность. Хороший щегольской бешмет сидел на фигуре, как влитой. Праздничный белый, ярко-синий, иногда оранжевый или полосатый бешмет очень оживлял строгий костюм горца, хотя был мало виден из-под черкески. Однако наиболее частым цветом бешмета был черный или белый.

Черкеска была, в основном, выходной и праздничной одеждой, и ее имел не каждый. Ее шили из домотканого сукна естественных цветов шерсти — черного, бурого, серого, белого. Белая черкеска считалась более нарядной. В начале XX в. черкеску иногда шили из фабричного сукна темно-красного, коричневого, синего цветов, но самыми любимыми цветами по-прежнему считались черный и белый. Длина черкески изменялась согласно моде. Особенно длинную (до щиколотки) черкеску носили отдельные франты. Она была удобна только для всадника. Обычно черкеска была чуть выше или чуть ниже колен. Черкеску носили всегда застегнутой, подтянутой, с поясом. Пояс был обязателен для мужчины. Если он был без чер-

¹ Е. Н. Студенецкая. Общие и локальные черты в одежде народов Северного Кавказа и их отражение в терминологии. Сб. «Проблема картографирования в языковедении и этнографии». Л., 1974, стр. 261—263.

кески, пояс надевали на бешмет. Пояс из узкого ремня с металлической пряжкой и наконечником иногда украшался различной формы бляшками. На поясе подвешивался кинжал или нож, кресало, гальница, отвертка, мешочек для пуль и другие предметы, связанные с оружием и уходом за ним. Позднее, с утратой первоначального назначения, эти предметы — сальницы, отвертки — превратились в декоративные подвески.

Старики иногда носили пояса из широкой полосы ткани. Такой же пояс носили некоторое время после смерти близкого родственника в знак траура.

Как видно из вышеописанного, и эти элементы одежды — бешмет, черкеска, пояс — были общими для всех народов Северного Кавказа. Необходимой одеждой для горцев-скотоводов, проводивших многие месяцы на горных пастбищах, была шуба-тон, сшитая из овчины. Покрой ее был близок к черкеске. Ее надевали на бешмет или черкеску, а иногда и под нее. Шуба такого покроя — бичим тон, сменилась в начале XX в. другой, вроде русского полушубка с отрезным, присборенным у талии низом. Грудь была закрыта, застежка на пуговицы из шнура; воротник из овчины — стоячий. Ее называли джыйрыкъ тон (сборчатая шуба). Крытые шубы (тышлы тон) были наряднее и прочнее, но не всем доступны. Их покрывали домашним или покупным сукном, диагональю, шевиотом.

Богатые люди носили крытые шубы с тщательно подобранными шкурками определенных возрастов овец. До пояса и в рукава вшивали более мохнатую овчину взрослых овец, а от пояса вниз, где шуба лежала сборками, подкладывали шкурки молодого барашка — элтир. Самые красивые шкурки клали вдоль распаха. В такой шубе ходили в мечеть, на похороны, свадьбы и даже на танцы. Делали шубы и на волчьем меху.

В первой четверти XX века получила большое распространение двубортная шуба с отрезным низом, стоячим воротником и двумя рядами пуговиц и петель из шнура. Она могла застегиваться на обе стороны. На кошах шубу надевали и летом, особенно старики.

Дорожной одеждой всадника, обязательной принадлежностью табунщика служила бурка, изготовление которой было сложным делом. Карачаевские бурки были тяжелее, но теплее кабардинских. В XIX в. плечи бурки делали нормальной ширины и от плеч она резко расширялась вниз наподобие колокола. Бурка закрывала всадника целиком, а также прикрывала и лошадь. Ворс бурки по нижнему краю не подрезали, чтобы во время дождя лучше сбегала вода. У ворота пришивались петли из кожи, иногда украшенные золотым шитьем, в которые продевалась завязка из узкого ремешка или галуна.

Бурка, удобная для всадника, защищавшая его от дождя, снега, ветра и солнца, служившая постелью и палаткой, мешала пешеходу. Пастухи-овчары, сопровождавшие отару пешком, надевали вместо бурки особую одежду — гебенек, которую шили из бурочного войлока. Она имела прямой или приталенный покрой и застегивалась от ворота до талии. Иногда у него был капюшон, надевавшийся в случае надобности поверх шапки. Термин «гебенек» сблизает карачаевцев с широким кругом тюркских и кавказских народов.

Характерной частью одежды были ноговицы (ышым) — подо-

бие гетр, со штрипками, охватывающих ногу от ступни и заходящих выше колен. Их надевали поверх штанов. В условиях лесных зарослей, горных троп, при верховой езде ноговицы, плотно охватывающие ногу, были очень удобны. Парадные ноговицы шили из сафьяна, иногда украшая их тиснением, повседневные из сукна, а иногда войлока. Под коленями их обвязывали ремешками или суконными завязками (ышым бау). Старики носили иногда наколенники из овчины или сукна (тобукълукъ).

Обувь различалась по назначению. Пастухи, охотники, косцы и вообще работавшие в горах носили чабыры, сшитые из сыромятной кожи. Их делали из одного куска кожи со швом на заднике. Плетеная из ремней подошва не давала скользить на крутых склонах и тропях. Чабыры доходили до лодыжек, где прочно закреплялись ремешком, чтобы при намокании и разбухании сыромятной кожи они не вертелись вокруг ступни. Их надевали на босую ногу, подкладывая внутрь для тепла и мягкости сухую траву — салам. Подобная обувь, распространенная и у других горцев Кавказа (осетин, чеченцев, ингушей, сванов, хевсур), была, видимо, местного кавказского происхождения.

Чабыры делали для себя сами мужчины. Более парадную обувь из сафьяна — чарыкъ шили женщины, из одного куска кожи со швом на заднике и на носке. На подъеме пришивался маленький язычок (къулакъ — букв.: «ухо»), а в прорезях, у щиколотки, продевался ремешок для завязывания. Все швы выполнялись очень тонким ремешком из козьей кожи (тасма). Чарыки мазали маслом, курдючным или внутренним жиром, часто разминали. Обувь такого покроя чаще носили мужчины. Другого вида чарыки шили тоже из одного куска сафьяна со швом на подошве и сбоку ближе к пятке. Их носили и женщины. Чаще всего их надевали не на босую ногу, как чарыки первого типа, а на месси — подобие носков из тонкого сафьяна. Месси плотно охватывали ногу. Войлочная обувь (уюкъ) имела вид длинного чулка из обычного или бурочного (с начесом) тонкого войлока, на подошве из мягкой кожи. Такой же кожей обшивали нижнюю часть обуви, оторачивали швы и верхний край.

В начале XX в. появляются высокие цельные сапоги из сафьяна на тонкой подошве, а также къумукъ чарыкъ — мужская обувь на твердой подошве в виде туфель, которые надевали на месси. В это же время стали входить в обиход и русские сапоги кустарной или фабричной выработки.

Мужская одежда карачаевцев отличалась значительной стабильностью. И составные части костюма, и их покрой на протяжении многих лет оставались неизменными. Менялся только материал, да и то не для всех частей одежды.

Наибольшей изменчивостью отличались головные уборы. Войлочная шляпа (кийиз бёрк) в XX в. имела небольшую, круглую по голове тулью, ограниченную шнурком от широких полей, тоже обшитых по краю шнуром. По фотографиям конца XIX в. у шляпы была высокая колпакообразная тулья и узкие поля. Войлочные шляпы носили летом, в особенности пастухи, косцы и т. п. меховые шапки-папахи (тери бёрк) шились из овчины, курпея (молодого барашка) или каракуля, в зависимости от благосостояния хо-

зяина и назначения шапки — будничная или парадная, выходная. Одновременно с ними носили папахи более низкие, с простым длинным мехом. В начале XX в. появилась мода на каракулевые папахи средней высоты, слегка суженные сверху, а примерно с 20-х годов начали носить каракулевые папахи с плоским суконным донышком, слегка расширяющиеся сверху.

Для горца шапка — не только предмет первой необходимости (ее носили и в помещении), но и наиболее почетный, а часто и дорогой элемент одежды. Поэтому пристрастие к национальной форме шапки особенно велико, хотя и она подчинялась моде.

Неотъемлемой частью мужского походного костюма был башлык (башлыкъ) — шерстяной капюшон с длинными лопастями и заостренным выступом макушки. Башлык шили из наиболее качественного домотканого, позже — покупного сукна. Края обшивались тесемкой, а к выступу пришивалась кисть «чох» на шнурке из шелковых ниток. В ненастную погоду башлык надевался на голову, а лопасти наматывали вокруг шеи. В хорошую погоду капюшон покоился на плечах, а лопасти завязывались вокруг талии.

Общий облик мужского костюма карачаевцев — подтянутый, статный силуэт типичен для горцев Кавказа.

В своей основе женская одежда и по наименованиям и по покрою почти не отличалась от мужской, но благодаря характеру тканей, некоторым деталям отделки и украшений кажется непохожей на нее.

На тело надевалась длинная рубаша (кёлек) туникообразного покроя с разрезом на груди и застежкой у ворота, с длинным, до кисти, рукавом. Повседневные рубахи шили из бумажной ткани неброских цветов, а в начале XX в. иногда из ситца с мелким рисунком, праздничные — из тонкого одноцветного шелка. Излюбленные цвета темно-красный, желтый, реже синий и белый. Очень любили шелк с отливом (типа сен-жан). У парадных рубах рукав книзу расширялся, часто обшивался галуном. Он достигал длины до колен и ниже и был виден из-под рукава платья. В начале XX в. рукав обычной длины иногда внизу присборивался или имел обшлаг.

Под рубашку надевались штаны (кёнчек), покроем которых совпадал с покроем мужских штанов, но иногда штанины делались более широкими. Внизу они заправлялись в сафьяновые носки (меси) или в обувь. Штаны шили из бумажной ткани разных цветов, часто темно-красной, иногда с цветами. Как и у других народов Северного Кавказа, в понятие полного женского костюма обязательно входили платье и кафтанчик.

С 10—12 лет на девушку поверх рубахи надевали кафтанчик, по покрою повторявший мужской бешмет. Очень интересно его наименование кюбетюб. Кюбе — кольчуга, тюб — низ — перевод звучит как подкольчужник, что явно указывает на мужское назначение подобного кафтанчика. Возможно, что и мужской бешмет имел в прошлом варианты, носившие подобное название, но забытые после выхода из обихода кольчуг. Женский кафтанчик, прежде именовавшийся так только по аналогии, сохранил старое название. У балкарцев эта часть одежды называлась просто чубур, т. е. короткий, или чуба. Кафтанчик надевали под платье, которое было распашным от талии книзу и открытым на груди, как черкеска. В

разрезах платья были видны полы кафтанчика, длина которого чаще всего была до половины бедра или несколько ниже. На груди кафтанчика нашивались серебряные застежки (түйме), располагавшиеся параллельными рядами от ворота до талии. Из-под рукавов платья проглядывали нижние части рукавов кафтанчика. Поэтому полы кафтанчика и низ рукавов украшались галуном и вышивкой золотыми и серебряными нитками. Нарядные кафтанчики шили из бархата или плотного шелка, обычно темно-красного или черного цвета. Пожилые женщины носили более длинные кафтанчики, иногда почти до колен, из простой ткани, чаще всего черного сатина, застегнутые на груди на мелкие серебряные круглые пуговицы.

Карачаевский кафтанчик в своем развитии прошел все те же стадии, что и кабардинский кафтанчик (кеж). Постепенно те части кафтанчика, которые не были видны из-под платья (спину, верхнюю часть рукавов), стали делать из более дешевой ткани, а потом кафтанчик распался на отдельные части: воротник (джагъа), нагрудник (түйме — букв.: «застежка»), полочки, висевшие на пояске, и нарукавники от локтя до кисти. Таким образом, остались те части, которые были видны из-под платья. Все части украшали вышивкой. Однако у карачаевцев распадение кафтанчика наблюдалось реже. Процесс распадаения можно было наблюдать и на праздничной рубашке. В начале XX в. зачастую ее заменяли шелковой юбкой, видной в разрез платья, а отдельные длинные до подола, клинообразные шелковые рукава стали подвязывать у локтя. Таким образом, и здесь остались лишь те части рубахи, которые были видны из-под платья. В данном случае распадение рубашки объясняется не только экономией ткани, но и тем, что к этому времени у более богатых людей появляются нижние рубашки (ич кёлек) из белой бумажной ткани традиционного покроя, поверх которых надевалась оставшаяся одежда, в том числе и шелковая юбка и рукава.

Распадение кафтанчика повлекло за собой и изменения в форме застежек — түйме. Эти застежки, известные у народов Северного Кавказа на протяжении ряда столетий, ранее по своей конструкции отвечали функции туго стягивать полы кафтанчика на груди. Когда же, в конце XIX в., особенно в начале XX в., вместо кафтанчика стали носить нагрудник, данная конструкция застежек оказалась неудачной, так как при отсутствии натяжения они самопроизвольно расстегивались.

В связи с этим мастера-ювелиры изменили их устройство. Ранее на конце одной половины застежки — суживающейся металлической полоски — делалась петля, а на парной ей — круглый выступ, на который она надевалась. Позднее на одной из застежек вместо петли стали делать на конце маленькую дырочку, а на парной ее половине шпенок или крючок, входивший в эту дырочку. Место соединения прикрывалось полушаровидным выступом или розеткой. Подобная система застегивания была более прочной, но, по существу, ненужной, ибо нашитые на нагрудники застежки ничего не застегивали, а только имитировали древние формы. Видимо, к концу XIX в. относятся и появление боюнлукъ (буквально — шейное) украшение в виде фигурной застежки, пришивавшейся на кафтанчик или нагрудник выше түйме. Оно имело вид или двух

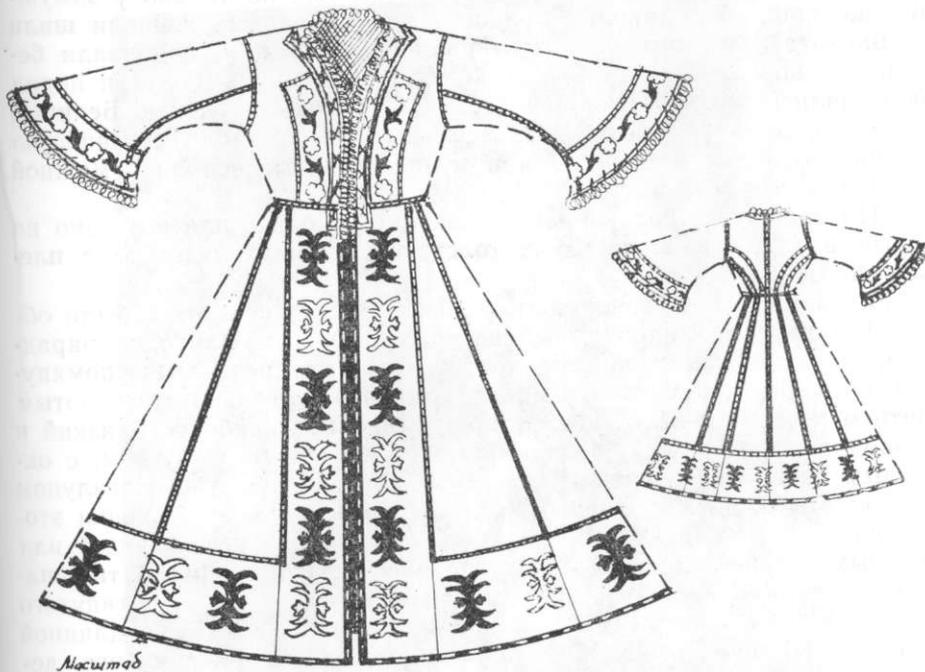
птичек, обращенных клювами друг к другу, или двух довольно сложной формы завитков.

Поверх кафтанчика надевалось платье-чепкен, совпадавшее с мужской черкеской не только по названию, но и по покрою. Женское платье (тиширыу чепкен), в отличие от черкески, было очень длинным, почти до земли, но также имело спереди до пола разрез, открытую грудь, прилегающую талию, своеобразный покрой спинки и другие черты, характерные для черкески. Такова была наиболее ранняя, исходная форма женских платьев, сохранившаяся вплоть до XX в. в тех случаях, когда платье шилось из тяжелых тканей — бархата, плотного шелка, а в далеком прошлом из домотканого сукна — чепкен. При сходстве с мужской черкеской, отличия более всего наблюдались в покрое рукавов. Они у повседневных платьев были довольно узкими, пришивались на плече по прямой нитке и доходили до кисти. Рукава нарядного платья от локтя переходили в расширяющуюся книзу округлую лопасть, доходившую до подола. Из-под этого рукава был виден узкий расшитый золотом рукав кафтанчика и шелковый рукав праздничной рубахи. Позднее, для большего удобства, стали делать рукав платья коротким до локтя, а в торжественных случаях, главным образом на танцы или на свадьбу, к ним подвязывали отдельные богато вышитые нарукавники (лопасти) — дженг уч.

В конце XIX в. в Карачае появился еще один тип рукава, называемый эбзе джень, т. е. сванский рукав. Он вшивался в выкройную пройму и ниже локтя имел воронкообразное расширение или широкую оборку, из-под которой выступали привязные нарукавники-лопасти и рукава рубашки.

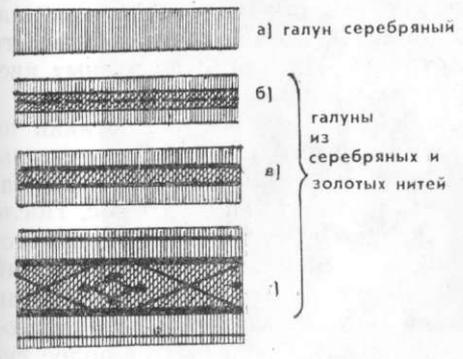
Праздничное платье карачаевской девушки, особенно богатой и знатной, обильно украшалось галунами и золотым шитьем. Галунами обшивали борта, подол, низ рукавов, часто прикрывали все продольные швы, четко выявляя покрой. Вдоль разреза спереди, по подолу, иногда на груди располагалось золотое шитье, чаще всего къаты тикген — твердое шитье («прикреп»), реже чийтигиш — гладь. Угол платья или кафтанчика у подола вышивался особенно пышно узором в виде треугольника, от которого отходили разнообразные завитки, растительные побеги и т. п. Таким же образом расшивались платья черкешенок, кабардинок, адыгеек и балкарок, но по характеру орнамента карачаевские и балкарские платья выделялись монументальностью и массивностью вышивки, преобладанием золотых нитей в шитье над серебряными. Нарядные платья шили чаще всего из бархата — темно-красного, реже зеленого и синего цветов или из плотного шелка — гладкого или с жаккардовым узором.

Очень характерен для женской одежды карачаевцев къаптал — тип верхней одежды, стеганной на вате. Он также повторял покрой черкески, но довольно часто шился с коротким до локтя рукавом, чтобы меньше стеснять движения. Къаптал шили чаще всего из плотной шелковой или бумажной ткани, на ситцевой подкладке. Он простегивался вертикальными полосами на расстоянии двух-трех сантиметров друг от друга. Къапталы такого типа имелись и у кабардинцев, но, видимо, из-за более сурового климата горных районов, в Карачае, как и в Балкарии, они были распространены гораз-

Масштаб
15 см 0 15 30 45 см

ТИПЫ ГАЛУНОВ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Чепкен — платье женское из красного бархата, украшенное галуном и золотым шитьем и вприкреп

до шире. Девушки къапталов не носили. Къаптал молодых замужних женщин был довольно ярких цветов, чаще всего красного разных оттенков. Шили его из шелка и, по возможности, украшали галуном, а иногда и вышивками. Надевали поверх платья или вместо платья. Къаптал молодой женщины делался открытым на груди и из-под него видны застежки — тьюме. Женщина среднего возраста носила къаптал черного цвета с длинными рукавами, закрытой грудью, вырезом по шее. От ворота до талии шла застежка на маленькие круглые серебряные пуговицы или узелки из шнура.

В Карачае бытовали и женские шубы-тон, но только у замужних женщин. Праздничные шубки богатых молодых женщин шили из бархата, плотного шелка, украшали галунами, подбивали беличьими шкурками или мерлушкой. Иногда ворот борта и подол окаймлялись мехом. Рукава делались короткими до локтя. Беличью шубку называли тийинтон, а из мерлушки — элтир тон. Большинство же носило шубы из овчины или курпея, покрытые черной бумажной тканью или нагольные.

Но чаще для тепла просто надевали несколько платьев одно на другое и накидывали на плечи толстую шерстяную шаль типа пледа — палтон джаулукъ.

Головные уборы женщин Карачая также во многом были общими с другими народами Северного Кавказа. Наиболее парадным, праздничным головным убором девушки была вышеупомянутая окъа бёрк (золотая шапка), отделанная галуном и золотым шитьем. Шапочки были двух типов — первый, наиболее близкий к кабардинской форме, — в виде цилиндра, обтянутого галуном, с округлым или конусообразным верхом, украшенным также галуном или золотым шитьем. Подкладка из черного сафьяна. Шапочки этого типа встречались редко, главным образом, в семьях князей или знатных узденей. Значительно шире распространен другой тип шапочки — в виде невысокого цилиндра с плоским дном, обтянутого бархатом или сукном. Их украшали золотым шитьем и длинной кистью. Шапочка считалась принадлежностью праздничного девичьего костюма и надевалась на свадьбу, танцы, вечеринки. Ношение шапочки не было ограничено никакими социальными запретами, но они стоили дорого и были не во всяком доме. В необходимых случаях их брали на время у соседей или родственников. Поверх шапочки надевали сложенный углом большой платок, опуская два его конца на грудь или заматывая вокруг шеи. Платки были разных цветов и качества, но у девушек всегда шелковые.

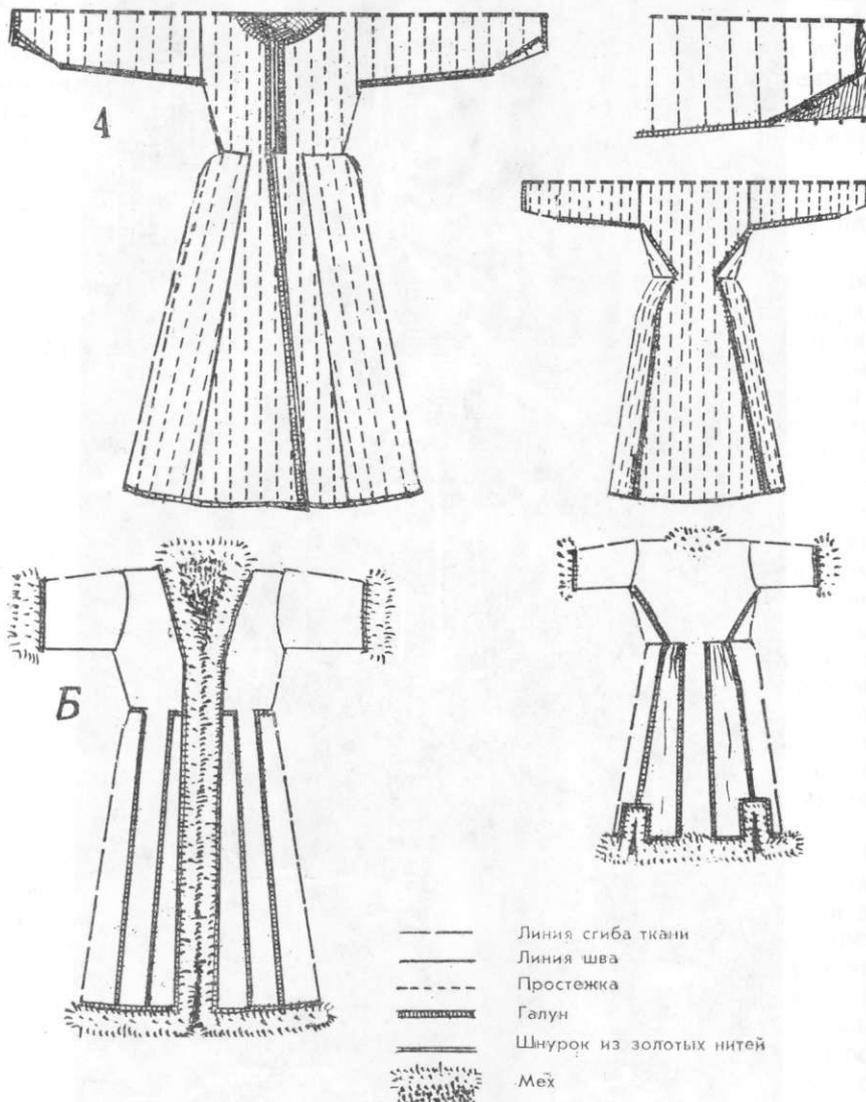
Девушка могла носить платок или шарф на плечах, оставив на голове одну шапочку. В обычное время она надевала на голову только платок, закидывая его концы (один или оба) через плечо или завязывая сзади на шее. Волосы заплетали в две или более кос. После выхода замуж и рождения ребенка женщина делала «чох». Для этого на голову повязывался небольшой черный платочек, под который убирались спереди волосы. Его складывали углом, концы пропускали сзади под волосы, заплетенные в косы, и завязывали на темени особым торчащим узлом (собственно «чох»). Для скрывания волос существовали еще два приспособления. Первое из них — чач бау — полоса белой ткани большой длины; ее складывали пополам и в каждый из концов заматывали прядь волос, а потом обвивали их одну вокруг другой, наподобие веревки, и внизу закрепляли шнурком, оставляя свободными концы. Чачбау спускалась до подола, независимо от длины волос. Другой формой был чач салгъан — продолговатый мешочек, украшенный вышивкой, а по низу кисточками, в который прятали косы. И то и другое носили молодые женщины или невесты.

Цветовая гамма женского костюма была довольно сдержанной, преобладали ткани одноцветные или затканые узором того же цвета, изредка ситцы с мелким рисунком. Наряду с излюбленным для праздничной одежды темно-красным или черным цветом, встреча-

Молодая женщина в парадной одежде (конец XIX в.).

лись синие, зеленые, а иногда оранжевые и ярко-красные цвета, правда, у более молодых. Наиболее ярким по цвету у молодых женщин часто был къаптал. Женская обувь почти не отличалась от мужской. Все виды мужской обуви (кроме чабыр) носили и женщины. Кроме того, они надевали башмакъ — туфли без задников на каблуках с кожаной, а иногда деревянной подошвой. На свадьбу надевали агъач-аякъ — высокие деревянные подставки на двух ножках, украшенные металлом.

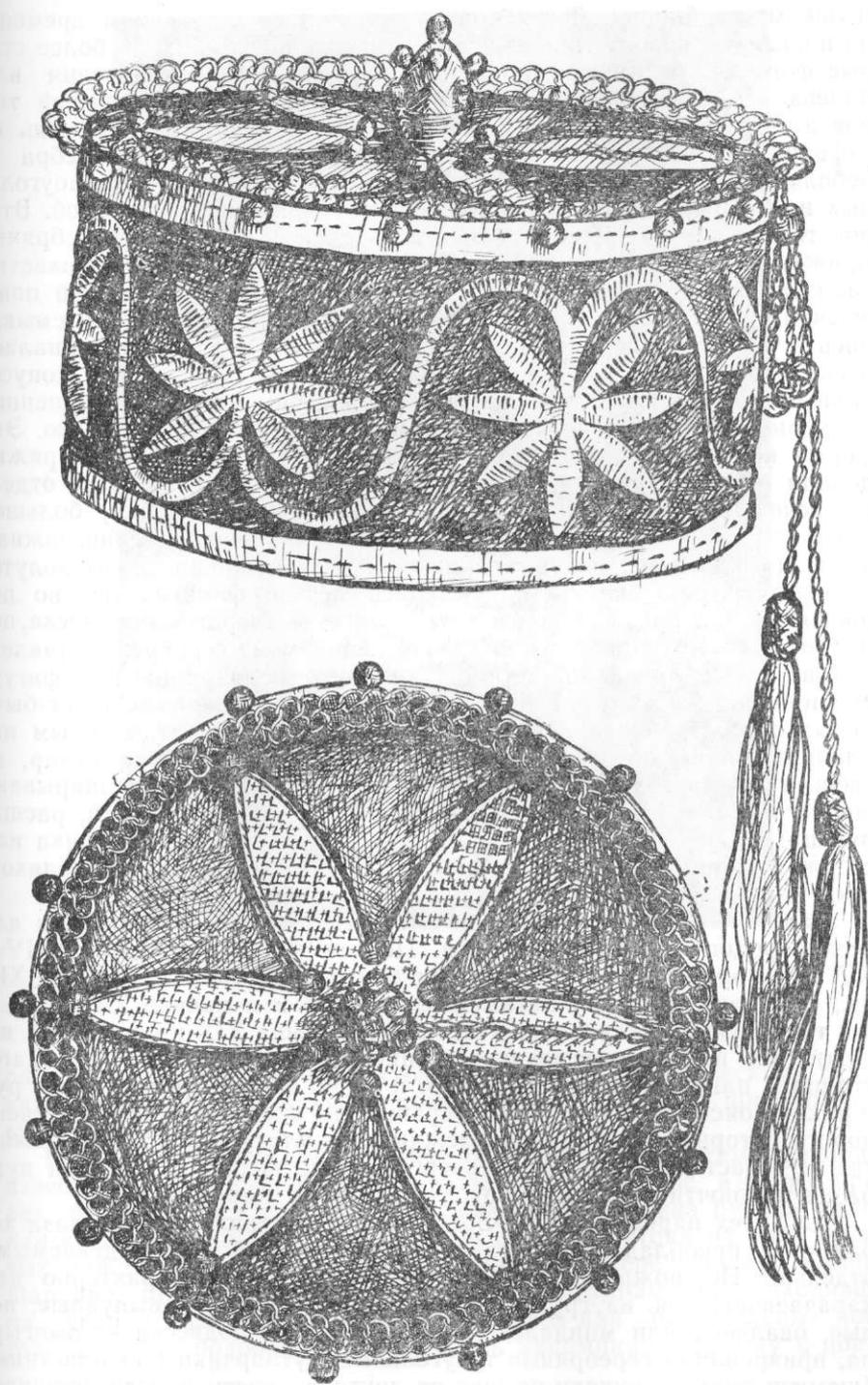

Теплая одежда замужних-женщин XIX—нач. XX вв.

А. Къаптал шелковый стеганный, на вате

Б. Тоншуба из синего бархата на меху, украшенная галуном

В состав женского костюма входил также пояс. Пожилые женщины носили пояс (белибау), тканый или сделанный из платка или куска ткани. В торжественных случаях на них можно было видеть кожаный пояс с серебряной пряжкой. Молодые женщины носили пояса из галуна, ткани или кожи с серебряными украшениями или

Головной убор карачаевки (Окъя Сёрк)

целиком серебряные. Типы поясов изменялись с течением времени, но появление нового типа пояса не вытесняло из обихода более старые формы, которые обычно оставались у старшего поколения или надевались в менее торжественных случаях. Наиболее старый тип пояса — тогузла (тогуз — девять) представлял собой ремень из сафьяна, на котором закреплялись девять «кусков» из серебра — небольшая пряжка, восемь блях — круглых, овальных, прямоугольных или фигурных, обычно украшенных чернью и гравировкой. Вторым типом — кьянга белибау (кьянга — доска). Широкая серебряная пряжка имела вид полуобруча с заостренными концами и охватывала талию до боков. Сзади был кожаный или матерчатый пояс, обычно украшенный галуном. Обе половины пряжки спереди смыкались и застегивались при помощи стерженька. Пряжка украшалась несколькими крупными сердоликами в высоких оправках или конусообразными выступами, а также фигурными накладками, украшенными чернью, гравировкой, ложной чернью, а иногда филигранью. Эта форма пояса оказалась чрезвычайно живучей. Постепенно пряжку делали менее массивной, более узкой, изменялся характер ее отделки, исчезали конусообразные шипы и крупные сердолики; большое распространение получила мелкоузорная гравировка и чернь, ложная чернь и филигрань; поясная пряжка иногда суживалась до полутора сантиметров, сплошь покрывалась легкой филигранью, но по-прежнему она представляла собой кьянга — твердый, как доска, полуобруч. Третий тип — кямар — пояс целиком из серебра, составленный из прямоугольных пластинок, соединенных шарнирами, и фигурной пряжки, застегивающейся на крючок или стержень. Он мог быть литым с последующей гравировкой или чернью или отделанным накладной филигранью и стеклами. Четвертый тип — тоже кямар, из звеньев прямоугольной формы, нанизанных на ремень и закрывающих его сплошь. Пряжка обычно состояла из двух частей, расширяющихся спереди, и место их соединения (при помощи крючка или стержня) прикрывалось овальной выпуклой, часто ажурной, бляхой. Этот тип близок к закавказским мужским поясам.

Надо отметить, что подобная смена типов поясов характерна для всех народов Северного Кавказа. Первая форма известна с XIV—XV вв., второй тип особенно широко был распространен с XVIII—XIX вв., а в известных вариантах изготовлялся и в начале XX в. 3-й и 4-й типы (кямар) характерны для самого конца XIX и начала XX вв. Почти все пояса заказывались специалистам-ювелирам, часто дагестанцам, или покупались готовыми и очень часто переходили из рук в руки. Пояс являлся главным украшением костюма и ценился очень дорого. Вторым украшением одежды служили упоминавшиеся выше тьюме — застежки, также имевшие сходные формы и сходный путь развития почти у всех народов Северного Кавказа.

Для всех народов Северо-Западного и Центрального Кавказа характерно преобладание нашиваемых украшений над надеваемыми отдельно. Но, пожалуй, наибольшее их количество характерно для карачаевцев. Так, на груди разреза иногда нашивали выпуклые, полые, овальные или миндалевидные серебряные подвески — зынгырла, прикрепляли серебряные треугольные футлярчики или пластинки (кюмюш дуа). К рукаву по шву от локтя до кисти иногда пришивали листовидные подвески (кеписле), на рукавах же носили цепочки (билек-сынджыр), соединенные у локтя и кисти бляшками. Сереб-

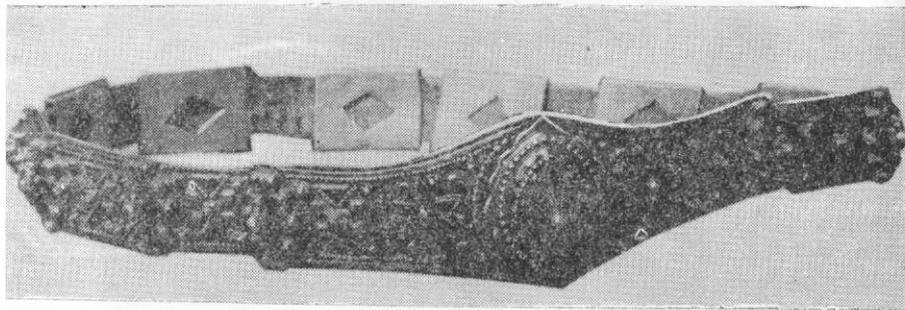

Карачаевская женщина в национальном костюме
(конец XIX—нач. XX вв.).

ряные, часто граненые бусы (токмакъ), иногда с подвесками-цепочками, нанизывали на бахрому покупного платка или на шнурах привязывали к косам.

Большой интерес представляет бууунлукъ. Под этим названием известны обычные браслеты, носившиеся на запястье, а также браслет, надевавшийся или даже нашивавшийся на низ рукава платья или кафтанчика в виде обшлага. Он обычно состоял из трех выгнутых пластинок, соединенных шарнирами. К средней, при помощи шарнира, прикреплялось также фигурное украшение, находившееся на рукав и обычно имевшее форму рогов или растительных побегов¹. В целом подобный браслет очень напоминал вышивку и повто-

¹ Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград), колл. № 7291—9/1, 2, № 7291—10/1, 2, № 7291—11, № 7447—1.

Женский пояс (кямар).

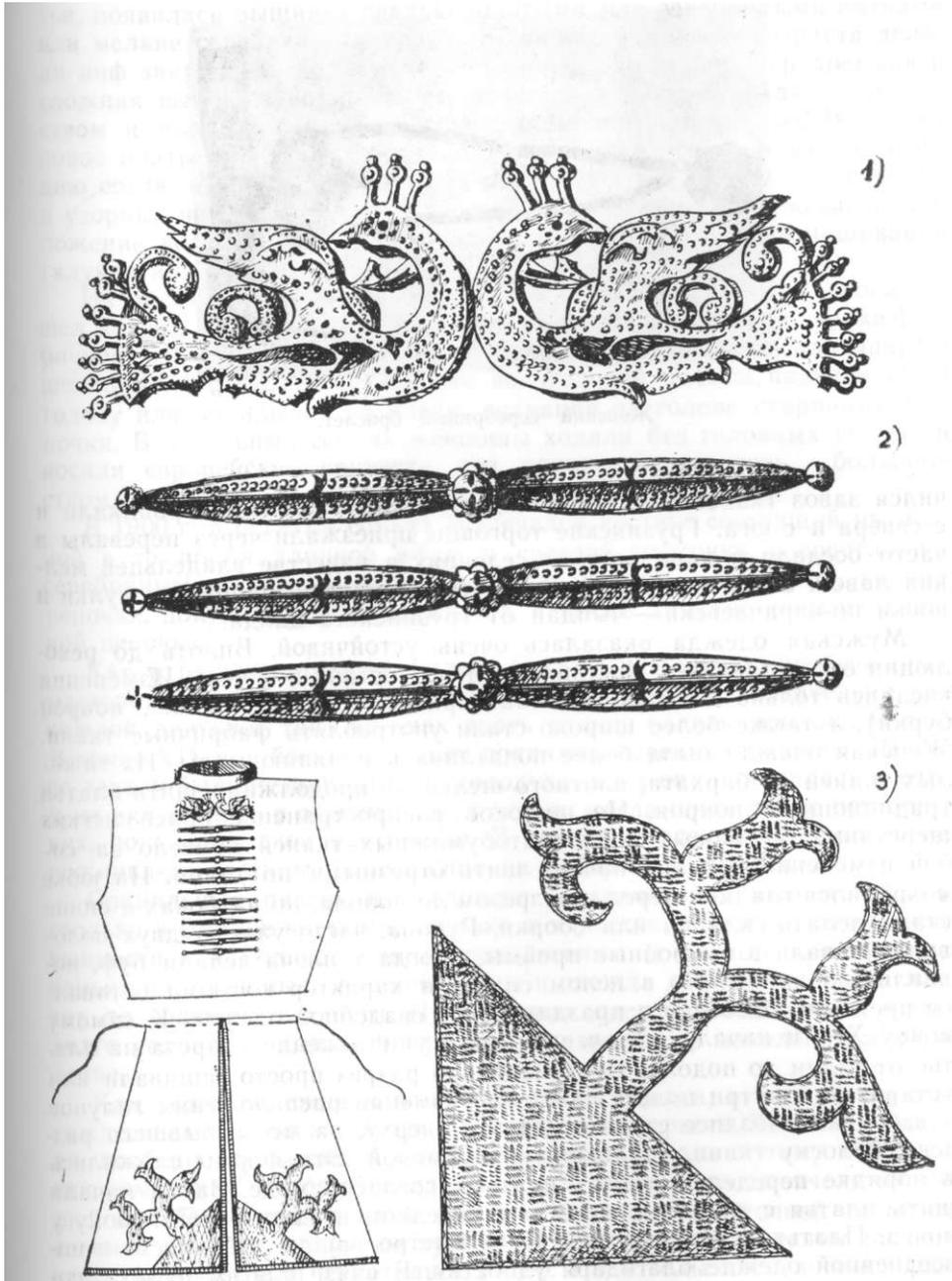
рял ее очертания. В конце XIX — начале XX вв. в Карачае довольно часто, вместо украшения платья или кафтанчика золотым шитьем, на те же места (углы у подола, по борту и подолу платья) стали нашивать серебряные с чернью, а иногда и позолотой фигурные пластинки, которые заказывали мастерам (дагестанцам или реже карачаевцам). В некоторых случаях образец давали сами женщины-заказчицы, пользуясь узорами золотого шитья, в других, видимо, мастер предлагал свои образцы. Так, нам приходилось встречаться с накладкой в виде растительного стебля с симметрично расположенными листочками и цветами и даже с подобием лиры. Шитье золотом было трудоемким и требовало большого умения. Поэтому растущее кулачество, не имея соответствующих навыков, и прибегало к помощи мастеров-ювелиров. К тому же золотник золотых ниток стоил 1 руб. 25 коп., а золотник серебра 50 коп. Традиционный прием золотого шитья — аппликации — совершенно естественно заменялся серебряной накладкой. К описанному выше костюму надо добавить также кожаный корсет (чуба) с деревянными планками, который носили с 10—12 лет до замужества.

В таком полном виде женский костюм был характерен для зажиточной верхушки — биев, богатых узденей, а позднее — для подражавшего им кулачества. В нем много общего с кабардинской одеждой. При соблюдении принципа экзогамии и малом количестве княжеских фамилий в Карачае почти в каждой семье можно было встретить женщин, происходивших из феодальной среды другого народа, и это способствовало выработке единых или близких форм одежды и ее орнамента.

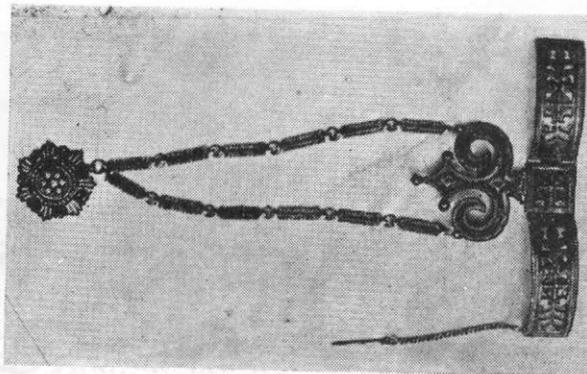
Широко распространенный в Карачае обычай брать на время одежду у родных и соседей позволял в торжественных случаях быть в приличном виде даже женщине из небогатой семьи. Нарядные платья переходили по наследству, дарились в составе берне — подарков молодухи семье мужа и т. п.

Повседневная одежда исключала такие детали, как подвесные рукава, шапочки, золотое шитье и серебряные украшения, шились из более простых и темных тканей.

В период роста капиталистических отношений и расслоения крестьянства, усиления торговых и культурных связей с Россией увели-

Нагрудник с застежками и поясные подвески.

Женский серебряный браслет.

чился завоз тканей и готовых изделий. Новые товары проникали и с севера и с юга. Грузинские торговцы приезжали через перевалы и часто оседали в карачаевских селениях в качестве владельцев мелких лавок. Эти связи отразились в терминологии, например, чулки и носки по-карачаевски — чындай от грузинского цинда.

Мужская одежда оказалась очень устойчивой. Вплоть до революции она оставалась традиционной по составу и форме. Изменения касались только деталей (длина черкески, фасон папахи, покрой бурки), а также более широко стали употреблять фабричные ткани. Женская одежда была более податлива к влиянию моды. Из тяжелых тканей — бархата, плотного шелка — продолжали шить платья традиционного покроя. Но широкое распространение более легких шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей привело за собой изменения. Платья начали шить отрезными по талии. На юбке сохранялся гладкий перед с разрезом до подола, но на боках и спине стали делать складки или сборки. Рукава, часто уже из двух половинок, вшивали в выкройные проймы, иногда у плеча делали буф, появились обшлага. Но в целом силуэт и характер костюма оставался прежним, особенно в праздничной и свадебной одежде. К самому концу XIX и началу XX вв. относится уничтожение разреза на платье от талии до подола. Первоначально разрез просто зашивали или вставляли изнутри полосу ткани, не изменяя расположения галунов и вышивки. Позднее стали нашивать сверху, на месте бывшего разреза, полоску ткани, украшенную вышивкой. Эти формы сложились в порядке переделки старых платьев, согласно моде. Затем начали шить платья с гладким закрытым передком и застежкой сбоку у пояса. Платья закрытого типа очень быстро нашли себе место в повседневной одежде благодаря удобству. В связи с этим рубаха, сохранившая традиционный покрой, начала восприниматься как белье, и ее часто шили из белой или светлой ткани. Праздничная одежда, а также платье женщин преклонных лет долго сохраняли традиционный разрез спереди. Пожилые женщины носили передник (хота), не принятый у молодых.

В начале XX в. изменения коснулись и нагрудного выреза. Вместо серебряных застежек на нагруднике, надевавшемся под вырез пла-

тья, появилась вышивка гладью золотыми или серебряными нитками или мелкие серебряные пуговицы. Женщины старшего возраста делали лиф закрытым, на застежке от ворота до талии. Трудоемкая и сложная вышивка вприкреп становилась все более редким искусством и вытеснялась менее трудоемким шитьем гладью. Часто на новое платье перешивали старинные вышивки, изменяя их композицию согласно фасону. Появились новые способы отделки — гладкие и узорные покупные тесьмы, аграманты, позументы, кружева, расположение которых часто следовало более ранней манере нашивания галунов или золотого шитья.

Из предметов европейской одежды в быт зажиточных слоев вошел корсет, заменивший чуба, тугий лиф, ботинки, туфли, чулки фабричной работы. Вместо платков молодые девушки носили шарфы шелковые, газовые или кружевные вологодской работы, надевая их на голову или накидывая на плечи, сохраняя на голове старинные шапочки. В отдельных семьях женщины ходили без головных уборов и носили европейские прически, что, однако, осуждалось большинством.

В 1900 г. в богатых семьях встречался костюм, состоящий из модной в то время длинной юбки и светлой кофточки, в сочетании с серебряным поясом. Широко бытовали серьги, браслеты, кольца, цепочки, покупавшиеся в магазинах, а также дамские часы на длинной цепочке.

Как и раньше, одежда шилась руками женщин с необычайным мастерством и аккуратностью. Умение шить было обязательно для каждой девушки так же, как ткать сукно, валять войлоки и т. п. В конце XIX в. в богатых семьях появились швейные машины. Шитье по заказу было не принято, но молодуха, пока она находилась в отоу и не включалась в обычный труд семьи, могла шить и для посторонних, показывая свое мастерство. В крупных селениях появились сапожники-дагестанцы, работавшие на заказ и на продажу.

Социальные различия в одежде карачаевцев выражались не столько в составе костюма, сколько в качестве тканей, степени украшенности и в количественных показателях. В бедных крестьянских семьях часто не было лишней смены и одежда донашивалась на плечах до крайней ветхости. Праздничная одежда надевалась редко, долго сохраняла хороший вид и передавалась из поколения в поколение.

Как видим, одежда карачаевцев очень близка, а в ряде случаев тождественна с одеждой других народов Северного Кавказа. Одежда, особенно мужская, в основном принадлежала к тому общекавказскому типу, который складывался в эпоху II-го тысячелетия нашей эры. В женской одежде уже в XIX в., а в зажиточной части населения и ранее, покупные кустарные или фабричные ткани разного качества вытеснили домотканое сукно. Но в годы послевоенной разрухи из домотканого сукна стали шить не только мужские бешметы, рубашки и штаны, но и женские платья. Из нескольких кусков узкого домотканого сукна сшивали шали, а затем их валяли, и швы становились незаметными. Лучшие мастерицы ткали сукна, разнообразные по расцветке и фактуре, подражая фабричным тканям. Для женской одежды шло сукно в мелкую клетку, для мужчин ткали также «джырпа чепкен» (джырпа — вареные кукурузные зерна), ис-

пользуя черную основу и белый уток. Сукно было естественных цветов шерсти (черное, белое, бурое). В некоторых случаях его красили растительными красками в оранжевый, темно-красный цвет. Для получения нарядного сукна сизого оттенка прибегали при расчесывании к смешиванию шерсти двух цветов — черной и белой. Некоторые мастерицы умели ткать бухар-чепкен. При этом уток делали из непряженой шерсти и вытягивали его петлями вверх. После валяния такое сукно напоминало каракуль. Из него делали большие зимние шали и платья.

Бурка с широкими прямыми плечами, появившаяся в канун первой мировой войны, окончательно вытеснила более старую кололообразную; казачьего типа прямая папаха, характерная для нач. XX в., постепенно сменилась низкой «кубанкой». К 20-м годам относится распространение «кавказской» рубашки, которая носилась под черкеску или без нее, подпоясанная ремешком. По функции она как бы заменила бешмет, от которого в ней сохранился высокий стоячий воротник и разрез посередине груди, застегивающийся первоначально на пуговицы из шнурка, а в 30-х годах и на обычные пуговицы. Рубашку шили прямой, довольно длинной, с широким у плеч и суженным книзу рукавом. На груди иногда нашивали с обеих сторон прямые или косые накладные карманы. Ее шили из сатина, шелка, шерстяных тканей. Этот фасон рубашки был характерен для всех местных народов Северного Кавказа и для его русского населения, а также распространился и за пределы Кавказа.

С времен гражданской войны распространялись галифе, которые носили с сапогами или с ноговицами. Галифе быстро вытеснили, особенно у молодежи, штаны старого покроя. Черкеска бытовала у пожилых людей, а у молодежи — в качестве парадного костюма. Иногда ее надевали нараспашку поверх кавказской рубашки и галифе. Молодежь, особенно из числа советских и партийных работников, охотно носила вместо черкески длинную шинель кавалерийского типа. Носили русские сапоги, а по праздникам — сапоги из сафьяна или хрома в обтяжку, без пришивной подошвы. Но большое место занимала и описанная ранее традиционная обувь — чарыки и чабыры.

Упорнее всего держались в обиходе головные уборы — панахи (хотя и менявшиеся по фасону), войлочные шляпы и башлыки. В отдельных случаях можно было видеть фуражки военного образца и даже кепки. Преобладали также узкие кавказские пояса с металлическим набором, иногда последние заменялись военным широким ремнем. В середине 20-х годов была распространена крытая шуба, типа поддевки, отрезная у пояса, двубортная, со стоячим каракулевым воротником, а иногда и обшивкой каракулем по борту. В целом сохранялся характерный для кавказских горцев подтянутый силуэт.

В женской одежде этого времени преобладали платья закрытого типа, общий характер которых сложился еще в начале XX века. Замужние женщины носили большие шали, накинутые на голову и на плечи. Только среди девушек можно было видеть изредка юбки и кофточки, косыночки, повязанные сзади или под подбородком. По праздникам и на свадьбе более зажиточные надевали платья тради-

ционного покроя. Кроме обычной национальной обуви, женщины шили суконные тапочки с пришитой подошвой, которые надевали на покупные или самодельные вязаные чулки. Из города была занесена мода на высокие ботинки на шнуровке, доступные немногим.

Значительную роль в изменении женской одежды сыграли уроки шитья в школах, занятия в женских клубах, где работали кружки кройки и шитья и вязальные. Пропагандистская работа по разъяснению необходимости носить теплую одежду женщинам, независимо от их возраста, подкреплялась распространением пальто из грубой полушерстяной ткани. Вовлечение женщин в общественную жизнь, ее участие в различных конференциях и съездах, посылка на учебу — это в значительной степени отразилось на одежде женщин, особенно молодежи.

Мужская одежда у всех поколений, вплоть до Великой Отечественной войны, сохраняла, в общем, национальный облик. Особенно это чувствовалось в селениях в зимнее время и во все времена года на кошах. Бурки, башлыки, шубы различного покроя, папахи, шляпы, ноговицы, чабуры, а отчасти также черкески приобрели характер производственной одежды пастухов, в особенности табунщиков, так как были весьма приспособлены к условиям труда на пастбищах.

Они сочетались со стегаными телогрейками, различными рубашками и гимнастерками. Старики носили штаны старого покроя из домотканого сукна. Традиционный костюм надевала молодежь, отправляясь на призывной пункт, а также на праздник и свадьбу.

В 30-х годах среди партийных и советских работников, колхозного руководства, интеллигенции сложился костюм, состоящий из кавказской рубашки или гимнастерки и галифе, сшитых из шерстяной ткани темных цветов. При этом надевали папаху из каракуля, кавказский пояс или ремень и сапоги. В мужской одежде сохранялась строгость расцветки. Преобладали черный, синий, темно-коричневый, защитный цвета. Кавказские рубашки часто делались светлых тонов.

Молодые девушки шили и носили платья из шелка, бархата, на праздничных платьях нашивались старинные золотошвейные аппликации. Особое внимание уделялось большим шелковым платкам и шалям. В нарядной одежде девушки выезжали даже на прополку кукурузы на так называемые «прирезки». Одежда стала более яркой, хотя по-прежнему предпочитали ткани без рисунка. Фасоны платьев приближались к городской моде, но ворот оставался закрытым, а рукава длинными. Почти все носили покупные пальто, жакеты. Традиционная одежда сохранялась у женщин среднего возраста и пожилых. Наиболее значительные изменения произошли в костюме детей. До революции у карачаевцев, как у всех горцев Кавказа, детской одежды не существовало. Она шилась тем же покроем, что и одежда взрослых. С первых лет Советской власти через школы и детские сады начали внедрять детскую одежду городского типа. Уже в 30-х годах можно было видеть девочек в городских платьях с рукавами до локтя, летом часто с открытой головой. Мальчики ходили в различных рубашках и в галифе.

Послевоенный период характерен продолжением и ускорением процесса перехода к одежде городского типа с учетом изменений в моде. Модной одежде и причёске уделяют большое внимание не только женщины, но и мужская молодежь. Лишь у стариков изредка можно видеть бешмет или кавказскую рубаху, наборный пояс. Войлочные шляпы носят на кошах и во время косьбы. Изредка встречаются овчинные шубы. Черкески сменились плащами, пальто.

Молодые мужчины перешли на пиджаки модных фасонов, рубашки, брюки навыпуск и ботинки. Редко и только у пожилых людей можно встретить войлочную шляпу. Она заменилась кепками, фуражками, фетровыми, соломенными и капроновыми шляпами. В зимнее время носят папахи, а также каракулевые ушанки, расширяющиеся кверху.

В одежде, в особенности в женской, чувствуются возрастные различия. Пожилые женщины еще носят чох, закрытые платья, передники и пояса из широкой полосы ткани. Замужние женщины помоложе, а также часть девушек сохранили привычку закрывать волосы косынкой из крепдешина, капрона, а также носят большие шелковые шали, шерстяные шарфы и платки. Карачаевские женщины — большие рукодельницы, обучены самым различным способам вязания, плетения, вышивания. Из шерсти вяжут пуховые и обычные косынки, жакеты, свитера; из крепдешина делают шали, украшая их вышивкой и бахромой.

Молодые девушки и женщины одеваются по-современному и модно, делают причёски, носят различные украшения. В повседневную речь вошли названия современных синтетических тканей и трикотажа, как отечественного, так и импортного. Девушки охотно учатся на курсах кройки и шитья и для получения профессии, и для того, чтобы шить себе самой. Эти курсы стараются не только дать техническое умение, но и воспитывать хороший вкус, с учетом национальных традиций.

Таким образом, господствующей и перспективной для Карачая является современная одежда городского типа, подтверждающая вывод, что основное направление развития форм традиционной одежды народов СССР — это сближение ее с одеждой городского типа, но при этом могут сохраняться традиционные формы, рациональные в местных условиях.

ПИЩА И УТВАРЬ

«Изучая пищу какого-то определенного народа, надо исходить прежде всего из того, что функции пищи в человеческом обществе весьма разнообразны». Кроме чисто биологической потребности питания, в человеческом обществе и пища, и весь комплекс связанных с ней обычаев и обрядов имеют социальное значение¹.

Социальные отношения людей опосредствованы материальными предметами. Любой предмет — одежда, утварь, постройка, созданные однажды, живут длительной жизнью, претерпевая ряд изме-

¹ С. А. Токарев. К методике этнографического изучения материальной культуры, — «СЭ», 1970, № 4, стр. 5.

нений не только как категория, но и как каждый предмет, подчиняясь требованиям времени, законам изнашиваемости, индивидуальным вкусам или нуждам хозяина.

При краткой «жизни» каждого кушанья, пища, как категория, весьма устойчива. Созданные народом продукты питания и блюда держатся в его обиходе прочно и, как правило, не вытесняются полностью даже при значительных изменениях быта. К излюбленным традиционным, привычным для организма продуктам и кушаньям прибавляются новые, обогащающие ассортимент. Устойчивы и рецепты приготовления блюд, выработанные иногда в далеком прошлом и сохраняющиеся донныне, а также многочисленные обычаи и обряды, различные формы общения людей, связанные с едой. Каждое празднество, прием гостей сопровождаются совместным приемом пищи, особыми обрядовыми кушаньями. Все это делает такой материал, как пища, весьма интересным с точки зрения изучения этногенеза народа и связей его с соседями.

Основу питания карачаевцев составляли продукты животноводства. На втором месте стояли растительные продукты, получаемые как в результате занятия земледелием, так и путем сбора и заготовки дикорастущих плодов и ягод. Удельный вес мясомолочных или растительных продуктов в питании определялся в основном материальным благосостоянием, а также сезоном. Значительные различия (количественные и качественные) наблюдаются между едой повседневной и праздничной, рядовой и почетной, предназначенной для старшего, для гостя, для феодального владельца и т. д. Выбор той или иной пищи был «также ограничен обычаем»¹.

Наиболее почетной и распространенной пищей являлась баранина. Мясо овец карачаевской породы отличается высокими вкусовыми качествами. На втором месте стояла говядина. В XVIII—начале XIX вв. в пищу употребляли и мясо молодых жеребят. Мусульманская религия запрещает есть свинину, но до принятия ислама, а в отдельных фамилиях и в начале XIX в., продолжали употреблять мясо диких кабанов. Охота давала мясо тура, горного козла и других диких копытных животных.

Мясо не всегда входило в меню повседневной пищи. Но зато много ели его в праздничных случаях, при приеме гостей, во время обязательных, предусмотренных обычаем, курманлыков (жертвоприношений), а также во время тяжелых физических работ, в особенности сенокоса. Умерщвляли животное мусульманским способом, обратив головой на восток, а горлом к югу. Разделка начиналась с разрезания передних ног. Внутренности обычно передавали женщинам для очистки и мытья. Они же производили разбор кишок. Все внутренности, за исключением половых органов, селезенки (талакъ) и желчного пузыря (ѐт), употреблялись в пищу.

Различные части туши мелкого рогатого скота и диких зверей считались более почетными, другие менее почетными. Это было связано с традицией разделять тушу по суставам и сохранением древнего этикета угощения мясом. При угощениях на празднествах мясо бараньей туши раскладывали на четыре стола по четыре пор-

¹ Г. Чудсин. Обычай и предрассудки карачаевцев. «Кавказ», 1903, № 31.

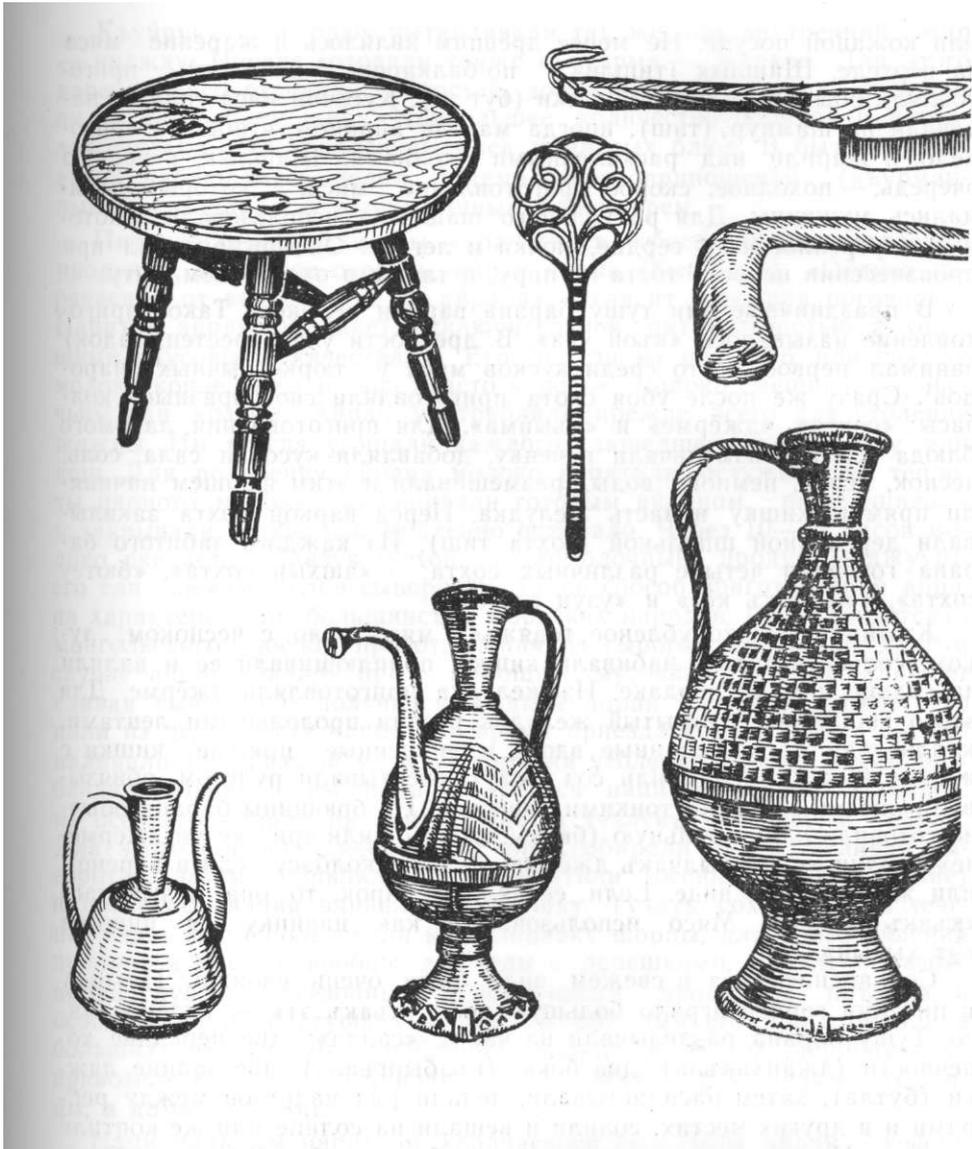
ции — на 16 почетных гостей. Для этого прежде всего тушу барана искусно разделявали на семь частей: четыре ляжки, два бока и позвоночный хребет. Затем эти части разделяли по суставам (сюек юлюш): из передних ног выделяли — две лопатки (джауорунла), две плечевые кости (базук) и две менее почетные кости — кость предплечья (къысха илик); из задних ног выделяли восемь порций — две берцовые кости (ашыкь илик), четыре порции — тазовая кость (тешикли джансюек къалакь, джансюек); из грудинки вырезали две порции по три ребра вместе (ногъана), четыре порции по два ребра (башлы иеги) и непочетных шесть ребер (быгъын иеги). Остальные кости и части туши, в том числе и позвоночный хребет, который разрубался на 15—16 кусков: на четыре боюномурау, пять шеше омурау, четыре кегей омурау, один къулсюймез и къуйрукъ учусу (кончик курдюка) — составили прибавку к основным обязательным порциям.

Поскольку гости занимали места по своему достоинству (по старшинству лет), то строго требовалось соблюдение порядка подачи блюд¹. Например, первый, самый почетный тепси, состоящий из четырех порций мяса, включал в себя: лопатку (джауорун), ногъана (грудинка), джансюек (тазовая кость), прибавку к тамаде баш джарты (разрубленной части головы), сохта, джёрме, прибавки к остальным суставам — быгъын иеги (двух ребер) и омураула (нескольких кусков позвоночника).

При большом числе гостей и на коше составляли дополнительные блюда — от четырех до восьми, а иногда до 27—28 порций. Во всех случаях ни часть головы, ни кончик курдюка не составляли порции. Они подавались тамаде как ритуальный знак главенства. Что же касается сохта и джёрме, то и они ставились по одной на тепси. Почетной частью для тамады-мужчины считалась лопатка с привеской «баш джарты» (рассеченная часть головы), а также кончик курдюка — «къуйрукъ учу», «ашхын сохта», «джёрме», два ребра — «эки иеги» (базук, къысха бла орта илик). Шапа получал омурау, быгъын иеги. Для гостей-женщин предназначались «ногъана», «ашыкь илик» и язык «джаякь», «бютеу сохта», «джёрме», «эки омурау», «эки иеги». Самым младшим доставались непочетные куски мяса и ножки. Запрещалось детям есть почки (бюрекле), чтобы они росли без бородавок. Кончик языка, говорили, не ест даже волк, поэтому его не употребляли и взрослые, и дети. Распределение мяса между присутствующими — древняя традиция тюрков² — у карачаевцев соблюдалось в любом случае убоя скотины. В феодальный период уздень или крепостной крестьянин, по ада-ту, должен был отослать владельцу лучший кусок «уча». Посылали почетный кусок мяса старшему атаула и соседям. Интересно отметить также тигим — кусочек, который старший давал младшему, отделяя его от своего куска. Это наделение едой имело, конечно, не столько практическое, сколько символическое значение.

¹ Г.—Д. Поездка к южному склону Эльбруса, стр. 66.

² Н. И. Ильинский. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов. — «Известия археологического общества», вып. 3, СПб. 1861, стр. 166.

Чаще всего мясо варили в котле порциями «сюек юлюш» и ели в отваренном виде с приправой из чеснока, соли и айрана. Приправу (сарсмакъ тузлукъ) подавали отдельно, и каждый макал туда куски мяса. Ели мясо руками, но из котла доставали особой вилкой «эт ыргакъ». Бульон от сваренного мяса (шорпа) подавали как второе блюдо после мяса и пили из деревянных чашек с ручкой. В шорпа клали лук, картошку, пшено, жареные кусочки теста, заправляли айраном или тузлуком.

Кушанья подавались на низеньких, круглых деревянных столиках (тепси) и «проходили всевозможные инстанции, начиная с почетнейших гостей» до ребятишек.

В фольклоре упоминается метод варки мяса архаическим способом — путем бросания раскаленных камней в воду в деревянной

или кожаной посуде. Не менее древним являлось и жарение мяса на вертеле. Шашлык (тишлик, по-балкарски — шишлик) приготавливали обычно из задней ляжки (бут эт). Кусочки мяса солили, надевали на шампур (твш), иногда мазали айраном, чтобы не пригорело, и жарили над раскаленными угольями. Шашлык, в первую очередь, — походное, скорое приготовление мяса, которым занимались мужчины. Для ритуального шашлыка использовали некоторые внутренности — сердце, почки и легкие. Он фигурировал при произнесении первого тоста на пиру, а также в охотничьем быту.

В праздничные дни тушу барана варили целиком. Такое приготовление называлось «кьой уча». В древности уча (крестец, задок) занимал первое место среди кусков мяса у тюркоязычных народов¹. Сразу же после убоя скота приготавливали своеобразные колбасы: «сохта», «джёрме» и «кьыйма». Для приготовления лакомого блюда «сохта» измельчали печенку, добавляли кусочки сала, соль, чеснок, перец, немного воды, размешивали и этим фаршем начиняли прямую кишку и часть желудка. Перед варкой сохта закалывали деревянной шпилькой (сохта тиш). Из каждого забитого барана готовили четыре различных сохта: «ашхын сохта», «бютеу сохта», «чыпчыкь кёз» и «узун сохта».

Кьыйма — мелкорубленое говяжье мясо, сало с чесноком, луком, солью, которым набивали кишку, приплющивали ее и вялили на солнце или на чердаке. Из желудка приготавливали джёрме. Для этого тщательно промытый желудок резали продольными лентами, клали туда же разрезанные вдоль и очищенные прямые кишки с жиром (джаулу ичег и или соз джау), свертывали рулетом, обвязывали нитками или же тонкими кишками. Из брюшины барана обычно готовили одну цельную (бютеу джёрме) или три «узун джермеле» и один «сангкьылчакь джёрме». Такую колбасу ели в вареном или же жареном виде. Если ее вялили впрок, то она называлась «кьакь джёрме». Мясо использовали и как начинку для пирогов «эт хычын».

Сохранение мяса в свежем виде было очень сложно. Поэтому в питании горцев играло большую роль «кьакь эт» — вяленое мясо. Тушу барана разделявали на части «санла»: две передние конечности (джапхакъла), два бока (кьабыргъала), две задние ляжки (бутла), затем распластывали, делали ряд надрезов между ребрами и в других местах, солили и вешали на солнце или же коптили у очага. Иногда вялили цельную тушу барана «бютеу кьакь». Говядину для вяления резали на крупные куски. Мясо солили сразу после убоя в горячем виде и выдерживали на деревянном блюде или в кадушке 2—3 дня, чтобы оно дало сок, а затем вялили на солнце. В сырую погоду мясо сушили дома, но вдали от огня, а иногда в дымаре очага.

Сушеное мясо ели как в вареном, так и в жареном виде. Оно служило также дорожной, походной едой. Из сваренных голов, ног и курдюка готовили «тузлукь баш-аякь». Им угощали почетных гостей.

¹ Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 604; К. К. Юдахин. Киргизо-русский словарь, М., 1965, стр. 811.

Къуйрукъ — курдюк вытапливали так же, как внутренний жир — ичджау. Иногда готовили также къуурма — жаркое. Для этого вареное мясо отделяли от костей, добавляли чеснок, соль и жарили на внутреннем жиру. Наибольшее количество обрядов и ритуалов связано с употреблением мяса и мясных блюд. В быту карачаевцев наблюдалась целая система жертвоприношений (къурманлыкъ), связанная с хозяйственным календарем.

Питание основной массы карачаевцев обеспечивали молочные продукты, в первую очередь, айран и сыр (бышлакъ). «Отлучи карачаевца от веры, но не от айрана», — гласит народная поговорка¹. Напиток айран обладает исключительной питательностью и хорошими вкусовыми качествами. Его делали из цельного или снятого молока коров, овец и коз. Часто коровье молоко смешивали с овечьим или козьим. Айран употребляли прежде всего для утоления жажды. Им всегда угощали каждого зашедшего в комнату или кош. Для получения айрана молоко кипятили, остужали до теплоты парного молока, заквашивали готовым айраном, перемешивали и закрывали, чтобы оно медленно остывало. Через 10—12 часов молоко скисает, образуя густой кисломолочный продукт — джуурт, его ели ложками, слив сыворотку. Такой способ приготовления айрана характерен для большинства тюркских народов. Он отличается от монгольского способа приготовления из сырого молока. В другом случае айран сбивали при помощи мутовки или мешалки, не сливая сыворотки; получался жидкий айран «джукъа айран»; его пили из деревянных чашек. Во время приезда гостей сверху айрана наливали тонкий слой меда. Летом для утоления жажды айран разбавляли водой и взбивали, получался напиток — сусап. Наконец, из осеннего айрана на зиму готовили тузлукъ — соленый айран. Для этого в течение нескольких дней собирали айран, отливая сыворотку, затем добавляли соль, кипятили (осеннее приготовление) и после остывания вливали в кадуюшку. Тузлук сохранялся в течение года; его использовали как заправку шорпы, для приготовления приправ к мясу и вообще для еды с лепешками. Таким образом, айран служил не сезонным, а постоянным продуктом питания, в особенности на пастушьих кошах. Обычно там его готовили в больших деревянных долбленых кадках и оттуда периодически привозили в селения в бурдюках. На кошах айран делали мужчины, а дома женщины.

Национальным напитком карачаевцев был тыпы айран — кефир.

Существует обширная литература, указывающая как на родину кефирных грибков — окрестности Эльбруса, в частности Карачай². Впервые об этом вскользь упоминал Г. Ю. Клапрот в 1807 — 1808

¹ Н. Я. Динник. Горы и ущелья Кубанской области. — «ЗКОРГО», 1884, кн. 13, вып. 1, стр. 336; А. А. Атманских. Карачаевский айран. Баталпашинск, 1915, стр. 5—6.

² В. Игнатьев. Кефир. «Энциклопедический словарь» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, СПб., 1895, т. 15, стр. 36—39; проф. Э. Э. Керн. О ферменте кефира. КОВ, 1882, №№ 42, 43; А. А. Кирш. Очерки сыроваренных заводов на Северном Кавказе, Тифлис, 1887, стр. 64; А. Тарасов. Карачаевские очерки. «Северо-Кавказский край», № 9, Р/Д., 1925, стр. 84 и другие.

годах¹. Научные же круги России и за рубежом заинтересовались кефиром, приобретенным в Карачае, начиная с 1867 года².

В Карачае кефир называли мужским напитком. Его готовили из парного, главным образом козьего и овечьего, реже коровьего молока. Для этого в бурдюк наливали парное молоко и для закваски бросали горсть кефирных грибков «гыпы урлукъ». Бурдюк тщательно взбалтывали и затем на несколько часов оставляли в покое. В питательной среде парного молока кефирные бактерии начинали «жить и размножаться». По мере того как кефирное молоко сливали из бурдюка для употребления, его снова дополняли свежим молоком. Через сутки-двое, когда кефир подвергался брожению, кефирные комочки процеживали, промывали водой и затем сушили для последующей закваски. В таком виде кефирные грибки сохранялись в течение нескольких лет.

В обращении с кефирными грибами у карачаевцев бытовал табу «ырыс», запрещавший передачу зерен другому хозяину. Обычно соседи при истощении запаса грибков прибегали к обряду «гыпы урлау» («похищение кефира»), т. к. верили, что при этом злой дух будет обманут и богатства хозяев сохранятся³.

Наконец, со скотоводческим бытом карачаевцев было связано приготовление булгъама — «крученки». Готовили ее весной и осенью из овечьего молока. Для этого свежее молоко, слегка подогретое в медных казанах, переливали в деревянный сосуд и с помощью лопаточки тщательно перемешивали, а затем в течение продолжительного времени содержали в покое, пока отстоявшаяся масса не становилась густой.

Сыры «бышлакъ» готовили из овечьего, козьего и коровьего молока. Для этого подогретое молоко заквашивали при помощи сычуга молочного ягненка или теленка (мая). Когда молоко свертывалось, его перемешивали, и творог оседал на дно, его отжимали руками и делали круги. Для отделения сыворотки их подвешивали в мешочках или зажимали камнями между двумя досками (бышлакъ табха). Сыр два-три дня можно было есть в свежем виде, затем его солили и, разрезав на куски, укладывали в кадушку с рассолом сыворотки (хуппеге). Сыр составлял важнейший продукт питания: его ели с лепешками, картошкой; делали начинку для пирогов, готовили блюдо «мёрезе». Готовили и другой вид сыра: створоженную массу укладывали в бурдюк и спрессовывали до вызревания. По мере необходимости сыр доставали из бурдюка по частям⁴. Из айрана готовили «сюзген бышлакъ», а из овечьего молока — творог «къой сюзме».

Из молочных продуктов следует назвать «сютбаши» — сметану или сливки; къаймакъ — свернутые пенки с кипяченого молока,

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв., Нальчик, 1974, стр. 249.

² В. Игнатъев. Кефир. «Энциклопедический словарь» Ф. Брокгауза и И. Ефрона, стр. 36—39.

³ А. Н. Дьячков-Тарасов. Карачаевские кефирные зерна и перспективы их использования. «Бюллетень Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института», Ростов-на-Дону, 1927, №№ 2—4, стр. 56.

⁴ А. А. Атаманских. Молочное хозяйство в Карачае, Кубанской области и нужды его, — «Молочное хозяйство», М., 1908, вып. 1, стр. 20.

хамеши — пенки с айрана, мыстындау — простоквашу и джау — масло. Оставив на ночь молоко в деревянных чашах «чара», утром снимали с него сливки и приготавливали масло, качая в бурдюке, или сбивали посредством лопаточки в деревянных чашках. В конце XIX века стали проникать кадушки-маслобойки.

Архаичный способ сбивания масла в бурдюке часто сопровождался исполнением трудовой песни, посвященной покровителю крупного рогатого скота «Долай». Топленое масло для хранения сливали в бычьи и бараньи пузыри. Сухой каймак хорошо сохранялся на зиму. Сложенный в кадушки каймак заливали медом, и таким образом получался продукт «бал къаймакъ», являющийся лакомством праздничного стола.

Как видно, молочные продукты, изготавливаемые карачаевцами, были весьма разнообразны. Способы их приготовления почти те же, что и у большинства тюркоязычных народов. Общей является и терминология.

Свежее молоко в быту карачаевцев употреблялось редко и главным образом детьми и больными¹. Это также далекая древнетюркская традиция. При кошемом товариществе молоко от коров разных хозяев сливали вместе, приготавливали айран, сыр или масло, а потом делили готовые продукты между хозяевами, пропорционально количеству дойного скота каждого. Значительную роль в перевозке и хранении молочных продуктов играли бурдюки (гыбыт).

Недостаток земель и нехватка собственного хлеба делали растительную пищу в быту карачаевцев дополнительной к мясомолочной. Из всех видов хлебных злаков прежде всего пекли лепешки из круто замешенного теста («гырджын»). Эти лепешки подсушивали, поставив около очага, опирая на особую железную подставку — гырджын агъач (букв. — дерево для лепешек), на которую обычно укладываются концы дров, или на круглой железной лопатке с длинной ручкой — араун. После подсушивания лепешки допекали прямо в золе. С появлением покупных чугунных сковород гырджын стали печь между двух сковород, ставя их на уголья.

Делали гырджын из кукурузы, ячменя и проса. Просяной гырджын получался очень рассыпчатым, и его в виде шутки подавали зятю, когда он первый раз приезжал к родным жены. В XIX в. получили распространение, особенно среди пастухов, лепешки из гречневой муки — «речка гырджын». Название гырджын сопоставляется с осетинским (дигорским) кардзын — хлеб, лепешка².

В кошевых условиях готовили лепешки строго определенных размеров — 6—7 см в диаметре, так называемые «малчы гырджын» (гырджын скотова). Каждому работнику по этикету полагалось по две лепешки в обед.

¹ И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 54.

² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, том I. М., 1958, стр. 584—585.

Одним из распространенных национальных блюд является кара-чаевский эт хычын — пирог с мясом, которое кладут в него в сыром виде, сходен с осетинским фыдчын. Хычын (пирог) имеет разновидности в зависимости от начинки. Его пекли на сковороде «таба хычын» или жарили в масле «джау хычын». Хычын подавали на стол горячим, положив несколько штук один на другой. В масле жарили «бёрек» — пирожки полулунной формы с мясом или сыром, «кърым хычын», «чыккърт» — сдобные фигурные коржи больших размеров, печенные в масле, а также локъум — нарезанные ромбиками тонкие кусочки теста, замешанного на воде или молоке, иногда с добавлением яиц и сахара.

Начиная с середины XIX в. начинку хычына стали делать из вареной картошки с сыром, а иногда из свекольника (чюгюндюр хычын). Ботву мелко рубили, отжимали, чтобы вышел сок, а затем смешивали с сыром и луком. Употребляли как начинку щавель (кьозу кьулакъ) и крапиву (мурса).

Для жарения пирожков употребляли ючкьулакъ чоюн или кьулакълы чоюн (чугун с ушками) — неглубокий полушаровидный чугунный котел с тремя или четырьмя выступами-ушками, при помощи которых котел ставили на таган (ючаякъ). В таком же котле жарили на огне зерно кукурузы. Поджаренное зерно подсаливали и вместе с солью мололи на мельнице. Такая мука называлась кьууут (толокно); ее размешивали на айране или сметане, иногда с маслом, медом или сахаром. Из кукурузной, ячменной и гречневой муки варили мамалыгу (как), которую употребляли с маслом, айраном или сметаной. Из проса и риса готовили пасту (баста), варили разные похлебки (биямукъ), жидкие каши из риса, пшена и т. д.

Популярными блюдами в народе были галушки (халпама) — комок кукурузного теста, сваренный в воде, а также джырна — вареные зерна кукурузы, пшеницы, ячменя. Из ячменя и овса готовили излюбленное кушанье — бегене, род киселя. Его ели с маслом и сметаной.

Недостаток растительных продуктов, особенно весной, длительное пребывание на горных пастбищах, хорошее знание диких трав приводило к включению в состав пищи многих трав и корней. Мы уже упоминали щавель и крапиву, можно еще назвать черемшу (тыхтен), мяту (дугъума) и др. Мяту и рододендрон (къара залькьылды) заваривали и пили как чай; стебли трав зыка, дикий горчичник (джыгыра), кьой мусхот, кьозукьулакъ и другие ели сырыми, иногда с солью. Сырыми ели и «мант» — корни лопуха, госук, «штанкьыл», а также клубни «мандалакъ»¹. Из плодов барбариса (тюртю) готовили напиток «тюртю суу», а из яблок и груш — «алма суу» и «кертме суу». В употребление шли плоды дикорастущих деревьев и кустарников: малина (нанькъ), земляника (джилек), черника и брусника (шкилди), крыжовник (гургум), лещина (чёртлеук), джабышмакъ (боярышник), такъюзюк (рябина), къара къайын (черемуха), чинар.

Употребление диких трав, особенно весной, когда они свежее и сочные, а также плодов повышало витаминность питания. Из ди-

¹ Русские и латинские наименования этих растений нам неизвестны.

ких фруктов особенно ценилась груша (кертме), а также шиповник (ит бурун). Их плоды сушили, растирали в муку, которая считалась весьма питательным и даже целебным продуктом для питания больных, особенно, если смешивалась с медом. Из алычи (сары эрик) делали тонкую, как кожа, сухую пастилку (мырзай). Вареные ягоды протирали через сито в таз, намазывали тонким слоем на деревянное блюдо или доску и сушили на солнце. Пастилка имеет очень приятный кисловатый вкус.

Праздничная пища включала в себя мясо, жаренные в масле пироги — чыкъырт, хычын, бёрек и локъум, а также некоторые сладкие блюда, из которых основным была халва (халуа). Ее готовили из пшеничной, просяной или кукурузной муки. Для «сахан-халуа» брали пополам масло и сахар, в масле жарили муку, потом добавляли мелко истолченный сахар (ранее мед), мешали, укладывали на блюдо и резали на куски. При другом варианте (шекер халуа) масло растирали добела с двойным количеством сахара и, вмешав муку, пекли между двумя сковородами или в печи (хурбаи халуа). Делали также чакъкъан халуа — сдобное тесто с молоком (сливками), сахаром, яйцами — жаренное кусочками в масле или испеченное на сковороде. Сладости, особенно в большом количестве, делали к свадьбе. Обязательным блюдом был «крымский хычын» (кърым хычын), жаренный в масле пирог с вареным мясом или, по другому способу, многослойный пирог из тонкого сдобного теста с несколькими слоями начинки: 1) рубленое жареное мясо, 2) халва, 3) вареный рис, с маслом и сахаром, 4) повидло, 5) крутые яйца с сахаром, сверху закрывали тестом и жарили в масле.

На праздники делали напиток боза. Готовили боза из овсяной, пшеничной и кукурузной муки. В теплую воду всыпали муку, тщательно перемешивали и оставляли в тепле до следующего дня. Затем жидкое тесто варили на слабом огне до поджаривания. Его снимали с огня, клали в кадушку и, дав постоять, добавляли туда закваску для брожения (ячменный солод «салат» — пророщенные зерна ячменя, высушенные и размолотые), заливали теплой водой и, тепло укутав, оставляли для брожения. После двухдневного брожения массу процеживали через сито и выливали в кадушку. Налив холодную кипяченую воду, бочку ставили на 2—3 дня в закрытом виде, чтобы бродила. Для усиления брожения иногда добавляли мед. «Для большей крепости» кадушку, замотанную сверху тряпкой, били плеткой и приговаривали, чтобы она «заиграла».

Бозу пили обыкновенно из деревянных чаш, употреблявшихся также для айрана и шорпы. При этом чаша с бозой шла по кругу. На празднествах бозу пили и женщины, но отдельно от мужчин. По обычаю мужчина мог послать женщине чашу с бозой и закуской, а женщина, в свою очередь, посылала ему еще больше бозы и угощения. Если же женщина первая посылала на имя мужчины бозу, то он, выпив, клал в чашу для нее деньги. Подобный обмен бозой совершался и между молодыми и пожилыми и был проявлением взаимного уважения.

Одним из принятых напитков было пиво (сра). Для приготовления его брали очищенный ячмень, утром заливали теплой водой, а в обед, слив воду из ячменя, ставили в теплое место на несколько

суток. С появлением ростков ячмень сушили и крупно мололи. Потом заливали его водой и, помешивая, варили в течение часа. Затем массу процеживали через сито или корзину и кипятили до уваривания (густоты). После чего добавляли хмель (хумеллек) и немного проваривали. Охлажденную массу заливали бозой и оставляли для брожения в тепле. Через 2—3 дня пиво процеживали, очищая от хмеля. Боза и сра были ритуальными напитками.

Приготовлением пищи занимались в равной степени мужчины и женщины. Первые готовили пищу и заготавливали впрок продукты на кошах, а женщины — и дома, и на кошах. Приготовлением пищи на кошах или в сенокосных группах занимался шапа — повар, выделенный из молодых. Таким образом, не только женская, но и мужская молодежь как бы проходила «школу поварского искусства» на практике.

В потреблении пищи можно отметить как бы две формы: первая — коллективная. Питание в кошевом товариществе, в сенокосной группе (джыйын) было коллективным не только потому, что продукты питания вносились коллективно и обрабатывались совместно, но и потому, что они совместно потреблялись. Во время еды на коше рассаживались так же по возрасту, как и при приеме гостей. Еду подавали на деревянном подносе (ашлау), а для молодежи клали на подстилку из сушеной травы (болджар салам).

Во время еды существовал особый ритуал поведения. По словам Г. Ф. Чурсина, еда для карачаевцев представляла «некоторого рода священное действие». «В обычное время, — писал он, — гостя приветствуют вставанием, но если он застает семью за столом (за едой), тогда этот обычай не исполняется, т. е., по карачаевскому воззрению, «еда выше гостя»¹. Или, например, если тамада давал кому-нибудь тигим — кусочек мяса от своего куска, то получающий должен был принять его в горсть правой руки. Дающий называл имя того, кому дает, а тот отвечал благопожеланием. Нарушение этого обычая, так же как неаккуратность во время еды, или если кто-либо уронит кусок, считались нарушением приличия и вызывали къабын — виновный должен был выполнить неурочную работу или поставить угощение. По обычаю, мозговые кости на коше не ломали, а собирали вместе, и они предназначались «хану» — уважаемому лицу или девушке; и те в ответ должны были зарезать барана для косарей по их возвращении в селение и устроить праздник. Этот обычай назывался чурум этиу — причина (повод) для устройства праздника.

Коллективным, совместным было и поедание добычи группой охотников, причем и здесь старшему давались почетные куски. Выделялись куски и первому встречному, когда охотники шли с добычей. Кости не ломали, а собирали и оставляли в одном месте, следуя древней традиции, имевшей в основе представление о возрождении убитого и съеденного животного.

Во многих случаях на праздниках, свадьбах, при жертвоприношениях, при приемах гостей женщины и мужчины ели в разных помещениях, соблюдая при этом принцип рассаживания по-старшинст-

¹ Г. Ф. Чурсин. Обычай и предрассудки карачаевцев, — «Кавказ», 1903, № 31.

ву, соответствующего распределения кусков и подачи пищи. Принцип коллективизма заключался и в том, что в число приношений пришедших на свадьбу входили и продукты питания и готовые кушанья.

Коллективный прием пищи связан также с обычаем маммата — помощи, которую собирали во многих случаях — при постройке или обмазке дома, валянии войлока или бурки и т. п.

Совместная еда в общественном быту являлась формой единения людей. Основная еда приходилась на вечер «ушхууур». Утром «эртден азыкъ» и днем «кюнорталыкъ» ели тогда, когда позволяло время, и в основном холодную пищу — айран, сыр, гырджын. Вечером приготавливали горячую еду (исси ушхууур). Мужчины и женщины ели отдельно, а маленькие дети — с матерью или бабушкой. Раздельная еда в семье была связана с обычаями избегания невестками мужчин — родственников мужа, с запретом совместной еды мужа и жены, представителей младшего поколения со стариками. Обычай раздельной еды супругов существовал у многих народов и имеет древние корни¹.

Карачаевцы в пище были очень умеренны, за исключением праздников или периодов тяжелой работы. Небольшой кусок сыра, чашка айрана и кусок лепешки служили иногда пищей для взрослого мужчины на целый день. Холодная пища, в особенности на кошах, была преобладающей.

Социальные различия проявлялись в пище довольно ярко. В феодальный период крепостные крестьяне, а тем более рабы, не могли, как правило, есть вместе с хозяевами. Значительно больший демократизм наблюдался в совместной еде на кошах, где почетное место и кусок чаще всего выделялись старейшему.

Классовые различия в питании возросли с развитием капиталистических отношений, ростом торговых связей. Покупные продукты — сахар, рис, чай и др. — в первую очередь были доступны более зажиточным, так же как лучшего качества и в большем количестве мука и хлебные изделия². Но преобладающими в питании оставались национальные блюда.

Хотя у карачаевцев обрядовой пищей служило прежде всего мясо жертвенного животного, чаще всего барана, но имела место и другая обрядовая пища, имевшая аналогии с соседними народами (осетины, кабардинцы, балкарцы и др.). Во время пахоты на рога быка, а во время случки баранов — на рога производителю надевали так называемый «кюл гюттю» — лепешку с дыркой посередине. Считалось хорошей приметой, если животное сбросит калач с рогов. Когда невесту везли в дом будущего мужа, ее родственницы пекли фигурные печенья. Молодые люди, приехавшие за невестой, подвешивали их к потолку в том помещении, где находилась невеста.

На вечеринках молодежи пекли маленькие, см 5 в диаметре, гырджыны, внутрь которых клали соль (тузлу гюттю). Съевшие их от жажды во сне «видели своих суженых». На похоронах делали кьатлама — круглую лепешку, края которой резали в виде бахромы

¹ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 67.

² И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 54.

или зубцов. Ее жарили в масле. К некоторым праздникам, в частности, к Новому году приготавливали кушанье из семи разных видов продуктов.

В составе утвари, которая служила для приготовления пищи, основное место занимал котел (къазан). В котлах варили мясо, приготавливали кушанья из жареного теста, подогревали молоко, кипятили воду. Количество медных котлов, как и вообще медной посуды, служило признаком богатства. В конце XIX в., в начале XX в. медные котлы, привозившиеся из Грузии или изготовлявшиеся отходниками-лакцами из Дагестана, стали вытесняться чугунными изделиями российских заводов. Учитывая сложившиеся навыки и вкусы народов Кавказа, русские заводчики изготовляли из чугуна не только «ушастые котлы», удобные для жарения теста и сушки зерна, но и кумганы для умывания и подогревания воды на манер восточных. Форму кумганов повторяли и в эмалированной посуде, украшая их розами. К медной утвари относятся высокие кувшины для ношения воды и большие плоские тазы для стирки и мытья.

Преобладала деревянная утварь: долбленые кадушки, ведра, подойники, а также вырезанные из одного куска дерева блюда, корытца для теста, деревянные черпаки, огромные плоские ложки для снятия сметаны и сливок с большой площади котла или кадушки, небольшие деревянные ложки для еды, цедилки для молока, своеобразные деревянные чашки (аякъ), без поддона, с округлыми боками и маленькой вертикально поставленной ручкой-кольцом. Такая ручка скорее была пригодна для подвешивания, чем для держания. Встречались аяки, украшенные геометрической резьбой, а также чаши и черпаки с резными головами баранов на ручках.

Как говорилось выше, для перевозки молочных продуктов служили бурдюки, а в мешках из снятых чулком шкур, шерстью наружу (къабчыкъ) переносили и хранили зерно и муку. Обе формы использования снятых шкур известны всем народам Кавказа.

Карачаевцы, так же как балкарцы, кабардинцы, черкесы, не имели в последние столетия собственной керамики и крайне редко употребляли привозную. Видимо, это связано с нашествием татаро-монгол, с беспокойной жизнью того периода, необходимостью частых и поспешных переездов, не способствующих созданию и сохранению керамики.

Отмеченная устойчивость национальной пищи довольно ярко выступает и в настоящее время, когда неизмеримо расширились возможности разнообразить питание, вводить в состав пищи новые продукты и блюда. И все же традиционные блюда до сих пор являются преобладающими как в повседневной, так, в особенности, в праздничной пище сельского населения Карачая. В питании горожан, естественно, произошли большие перемены, но и здесь в торжественном случае приготавливаются и подаются излюбленные блюда национальной кухни.

Первые годы после революции основным источником получения продуктов питания в горских областях продолжало оставаться индивидуальное хозяйство. В 20-х годах началась организованная работа по изменению быта населения. В эти годы расширилось применение овощей, исчезло недоверие к покупным продуктам. В годы развитого

колхозного строительства и роста благосостояния населения одним из факторов воздействия явилось общественное питание, которое было организовано на полевых станах, молочно-товарных фермах. На кошах, в силу условий и привычек, а также того, что поварами по традиции оставались молодые парни, питание оставалось прежним по составу и способам приготовления. На молочно-товарных фермах, коллектив которых был многочисленнее и включал много женщин, из которых выделяли повариху, понемногу начали входить в быт новые блюда, вроде борща, хлеба хлебопекарной выпечки или испеченного из пшеничной муки между двумя сковородами. В еще большей степени менялось питание в полевых станах на «прирезках», где большую роль играло организованное снабжение хлебом и другими продовольственными товарами.

Однако наибольшие изменения в пище относятся к послевоенному периоду. Это связано с общим ростом благосостояния и культуры народа. Кроме того, пребывание в Средней Азии и Казахстане, резко отличным по климатическим условиям и характеру хозяйства, жизнь в русских, казахских, украинских, узбекских, киргизских, дунганских и других селениях, а также в условиях смешанного многонационального населения городов отразились на составе блюд, появились новые вкусы и потребности.

В настоящее время в ассортимент национальных блюд вошли узбекский плов, казахский бесбармак, сухой кислый сыр (кърүрт), дунганские манты, лагманы, делают черкесские и абазинские кушанья из птицы, а также разнообразные блюда, вызванные тесным контактом с русской кухней: соус, голубцы, борщ, пельмени. Значительное место в пищевом обиходе занимает картошка, приготовленная довольно разнообразно. В пищевой рацион вошло употребление овощей как в свежем, так и в консервированном виде. Наиболее часто употребляются такие овощи, как лук, огурцы, помидоры, тыква, капуста. Впрок заготавливают помидоры и огурцы, капусту, различные компоты и варенья. Покупают сахар, печенье, конфеты, торты и другие кондитерские изделия. Покупной хлеб и растительные масла стали продуктами не только городского, но и сельского питания.

В связи с внедрением в быт сепараторов изменились домашние способы приготовления масла и сыра. Иное значение в повседневном питании приобрел айран (в связи с распространением печеного пшеничного хлеба), который продолжает бытовать, но употребляется больше как освежающий напиток.

Изменился и режим питания: оно стало более регулярным, хотя по старой традиции преимущественно вечером готовится горячая и наиболее сытная пища, но теперь часто в обеденное время и утром делают горячие блюда. Принимают пищу за столом одновременно всей семьей, особенно, когда нет посторонних. Если в доме есть гость, вместе с ним ест кто-либо из хозяев, а остальные позже; но нередко за одним столом питаются члены семьи и гость.

Коллективное питание, питание в столовых (во время поездок, командировок, обеденного перерыва на работе) вошло в обиход всех слоев и возрастов населения.

Праздничные события в семье отмечаются обильным угощением, в которое входит большое количество мяса, национальные пироги, по-

купные сладости и т. д. Вошли в обиход холодные закуски и консервы. В большинстве случаев на празднествах еще имеют место отдельные столы и помещения для стариков, пожилых женщин, но люди средних лет и, конечно, молодежь часто не соблюдают разделение гостей по полу. Совместно сидят за столами люди разного возраста и пола на общественных банкетах, комсомольских свадьбах.

Современная утварь представлена большим количеством разнообразной посуды. Полностью исчезла старая деревянная посуда. Очень редко можно встретить только деревянную ложку или черпак, крытце для теста, маленькие столики (тепси) и табуреточки (шиндик). Большие котлы еще кое-где сохраняются и находят применение при больших приемах гостей, при устройстве помочей — маммат, на свадьбах и поминках. Вся остальная утварь вполне современная. Приготовление пищи происходит на керогазах, электро- и газовых плитах. При еде употребляют обычную покупную посуду — тарелки, миски, стаканы, чашки и т. п. Во многих семьях в ходу пиалы и большие фаянсовые миски — кяса, большие круглые блюда алюминиевые, эмалированные или фаянсовые. Часто можно встретить деревянные хохломские ложки и чашки. Большим спросом пользуются электрические чайники, самовары, кастрюли-скороварки.

В заключение следует подчеркнуть, что многие блюда, характерные для дореволюционной карачаевской кухни, вошли в современный быт как богатое наследие многовековой народной культуры и, вероятно, еще долго будут удовлетворять вкусы и потребности народа. Целый ряд молочных продуктов, изготовляемых традиционным способом (айран, кефир, сыр, масло), а также блюда, приготовляемые из мяса (сохта, джёрме, кыйма), заслуживают сохранения и распространения не только среди местного населения, но и в других местах, имеющих сходные условия хозяйства и быта.

* * *

Итак, материальная культура карачаевского народа развивалась в тесной взаимосвязи с культурами соседних народов. Заимствования и сближение культурных аспектов стали особенно интенсивными и многосторонними за годы Советской власти. Разительные перемены произошли в типах поселений и формах жилищ, которые приобретают интернациональные черты; в одежде, все более приближающейся к городской. В пище, где дольше сохраняются национальные особенности, также наблюдаются обширные заимствования.

Все это обогащает материальную культуру карачаевцев и ведет к еще более тесному объединению их с дружескими народами.

ГЛАВА IV

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Своеобразие хозяйственного быта карачаевцев обусловило застойность общественных отношений: медленное развитие феодализма, длительное сохранение общинных форм собственности и общинного быта.

Карачаевская сельская община до самого конца XIX века сохранила пережитки архаических форм общины — родовой и соседской. Это придавало своеобразие феодальным отношениям, которые часто выступали под покровом патриархально-общинных. Особенно полно описаны общинные отношения в работах Б. Ф. Миллера¹, подметившего не только черты патриархального, но и более раннего материнского рода. Следы его он находил в свадебных обрядах, в подарках, в «выдающейся роли брата невесты и дяди по матери» при заключении брака². Особая близость детей сестры, которые были порой дороже собственных, отражена и в народных пословицах. «Две трети парня от дяди по матери» (Джашны юч этиб эки юлюшю ана къарнашындан). «Родившийся от сестры заласканным бывает» (Эгечден туугъан эрке болады). «Если придет сын сестры, то центральный столб дома и то оживится», так дорог гость (Эгечден туугъан келсе, юйню ара багъанасы кымылдар)³.

Древними родами Карачая считались каумы. Их было четыре, что характерно для многих племенных объединений, имеющих дуальную структуру. Кауму были присущи многие черты родовой общины: происхождение от одного родоначальника, экзогамия, пережитки родовой собственности, взаимопомощь и т. д.

Каждый каум имел своего легендарного родоначальника — «тин ата». По преданиям, такими родоначальниками были сподвижники Карчи: Адурхай, Будиян, Науруз и Трам. От потомства этих лиц и пошли четыре основных клана карачаевского народа: адурхаевцы, будияновцы, наурузовцы и трамовцы. Позже, при разрастании родов, адурхаевцы, будияновцы, наурузовцы и трамовцы стали союзами ро-

¹ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев.

² Б. Миллер. В Карачае, стр. 396.

³ С. Ч. Алиев. Къарачай нарт сёзле, стр. 264—266.

дов, в которые входили родовые общины — тукумы. Каумы объединяли наиболее древнее этническое ядро. Тукумы, возникшие позже из пришельцев в Карачай или из освободившихся крестьян, в каумы не входили.

Кроме основных союзов родов, были и другие, образовавшиеся позже. Принадлежность к одному из каумов была не только почетна, но и гарантировала человеку более надежную защиту его личности и имущественных прав, более прочное положение в обществе. Поэтому многие и более поздние пришельцы пытались попасть в старые каумы и тукумы. При этом они часто принимали фамилию тукума¹.

Четыре коренных карачаевских каума возникли в тот отдаленный период, когда в Карачае еще существовала коллективная собственность не только на землю, но и на скот. Об этом былом хозяйственном единстве союзов родов говорят сохранившиеся до самой революции родовые тавра — символ родового единства.

Первоначально в собственности тукумов были и пахотные, и сенокосные участки, о чем свидетельствуют сохранившиеся до XIX века права родового выкупа. Эту интересную черту карачаевского землевладения отмечали многие исследователи².

Если член тукума (фамилии) хотел продать свой земельный участок, то он обязан был предложить его родственникам по тукуму, которые имели предпочтительное право покупки. Если близкие родственники отказывались, он должен был предложить более дальним. И только если отказались все родичи, должен был предложить соседу. Если же отказались и соседи, землю можно было продать любому постороннему покупателю.

Распадение карачаевских каумов на ряд тукумов произошло, по-видимому, в период образования современных селений Большого Карачая, о чем свидетельствуют поселения тукумов. Несмотря на отсутствие единой территории, члены союзов родов не утратили родового имени и воспоминания об общем происхождении.

Все тукумы, входившие в данный каум, считались родственными, оказывали друг другу помощь в случае несчастья. Помогали собрать средства для платы за кровь, защищали от набегов скот и селения, однако помощь дальних родственников — членов одного каума — не была столь обязательной, как близких родственников по тукуму и тем более атаулу. Внутри каумов одни тукумы считались более близкими (кыхса тукъум), другие — более дальними (узакъ тукъум).

Значительно теснее были родовые связи внутри тукумов. В течение всего XIX века в старых селах сохранился принцип поселения по родовым кварталам — тийре. Каждый квартал был населен только одной фамилией, по которой он и получал свое название. Всего в трех селениях Большого Карачая к началу XX века насчитывалось около 150 кварталов, из них: в Карт-Джурте — 50 кварталов, в Учкулане — 44, в Хурзуке — 53.

¹ ЦГА СО АССР, ф. 262, д. 71, л. 102—121.

² Гр. Петров. Указ соч., стр. 137—138.

Некоторые большие тукумы имели по несколько кварталов. Тийре были целыми поселками, насчитывающими до сотни усадеб. Часто внутри тийре помещалось и кладбище тукума. На нем хоронили только членов своей фамилии. Если человек умирал не дома, даже вне пределов Карачая, его везли хоронить домой, на родовое кладбище.

До отмены крепостного права в тийре наряду с членами тукума жили и их крепостные.

Издавна, когда человек умирал, собирались все близкие и дальние родственники, выбирали тамадой самого красноречивого старика и шли к могиле. Каждый член тукума брал в руки по камню. Тамада, произнеся молитву, ходил вокруг могилы, время от времени стуча камнями друг о друга и приговаривая: «О-о, санаша, о-о!» И все присутствующие на похоронах подхватывали слова и также ходили за ним вокруг могилы, ударяя камнем о камень¹.

Когда в одном из домов тийре резали скотину, то куски мяса разносили по всем домам своего тийре, наиболее почетные части отдавали старейшим тукума (тукъум тамада). Обычай этот в своей пережиточной форме бытует и в настоящее время.

Единство тукума в XIX веке в основном было идеологическим, так как тукум перестал быть хозяйственной единицей, потерял коллективную форму собственности на средства производства и т. д. Раздел тау кишлыков производился не на определенный срок, а бессрочно. Полученный семьей участок передавался по наследству от отца к сыну. В случае смерти бездетного человека земля передавалась ближайшему родственнику по атаулу.

Разложение родовых отношений, выражающееся в имущественном расслоении общинников, шло двумя путями. Прежде всего возникло имущественное неравенство между родами. Выделились сильные роды, захватившие лучшие земли и власть над общиной, закабалявшие пленных и подчинявшие себе рядовых общинников. Таковыми родами были в Карачае, прежде всего, Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы².

Неравенство проникло и в среду рядовых общинников. Так, Алиевы владели 1800 десятинами земли, Хубиевы — 1900, Боташевы — 900 десятинами. В то же время многие тукумы имели ничтожное количество земли. Так, 96 фамилий, в которые входили 294 двора, не имели ничего, кроме приусадебных участков, а 451 семья не имела и этого³.

Вторым этапом разложения родовой общины было имущественное расслоение внутри тукума, что было характерно для конца XIX века. Например, внутри Крымшамхаловых выделился атаул Ачахматовых, который захватил лучшие земли и претендовал на наследственное старшинство над общиной. Среди Байчоровых намного превосходил своим богатством сородичей атаул Бёденелары и т. д. Но внутри атаулов шел процесс выделения особо богатых семей, кото-

¹ «Ленинни байрагы», 1965, № 36.

² ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 507, л. 22—37.

³ ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 129, л. 87.

рые, пренебрегая родовой взаимопомощью, охотно эксплуатировали обедневших сородичей. К середине XIX века расслоение охватило все тукумы¹.

Все это свидетельствует о том, что тукумы к XIX веку потеряли основные черты родовой общины: коллективную собственность, общий труд и совместное потребление. Не только между тукумами, но и внутри их наблюдалось резкое имущественное неравенство. Процесс ликвидации пережитков родового строя усилился после присоединения Карачая к России.

С разложением патриархально-родовой общины её функции по защите населения, охране территории, распределению земли, строительству и поддержанию оросительной системы и другим вопросам внутри сельской жизни перешли в более широких масштабах к сельской общине. Члены ее были связаны не кровным родством, а общностью территории, совместным владением земельными угодьями. В этой общине частная собственность на скот, инвентарь, пахотные земли — сабаны и приусадебные сенокосы — биченлики, сочеталась с коллективной собственностью на пастбища, выгоны, леса и пустоши.

В нераздельной собственности всего Карачая оставался лес, отобранный позже частично в казну, а также урочище Бичесын.

Пережитком общинной собственности на все земли был обычай, по которому земля тех семей, которые покинули Карачай, переходила в общественную собственность.

Обязанности и права, которые при родовом строе давала человеку принадлежность к тукуму, распространилась на членов сельских общин. Община давала своим членам защиту от внешних врагов. Каждый мужчина в случае нужды становился воином². По очереди охраняли мужчины-воины горные перевалы, откуда могли напасть враги.

Община помогала жителям сооружать оросительную систему, которую невозможно было проложить без совместного труда всего селения. Канавы требовали постоянного контроля, очистки, прокладки желобов и др. ирригационных работ, на которые выходили все члены общины. Также общинники выступали против самовольных захватов земель вплоть до разрушения оград, поставленных знатью вокруг захваченных земель. На захваченные земли смотрели как на узурпированные, не признавая законности этих действий.

В Карачае происходил тот же процесс уменьшения роли общинной собственности на землю и превращения ее в общинный придаток частной собственности, о котором писал К. Маркс в своем письме к В. И. Засулич: «Оставляя в стороне все влияние враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота (допуская накопленные богатства даже в виде крепостных), все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии, и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, по изложению которых отвлекло бы меня слишком далеко, — все это действует как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и по-

¹ ГАКК, ф. 774, оп. 11, д. 129, л. 87.

² Н. Иваненков. Указ. соч., стр. 40.

рождает в недрах самой общины столкновение интересов, которое сначала влечет за собой превращение пахотной земли в частную собственность и которое кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными придатками (курсив К. Маркса) частной собственности»¹.

Однако процесс этот и в XIX веке завершен не был, и общинное начало продолжало сосуществовать с частнособственническим.

С развитием феодализма карачаевская сельская община перестала быть коллективом равноправных свободных тружеников. Прежде всего община охватывала не все население, а представителей юридически свободных сословий села. Лишь уздени и бии считались полноправными ее членами. Крепостные крестьяне и рабы, жившие на территории села, никакого участия в общественной жизни не принимали. Но и среди свободных общинников не было имущественного и социального равенства. Шел интенсивный процесс расслоения общинников.

Сельская община имела свои органы управления, наиболее древними из которых было народное собрание «махкаме» и совет старейшин. Народное собрание, которое, как и община, называлось «джамагат», состояло из полноправных членов общины.

Народное собрание решало вопросы войны и мира, распределения земли и многие вопросы хозяйственной жизни селения: когда и на какие пастбища отгонять на лето скот, сколько скота можно оставить на сельских выгонах, когда начинать запускать выгоны под сенокосы, как поддерживать в порядке оросительную систему и где проводить новые каналы.

Введение в Карачае царской администрации изменило общественную жизнь карачаевцев. Для контроля и надзора над населением в Карачай и другие горские общества были назначены приставы, которые осуществляли полицейскую и административную власть. Фактически это был режим военной оккупации, так как население Карачая лишено было свободы передвижения и свободы сношений с соседними народами. Установление военного режима, поборов вызвало недовольство народа, которое доходило до открытых выступлений против приставов.

После окончания кавказской войны сельская община была превращена в фискальный орган, главной задачей которого стал сбор податей и налогов, обеспечение выполнения натуральных повинностей. Для этого население было связано круговой порукой, отвечая всем миром за поступление податных сумм, за ремонт дорог и мостов, постройку общественных зданий. Кроме финансовых функций, община несла и полицейские. На нее возлагался контроль за общественным порядком. Жители несли ответственность за все преступления, совершенные в пределах Карачая².

Отмена крепостного права в Карачае в 1868 г. формально уравняла в правах бывших крепостных и рабов с узденями, но фактического равенства в общине не наступило. Прежде всего полноправными членами общины продолжали оставаться только коренные жители селения.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 404.

² ГАКК, ф. 454, оп. 6, д. 5293, л. 58.

Особенно большой процент иногородних был в селениях, основанных в пореформенный период, но больше всего бесправного иногороднего населения было в начале XX века в Джегутинском ауле — 44%¹. Следовательно, почти половина или четверть населения не получила земельного надела и не принимала участия в общественной жизни.

Основным общественным органом стал сельский сход, заменивший народное собрание. Зажиточные иногородние, которые имели «собственные дома или другую недвижимость»² и арендованную землю, допускались на сход, но не на все собрания его, а лишь на те, что рассматривали вопросы, касающиеся иногородних.

Сход обычно собирался во дворе правления. В ведении его находились выборы должностных лиц, приговоры «об удалении из общества вредных и порочных членов его»³, назначение опекунов и попечителей, распоряжение общественными земельными угодьями, раскладка казенных и земских податей и повинностей, принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок, назначение ссуд из аульных сумм, ходатайства об общественных нуждах, разрешение просьб об увольнении из общества⁴.

Во главе правления стоял старшина. Формально правление и старшина избирались сходом. Голосование проводилось путем закрытой баллотировки. Члены схода опускали в ведро — темирли «чѣб» — жребий — орехи или камушки, которые затем подсчитывали как избирательные бюллетени. При открытом голосовании, если мнения расходились, членам схода предлагали разойтись в разные концы двора правления и смотрели, какая группа больше.

Права старшины были весьма значительны, он распоряжался общественным имуществом и следил за исправным несением натуральных повинностей и своевременным внесом различных платежей, давал право на отлучку из селения и следил за нравственностью населения. Непокорных он мог арестовать или наложить штраф.

Подати и налоги, которые платили карачаевцы в казну, были довольно значительны. Это прежде всего была «подымная» подать, взимаемая с каждой семьи, воинский налог и общественные платежи. С начала XX века подымная подать была заменена государственной оброчной податью. Воинский налог карачаевцы продолжали платить и после того, как фактически стали нести военную службу, которая считалась добровольной. Общественные платежи собирались на постройку общественных зданий, дорог, мостов, школ, на содержание фельдшеров и учителей.

Возникновение феодальных отношений в Карачае было связано с разложением общинного строя и выделением знатных родов, которые захватывали скот и землю, превращали пленных, захваченных на войне и в набегах, в рабов. Но в течение долгого периода зарождавшиеся феодальные отношения существовали рядом с пережитками патриархально-родовых. Сохранялась общинная собствен-

¹ Кубанский календарь на 1915 г., Екатеринодар, 1915, стр. 428—561.

² ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 5297, л. 24.

³ Там же, л. 91.

⁴ Там же, л. 91—93.

Перед сельским сходом (фото начала XX в.).

ности на землю. Пережитками этой формы собственности были многие обычаи: превращение в общинные выгоны всех полей после уборки хлеба, помощь скотом, право взять чужую вещь в случае нужды (эркелеу) и т. д.

В период разложения родовых отношений возник, по-видимому, и обычай отдавать скот в ортак. Родовые старейшины, сосредоточив в своих руках значительные стада скота, раздавали часть своего скота неимущим родичам. Тогда эта раздача была безвозмездной и безвозвратной. Позже скот стали отдавать с целью получения барыша. Зарождавшаяся феодальная верхушка карачаевского общества использовала для утверждения своей власти и экономического господства народные обычаи, приспособлявая их к своим интересам.

Обычай оказывать помощь старейшинам рода стал постепенно превращаться в отработочную ренту, но еще долгое время сохранял видимость добровольной помощи. Обычай одаривать старейшин подарками стал превращаться в натуральную ренту, при этом в течение веков продолжал сохранять вид добровольных подарков.

Первоначально существовал обычай, согласно которому при выдаче замуж девушки из знатной семьи отец ее дарил старшему из подвластных крестьян лошадь, а взамен получал от каждой крестьянской семьи по быку. Но постепенно первая часть этого обычая исчезла, владельцы перестали делать приношения и подарки крестьянам, а от них получали в обязательном порядке. Так постепенно адаты утверждали права владельцев на получение дани от

крестьян уже без взаимного одаривания. Подарок превращался в дань.

Пользуясь своим положением военачальников, старейшины захватывали в свою собственность военную добычу в виде скота и пленных, лучшие земли для сенокосов и выпаса скота. Они выступали в качестве покровителей тех общин, в которых жили, а фактически превращались в феодальных владельцев.

К XIX веку феодальные отношения в Карачае стали господствующими, хотя выступали часто под покровом общинных. Обычай распределения земли по количеству скота способствовал переходу пастбищ в феодальную собственность, хотя юридически они продолжали считаться общинными.

В адатах карачаевцев и балкарцев нет указаний на права феодалов на землю. Земля считалась собственностью всего карачаевского народа. И даже в прокламации генерала Н. И. Евдокимова 1862 г. о «даровании» карачаевцам их исконных земель было сказано, что земли отдаются в пользование всего народа. Но фактически в процессе феодализации князья и приближенные к ним уздени, «которые, пользуясь своим влиянием, стояли во главе народа, распоряжались земельным имуществом, захватывали лучшие земли, беспрепятственно пользовались ими и присваивали их впоследствии себе, как собственность, народ же, находясь в полной зависимости от этих лиц, подчинялся этим земельным распоряжкам»¹.

Захваченные земли стали для феодалов средством закабаления общинников. Раздавая землю подвластным узденям, бии превращали их в зависимых вассалов, так как обладание наделом накладывало на узденей целый ряд обязанностей. «Земля была дана в вознаграждение услуг в бессрочное пользование, взамен чего узденю, получивший землю, должен был исполнять разные поручения давшего ему землю и помогать имуществом или деньгами (делать подарки)»².

По смерти узденя земля вместе с повинностями переходила к его наследникам. Если же наследников не было, то земля возвращалась к феодалу. Таким образом, несмотря на то, что повинности и приношения первое время выступали как добровольные приношения и помощь, фактически это была поземельная зависимость, переходившая по наследству от отца к сыну.

Подарок бию за землю обычно делался скотом и назывался «ёзденлик мал» (узденский подарок скотом). Термин «ёзденлик» дословно переводится «за узденство», позже его стали употреблять в смысле благовоспитанность, приличие. Бии и богатые уздени использовали все возможности для того, чтобы завладеть землями бедноты. Одним из средств, при помощи которого сельская верхушка отбирала крестьянские земли, была «бегенда»—бессрочный залог земли. Нуждающиеся крестьяне брали ссуду скотом или деньгами, отдавая в залог свой участок. Вместо процента кредитор получал право пользоваться землей. Если в срок долг не был возвращен, то земля

¹ Письменные заявления карачаевского народа и объяснения комиссии, Екатеринодар, 1911, стр. 16.

² ГАКК, ф. 774, оп. 1, ед. хр. 512, л. 10.

оставалась навсегда у кредитора. Такой залог земли назывался «джерин джюкге салгъан», а заложенная земля — «джюк джер»¹.

Таким образом, процесс образования феодальной собственности за счет захвата общинных земель был одновременно и процессом закабаления общинников.

К середине XIX века, когда были проведены первые подсчеты карачаевского населения, его сословный строй имел следующую картину (данные 1867 г.): князей-биев и разновидность этого сословия — чанка 53 чел. — 3,7%; свободных общинников — узденей 9978 чел. и вольноотпущенников — азат — 1801 чел. — 80,6%; крепостных крестьян — юльгюлю кулов 1828 чел. — 12,4%; патриархальных рабов — башсыз кул — 582 чел. — 3,3%; всего населения — 14728 чел.

Как видно из таблицы, карачаевское общество состояло в основном из свободных общинников, членов соседских общин — «джамагат». Сохранение значительного слоя не закрепощенных крестьян в горских обществах Кавказа объясняется незрелостью феодальных отношений, при которых наряду с феодальной собственностью на землю сохранялась и общинная, и мелкая крестьянская собственность². В XIX в. усилился процесс дифференциации узденства. Верхушка узденей захватила значительные земельные участки и вместе с князьями эксплуатировала крестьян. Эти разбогатевшие уздени назывались сырма или баш уздени — большие уздени, или сыйлы уздени — почетные уздени. Сами они уже не работали на биев, но так как и на них распространялась обязанность отрабатывать земли феодальных владельцев, ухаживать за их скотом, то разбогатевшая узденская верхушка заставляла своих кулов нести эти повинности.

Совсем иным было положение рядовых узденей «орта ёзден» и «тёбен ёзден». Степень их зависимости от феодалов была значительно больше. Адаты зафиксировали наличие феодальной зависимости узденей, которые должны были «для произведения хлебопашества и сенокоса» давать быков в хозяйство бия, отдавать ему часть калыма, доставлять баранов на поминки³.

Зимой каждый узденский двор обязан был кормить по одной голове скота биев, в период сенокоса давать по одному барану для прокормления косарей, работавших на бия.

В период сенокоса каждый узденский двор давал по одному косарю на день, а кроме того, работника с быками для перевозки сена. Каждая семья давала работника с быками для пахоты, а летом — для жатвы. Жены узденей должны были помогать слугам бия в хозяйственных работах по дому.

В случае несчастья в бийской семье все уздени должны были оказать помощь. Если бий должен был платить за убийство или иное преступление, то все его уздени обязывались собрать ему нужную сумму.

¹ Н. Иваненков. Указ. соч., стр. 44.

² А. В. Фадеев. О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России», М., 1961, стр. 228.

³ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., стр. 276.

✓ Незавершенность процесса феодализации заключалась в том, что обычай защищал узденей от посягательств бия на их жизнь или честь. «Если старшина ударит каракиши или нанесет ему рану, то обиженному за честь должен отдать одну лошадь и сварить пива»¹, — гласят адаты карачаевцев и балкарцев. Однако, если уздень покушался на жизнь или имущество бия, то адат был целиком на стороне бия, охраняя его повышенной платой за кровь. Если за ранения узденя штраф был в размере 20 — 25 рублей, то за бия — до 300 рублей.

Для взимания штрафа с узденей бий посылал своих слуг, которые имели право принудительно отбирать имущество в размере штрафа, а за сопротивление узденей — увеличивать сумму штрафа.

Близкое к узденям положение занимали азаты — вольноотпущенники — бывшие крепостные или рабы, которые получали свободу за выкуп или за услуги перед владельцем. Юридически они были свободными, но фактически несли определенные повинности в пользу своих бывших владельцев и уплачивали им натуральную ренту.

По своему общественному положению азаты были несколько ниже узденей, более тягостными были их обязанности перед биями. Число азатов стало увеличиваться с середины 60-х годов XIX века, когда началась подготовка к крестьянской реформе и многие феодалы стали давать своим крепостным свободу за выкуп, причем выкупная сумма достигала трехсот рублей.

Феодально-зависимые крестьяне — кулы — делились на две категории — крепостных крестьян (юлгюлю кьул) или патриархальных рабов (джоллу кьул).

Эти крестьяне имели небольшое хозяйство, семью, определенное правовое положение. Русские источники называли их «правными» или «обрядными» холопами, так как их права определялись адатами. В «Записке о зависимых сословиях» об этой категории крестьян говорилось, что они, «оставаясь в личной зависимости от владельца, несут последним службу в известных, обычаям установленных, размерах: за лицами этого сословия признаются права, как личные, так и имущественные и семейные»².

Вторая категория крестьян (башсыз кьул или джолсуз кьул) были абсолютно бесправными. Это были рабы, не имевшие ни собственности, ни семьи. Они и домов своих, как правило, не имели, а жили при доме владельца. Русские источники называли их «безобрядными» или «бесправными» холопами, так как у них не было никаких прав.

Отличительной чертой обеих категорий крепостных крестьян было то, что они не входили в состав сельской общины. Кулы считались «чужаками» в селе на том основании, что они сами или их предки были захвачены или куплены вне Карачая. Все это делало их особенно беззащитными перед лицом феодалов, которые могли расправиться с ними, как хотели. Они могли не только про-

¹ Ф. И. Леонтович, указ. соч., стр. 285.

² ЦГИАГ, ф. 416., оп. 3, д. 287, л. 2.

дать, но даже убить кула, и не несли за это никакой ответственности. Если же кул был убит посторонним человеком, тот должен был заплатить владельцу его стоимость, как за ущерб при убийстве скота.

Къзакъ (раб) и къарауаш (рабыня) были самыми бесправными и низшими категориями рабов. Это были одиночки, не имевшие семьи и жившие при доме господина, исполняя всю домашнюю работу, прислуживая хозяевам и их гостям. Рабыня (карауаш) могла быть продана или отдана на время любому мужчине, а дети ее рассматривались как приплод, которым распоряжался хозяин.

Несмотря на то что рабство в Карачае имело патриархальный характер, так как рабы не были основными производителями, а только обслуживали хозяев, жестокость рабовладельческих отношений лишала рабов всяких человеческих прав.

Источником приобретения кулов были набеги на соседние народы и работорговля. Присоединение Карачая к России положило предел процветанию работорговли. Запрещена была продажа горских девушек и юношей в Турцию, ограничен произвол и жестокость владельцев, которые не могли уже безнаказанно убивать своих рабов. Убийство раба стало рассматриваться как уголовное преступление. Но полного запрета рабовладельческих отношений не было до 1868 года. Запрещена была продажа рабов за границу и в другие области, а внутри одного народа можно было продавать людей, на что давались даже специальные билеты¹.

Юлгюлю кулы, хоть и имели свое небольшое хозяйство, но работать на себя могли только после того, как выполнят все обязанности по отношению к феодалу. Отработка была главным видом ренты. Натуральная рента была небольшой, так как хозяйства крепостных были, как правило, очень незначительными. Только отдельным представителям сословия кулов удалось разбогатеть, приобрести скот и землю, а некоторым даже своих крепостных. Кулы, принадлежавшие кулам, назывались кулские кулы (къулну къулу).

Натуральная рента кулов заключалась в различных приношениях: к свадьбе бия кулы давали по одной голове скота, а когда сам кул отдавал замуж дочь, то должен был отдать бию три головы скота из калыма, полученного от жениха. Когда в доме кула резали скотину, то лучшую часть мяса — грудинку полагалось отнести владельцу. Если варили бузу, то кувшин бузы относили в дом феодала.

Денежная рента появилась в Карачае только со второй четверти XIX века. Половину той суммы, которую удавалось заработать где-либо крестьянину, он должен был отнести владельцу².

Непомерная эксплуатация крепостных крестьян вызывала протест со стороны угнетенных. Но в большинстве случаев это были пассивные формы протеста: бегство от владельцев в горы или в соседние области, порой — единоличный протест. Стычки крестьян со своими владельцами часто кончались кровавой расправой над непокорными. Одной из форм протеста был уход в абреки. Смелые и сильные духом уходили в неприступные горы и оттуда вели борьбу

¹ «Кубанский сборник», т. 8, Екатеринодар, 1902, стр. 498.

² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 136.

бу с феодалами и царскими чиновниками. Население сочувствовало абрекам, оказывало помощь продуктами, прятало от властей.

Антиколониальная и антифеодальная борьба крестьян не прекращалась в течение всего XIX в. Значительные волнения произошли в с. Хурзук в 1851 г., когда крестьяне, возмущенные поборами и штрафами, напали на царского пристава Мистулова и убили его. Карачаевские феодалы бросились на помощь приставу, крестьяне — на помощь мятежникам.

Привилегированными сословиями карачаевского общества были бии и высшее духовенство. Бии, по словам В. М. Сыроева, «были полные господа и от них зависели все внутренние распорядки общины»¹. В отличие от простого, черного народа бии считались «белой костью» (акъ суюк). Русские документы первой половины XIX века называли их «старшинами», это же выражение фигурирует и в адатах. Близкое к биям положение занимало сословие чанка, образовавшееся от неравных браков между биями и женщинами низших сословий.

Пользуясь экономическим превосходством, бии забрали в свои руки всю политическую, военную и судебную власть. Не только в суде по адату, но и в шариатском, проходившем с непременным участием эфенди, первое место принадлежало бию². Он мог осудить невиновного, если тот не подчинился ему, мог добиться оправдания виноватого, если тот был покорным его слугой.

Привилегии карачаевских биев были подтверждены царизмом после того, как карачаевские старшины принесли присягу верности русскому правительству в 1828 г. Бии и особенно главенствующая среди них фамилия Крымшамхаловых стали опорой царской администрации в Карачае. За это им были пожалованы земли и титулы, ордена и офицерские чины. Дети биев получили право бесплатного обучения в учебных заведениях Кавказа и столицы, вдовам назначались высокие пенсии. Эти подачки сделали карачаевскую знать верным орудием и проводником колониальной политики царизма.

Кроме биев, карачаевские крестьяне должны были содержать духовенство, которое не только грабило народ постоянными поборами, но угнетало его и духовно.

Доходы духовенства складывались из множества поборов. Прежде всего в пользу духовенства шла десятая часть от урожая и две пятых скота. Этот налог назывался зекят³. Кроме него, «с каждого дома отдается зимой аульному эфенди по барану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух выюков на лошадь), дров по одному выюку на ишака и летом по барану»⁴. Причем это касалось всех сословий.

В пользу мулл шла и часть имущества умершего⁵. За чтение корана над покойником мулла дополнительно получал лошадь с седлом и прибором, а также платье умершего. Доходной статьей для мулл было и заключение брака, и обрезание, и другие обряды.

¹ В. М. Сыроев. Карачай, стр. 95.

² ГАКК, ф. 348, оп. 1, д. 129, л. 80.

³ Ф. О. Леонтович. Указ. соч., стр. 279.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 195, л. 8.

По мере распространения ислама суд по адату все более вытеснялся шариятским судом, в котором главную роль играли кадии — духовные судьи. Они выступали против коренных карачаевских обычаев — адатов, стремясь навязать народу мусульманское право.

Буржуазные реформы конца 60-х — начала 70-х годов XIX века имели половинчатый характер. Они были буржуазными по содержанию, но крепостническими по методам их проведения, так как проводили убежденные крепостники. С середины XIX века капитализм превращал окраины в источники сырья и рынки сбыта.

Развитие российского капитализма «вширь», то есть «распространение сферы господства капитализма на новые территории»¹ требовало ликвидации крепостничества и в горских областях, так как феодальное хозяйство тормозило проникновение в селения фабрично-заводских изделий, мешало развитию товарного хозяйства.

Вынужденные пойти на отмену крепостного права правительство крепостников старалось провести эту отмену так, чтобы не ущемить интересы феодалов. Кавказская администрация открыто обещала владельцам, что «когда наступит время освобождения, дело будет устроено так, чтобы владельцы не потерпели разорения и убытков»². 1 ноября 1868 года было объявлено об обязательном освобождении крестьян, но условия освобождения были так тяжелы, что вызвали недовольство крестьян. Всего в Карачае было освобождено 2806 человек³. По словам Г. Ф. Чурсина, «карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки и отпустили своих бывших холопов на все четыре стороны, освободив их от работы и от земли, на которой они сидели»⁴.

Карачаевцы, как и другие народы Северного Кавказа, имели адаты, сходные в общих чертах, но отличающиеся в деталях от адатов других горцев. Адаты были неписаными правилами общественной и семейной жизни, определяющими взаимоотношения сословий, права наследования, размеры штрафов за убийство и различные проступки, отношения детей к родителям, мужа к жене и т. д.

В течение веков адаты передавались из поколения в поколение как устное обычное право. При разбирательстве дел суд руководствовался адатами. Если же вопрос был слишком сложным, не предусмотренным адатом, суд мог вынести новое решение. С принятием ислама наряду с адатами стал применяться и мусульманский закон — шарият.

До введения российского судопроизводства в Карачае не было постоянного состава суда, а для каждого конкретного дела назначался третейский суд (тёре), разбиравший дела по адату. Для решения семейных дел обычно собирался духовный шариятский суд. В качестве члена тёре мог быть избран старец, известный житейской опытностью, правдивостью и честностью, а чаще — представитель сельской верхушки. Количество судей колебалось от трех до пяти-семи. Место судебного разбирательства называлось «махкеме». Суд по адатам различал дела гражданские и уголовные. К гражданским делам от-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 3, стр. 595.

² ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, л. 7.

³ Там же, ф. 774, оп. 1, д. 653, л. 1091.

⁴ Г. Ф. Чурсин. Экономическая жизнь Карачая.

носились споры о земле, о крестьянах, о праве собственности на имущество. К уголовным — убийства, ранения, изнасилования, грабежи, воровство и поджоги. При рассмотрении гражданских дел суд стремился примирить истца и ответчика, а в случае недоговоренности между ними присуждал виновного к штрафу. Штрафы брались чаще всего скотом, иногда оружием или крепостными крестьянами.

При уголовных преступлениях главной задачей суда было стремление избежать кровной мести. При господствовавшем принципе «око за око, зуб за зуб», когда убийство могло привести к тяжелой кровавой вражде, за одним убийством следовал целый ряд убийств из рода обидчика. Стремясь предотвратить это, суд назначал плату за кровь (дугъужам).

Суд по адатам в XIX веке имел классовый характер. Он защищал, прежде всего, интересы феодалов, в какой-то степени и свободных общинников, но совершенно не оказывал защиты крепостным крестьянам. Вместе с тем в горском суде сохранялись многие пережитки родового судопроизводства.

Одним из основных и неоспоримых доказательств горцы считали присягу (ант). Обвиняемый должен был в торжественной обстановке поклясться именем покойного родственника, и это считалось достаточным основанием для оправдания человека. Иногда требовалась дополнительная коллективная клятва соприсяжников из представителей атаула (атаул ант). И соприсяжником и свидетелем «шагъатчы» мог быть только мужчина. Показания женщин допускались в тех только случаях, когда по данному делу не было свидетелей мужчин. Кроме того, показания женщины должны были быть подтверждены кем-либо из ее родственников.

Шариатский суд рассматривал, главным образом, семейные дела о разводе, разделе имущества, опеке, усыновлении. Духовные судьи (кадии), как и третейские (тёре), решали дела, как правило, в пользу князей, а если судились два узденя, то в пользу наиболее богатого из них. Поэтому суд давно потерял уважение народа. В народных сказках, пословицах они рисуются как жадные и несправедливые судьи¹.

Судебная реформа 1866 г., в основу которой был положен судебный устав 1864 года, заменяла сословный княжеский и духовный суд бессословным гласным судом. Для разбирательства дел жителей-горцев учреждались окружные сословные суды. В их компетенцию входило рассмотрение гражданских и уголовных дел: кражи, угон скота, мошенничество, увоз женщин и т. д. Причем имущественные дела решались по адату, а семейные по шариату.

Дела об измене родине, антиправительственных выступлениях не подлежали местным судам (гитче тёре) и рассматривались в специальной комиссии военного суда (уллу тёре). Председательствовал в такой комиссии окружной начальник, и это сводило на нет провозглашенную уставом 1864 года независимость суда от администрации.

Рассмотрение дел происходило гласно, но так как судопроизводство велось на русском языке, то карачаевцам приходилось давать все показания через переводчика, который мог изложить суть дела так, как ему подсказывали более богатые клиенты.

¹ С. Ч. Алиев. Къарачай нарт сёзле. Черкесск, 1963, стр. 424.

Обычным наказанием, которое суд накладывал за воровство и драки, за похищение женщин и другие не особенно опасные преступления, был штраф. Тяжелые преступления, как говорилось выше, горские суды не рассматривали, передавая их военному суду. Позже местопребывание суда было в Хумаринском укреплении (Акь кьала).

Судопроизводство было очень запутанным. С одной стороны, суды создавались в соответствии с судебным уставом 1864 г., но руководствовались они в судебных разбирательствах не русским законодательством, а адатами и шариатом. Адаты не могли предусмотреть всех случаев, поэтому издавались дополнительные инструкции, часто противоречащие и адатам, и друг другу. Чтобы ликвидировать эту неразбериху, выработаны были временные правила для горских словесных судов, которые пытались применять к горским судам русское судопроизводство.

Кроме обычных наказаний, применяемых при уголовных преступлениях, горские суды прибегали к совершенно особым. Так, пойманного на краже скота подвергали таким наказаниям, как «отлучение порочного члена от мечети», постановляли «не позволять ему входить в дом покойника с соболезнованием», «не позволять присутствовать на увеселениях», ставили к позорному столбу (Къара багъана), и самое страшное наказание — лишали обряда погребения по мусульманскому обряду¹. Применялась и такая мера наказания, как общественный бойкот, — «не принимать от порочного члена и не отдавать магометанского приветствия «салам»².

В условиях феодального строя сохранялся старинный обычай — аталычество, уходящий корнями в первобытнообщинный строй³, как и у большинства кавказских народов, институт аталычества сохранялся в Карачае до конца XIX в., но соблюдался, главным образом, в феодальной среде. Ребенок, родившийся в семье князей, передавался на воспитание кому-либо из кара узденей, а в отдельных случаях даже азатов. С аталычеством был связан ряд установлений. Воспитатель — аталыкъ (эмчек ата) и его жена, кормившая ребенка грудью, всегда принадлежали к более низкой, чем семья ребенка, ступени на социальной лестнице. Для них взять воспитанника — значило приобрести в будущем влиятельного покровителя.

Еще во время беременности княгини одна или даже несколько семей заявляли о своем желании взять будущего ребенка. Будущие приемные родители со специально приготовленным угощением и оседланной лошадью шли к дому князя, поздравляли его с сыном или дочерью и просили отдать им ребенка на воспитание. В случае согласия бабушка ребенка по отцовской линии вручала младенца будущей приемной матери — эмчек ана или ана лыкъ. Воспитанника-мальчика называли эмчек улан или эмчек джаш, девочку — эмчек къыз, а получившего воспитание — эмилдеш. Воспитанник находился в доме аталыка ряд лет, чаще всего девушку возвращали родителям к моменту замужества, а юношу — взрослым. Все заботы и тя-

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 5293, л. 6.

² Там же.

³ М. О. Косевен. Аталычество, — «С Э», 1935, № 3, стр. 53—60.

готы воспитания ложились на семью аталыка. Обучением мальчика после трех лет занимался аталык. Он учил его горскому этикету, ездить верхом, владеть оружием. Девочку эмчек ана обучала шитью, вышиванию, тканью сукна и другим женским работам и обязанностям. Молочные братья и сестры были близки воспитаннику, но с первых дней перед ними он имел известные привилегии. Люлька его должна была быть выше и наряднее, ее нельзя было качать ногой (как часто делали горянки), а только рукой. Воспитанника кормили раньше, чем своего ребенка, и давали ему правую грудь. Иногда для него складывали специальную колыбельную песню.

Момент возвращения ребенка в родную семью обставлялся как можно торжественно. Аталык снаряжал для воспитанника коня, седло и одежду, для девушки шили нарядный костюм. В доме аталыка устраивали праздник, в котором участвовали все члены тукума воспитателя, а иногда и все селение. Когда воспитанник «эмилдеш» с сопровождающими прибывал в дом отца, его встречали приближенные князю уздени и вводили его (или ее) в дом к родителям. Первой обнимала прибывшего мать, затем отец. Аталыка благодарили и дарили ему коня, оружие, одежду, иногда выделяли участок земли. Подарок аталыку назывался эмчеклик (грудное). Получивший эмчеклик нес по отношению к князю определенные повинности, так называемую эмчекскую подать.

Воспитанник или воспитанница всю жизнь являлись покровителями своих воспитателей и молочных родственников. Аталык, несмотря на более низкое социальное положение, до конца жизни мог сидеть при своем воспитаннике-князе, есть и пить вместе. На семьи родителей и воспитателей распространялись обязанности взаимопомощи в случае выплаты выкупа. Такое сложное переплетение отношений родства и феодальной зависимости сложилось в период разложения патриархальных отношений и развития феодального строя.

Большие труды и расходы, понесенные семьей аталыка на воспитание, возмещались не столько материально, сколько приобретением влиятельного покровителя. Последний же получал помощь в ведении хозяйства и укреплении своего феодального могущества.

В роли аталыков выступали уздени, в том числе довольно крупные, но многие из этих фамилий не входили в четыре основных кѳаума, а считались потомками пришельцев, тукумами более позднего происхождения. Для таких тукумов связать себя родственными узами с князьями было особенно важно.

Отдавая своих детей на воспитание в семьи узденей, князья и уздени, в свою очередь, брали на воспитание детей кабардинских князей, вассалами которых они являлись. Например, Алиев Тогузак воспитывал детей Атажукиных, Дудовы имели эмчеков в Сванетии у Отаровых (Дадешкелиани). Таким образом, аталычество являлось одним из институтов, способствовавших закреплению феодального строя.

В Карачае обычно в случае убийства дело не доводилось до кровной мести, а кончалось примирением и выкупом. Посредниками при примирении были специально выбранные почетные старики или

эфенди. После переговоров, если родные убитого соглашались на примирение, сумма выкупа была установлена и выплачена, убийца без шапки, с накинутым на плечи саваном на коленях полз через толпу к родителям убитого. Волосы и борода у него были отпущены, как при трауре. В знак согласия на примирение, родители убитого касались ножами бороды убийцы. Но если семья убитого отказывалась от примирения, то прибегали к одному из двух способов: брали на воспитание (иногда путем похищения) ребенка из рода убитого. Такого ребенка называли «къан эмчек». В этом случае при взятии и возвращении воспитанника особых торжеств не устраивалось, но кровная вражда (невозможная между родственниками по тукуму) прекращалась. Убийца хитростью или же силой касался губами соска матери убитого или другой женщины из его рода. Это символизировало установление родства, и кровная месть прекращалась.

К числу весьма древних обычаев карачаевцев относится и гостеприимство, характерное для всех горцев Кавказа. Особенностью горского гостеприимства было то, что гостем считался любой, даже никому не известный человек, выразивший желание остановиться у того или иного хозяина.

В старое время в каждом мало-мальски зажиточном доме имелся гостиный дом — къонакъ юй — обычно специальная комната, выделенная в доме. У отдельных лиц были отдельные кунацкие даже на кошу.

Кунацкая всегда должна быть готова к приему гостя. Перед этой комнатой обыкновенно находилась коновязь (ат илких), а иногда и шест с отростками (быкъы), на который вешали верхнюю одежду. У богатых и знатных людей иногда коновязи имели вид каменного столба, украшенного резьбой орнаментального характера и надписями религиозного содержания.

Гость, сойдя с лошади, привязывал ее, снимал бурку и плетку и вешал на коновязь. Это служило знаком, что он хочет остановиться у данного хозяина (къонакъбай). Гость мог войти в кунацкую сам, если же он был в первый раз, то ждал, пока его отведут. Никаких вопросов при встрече не задавали, но если гость давал понять, что задержится, бурку и плетку уносили в кунацкую. Ружье и шапку, если они были, гость отдавал встречавшему, а кинжал и пистолет оставлял при себе.

Гостю давали умыться, приносили айран или бузу, а затем уже готовили еду. В честь гостя обычно резали барана, устраивали угощение. Приготовляли пищу женщины, а вносили в кунацкую на столыке «тепси» молодые парни (шапа).

Разговоры начинались только после того, как гость был накормлен. Хозяева заботились не только о питании и отдыхе гостя, но и старались его развлечь. Если гость был стар, для беседы приглашали родных и соседей хозяина, подходящих по возрасту. Если молодой — звали молодежь, приглашали девушек, устраивали танцы.

Гостя сажали на почетное место (тёр) вместе с хозяином (если последний не был молодым), а далее остальных по старшинству. На пол перед ним постлали узорный войлок. Молодежь обычно не сидела при старших.

На время пребывания гостя к нему для обслуживания прикреплялся молодой человек (атчи). Он ухаживал за гостем и обслужи-

бал его. Когда гость уезжал, ему в переметные сумы клали вареное мясо на дорогу. Наиболее почетному гостю резали бычка, менее почетному — овцу.

Приезжий считался гостем всей фамилии. Родственники хозяина помогали ему достойно принять гостя, охотно приглашали его к себе, но жить он должен был у первого его принявшего не только в этот приезд, но и в последующие. Хозяин отвечал за безопасность гостя и обязан был помогать ему во всем. Не менее свято соблюдался закон гостеприимства на кьоше. Покидая гостеприимного хозяина, гость садился на лошадь во дворе конакбая, при этом обратив узды к дому или к кошу.

В прошлом, в условиях большей подвижности мужской части населения и часто возникавшей опасности, взаимное гостеприимство было единственно возможным условием поездок.

Наряду с гостеприимством в Карачае существовал и обычай куначества. Название это, принятое в литературе, происходит от слова кьонакъ — гость. Однако здесь речь идет уже не о временном гостеприимстве, а о постоянной связи между лицами, часто даже разных национальностей. Куначество обеспечивало безопасность пребывания приезжего в чужой, инонациональной среде. Без этого были бы затруднены любые сношения с деловыми и торговыми целями.

Отношения куначества могли быть установлены между местными людьми и постоянно приезжавшими торговцами — грузинами, армянами, горскими евреями. Тесные куначские связи завязывались между русскими, в особенности казаками и горцами. Карачаевцы по условиям хозяйства месяцами находились среди русских во время пастбы скота, заготовки кормов, что способствовало появлению кунаков. Оценив значение русского языка, знание ремесел, карачаевцы зачастую надолго оставляли у русского кунака своих сыновей для обучения языку и ремеслам.

В целом обычай куначества играл положительную роль, способствовал расширению и установлению связей между народами, взаимовлиянию в культуре. Однако обычай безоговорочной помощи и защиты кунака в конкретных случаях приводил и к укрыванию преступников. В. К. Гарданов, изучая общественный строй адыгов, убедительно показал, что куначество, близкое обычаю гостеприимства, в период развитых феодальных отношений приобретало другую окраску. Отношения куначества очень часто заключались не между равными по положению людьми, а между представителями феодальной верхушки и низестоящих сословий или чужестранцев. Становясь кунаками князя, они искали его покровительства и защиты и попадали в ту или иную форму зависимости от общего кунака — князя. Куначество перерастало в патронат, сыгравший большую роль в становлении феодальных отношений¹.

Одним из ранних обычаев, который мог обеспечить защиту пришельцев, было принятие в род. Оно совершалось, как указано выше, путем касания губами соска женщины из принимавшего рода. Существовал также обычай приема в род путем прохождения под палкой².

¹ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов, М., 1967, стр. 289—321.

² И. Щукин. Указ. соч., стр. 41.

Принятый в род таким образом именовался «таякъ къарнаш», т. е. «палочный брат». Принятый в род получал соответствующую фамилию и все права и обязанности члена рода.

Отношение к старшим в роде, в семье отличались крайней почтительностью и уважением. По всем серьезным вопросам, возникавшим в семье, за советом обращались к старшему в тукуме. В присутствии старшего младшие не имели права сидеть, есть, вмешиваться в разговор, смеяться громко, курить. Старшему, будь он хозяин или гость, подавались почетные блюда при угощении.

Если старший здоровался за руку, младший принимал его руку двумя руками. Младший в пути идет по отношению к старшему с левой стороны. Если младший едет верхом, при виде старшего он должен спешиться и провести коня за повод и т. д. Многое зависело и от тамады (старшего) — в гостях и на коше, дома и за столом. Формы проявления горского этикета весьма многообразны.

Старшее поколение выступало в роли своеобразных советников и судей. Девушка должна была уметь шить, вышивать, валять войлоки, ткать сукно, готовить пищу, украшать дом, а также уметь одеваться, танцевать и вести себя сообразно с обычаями. Своеобразной проверкой этих достоинств девушек было соревнование на лучшее убранство жилища и угощение. Оно называлось «юйтизген» или «бийче оюн» (игра в хозяйку). Это было своеобразным соревнованием двух окраин селения или кварталов. На каждой окраине селения на улице вкапывали четыре столба и клали наверх поперечины. На эти поперечные шесты вешали ковры, войлоки, ткани, красивую одежду, так что получался красочный шатер. Выбирали самую красивую девушку и наряжали ее в лучшее платье. Она сидела в шатре. Готовили угощение — пироги, халву, бузу. После этого выбирали «комиссию» из стариков, которая посещала оба шатра, угощалась и затем выносила свое суждение — чья девушка лучше, чей шатер красивее и угощение вкуснее. Девушку поздравляли как победительницу. Старики спрашивали также, кто делал каждую вещь и, таким образом, могли судить о трудолюбии и мастерстве девушек квартала.

Иногда такое же празднество проводилось в домах. В описанной игре главным является общественный смотр навыков и мастерства девушек, подобно спортивным состязаниям юношей, также игравших воспитательную роль.

О том, что в Карачае девушки были довольно свободны и могли встречаться со своими сверстниками, говорит следующая обрядовая игра, носившая название «тузлу гюттю» (соленая пышка). Зимой, желательнее в новолуние, собирались девушки и юноши на вечеринку. Пекли соленые пирожки. Воду брали обязательно из желоба мельницы, и принести ее должна была первородная дочь из какой-либо семьи (тюнгюч). Пока не донесет воду домой, она ни с кем не должна была говорить. Молодежь пела песни, играла, танцевала. Затем ели пересоленные пирожки, а пить не разрешалось. После этого здесь же ложились спать. Во сне можно было увидеть своего суженого (или суженую). Ночью все выходило во двор и каждый кидал собаке кусочек пирога, чей кусочек собака возьмет первым, тот скорее женится или выйдет замуж. Одним из мест таких встреч были различные коллективные работы, организованные в порядке родовой

или соседской взаимопомощи — маммат. Приглашали на эти работы в тех случаях, когда требовалось участие большого коллектива людей — при постройке и обмазке дома, стрижке овец, а также при таких женских работах, как чесание шерсти и валяние войлоков.

В маммате участвовали родственники, соседи, односельчане. Он проводился на добровольных началах, но не пришедший на помощь без уважительных причин заслуживал осуждения. Хозяева обычно готовили для участников работы посильное угощение. Работа проходила весело, с шутками и песнями, иногда устраивались и танцы, если в маммате участвовала молодежь. Однако если в крестьянской среде маммат являлся трудовой взаимопомощью, то для князя, а позднее и кулака этот обычай служил одним из средств эксплуатации.

Такова в условиях классового общества трансформация многих обычаев, сложившихся в первобытнообщинном строе.

Проникновение в карачаевские села товарно-денежных отношений, вторжение российского торгового, а отчасти и промышленного капитала (Эльбрусский рудник, угольные шахты, смолоскипидарные и дегтярные заводы, маслосырозаводы) подрывало феодальные устои, способствовало превращению потребительского скотоводства в товарное, тесно связанное с рынком, создавало новые социальные группы населения. Частым гостем карачаевцев стали скупщики скота, шерсти и других продуктов скотоводства. Продавать продукцию своего хозяйства вынуждены были и самые бедные хозяйства, так как деньгами взимались налоги: поземельный, военный, общественные платежи на содержание правления и школ. За деньги покупали недостающий хлеб и арендовали землю.

Весьма ярко выступала товарность зажиточных хозяйств, специально для рынка разводивших определенные породы скота (Абайхановы — овец и крупного рогатого скота; Алиевы, Байчоровы, Джараштиевы — лошадей). Мясом знаменитых карачаевских барашков скотовладельцы снабжали базары Кисловодска и других курортных городов. Шерсть овец шла не только на кавказские рынки, но и в города Украины и Центральной России.

Выделение кулацкой верхушки сопровождалось обеднением основной массы крестьянства. Расслоение крестьянства шло по двум основным линиям — по владению землей и скотом. Земельное неравенство имело древние корни, но особенно усилилось в пореформенный период, когда наряду с феодальной появилась свободно отчуждаемая капиталистическая собственность на землю. Концентрация земли в руках сельской верхушки вела к обезземеливанию бедноты. Так, к началу XX века в Карт-Джурте четыре семьи имели по 150 десятин, а 400 дворов — менее чем по полдесятины¹. В Учкулане было «более ста дымов ничего кроме крошечного плана не имеющих и около полусотни семей, у которых и сакель тоже нет, так как их не на чем построить»².

¹ ГАКК. рапорт Ковалевского, стр. 46.

² Там же.

Еще больше была распространена аренда земли. Малоземельный карачаевский крестьянин не мог прожить без аренды сенокосов и зимних пастбищ у казачьих станиц и казны, так как в самом Карачае все участки, пригодные для тау кишлыков, давно были захвачены бийскими и зажиточными узденскими фамилиями.

Наряду с земельным росло неравенство и во владении скотом. Абрамовская комиссия отмечала: «количество скота распределяется крайне неравномерно: встречаются дворы, имеющие от 2500 до 20 овец, но в общем 40% дворов не имеют овец; рогатого скота от 500 до 1 головы, а 3% дворов не имеют вовсе рогатого скота. Лошадей от 350 до 1 лошади, а 20% дворов — безлошадных»¹.

И кулацкая верхушка, и безземельные бедняки составляли относительно небольшой процент населения. Основной массой общины оставалось среднее крестьянство, хозяйство которого имело натуральный характер.

Таким образом, общественные отношения карачаевцев претерпели особенно большие изменения во второй половине XIX—начале XX века. В начале XIX века карачаевский народ находился на стадии феодально-патриархальных отношений. Развивающиеся феодальные отношения были опутаны массой дофеодальных пережитков. Феодальная собственность на землю выступала под видом родовой собственности знатных родов. Общинное землевладение сохранилось на летние пастбища, выгоны, леса и пустоши.

В XIX в. кулаки усилили наступление на общинные земли, а вместе с тем и на личную свободу общинников. Они использовали в своих интересах народные обычаи уважения к старшим, гостеприимства, куначества и аталычества, превращая их в одну из форм эксплуатации узденей. Захват общинных земель вел к росту поземельной зависимости крестьян.

Пережитки феодальных отношений и колониальная политика царизма тормозили развитие капиталистических отношений в Карачае. Горское крестьянство страдало как от развития капиталистических отношений, так и от их неразвитости.

За годы Советской власти преобразования, охватившие все стороны жизни карачаевского народа, привели не только к перестройке экономики и социальной структуры, но и к коренным изменениям в сознании народа, в его общественном быте.

Ведущей силой в преобразовании общественной жизни народов Карачаево-Черкесии была областная партийная организация, выросшая из отдельных небольших партаксов в многонациональную армию коммунистов.

С 1958 года во всех колхозах и совхозах области стали создаваться парткомы с освобожденными секретарями парторганизаций, а при сельских Советах, школах, больницах, рабкоопах, производственных мастерских, отделениях (цехах) и бригадах—первичные организации и группы. Партийные организации объединяют в своих рядах лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и служащих (интеллигенции). Они направляют всю деятельность тружеников села, придавая ей организованный и планомерный

¹ Труды Комиссии, стр. 30.

характер. В центре внимания их прежде всего находится решение хозяйственно-политических задач: борьба за высокие урожаи, за продуктивность животноводства, забота о подборе кадров, о политическом воспитании масс, о производственной учебе и повышении культурного уровня тружеников села, работа по укреплению трудовой дисциплины, внедрению передового опыта, развитию социалистического соревнования и т. д. Много внимания коммунисты уделяют благоустройству сел, улучшению быта тружеников.

Приход в партию передовых работников и высококвалифицированных специалистов, непосредственно связанных с сельскохозяйственным производством, значительно оживил работу первичных партийных организаций, сделал их более боеспособными и инициативными. Парткомы организуют социалистическое соревнование, изучают и распространяют передовой опыт, разрабатывают встречные планы. Постепенно, шаг за шагом партия вела горского крестьянина к пониманию общественной жизни, основанной на социалистических началах.

Для народов Карачаево-Черкесии, как и для трудящихся всей страны, школой государственного управления и хозяйствования, органами выражения интересов и воли народов стали Советы.

Народы Карачаево-Черкесии представлены в Верховных Советах СССР и РСФСР 8 депутатами, среди которых — и представители карачаевского народа. Широкое участие депутаты принимают в работе всех ступеней местных Советов. В состав краевого Совета избрано (в 1977 году) 49 депутатов, из них 11 карачаевцев, в областной Совет — 177 депутатов (в том числе 51 карачаевец), в состав восьми районов области — 525 депутатов (из них 173 карачаевца), в городские Советы — 391 депутат (в том числе 69 карачаевцев), более 2,5 тыс. депутатов избрано в исполнительные комитеты поселковых и сельских Советов.

В числе народных депутатов местных Советов области 1852 рабочих, 537 колхозников, 1285 специалистов всех отраслей хозяйства, науки и культуры, партийных и советских работников¹. Уменьшение удельного веса депутатов-колхозников (15,2% к общему числу) объясняется теми сдвигами в социальной структуре сельского населения области, которые произошли в последние годы: удельный вес колхозного крестьянства в составе сельского населения Карачаево-Черкесии сократился за счет роста сельскохозяйственных рабочих. Так, в составе Учкеевского сельского Совета 75 депутатов, среди них рабочих совхоза — 53, служащих и представителей сельской интеллигенции — 22, а в составе Терезинского сельского Совета 46 депутатов, среди которых большинство (33) рабочие совхоза, остальные составляют специалисты сельского хозяйства, учителя, медработники и служащие рабочей кооперации.

Сессии Советов являются их высшим органом. Как правило, они проходят при высокой активности депутатов. Например, в 1972 году на сессиях выступило около 2640 депутатов — три четверти состава Советов. В подготовке различных вопросов, которые выносятся на

¹ «Ленинское знамя», 1973, 5 апреля.

рассмотрение сессии, депутаты принимают активное участие. Так, в подготовке вопросов пятой сессии областного Совета участвовало 83 депутата, шестой сессии — 60 депутатов (из 166 депутатов области)¹.

В советах КЧАО образовано около 580 постоянных комиссий, в которых участвует свыше 15 тыс. общественников², 2800 депутатов³.

Немало инициативы и находчивости проявляют исполкомы и депутаты Советов, стремясь по возможности выполнить указы избирателей. Только в 1972 году, например, местные Советы области исполнили свыше 900 наказов избирателей⁴, а всего за созыв было принято 1203⁵. Характерно, что несколько лет тому назад указы Советам ограничивались кругом несложных и не столь уж трудновыполнимых дел: озеленить улицу, отремонтировать дорогу, улучшить снабжение товарами, радиофицировать, теперь же указы намного усложнились. Так, избиратели Терезинского сельсовета просят построить типовую школу, Дом культуры, детсад, газифицировать дома, а их соседи-учкекенцы просят проложить водопровод, улучшить работу местного транспорта, внедрить новую форму бытового обслуживания, построить памятник павшим героям-землякам в годы Великой Отечественной войны и т. д.

Из года в год растет в Советах число народных депутатов с высшим и специальным средним образованием. В Первомайский сельский Совет, например, в 1973 году избрано 65 депутатов, из которых 12 имеют высшее, 36 — среднее и среднее специальное, остальные — восьмилетнее образование, а из 75 депутатов, избранных в Учкекенский сельский Совет, 15 имеют высшее, 28 — среднее специальное, 21 — среднее, 11 — незаконченное среднее образование. Показательно и то, что среди депутатов сельских Советов неизменно высок удельный вес коммунистов (в среднем 42—45%) и комсомольцев (18—20%)⁶.

При крупных сельских Советах работают школы народных депутатов, в которых проходит учеба нового пополнения. Слушатели школ знакомятся с вопросами права и практики советского строительства. При исполкомах районных и городских Советов действуют школы советских работников, стали регулярно проводить дни депутатов. Популярным информатором является радиожурнал «Депутат», который выходит в эфир один раз в месяц.

Исполкомы на своих заседаниях периодически рассматривают и обсуждают отчеты о работе Советов. О том, каких результатов добились депутаты Учкекенского сельского Совета, говорит тот факт, что в 1972 году сельский Совет вышел победителем во Всероссийском социалистическом соревновании и был награжден переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС и денежной премией⁷.

¹ «Ленинское знамя», 1973, 5 апреля.

² Там же, 29 августа.

³ Там же, 5 апреля.

⁴ Там же, 19 мая.

⁵ Там же, 5 апреля.

⁶ Карачаево-Черкесия к 50-летию СССР, стр. 30.

⁷ «Ленинское знамя», 1972, 23 сентября.

Каждый сельский Совет области уже много лет участвует в социалистическом соревновании за лучшие показатели по производству и заготовке сельскохозяйственных продуктов, улучшению быта, повышению культуры и т. д. Ход и итоги соревнования проверяются с участием представителя исполкома. Результаты обсуждаются на заседаниях исполкомов, освещаются в областных газетах и по радио.

Повышение роли Советов, как полновластных представительных органов, рост общественной активности вызвали к жизни новые формы депутатской деятельности. Такими являются депутатские группы и посты, которые создаются в больших селениях. Например, уже несколько лет подряд работают в Учкеевском сельском Совете тридцать депутатских групп и постов. И это понятно. Село Учкеев — одно из самых крупных населенных пунктов области, на территории которого насчитывается 2630 хозяйств (дворов) с числом жителей в них 12158. Здесь функционирует и такая форма общественной самодеятельности, как сельские комитеты, являющиеся деятельными помощниками Советов. Это новая форма общественной самодеятельности, приобщающая людей к участию в управлении жизнью села. В селении Первомайском успешно работает совет директоров. Сюда вошли директора: зооветтехникума, райкиносети, средней школы, председатель районного совета ДОСААФ, главврач райветлечебницы, директора кирпичного завода, профтехучилища, управляющий отделением совхоза «Учкеевский».

Кроме того, в каждом селении и районе работают большое количество самодеятельных общественных организаций: женские советы, советы старейшин, товарищеские суды, уличные и квартальные комитеты, народные контролеры и посты, родительские комитеты, добровольные народные дружины, советы при медицинских учреждениях, совет пенсионеров, общественные советы по руководству товарищескими судами, советы при культурно-просветительных учреждениях, внештатные торговые инспекторы, лавочные комиссии, комиссии по религиозным культам, общества по охране природы и памятников, советы клубов и библиотек и другие общественные организации, ставшие не только массовыми, но и очень популярными у широких слоев населения. Ныне в Карачаево-Черкесской АО насчитывается около 4 тысяч общественных организаций, которые объединяют свыше 33 тыс. человек.

С функциями общественного суда во многом перекликаются функции совета старейшин (квартланы оноулары). Традиционное уважение и почитание старейшин дает им право оказывать повседневную помощь в работе с населением партийным и общественным организациям. Свою основную задачу совет старейшин видит в поддержании социалистического правопорядка на селе, в борьбе против туеядства, аморальных проступков, в мобилизации населения на сельскохозяйственные работы, в организации и проведении конкурсов¹.

Немаловажную роль в поддержании общественного порядка играют добровольные народные дружины, организуемые в городах, районных центрах и крупных селениях. Как правило, начальниками

¹ «Ленинское знамя», 1968, № 217.

штабов народных дружин работают председатели Советов, руководители предприятий и организаций.

Активными помощниками партийных и профсоюзных организаций по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь, созданию необходимых условий для их труда и быта являются женские советы и женские комиссии. Они руководят организацией и проведением торжественной регистрации новобрачных и новорожденных, ведут борьбу за искоренение в семейном быту пережитков прошлого — берне и калыма, заботятся о том, чтобы женщины-матери могли трудиться на полях и фермах, занимаются разбором семейно-бытовых неурядиц, оказывают помощь детским и школьным учреждениям.

Почти во всех населенных пунктах области и при райкомах партии действуют школы горянок. Например, в Карачаевском районе 17 женских советов. Благодаря постоянной помощи райкома партии ежемесячно с председателями женсоветов проводятся семинары и совещания. Занятия районной школы горянок постоянно посещают 120—130 человек. Это председатели и члены женсоветов, учителя, медицинские работники, передовики производства. Школа работает раз в месяц. С лекциями выступают секретари райкома партии, преподаватели пединститута, врачи из районной больницы. Тематика занятий различна: вопросы гигиены матери и ребенка, улучшения условий труда и быта и т. д. Большой интерес у слушательниц вызывают практические занятия по таким темам: «Как приготовить вкусную пищу», «Как красиво одеваться», «Как сервировать стол». Женские советы Малокарачаевского района¹ контролируют работу культурно-бытовых и детских учреждений, организуют досуг детей и подростков. Женский клуб «Горянка», созданный при районном Доме культуры, проводит дискуссии, встречи — вечера для женщин. По его инициативе бракосочетания проводятся в торжественной обстановке. В настоящее время в составе женских советов области работают около 1,5 тысяч активисток. Это организация выборная, и раз в два года в селениях проводятся отчетно-выборные собрания, а в городах и районах — женские конференции.

Важную роль в мобилизации населения на решение очередных хозяйственных и культурных задач села играют уличные и родительские комитеты, советы содействия семье и школе, советы домов культуры и библиотек, в которых трудятся около восьми тысяч общественников. Под их руководством организуется уборка улиц и поддержание санитарного состояния села, закупка у населения излишков молока, яиц и шерсти, осуществляется ремонт мостов. А члены родительского комитета и комитета содействия семье и школе помогают школам успешно решать вопросы всеобщего обучения, создают условия для отдыха учащихся во время летних каникул.

В жизни городов и сел значительную роль играют советы ветеранов войны и труда. По инициативе совета пенсионеры выступают среди сельской и городской молодежи со своими рассказами о славных страницах истории за установление Советской власти в Карачаево-Черкесии, проведении коллективизации сельского хозяйства и куль-

¹ В 10 женских советах проводят работу 70 активисток.

турной революции. В колхозах и совхозах области старики выступают как общественные организаторы (джамагъат алчыла). Как правило, все они работают на сенокосе, во время уборки сельскохозяйственных культур, ведут работу по благоустройству селений (ремонт оросительных систем, каналов, мостов, заборов и оград). Старики активно участвуют в борьбе с пережитками прошлого, участвуют в семейных и общественных торжествах, выступают на сходах и собраниях. Они являются действенной силой в борьбе с проявлениями хулиганства, алкоголизмом, в примирении враждующих сторон. В настоящее время в области действуют 65 советов ветеранов труда и войны.

В нашей жизни все больше дают о себе знать общесоветские традиции, в духовном облике народов — наряду с развитием лучших национальных черт формируются интернациональные черты, общие для всех советских наций и народностей.

Современные горские праздничные обряды, торжественные церемониалы, обычаи в проведении досуга очень разнообразны по своим формам и происхождению. Некоторые из них в своей основе представляют старую народную традицию, но переосмысленную, другие обряды и обычаи сложились или продолжают складываться в наши дни. Причем, в отличие от прошлого, когда обычаи и традиции формировались стихийно, сейчас в этот процесс вносится организующее начало. Поддерживая прогрессивные обычаи каждого народа, партия всемерно развивает новые, единые для всех наций революционные, боевые и трудовые традиции. С 1964 г. при исполкомах городских, районных, сельских и поселковых Советов области созданы общественные комиссии по новой обрядности.

Уже с первых дней Советской власти стали торжественно отмечать такие революционные праздники, как День международной солидарности трудящихся — Первое мая, годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, Международный женский день, которые вошли в плоть и кровь нашего народа. Стало обычным празднование Дня Победы над фашистской Германией, Дня Конституции СССР, создания Советской Армии и Военно-Морского флота, повсеместно отмечаются День учителя, День работников сельского хозяйства, косарей, животноводов, строителей, работников торговли и других специальностей.

Общенациональными стали торжественные именины, обычаи проводов на пенсию. Внедрились праздники «серпа и молота», «зеленого друга» и другие, получившие значительное развитие за последние годы (конкурсы пахарей, стригалей, косарей, работников других специальностей).

Новым содержанием наполнились и обогатились теперь и старинные обряды, связанные с началом пахоты, с уборкой урожая, сенокосения. В них сохранились традиционные формы отдыха и развлечений. Кроме чисто эстетических, нравственных задач, одновременно решаются и сугубо практические, распространяется передовой опыт.

С переходом на европейское летоисчисление родилась традиция отмечать Новый год с новогодней елкой и с участием Деда Мороза и Снегурочки. По примеру городского населения стали широко входить

в быт коллективные встречи Нового года в Домах культуры, клубах, в семейном кругу. Все это для горского быта явление новое.

Трудящиеся Карачаево-Черкесии, особенно старшее поколение, встречают трудовые юбилеи и революционные праздники в национальных костюмах, украшенных наградами Родины за доблестный труд и мужество, проявленные в годы войны. В честь знаменательных дат коллективы устраивают митинги и собрания, принимают повышенные обязательства, подводят итоги соревнования, премируются лучшие работники. Неофициальная часть праздника завершается выступлениями профессиональных артистов, художественной самодеятельности, демонстрацией кинофильмов, организацией конно-спортивных состязаний, национальной борьбы и т. д. Накануне революционных праздников устраиваются субботники по благоустройству населенных пунктов.

В праздничных демонстрациях и митингах принимает участие почти все взрослое население села. Митинги проводятся у здания Советов, клубов, в парках или у братских могил. Одетые в национальные костюмы, школьники в песнях славят партию, трудовые подвиги народа. В такие праздники почти в каждом доме готовят национальные блюда и напитки, а в отдельных производственных коллективах устраиваются праздничные угощения.

К общенародным праздникам относят в Карачаево-Черкесии и выборы в органы государственной власти. На голосование в избирательные пункты стараются прийти нарядами вместе со стариками и детьми. По старой традиции холостые парни одаривают девушек гостинцами. После голосования смотрят фильмы, концерты, устраивают танцы и игры.

Как и по всей стране, широкое распространение в области получили праздники труда, отмечающие начало или окончание определенных циклов сельскохозяйственных работ, чествования отличившихся механизаторов, животноводов, хлеборобов, работников промышленных предприятий. Заслуживают всяческого внимания возрождение праздника начала сенокоса, конкурсы ручных косарей, затейников увеселений — аксакалов. Игры «акъсакъала» (белобородого) продолжают сопровождать трудовой процесс карачаевских косарей (джыйынов). Стало традицией торжественно отмечать юбилейные даты ветеранов труда, праздновать начало трудовой деятельности юношей и девушек. В организации указанных праздников общественное начало сочетается с семейно-родственными.

Из традиционных обычаев по-прежнему важное место занимает взаимопомощь «мамнат». В наши дни «мамнатлыкъ» устраивается при строительстве и ремонте жилых и хозяйственных помещений, при пастьбе и уходе за индивидуальным скотом, обработке приусадебного участка, заготовке сена, дров и т. д. На такую помощь односельчан всегда могут рассчитывать, в первую очередь, инвалиды и пенсионеры, семьи без кормильца.

Довольно ярко проявляется общественная взаимопомощь на свадьбах, при рождении ребенка, похоронах, выражаясь в личном участии односельчан и родственников и в приношении подарков. Эта помощь занимает большое место в семейном бюджете горца. О том, что в условиях социалистического общества народный обычай обо-

Организатор увеселений на сенокосе — «теке».

гатился новым содержанием, говорит тот факт, что колхозы и совхозы Карачаево-Черкесии ежегодно получают коллективную помощь и поддержку со стороны городского и сельского населения.

Карачаевцы, как и другие народы Кавказа, сохранили и поддерживают древний обычай — гостеприимство. Однако в условиях социалистического строя этот обычай претерпел значительные измене-

ния, которые прослеживаются прежде всего в том, что предпочтение отдается хорошо знакомым людям или лицам, командированным партийно-советскими организациями. В отличие от прошлого, в приеме гостя активное участие принимают женщины и дети.

В карачаевской деревне продолжает бытовать и древний «ныгыш», где собирается старшее поколение, которое обменивается новостями, решает вопросы, касающиеся найма общественного пастуха, ремонта мостов и дорог, проведения праздников, оказания помощи односельчанину. Здесь же ведутся разговоры о прошлом народа, рассказываются семейные предания и легенды. Их охотно слушают молодые.

Обычаи, традиции и праздники, вызванные к жизни социалистическим строем, постоянно развиваются и обогащаются. «Поддерживая прогрессивные традиции каждого народа, — говорится в Программе КПСС, — делая их достижением всех советских людей, партия будет всемерно развивать новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма»¹.

Замечательной традицией стало проведение декад литературы и искусства братских народов. В последние годы, например, прошли дни литературы и искусства Карачаево-Черкесии в Ленинграде, Волгограде, Херсоне, Ставрополе, Нальчике, Майкопе, Сухуми. Гостеприимно принимали народы Карачаево-Черкесии гостей у себя на родине. Взаимный обмен делегациями способствует изучению передового опыта работы, упрочению дружеских хозяйственно-культурных связей.

В советской действительности интернациональное воспитание тесно связано с патриотическим. Важнейшими его формами стали посещения мест революционной, боевой и трудовой славы советского народа, встречи с первыми коммунистами и комсомольцами, с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, ветеранами труда; сбор исторических материалов, сооружение памятников и обелисков. В каждой школе и в клубе оформляются стенды с фотографиями земляков — ветеранов труда, отличников боевой и политической подготовки.

Стали традиционными встречи представителей старшего поколения с комсомольцами и молодежью. Чтобы укрепить традиционную преемственность поколений, в селениях и районных центрах области устраивают торжественные проводы юношей, призванных в Советскую Армию, встречи возвращающихся из армии.

В прошлом не было обычая ежегодно отмечать день рождения, а теперь он вошел в быт. Стало традицией празднование успешного окончания высшего или среднего специального учебного заведения, получение квартиры в новом доме и т. д. Подобные празднества отмечаются угощением, танцами и песнями. Обычно в отдельном помещении находятся старики, в другом старухи, менее строго соблюдается разделение лиц среднего возраста.

Живучей оказалась традиция проведения в дни общественных и семейных торжеств — национальных обрядовых игр, состязаний, соревнований на хорошую импровизацию народных песен «кыуанч

¹ «XXII съезд КПСС». Стенографический отчет, т. 3, стр. 314.

ингирле». Наряду с тем, традиционный характер приобрел смотр художественной самодеятельности, превратившийся в народный праздник с массовым гулянием.

Однако следует заметить, что среди приверженцев старинных обычаев из года в год растут расходы жениха и невесты на всевозможные подарки, приданое, устройство свадебного пира. Все это вносит в заключение супружеского союза дух коммерческой сделки, приводит к нездоровому соперничеству семей, к излишней расточительности.

Коммунистическая партия никогда не забывала, что важнейшим показателем культурного уровня населения является положение женщины. «Уровень культуры, — учил В. И. Ленин, — всего более характеризуется юридическим положением женщины»¹. Поэтому вопросы работы среди женщин периодически ставятся в повестку дня, работы партийных и общественных организаций. В областном и районных центрах проводятся съезды горянок, семинары и конференции женщин, рассказывающие о разрешении женского вопроса в СССР.

Вреднейшим наследием прошлого являются пережитки религиозной идеологии, которые еще проявляются в быту некоторой части населения. В настоящее время основная масса карачаевцев отошла от религии. Молодежь и люди среднего возраста, выросшие в советское время, прошедшие через советскую школу и работающие в общественном социалистическом хозяйстве, как правило, атеисты.

Социалистический уклад жизни, успехи в труде и культуре, широкое проникновение достижений современной науки в сферу труда и быта являются основой преодоления пережитков прошлого, дальнейшего подъема материального и культурного уровня жизни народа.

Рассмотрение эволюции общественного быта карачаевского народа показывает те разительные перемены, которые произошли за годы Советской власти в социально-классовом составе горского населения, в психологии и поведении членов общества. Через Советы и другие массовые общественные организации, роль которых в период развернутого строительства коммунизма все более повышается, трудящиеся области активно участвуют в управлении государственными делами, в решении вопросов экономического и культурного строительства. «Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан», — сказано в Программе КПСС. «Вся система государственных и общественных организаций воспитывает трудящихся в духе добровольного, добросовестного исполнения своих обязанностей, ведет к органическому соединению прав с обязанностями в единые нормы коммунистического общежития»².

¹ В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 40, стр. 192.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1973, стр. 106.

ГЛАВА V

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Семейно-брачные отношения у карачаевцев были обусловлены общественно-экономическими условиями жизни народа, его этнической особенностью развития, ибо, как учит марксизм, семья развивается по мере того, как развивается общество и подвергается в процессе его исторического развития определенным изменениям¹. Поэтому изучение семьи, представляющей собой первичную социальную ячейку общества, дает возможность проследить особенности исторического развития народа.

В XIX — начале XX вв. в Карачае, наряду с малой, встречалась большая патриархальная семья (семейная община).

М. И. Ковалевский и В. Ф. Миллер отмечали, что у горцев «двор является совокупностью нескольких родственных семей, владеющих сообща как движимым, так и недвижимым имуществом. Это своего рода «задруга», или, еще точнее, русская большая семья»². В. В. Миллер писал, что «самым характерным явлением в жизни карачаевцев служит так называемая большая семья, или, вернее, семейная община»³.

Важнейшим общинным атрибутом большой семьи, как указывал Ф. Энгельс, является то, что «она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов»⁴.

Длительное сохранение большой семьи и патронимии у карачаевцев объясняется рядом причин: низким уровнем производительных сил, натуральным характером хозяйства, специфическими природными условиями. Заниматься одновременно отгонно-пастбищным скотоводством и горным земледелием, охотой и пчеловодством было под силу только большой, неразделенной семье.

Малоземелье не позволяло делить общесемейные земельные участки, а сохранение первобытных орудий труда вызывало необходи-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, 1941, стр. 37.

² В. Миллер и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 582.

³ В. Миллер. В Карачае, стр. 396.

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 68.

мость использования большого количества рабочих рук. С другой стороны, малоземелье, незначительные размеры приусадебных участков служили тормозом для чрезмерного разрастания семейной общины. Слишком большой семье негде было поставить большой дом на маленьком участке, трудно было прокормиться с небольшого сабана. Обычно, насчитывая 25—30 человек, община достигала своего предела и при дальнейшем росте делилась на две или несколько родственные общины.

Семьи в 50—60 человек в Карачае были редкостью. Литературные источники и старейшие жители Карачая сообщают о существовании 25 — 30, редко 35 — 37 человек¹. Это были большие семьи отцовского типа, состоящие в основном из трех-четырех поколений ближайших родственников. Так, например, семья Бекмырзы Салпагарова (с. Карт-Джурт) насчитывала 37 человек. С ним жили 4 сына, 3 брата, 8 племянников — всего 16 мужчин. Кроме того, в семье была 21 женщина: мать, тетья, жена, 3 дочери, 3 невестки, 12 племянниц.

Больше всего таких семей было у свободных сословий — биев и узденей. Крепостные крестьяне жили малой семьей. Рабы, как правило, совсем не имели семьи, а если и имели, в виде исключения, то только малую. В тукумах узденского сословия семейные общины прочнее всего сохранились в зажиточных семьях. Существование семейных общин делало тукум более богатым, так как они, по сравнению с малыми, были более зажиточными. Наиболее зажиточные семейные общины нередко превращались в кулацкие семьи.

В. И. Ленин писал: «Семейная кооперация служит основой для расширения хозяйства и превращается таким образом в капиталистическую кооперацию»².

Карачаевская семейная община, основанная «на единстве крови, общения культа и факте совладения имуществом»³, относится, по классификации М. О. Косвена, к демократическому типу⁴. Несмотря на то, что глава семьи ведал всем хозяйством, направлял занятие каждого из членов, требовал от них безусловной передачи всех их заработков в общую кассу, производил, в случае нужды, займы и отчуждения семейных доходов, но не иначе как с общего согласия.

Глава карачаевской семейной общины «уллу юйюр» назывался «юйюр тамада» (глава семейства). Им был старейший мужчина — дед, отец, старший брат, а в ряде случаев старшая женщина (мать). Иногда во главе семьи после смерти отца становился не старший брат, а младший, если он выделялся умением хозяйничать и руководить.

Глава семейной общины, обладавший известным авторитетом, никем не избирался, а должность его переходила по обычаю старшинства. Главе семьи все члены были «обязаны повиновением»⁵. Однако произвол главы семьи ограничивался семейным советом

¹ Г. Ф. Чурсин. Поездка в Карачай, — «ИКОРГО», Т., 1913—1914, т. 22, вып. 3, стр. 8.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 107.

³ И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 559.

⁴ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 102.

⁵ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 56.

«юйюр оноу», где при решении возникших вопросов общины принимали участие мужчины старшего поколения и глава женской половины дома «юйюр бийче».

Поскольку коллективная собственность семьи выступала как собственность ее главы, бывали случаи, когда глава семьи, злоупотребляя своими правами, разорял хозяйство, поступал с общим добром как со своей индивидуальной собственностью. Бывало и так, что разгневанный глава семейства без основательной причины прогонял «сыновей, не дав им никакого имущества»¹, хотя, согласно адату, продажа имущества осуществлялась «в случае безусловного единодушия на этот счет всех домочадцев»², а изгнание отдельных членов производилось после принятия решения семейным советом.

Вся жизнь женской половины семьи подчинялась старшей женщине в доме — матери или жене главы семьи «юйюр бийче». Власть старшей женщины по своему характеру мало отличалась от власти юйюр тамады, но ее функции были несколько ограничены сферой домашних дел. Глава семьи в семейных вопросах в первую очередь советовался с «юйюр бийче». Своим авторитетом она спланировала семью, не допуская ссор между невестками и другими членами общины, требовала строгого соблюдения семейных традиций. Она не только руководила домашними делами, но была хозяйкой кладовой (гёзен), где хранились запасы продуктов питания, а также «джыйгыча» — полка с домашней утварью и сундуков.

Когда свекровь старела, ее обязанности выполняла старшая невестка «уллу апсын», которая вела все хозяйство, но пока мать была жива, хозяйкой продолжала считаться она.

Бывали случаи, когда глава семьи умирал раньше жены, а сыновья не успели подрасти. Тогда женщине приходилось самой возглавлять все хозяйство. Она вела не только домашнее хозяйство, но занималась и мужскими делами, проявляя заботу об обеспечении скота кормом, о сенокосах, о стрижке овец и т. д.

Глава семейной общины был представителем семьи во всех ее сношениях с администрацией: до 1828 г. — с правителями (вали) Карачая из рода Крымшамхаловых, после установления в Карачае царской администрации — с приставами. При обложении налогами именно глава семьи отвечал за исправность их поступления. На суде показания главы семьи имели больший вес, чем показания членов семьи. При судопроизводстве с участием соприсяжников более всего ценилась присяга главы семьи.

«Юйюр тамада» был также руководителем и исполнителем религиозных обрядов при семейных торжествах. Он выделял скот для закалывания в дни религиозных праздников, а также на поминки, свадьбу и т. д. Его в первую очередь приглашали в гости на торжества, ему отводилось почетное место (тёр), ему давали и «почетные куски» стола «сыйлы суюкле», ему поручалось право произносить здравицу (алгыш), ему вручали «калым», ему преподносили в первую очередь подарки (баш берне). Он являлся также хранителем фамильного тавра — знака собственности.

Экономической основой семейной общины была коллективная

¹ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 28.

² И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 560.

собственность на строения и усадьбу, скот и инвентарь, землю и изделия домашнего промысла, а также на другое домашнее имущество. В коллективную собственность поступало и унаследованное от отцов имущество (ата мюлк) и нажитое отдельными членами семьи при работе на стороне.

Наиболее древним видом собственности, находящимся в наследственном владении семейной общины, являлось жилище с центральным «большим домом» (уллу юй). В нем жили глава семьи со своей женой и все взрослые неженатые и незамужние члены семьи. Большой дом был центром семейной общины — здесь происходил семейный совет.

Основным богатством семейных общин были скот и земля (сабаны). В конце XIX века весь скот Карачая был в собственности или семейных общин или малых моногамных семей. Лишь сохранение родового тавра напоминало о том, что некогда скот находился в собственности больших и малых семей. Их можно было передать по наследству, отдать в уплату за кровь, в качестве калыма и в залог (бегенду). Но при продаже этих земель существовали ограничения, указывающие на родовую собственность на эти земли в не столь отдаленные времена. В первую очередь имели право на приобретение члены атаула, а затем уже предоставлялась возможность приобрести и членам соседской общины. Что же касается зимних пастбищ и горных сенокосов, то они и в XIX веке продолжали юридически считаться в собственности тукумов, а не семейных общин. Семейная община имела лишь долю в общетукумном тау кышлыке. Причем, более богатые и сильные семейные общины захватывали львиную долю пастбищ, оставляя бедным сородичам самые плохие и неудобные земли. При этом существовал обычай распределения тау кышлыков в зависимости от количества скота. Поэтому богатые скотом семьи становились и обладателями лучших земель.

После смерти отца семейную общину возглавлял брат или старший сын. При этом патриархальный характер семьи выступал не так резко. Его права на общее имущество были уже не такими широкими, как у отца. Ослабленность власти «юйюр тамады» в данном случае замечалась в том, что он не мог бесконтрольно распоряжаться имуществом и тратить по своему усмотрению, а должен был советоваться с неразделенными братьями. В отцовской большой семье младшие члены не могли требовать ни раздела, ни выделения им их доли. Если же во главе семьи стоял брат, то младшие братья, обладавшие равными с ним правами, могли требовать выдела своей части общесемейного имущества и выйти со своей индивидуальной семьей из состава большой семьи. Поэтому и случаи раздела семей происходили в основном после смерти отца.

Труд в семейной общине носил коллективный характер, все трудоспособные члены семьи, не исключая даже детей, сообща ухаживали за скотом и заготавливали сено, обрабатывали сабаны и возводили постройки, занимались домашними промыслами, рубкой и вывозом леса. Глава семьи распределял работу между членами семьи и контролировал их действия¹.

¹ Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 24.

«Ни один член семьи не остается без дела во время полевых работ или при передвижении кошей. Одни свозят навоз на поле, другие подгоняют волов, третьи расчищают поле; муж собирает стадо, жена и дети суется подле скарба, увязывают, навьючивают и снаряжаются в путь»¹, — писал Г. Петров, рисуя картину подготовки к летней кочевке, в которой принимали участие женщины и дети.

Много времени тратили карачаевские женщины на занятие домашними промыслами. Они не только пряли шерсть, ткали сукна, валяли кошмы и обшивали семью, но занимались и скорняжным, а отчасти и сапожным мастерством. Все эти работы производились женщинами совместно и под руководством старших женщин. При изготовлении одежды и обуви свекровь определяла каждой невестке норму. Готовые изделия она распределяла между детьми и внуками, откладывая определенную часть для продажи или обмена. Если «юй бийче» была опытной мастерицей, то она старалась передать свои навыки и мастерство невесткам и дочерям. Недаром при выборе невесты одним из положительных качеств ее считалось умение шить.

Совместное потребление в семейной общине заключалось в общем столе и уравнительном потреблении продуктов хозяйства, в том числе и изделий домашних промыслов.

Семья, как правило, питалась из общего котла. Столовой служила комната главы семьи (уллу юй), где и готовили и принимали пищу. Ели не все сразу. Сначала ели старшие мужчины во главе с «юйюр тамада», после них — молодые мужчины, а потом уже женщины с детьми. Девушки садились за стол вместе с юношами. Грудных детей кормили в отоу.

Распорядком приготовления пищи руководила жена главы дома, в руках которой, как уже отмечалось, находились ключи от кладовой с запасами продуктов. Каждое утро она выдавала продукты для приготовления пищи, назначала, кому из невесток готовить пищу и распределять ее. Пекли хлеб и готовили пищу по очереди невестки. В будничные дни «юй бийче» только отдавала распоряжения, но если готовили праздничный стол или ждали гостей, то в приготовлении угощения она принимала непосредственное участие. Носить воду, растопить огонь в очаге, убирать жилье и двор — все это входило в обязанности младших невесток (гитче апсын).

При распаде большой семьи на малые семьи братья уносили из родного дома головню из очага и клали ее в очаг нового дома. Этим они символизировали свою близость к отцовскому очагу, продолжение рода. Они называли друг друга отделившимися от «одного очага» (бир отдан айрылганла). Нередко поводом для распада семейных общин служили ссоры между снохами после смерти авторитетной главы семьи. «Причины интенсивности семейных разделов кроются в неуживчивости, раздорах и враждебных отношениях женщин в больших семьях»², — писал Н. П. Тульчинский. Однако, как

¹ Г. Петров. Указ. соч., стр. 129.

² Н. Тульчинский. Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в нагорной полосе Терской области. «Казбек», 1899, № 488.

отмечает М. М. Ковалевский, ссоры между золовками порождались стремлением «каждой малой семьи удержать в личном обладании продукты собственного труда»¹. Но не в этом была главная причина раздела больших семей, а во все усиливающимся процессе товарного производства, создавшем благоприятные условия для развития внутри большой семьи частной собственности ее отдельных членов.

По обычному праву имущество при разделе семьи делилось поровну между братьями. При разделе приглашали свидетеля (шагъатчы) из числа близких родственников. При этом не делалось «никакого различия между единоутробными и единокровными сыновьями, сыновьями от первой или второй жены»². Если сын умер, но остались его дети, то они получали отцовскую долю. Некоторую прибавку получал старший брат (майорат); ему давали за старшинство «тамада юлюш» — лучшую лошадь, сбрую, шашку или ружье, небольшой клочок земли.

Если мать была жива после смерти мужа, то оставалась с младшим сыном. Ему давалась некоторая прибавка для прокормления матери (минорат) «аталыкъ юлюш».

Что касается овдовевших золовок, то они могли по шариату получить лишь долю своих малолетних сыновей, в качестве их опекунов, и то только, если оставались в доме покойного мужа и не выходили замуж за постороннего. Если вдова, оставшаяся в доме мужа, выходила замуж за одного из его неженатых братьев (обычай левират), собственность семьи покойного с прочим наследством переходила к оставшимся членам двора.

Если братья не могли сами договориться о разделе отцовского имущества, то в дело вмешивались старики атаула или тукума и стремились произвести раздел так, чтобы все были довольны.

Согласно адату карачаевцев, владелец имущества не имел права завещать его посторонним лицам, если у него имелись прямые наследники. При наследовании имущества ближайшие степени родства отстраняли дальних. При дележе имущества между дядями племянники получали долю своего отца. При смерти бездетного мужчины все его имущество раздавалось на «искупление грехов». Разделу подлежали: пахотная земля, скот, жилые и хозяйственные постройки, имущество, перешедшее к ним от дедов и отцов (аталадан къалгъан мюлк), большой медный котел, оружие, женские украшения, ковры и кошмы. Если между разделившимися братьями сохранялись близкие отношения, то в общем их пользовании оставались некоторые хозяйственные постройки, мельница, ткацкий станок, циновка, большой котел, тавро.

Результатом разделения семейных общин на несколько самостоятельных больших и малых семей было образование атаулов. В лите-

¹ М. М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, т. 1, М., 1886, стр. 104.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 37; В. М. Соев. Карачай..., стр. 54.

ратуре об этой форме общественных отношений у карачаевцев почти ничего не сказано. Лишь в работе Б. В. Миллера упоминалось, что внутри родовых кварталов существовали и группы еще более близких родственников, имевших общие клички по имени предка в пятом или в шестом колене.

Эти группы «семей, больших и малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины»¹, были впервые изучены и описаны М. О. Косвенем. Он применил к ним выдвинутый чешским историком Ф. Палацким термин «патронимии», который получил всеобщее распространение.

Именно так, путем сегментации, увеличивающихся в численном и поколенном составе семейных общин «уллу юйюр», возникали патронимии «атаулы» в Карачае. Распадаясь, большие семьи теряли в значительной степени свое хозяйственное единство, так как дробились земельные угодья, делился по семьям скот и инвентарь. Но идеологическая общность членов атаулов сохранялась долгое время и после раздела семейной общины. Она выражалась прежде всего в сознании общего происхождения, во взаимной помощи членов атаулов, в строгой экзогамии и т. д.

Карачаевское название патронимии «атаул» (ауал атадан) — «от одного отца» аналогично приводимым М. О. Косвенем обозначениям патронимии у других горцев Северного Кавказа: осетинскому «фыды фырты» (отца дети), абхазскому «абипара» (отца сыновья) и т. д. Именем этого отца — основателя атаула — и называлась карачаевская патронимия (атаул ат). Причем, если родоначальники тукумов, и тем более союзов тукумов, являются чаще легендарными лицами, то родоначальники атаулов — исторические лица, бывшие главы семейных общин.

Иногда названием атаула было не имя, а прозвище родоначальника. Так, один из атаулов Байчоровых называется Беденелары, то есть «Перепелки», по прозвищу отца, известного богача Джамболата Байчорова. У Гочияевых есть атаул Алтыбармаклары, то есть Шестипаловы, названный по прозвищу родоначальника, имевшего отросток лишнего пальца. Атаул Лайпановых Боранлары (Бурановы) получил свое имя от прозванного «Бураном» Хусина Лайпанова и т. д.

Счет родства в карачаевской патронимии велся по поколениям мужской линии, о чем свидетельствуют родословные схемы карачаевских фамилий. Например, Узденов Томпа из с. Хурзук (1878 года рождения) приводит следующую родословную ветвь: ...Эсен — Отар — Абрек (Сыгынчы) — Алибек — Дуда — Зеке — Локман — Томпа — Далхат — Руслан — Альберт. В Карт-Джурте, в квартале Нижних Салпагаровых, сохранилась коновязь 1897 года со следующим родословием: Науруз — Зыгытчы — Эндреук — Салпагар — Солтанбек — Темирджан — Аслан — Биболат... Эта схема несколько дополняется родословием Каппушевых (клан Науруз): Науруз —

¹ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 97; его же. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 32.

Зыгытчы — Нуккол — Каппуш — Магомет — Солтанук — Бийсолтан — Салатгерий — Сагит — Магомет...

Атаульное имя становилось второй фамилией семьи, а иногда даже вытесняло ее. Так, Джаммаевы и Тулпаровы, выделившиеся от Батчаевых, перестали носить фамилию Батчаевых, Булатовы выделились из Чомаевых, Алботовы — от Бостановых¹, Крымшамхаловы, кроме своего тукумного имени, имели атаульные: Ачахматлары, Бийнѐгерлары, Гилястанлары, Сосранлары. Они произошли от имени родоначальников атаулов: разделившихся братьев Ачахмата и Гилястана, сына Ачахмата — Бийнѐгера.

Все члены патронимии носили одну фамилию. Если же атаульное имя становилось второй фамилией семьи, то это были всегда близкородственные фамилии, ведущие свой род от одного предка. Так что тукум мог включать в себя целый ряд родственных ветвей — атаулов, а также фамилии, идущие от сыновей родных братьев, основателя тукума или от его внуков. Атаулы, которые вели свое происхождение от родных братьев, считались близкими — «кысыха атаул къарнаш». Атаулы, включавшие в себя 5 — 6 поколений, ведущие начало от внуков основателя данной ветви и таким образом объединяющие дальних родственников, назывались «узакъ атаул къарнаш» (дальние атаулы). По числу членов атаулы различались большие (уллу) и малые (гитче).

Близкородственные патронимии селились, как правило, рядом, составляя часть тукумного (родового) квартала — тийре. Так, например, фамилия Узденовых проживала в Хурзуке в двух местах; близкородственные атаулы — Хырхалары, Сыгынчылары, Къаратайлары составляли «Тюб Езденлары» (Нижние Узденовы), атаулы Хапарлары, Газахлары, Сабазлары, Хуртталары входили в «Баш Езденлары» (Верхние Узденовы). В Карт-Джурте были расселены отдельными кварталами атаулы Узденовых — Бекирлары (Джезаяклары), Гасылары, Алиюклары, Гулаклары.

Разрастаясь, кровнородственная организация как бы вновь возрождала древний патриархальный род. Возникали новые кварталы и патронимии второго порядка.

Не всегда раздел большой семьи вел к образованию новых атаулов. Часто разделившиеся семьи продолжали входить в старый атаул, в котором были и их отец, и дед, и другие предки. Например, Джатдоевы не имели атаульных подразделений. Для образования нового атаула нужен был ряд условий, и экономических — раздел имущества, иногда переезд из-за земельной тесноты в другое селение или другое тийре, и идеологических — родоначальник атаула должен был чем-то прославиться, чтобы потомство стало носить его имя.

Размеры атаулов, так же как число атаулов в тукуме, были различны. И то и другое определялось экономическими условиями, в которых складывались атаулы. В сравнительно немногочисленной фамилии Биджиевых насчитывалось 10 атаулов, а в старом адурхаевском тукуме Эркеновых — 8 атаулов². Число семей в патронимии

¹ Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР, ф. 262, ед. хр. 23, лл. 50—86.

² Там же.

было также различно, от 4 — 5 до 10. Численность этого родственного коллектива — атаула достигала, как это мы видели на примере Беденелары, до 60 — 70 человек.

Патронимии Карачая в конце XIX — начале XX в. сохраняли некоторые черты былой экономической общности, характерной для родовых фамилий. В некоторых атаулах сохранялась коллективная собственность на землю, особенно на таукышлыки. Если тукум делился на ряд атаулов, то тау кышлыки часто оставались коллективной нераздельной собственностью. Иногда и сабаны при разделе больших семей не делились по семьям, а оставались в совместном владении атаула. Но обычно сабаны и биченлики подвергались разделу.

Однако и при коллективном владении тау кышлыками они использовались не для ведения общего хозяйства, так как таковое отсутствовало, а чаще делились на доли по числу семей. Каждая семья самостоятельно косила траву и свозила сено для своего скота. Причем, доли были неравными. Более зажиточные семьи, имевшие больше скота, владели большими долями, чем их бедные родственники. В некоторых атаулах делили не земли, а скошенное сено. В этих случаях общинные традиции были сильнее. Косили всем атаулом, выезжая на совместный покос как на семейный джыйын. Скошенное сено делили между моногамными семьями атаула, не по числу косарей. Вдовам и немощным старикам атаула, которые не могли выставить косцов, косили все родственники и при дележе сена не обходили их.

Члены одного атаула особенно часто объединялись в товарищества по покосу (джыйын) не только для заготовки сена своему скоту, но и для найма в казачьи станицы. Из родственников часто создавались и кошевые товарищества для совместного выпаса скота (кьош нёгерле).

Семьи, входящие в патронимию, совместно пользовались мельницами, сельскохозяйственными орудиями, медными котлами, цинковками и т. д.

Члены одного атаула помогали друг другу и материально. Если молодой человек собирался жениться и не имел средств уплатить калым, то родственник жениха с провожатым ездил по кошам, собирая скот у членов своего рода. Хозяева коша обязаны были дать в виде помощи ягненка или барана, а иногда и телочку. Обычай этот назывался «союм джыйгъан». Так, например, молодой семье давали на обзаведение некоторое количество скота. Девушке, которая собиралась замуж, родственники помогали собрать берне и приданое, ее одаривали скотом, утварью, одеждой¹.

Когда готовилась свадьба, то члены атаула давали скот для тоя (союм мал), а потом всем атаулом приходили на свадьбу. Чем бли-

¹ Н. П. Караулов, Болкары на Кавказе.—«СМОМПК», Т., 1908, вып. 38, стр. 147.

же был родственник, тем большим было его участие в подготовке и проведении свадьбы.

Родственная солидарность патронимии проявлялась в давние времена и в вопросах платы за кровь. Родственники виновного всеми средствами добивались примирения с пострадавшим. Переговоры велись не семьями виновного и пострадавшего, а их родами. Члены атаула помогали своему сородичу собрать нужное количество скота для уплаты за кровь (къан тѣлеу), т. к. размеры платы за кровь были столь значительны, что одна семья не в состоянии была заплатить.

Когда умирал один из членов атаула, все родственники приходили в дом покойника с выражением соболезнования. Близкие родственники, члены атаула приносили белую материю для савана, приводили скот для устройства поминок. Каждая семья атаула приносила продукты (къайгъы аш). Патронимия обычно имела на сельском кладбище отдельный участок или же свое атаульное кладбище. Например, в квартале Биджиевых, в В. Учкулане насчитывалось 15 атаульных кладбищ.

Кроме празднеств, во время которых устраивались совместные трапезы, пережитки коллективного потребления проявлялись в обычае обносить членов атаула кусками мяса от каждой зарезанной головы скота. Если атаул или тийре был большим, то во время убоя (согъум) резали специального барана для того, чтобы раздать мясо родственникам.

Если предстоял суд над кем-либо из атаула, то родичи выступали соприсяжными на суде, ручаясь за порядочность обвиняемого. Если его присуждали к штрафу, то братья по атаулу помогали собрать требуемую сумму.

Отдельных воинских подразделений по атаулам в Карачае не было. Но и во время угона скота, отражения вражеских набегов, когда собиралось народное ополчение, члены атаулов старались держаться рядом, чтобы в первую очередь оказать помощь сородичу, если ему придется туго.

Хотя в атаулах и не было официальной власти, но весьма отчетливо проявлялось общественное единство патронимии. Собрания членов атаулов созывались от случая к случаю, когда появлялась нужда в совместном обсуждении какого-либо вопроса (об использовании совместных земель, о начале сенокоса на общем тау кышлыке и об организации джийина, о необходимости оказать помощь члену атаула, попавшему в беду). На собрании атаула обсуждалось и поведение отдельных лиц, так как атаул нес ответственность и за нравственность своих членов. Дружное осуждение провинившегося всеми родичами оказывало большое действие. Решающую роль в делах атаулов играли старейшины (тийре башчыла). Это были старшие по возрасту члены патронимии, которые пользовались наибольшим авторитетом, имели твердое доверие (бек ышангылыла). Они и составляли совет старейшин атаула (къартла оноуу).

По мере разложения общинных отношений все большее значение приобретало имущественное положение человека. В каждом атауле стали отчетливо выделяться богатые и бедные семьи. Хотя богатые и оказывали бедным некоторую родственную помощь, имуществен-

ное неравенство от этого не нарушалось. Разбогатевшие члены атаула не стеснялись использовать бедность своих сородичей в корыстных целях: им часто давали в ортак скот на выгодных для владельца условиях, их приглашали на маммат, получая большое количество рабочих рук за одно лишь угощение.

Разложение семейных общин у атаулов особенно быстро пошло в пореформенный период, когда Карачай оказался втянутым в общее русло экономического развития Северного Кавказа. Коллективный труд вытеснялся индивидуальным. А в крупных кулацких хозяйствах все большее распространение получал наем рабочей силы (джалчы тутуу).

В течение всего пореформенного периода шел процесс разложения семейных общин, так как развитие товарно-денежных отношений создавало благоприятные условия для развития внутри большой семьи частной собственности ее отдельных членов. В конце XIX в. в Карачае происходит сокращение численного и поколенного состава больших семей.

Особенно быстрым был процесс распада семейных общин в Малом Карачае. Само переселение из Большого Карачая в Малый разрушило общинные связи. Переселенцы покидали патронимические кварталы, порывали в какой-то степени связи со своим атаулом, а отчасти и тукумом. Заселение новых мест происходило уже не по родственному признаку. Только в с. Джегутинском некоторые фамилии пытались селиться так, чтобы образовать единый квартал.

Распадению семейных общин в Малом Карачае содействовали и формы землепользования. В условиях уравнильно-передельной общины, где земельный надел давался на дым, то есть на самостоятельную хозяйственную единицу, большая семья оказывалась в невыгодном положении. Поэтому женатым сыновьям, не говоря уже о взрослых братьях главы семьи, выгоднее было выделиться, получить земельный надел и вести самостоятельное хозяйство.

В Большом Карачае, где не было уравнильно-передельной общины и где пахотная земля находилась в наследственно-подворном владении, а община ведала лишь летними пастбищами, стремление к разделу было меньшим. И сам образ ведения хозяйства был более консервативным. Там исследователи встречали в конце XIX в. больше семейных общин, чем в Малом Карачае.

Таким образом, со второй половины XIX в. преобладающей формой семьи у карачаевцев была малая. Большая патриархальная (семейная община) существовала в указанный период (а в отдельных случаях вплоть до коллективизации) в своей пережиточной форме. Отделившись от большой семьи, братья сохраняли тесные хозяйственные и идеологические связи, осознавая себя выходцами из одного атаула. Малая семья обычно состояла из мужа, жены и их детей. Иногда с ними могли проживать старая мать или отец мужа, а иногда и младшие братья или сестры его. Патриархальные порядки, присущие большой семье, во многом сохранились и в малой.

Брак у карачаевцев в прошлом строго регулировался экзогамными запретами. Запрещались браки внутри одной фамилии и между

лицами из родственных фамилий, входящих в группу «кѡауум», происходивших от общего предка (тин ата), и даже между лицами, сохранившими только предания об общем предке (кѡарнаш тукѡумла). Ограничения браков по мотивам родства имели место как по отцовской (ата джуукѡ), так и по материнской линии (ана джуукѡ). Нарушение экзогамии рассматривалось как преступление.

Браки не допускались между родственниками по воспитанию (аталычество) «эмчек джуукѡ». Запрещались браки и вследствие приобщения к молоку чужеродной женщины. Нарушителя приговаривали к позорному столбу (кѡара багъана), сажали на осла и водили по селу (эшек бедиш) или взымали штраф, обычно медной посудой, в особенности большими котлами¹. Иногда кровосмесителя приговаривали к изгнанию за пределы селения. Редкие случаи нарушения экзогамных запретов встречались, главным образом, в среде высшего сословия. Стремясь сохранить «чистоту крови», княжеская фамилия Крымшамхаловых предпочитала искажение традиционных обычаев народа. Допускались браки внутри отдельных многоатаульных фамилий, проживающих в соседних Дууте и Джазлыке. Экзогамные ограничения дольше всего сохранялись среди поколения наурузов².

Богатые отдавали своих дочерей только в состоятельные семьи (кѡарыулу юйдеги). Сильными были также сословные ограничения браков. Князья (бии) считали ниже своего достоинства вступить в брак с представителями узденской фамилии. Точно так же уздени, за редким исключением, не рождались с кулами.

И. И. Иванюков и М. М. Ковалевский сообщают, что «сословные различия строго принимаются в расчет при заключении браков. Таубий или князь может жениться только на дочери таубня или чужеземного узденя; каракиши, т. е. вассал князя, может жениться на ком угодно, за исключением рабыни. Такое же исключение делается и для браков чагаров, т. е. простых крестьян. Браки рабов и рабынь устраиваемы были их господами, получавшими за это калым. Провинившийся раб лишался права вступать в брак; ему дозволялось только временное сожителство и притом каждый раз с ведома господина, который ежечасно вправе был его расторгнуть»³. В. М. Сысоев также отмечал, что карачаевцы «смешения сословий и экономического положения избегают: так, бии выбирают невест у биев, уздени у узденей, кулы у кулов. Изредка бывают отступления и от этого порядка»⁴. Наблюдения В. М. Сысоева свидетельствуют, что к началу XX в. брачные запреты имели тенденции к ослаблению.

Наконец, в XIX веке в брачных отношениях карачаевцы придерживались и религиозных мотивов. С принятием ислама браки с представителями других национальностей несколько ограничались. Тем не менее среди карачаевцев было немало смешанных браков между карачаевцами и соседними народами. В особенности княжеские фа-

¹ М. С. Шуккин. Указ. соч., стр. 57.

² Б. Миллер. Из области обычного права карачаевцев, стр. 11.

³ И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., кн. 2, стр. 5 — 6.

⁴ В. М. Сысоев. Карачай..., стр. 52.

мили охотно роднились с кабардинцами, абхазцами, абазинами, ногойцами, сванами, осетинами. Об этом повествуют генеалогические предания карачаевцев, а также архивные данные¹.

Брачный возраст для мужчины начинался с 18—20 лет, а девушка объявлялась невестой в 14—15 лет. Обычный же брачный возраст определялся для мужчины 22—23 года, а для девушки—18 лет². Но бывало, что девушек выдавали замуж и в 13—14 лет, а мужчины вступали в брак в значительно старшем возрасте. Причем, в семье строго соблюдалась очередность: младшую не выдавали замуж, пока не выйдет ее старшая сестра. Это правило (тамадалыкъ сакълау) распространялось и на мужчин.

Свадьбы устраивались преимущественно осенью или летом до начала основных сельскохозяйственных работ. Для брака у карачаевцев было характерно патрилокальное поселение супругов, но встречался и переход мужчин по той или иной причине в дом родителей невесты (матрилокальное поселение).

Несмотря на то, что карачаевцы исповедовали ислам, многоженство в Карачае не получило распространения. В редких семьях бывало по две, очень редко — по три жены³. Факты двоежёнства в крестьянской среде имели место в том случае, когда от первой жены крестьянин не имел детей или же в случае необходимости иметь в доме работоспособную жену, если случалось, что первая жена по старости или же по болезни была прикована к постели⁴. Наибольшим уважением и почетом пользовалась всегда первая жена. Вторая же во всем должна была подчиняться первой, исполняла более тяжелые работы по дому. «Чем выйти второй женой, лучше дома остаться» (Къатын юсуне баргъандан эсе, тыбырда къалгъан игиди), — гласит карачаевская пословица.

Некоторые исследователи (В. Тепцов, Н. Тульчинский и другие) в моногамии горцев склонны были видеть «приверженность к коренным обычаям народа»⁵, другие (М. Ковалевокий) — «остатки христианских традиций»⁶.

У горцев существовало несколько форм заключения брака:

1) брак по сватовству, при котором семьи брачующихся предварительно договаривались. Сюда относились: а) браки путем сговора уплаты калыма; б) левират и сорорат; в) брак обменом невестами; 2) тайные браки или браки путем похищения. Здесь различались: а) насильственное похищение «къачырыу»; б) мнимое похищение или брак «убегом» (джашыртын).

Сговор был также в нескольких формах. Практиковались по-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 60, д. 106, л. 47.

² И. С. Шуккин. Указ. соч., стр. 57.

³ Б. М. Городецкий. Очерки по Кубановедению.—«Кубанская школа», Екатеринодар, 1915, № 5, стр. 304.

⁴ Н. А. Алфеев. Материалы для изучения быта и социально-гигиенических условий жизни карачаевского народа. Сб. «Зобатость в Карачае», Р/Д, 1929, стр. 304.

⁵ В. Я. Тепцов. По истокам Кубани и Терека, стр. 179; Н. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды, стр. 206.

⁶ «Кавказ», 1903, № 391.

молвки малолетних детей, находившихся в колыбели, а иногда даже еще не родившихся («ауз бла бир-бирине сѣз бериу»)¹. Обе эти формы были тесно связаны «калымным» браком. «В старину,— отмечал И. С. Щукин,— часто бывали такие случаи, что два хороших приятеля еще в детстве обручали своих малолетних детей с целью породниться; еще и теперь в Карачае... встречаются люди обоего пола, которые были обручены в детстве родителями»².

К числу пережиточных форм брака следует отнести так называемый брак «тул той». Левират или деверство (брак вдовы с братом покойного мужа) проявлялось в том, что после смерти мужа вдова оставалась в семье умершего мужа, поскольку за нее был заплачен калым, и выходила замуж за деверя — неженатого брата мужа или его родственника. Встречалась и такая форма левиратного брака: если жених умирал до свадьбы и девушка оставалась засватанной в доме отца, а калым уже был выплачен, то на ней мог жениться брат умершего жениха. Горцы руководствовались одним понятием, а именно: вдова (тул кьатын) — «собственность семьи покойного, которая, поэтому, с прочим наследством должна перейти к оставшимся после его смерти членам двора»³.

Бытовали среди карачаевцев также пережитки института сорогат (брак вдовца с сестрой своей умершей жены).

Частыми были случаи женитьбы двух родных братьев на единоутробных сестрах (эки эгеч эки кьарнашда). Особую форму заключения брака представлял так называемый обменный брак. В таких случаях семьи обменивались дочерьми, выдавая их замуж за сыновей другой стороны, или же один из них отдавал дочь за сына другого, а тот отдавал свою сестру за брата первого. Равным образом юноши обменивались и сестрами или же девушками более отдаленных степеней родства.

Одной из древних форм брака в прошлом было умыкание («кьыз кьачырыу»). Похищение девушки с целью вступления в брак вызывалось в первую очередь опасением безуспешности попыток положительного решения вопроса мирным путем, или же ввиду отказа девушки от своего обещания выйти замуж, а иногда если у засватавшего девушку не хватало средств на уплату калыма и слишком оттягивали время свадьбы.

Чаще всего тайный увоз совершался с согласия девушки путем подкупа окружающих ее женщин и при содействии похитителя⁴.

Несмотря на строгое преследование законом, практиковалось также, хотя и не широко, насильственное похищение девушек без согласия ее родителей и ее самой. И в этом случае похитивший удачно невесту получал право на брак с нею. Если же похитителя находили до того, как он успевал лишить девственности увезенной, то, по словам В. Тепцова, «невеста возвращается родителям, а жених расплачивается за бесчестье или головой или, в лучшем для него случае,

¹ М. Алейников. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и похоронах. КОВ, 1880, № 7.

² И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 57.

³ И. Иванюков и М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 567.

⁴ К. Ф. Ган. В верховьях Кубани и Теберды. «Кавказ», 1893, № 344; газ. «Северный Кавказ», 1902, № 4.

Карачаевское семейство. Глава большой семьи (фото конца XIX в.).

карманом»¹. Наряду с тем, похититель лишился «права на получение невесты даже в том случае, если он приготовит требуемый калым. Доставить ему жену и избавить его от общего презрения может только вторичное удачное похищение»².

Удачное похищение приводило к тому, что юноша получал согласие на брак как невесты, так и родителей ее. Больше того, жених иногда и вовсе избавлялся от уплаты калыма. Но иногда родители девушки годами не ходили в дом жениха, а он, в свою очередь, также избегал встречи с ними, потому что если умыкание производилось без согласия девушки, то такой брак, по шариату, считался недействительным.

Обычно жених прибегал к похищению в том случае, когда был уверен, что его родственники, будучи влиятельными людьми, поддержат его. Неудачное похищение и возвращение невесты ее родствен-

¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 173.

² Там же, стр. 174.

никам рассматривалось как позор для жениха и его родных. С другой стороны, похищение девушки считалось оскорблением для ее родных и унижением достоинства девушки. Поэтому в возникший на этой почве конфликт втягивался широкий круг родственников и сородичей обеих сторон, которые прилагали все усилия для успокоения родственников невесты.

В первую очередь доверенные лица стремились выудить согласие девушки на данный брак, т. к., по народному воззрению, девушка, однажды «схваченная» («сюйрелген» — букв. «увезенная волоком»), на всю жизнь теряла честь. Поэтому в большинстве случаев увезенная и припрятанная девушка, даже не побыв с похитителем, сама уже редко соглашалась вернуться к родителям домой, т. к. считала себя «опозоренной».

Как правило, многократные визиты и переговоры заканчивались примирением сторон, а жених сверх калыма платил еще пеню за бесчестье. В противном случае возникала вражда, приводившая к тяжелым последствиям.

Основной же формой создания семьи являлись браки, совершаемые по свободному соглашению вступающих в него и их родителей, основанные на обычном праве с непременной уплатой калыма.

Первоначально в Карачае калым уплачивался не семье или отцу, воспитателю девушки, а целой родовой группе — «кьяуму», к которой она принадлежала, позднее — более узкому кругу родственников — «атаулу» и, наконец, семье девушки «кыыз юйюне».

В условиях господства патриархально-феодальных отношений и фактического преобладания малой семьи калым приобрел огромное значение, потому что служил прямым отражением развития собственных отношений. Сохранению калыма способствовало не только натуральное хозяйство, но и надстройка в виде обычного права, нравов, религии и т. д. Несмотря на распад патриархальной семьи, разложение натурального хозяйства и внедрение товарно-денежных отношений, в Карачае вплоть до победы Советской власти не наблюдалось каких-либо признаков отмирания калыма. Согласно замечанию Н. П. Тульчинского, в горской среде не замечалось «стремления уничтожить неестественного обычая или по крайней мере уменьшить размеры его, напротив, с каждым годом этот обычай крепчает, и величина калыма обнаруживает повышательное движение»¹.

Различные источники дают сведения, указывающие на эволюцию института калыма как продукта общественного развития, а также разноречивые данные о его размерах. Размеры калыма не были постоянными. В зависимости от договоренности сторон, они то повышались, то понижались. Так, в адатах карачаевцев и балкарцев мы находим, что у князей «по древнему обряду калым заключался в 15 предметах: 5 крестьянах, 5 штуках железными вещами и 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки,

¹ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 210.

двух быков и двух лошадей»¹. В 1807 году, по прекращении чумы, было условлено выплачивать калым «у старшин за девушку 500 руб., за вдову—300 руб., у каракишей за девицу — 220, за вдову — 150 рублей, у кулов за девку — 150 рублей, за вдову — 100 руб.»². Однако впоследствии приговором было установлено: у князей 800—600 рублей серебром, который уплачивается большей частью скотом, у каракишей — 300 рублей серебром, у кулов калым состоял «из числа баранов, равняющегося в цене одной паре двухлетних быков, одного ружья (ценою в 20 рублей или в две скотины), из одной лошади, из медного котла (в котором можно сварить одного барана), из одной коровы, без телка, из трехлетнего быка, из пары — двухлетних телков и из одной сабли»³.

По сведениям конца XIX века, в Карачае размер калыма для знати колеблется от 1500 до 2000 рублей, а для низших слоев от 300 до 350 рублей. Калым за вдову выплачивался вдвое или втрое меньше, чем за девушку. В. М. Сысоев отмечал, что «по шарияту калым не должен превышать 300 руб., но богатые платят по своему состоянию»⁴. Старики рассказывали В. Я. Тепцову, что древние их предки не знали обычая уплаты калыма и что он привился им уже под влиянием магометанства, и этот обычай настолько укоренился, что от калыма не избавляет жениха и похищение невесты⁵.

Выдача девушки замуж без калыма считалась позором для ее семьи и рода. «Калым в широких размерах — это бич горского населения, т. к., разоряя одну семью, он не обогащает и вторую, которая все полученное в калым с прибавлением своего тратит на подарки и различные угощения», — замечает в своем отчете начальник участка в Карачае. Далее он писал, что «не лишним было бы установить плату калыма для бедных классов от 40 до 80 рублей, средних — от 80 до 200 рублей и богатых не более 500 рублей»⁶.

Что касается подарков, вносимых женихом во время сватовства, то в «некях» выговаривали лошадь в пользу отца или дяди невесты («ана кьариаш»), лошадь в пользу ее брата («эгечден туугъан») и лошадь в пользу молочной матери («сют ана»).

Переговоры о калыме и подарках «берне», их размерах велись во время сватовства. Соглашение между сватами жениха и родственников невесты заключалось в доме невесты. Тут же обычно вносился задаток, а затем происходил обряд оформления брака (некях), совершаемый эфенди.

Уплата основной части калыма производилась в течение нескольких сроков. Калым мог уплачиваться деньгами, оружием, скотом и другими ценностями. Вместо денег или скота иногда калым уплачивался участками пахотной и покосной земли, но тоже в пересчете на деньги.

¹ Ф. А. Леонтович. Указ. соч., стр. 274.

² Там же.

³ Там же, стр. 275.

⁴ В. С. Сысоев. Карачай..., стр. 52.

⁵ В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 168.

⁶ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 1219, л. 50.

По обычаю, весь калым должен был поступить в собственность невесты¹, но на деле им распоряжались ее родители.

Если случалось, что жених умирал до свадьбы, то родные девушки вправе были требовать половину оговоренного калыма. Такую же часть калыма они получали, если жених отказывался от нее².

Уплата калыма для бедной семьи была делом чрезвычайно трудным. Немало крестьянских семей доходило до грани разорения в результате больших свадебных расходов. Обременительность этих расходов особенно тяжело отражалась на положении батраков, наемных пастухов. Некоторые из них так и оставались до конца своих дней неженатыми, не успев скопить средства для уплаты калыма. Из-за трудности уплаты калыма сплошь и рядом можно было видеть супружеские пары, в которых муж был старше жены на 15—20 лет.

Бремя калыма иногда облегчалось благодаря помощи близких родственников и оттяжке сроков уплаты. Последнее обстоятельство приводило к тому, что от договоренности о браке до самой свадьбы проходило от одного до 10 лет. Более продолжительные сроки допускали в том случае, «когда будущие супруги находятся в колыбели»³. До отмены крепостного права взнос от калыма составлял одну из повинностей зависимого крестьянского сословия. Адатами было определено, что «при выдаче дочерей, каракиши дают из калыма своему старшине две скотины...»⁴. Эта часть калыма присваивалась владельцем под предлогом «подарка от эмчека», что означает «плату за молоко».

В связи с тем, что устройство свадьбы требовало значительных затрат, юноша уже в возрасте 15 лет вынужден был начать готовиться к свадьбе. По сообщению В. Я. Тепцова, калым и все остальные расходы он должен был «заготовить сам, своими руками». Если он думал выделиться из семьи, то необходимо было построить новую саклю и завести новое хозяйство. На все это, как отмечает тот же автор, «нужны были годы терпения и труда, особенно для бедняка»⁵.

С институтом калыма в какой-то степени связаны приданое («юй керек») и подарки, преподносимые невестой в дом жениха («берне»). Эта связь заключалась в их мнимой эквивалентности. В отличие от «калыма» состав приданого и берне не были строго определенными. Из различных подарков, преподносимых ей родственниками в разных случаях, а также от сбора личного имущества составлялся свадебный наряд и приданое девушки. Среди карачаевских девушек и парней существовал обычай «джашыртын хапчюк джыйгъан адет» (букв.: тайный сбор имущества, или «шёнчю»). Девушкам разрешалось иметь в личной собственности негласные вещи, приобретенные путем реализации «украденной» шерсти, сукна и т. д., а

¹ В Карачае получило некоторое признание шариатское правило, согласно которому калым должен был служить обеспечением жене на случай развода и на образование отдельного имущества замужней женщины. См.: Б. Миллер. В Карачае, стр. 398.

² Ф. А. Леонтович. Указ соч., стр. 283.

³ М. Алейников. Указ соч.

⁴ Ф. А. Леонтович. Указ соч., стр. 276 — 277, 283.

⁵ В. Я. Тепцов. Указ соч., стр. 170.

юноши, в свою очередь тайно от отца и матери продавали скот из отары или табуна.

Приданое девушки состояло главным образом из одежды, ситцевого белья, шелковых рубашек, бешметов, серебряного пояса, нагрудника, платков, шалей и т. д., постельных принадлежностей, ковров, кошм, сундуков, шкатулок, различной величины тазов, кумганов, котлов и другой посуды. Все это, поступая в пользование молодой семьи, в различные сроки считалось личным имуществом невесты и «должно было быть возвращено ей в случае развода»¹. Представители высшего сословия своим дочерям при выходе замуж давали иногда крепостных женщин «эгет», служанок «дигиза».

Особое место в составе приданого занимало «берне», т. е. подарки для родных жениха — предметы одежды, различные мелочи — кисеты, шнуры для шаровар, пистолетов, часов и т. д. Расходы на них достигали значительной суммы и не бывали меньше предварительного калыма. Родители невесты должны были заготовить и наделить подарками всех членов жениховой семьи. Отцу и матери жениха предлагались полные национальные костюмы. Для бабушки жениха шили бешмет «сырылгъан къаптал», заменявший собой пальто, дедушке — кафтан (къаптал), затем братьям, сестрам, племянникам и племянницам жениха приготавливали по одной или две принадлежности одеяния, для девушек — мелкие предметы: серьги, кольца, пояса, зеркала, наперстки, платки, шкатулки, другие вещи. Родители девушки особо отмечали сватов, наделяя их сукном, одеждой, скотом, оружием, т. к. при совершении брачного обряда сваты вносили некоторую долю калыма из личного кармана. Затем следовали подарки, привозимые женихом к дому невесты, подарки невесты родственникам жениха, подарки дяде жениха, доставившему так называемый «той мал», т. е. необходимый для устройства свадьбы скот, подарки отца невесты жениху и т. д.

Несмотря на то, что браки в большинстве случаев совершались путем свободного договора с родителями невесты, однако в условиях господства патриархальных отношений в семье выбор невесты для юноши зависел от воли родителей, нередко согласия жениха и невесты не требовалось.

Хотя при выборе невесты учитывались и личные качества девушки (красота, возраст, воспитанность, прилежание к рукоделию), но нередко о невесте судили по ее родителям. Обыкновенно жених сообщал предварительно кому-либо из участников совещания о своем выборе, но часто «подходящую пару» для своего сына подбирали мать, отец или их ближайший родственник. Сын мог объявить о своем выборе матери или посреднику («селешдирген адамгъа»). Затем друзья и товарищи начинали «усиленно предлагать намеченную женихом девушку, расхваливать ее достоинства» и старались склонить «в ее пользу и родителей жениха»². Случалось и так, что ни отец, ни мать, ни жених сам предварительно не смогли наметить и тогда ему «давали дорогу» («джол бериу»), намечали определенный срок для выбора невесты. Юноша разъезжал по родственникам

¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 169.

² И. С. Щуккин. Указ. соч., стр. 58.

в окрестных селениях, посещал танцы на свадьбах или праздниках, участвовал в различных состязаниях. Молодые люди устраивали своеобразные негласные смотрины «кыыз сайлау» и свидания с «кыыз кёрюу», где гостю предоставляли возможность рассмотреть девушку и показать себя.

Остановив выбор на той или иной девушке, приступали к официальному сватанью (кыыз тилеу). Для этого родственникам жениха поручалось отправиться на переговоры к родителям выбранной девушки.

Доверенные, смотря по обстоятельствам, или прямо объявляли родителям девушки о цели своего прихода или же давали знать об этом намеками. Обыкновенно, с первого или даже со второго раза родители не давали своего согласия на брак дочери. Сваты настойчиво излагали свою просьбу, а родители девушки (кыыз юю) отвечали уклончиво: отговаривались тем, что к этому делу семья еще не готова, обещали спросить мнение самой невесты и т. д. Сватам приходилось по нескольку раз являться в семью девушки за получением окончательного ответа (ахыр сёз). Нередко сватовство длилось годами. Её могли сватать одновременно несколько парней. Если семейным советом принималось предложение доверенных жениха, то призывали девушку из семейства аталыка и вместе с ней посылали доверенного жениха к самой девушке. Последний трижды спрашивал ее о согласии на брак и, получив положительный ответ, возвращался к родным девушки и объявлял им об этом.

О согласии девушки догадывались только по второму ответу. Поскольку, по обычаю, она не смела отвечать отказом, то старалась дать понять, что жених ей не по вкусу, например, отвечала, что «я исполню волю моих родителей». В случае договоренности назначался день официального сговора (сёз таусуу). В условленное время семья жениха посылала своих представителей в дом будущей невесты. Гостей встречали с теплыми приветствиями и рассаживали в кунацкой. В процессе угощения происходила церемония сговора, составление брачного условия «неках», уговаривались относительно размеров калыма и тут же вносили задаток, совершали обряд венчания, устанавливали срок свадьбы.

Брачный обряд (неках этиу) совершал эфенди в присутствии свидетелей. Он записывал на арабском языке брачное условие, которое подписывалось эфенди и двумя-тремя свидетелями. Определялось, сколько жених должен уплатить за невесту калыма, какую часть обязан отдать ее отцу до свадьбы и какую оставить у себя в виде залога на случай развода, а также определялась плата эфенди и пожертвования в пользу мечети¹.

Для совершения религиозного обряда заключения брака эфенди вызывал доверенных со стороны жениха и невесты, обычно молодых людей, сажал их перед собой на корточки, соединив большие пальцы их правых рук (или же таким образом, что большой палец представителя жениха лежал поверх большого пальца представителя невесты), а своей правой рукой он обхватывал эти пальцы и троекратно обращался к доверенным с вопросами: могут ли они

¹ М. Алейников. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и похоронах.

Карачасевский той (конец XIX в., фото Д. Ермакова).

поклониться, что такой-то по собственному желанию берет в жены такую-то, что невеста по собственному желанию выходит замуж за такого-то. Получив утвердительный ответ от представителей, эфенди читал брачную молитву из корана и тем самым завершал обряд. С этого момента брак молодых считался законным. У тех, кто не совершал описанный выше обряд, дети считались незаконными (некяхсызла).

Если после совершения этого обряда жених отказывался от невесты, то он уплачивал половину условленного калыма, а если воспользовался супружескими правами, калым уплачивал полностью.

После описанных выше церемоний стороны готовились к свадьбе, т. к. девушка уже считалась невестой. Девушка и ее семья готовили приданое, наряды и берне, а сторона жениха начинала выплачивать по частям калым. Обычно при акте совершения некая сторона жениха выплачивала треть калыма, а также делались соответствующие подарки. В зависимости от состояния, отцу или брату невесты дарили лошадь и пару быков, а эфенди, составившему условия некая — одну лошадь или 10 рублей¹.

За несколько дней до свадьбы выделялись специальные лица для оповещения и приглашения гостей, готовили угощение, резали баранов и быков, пекли ритуальные пироги, варили бузу, пиво. Перед

¹ И. С. Щуккин. Указ. соч., стр. 58.

отправкой людей за невестой устраивалось угощение (атланган аякъ), где определяли желающих участвовать в свадебной процессии. Участники свадебного шествия (кюеу джёнгерле) составляли группу верховых с флагами (байракъ), на которых изображалось родовое тавро жениха над родовым тавром невесты, с песней «Орайда» направлялись за невестой. В некоторых случаях свадебный кортеж направлялся в сопровождении жениха, но большей частью без него. Свиту возглавлял почетный мужчина (тамада кюеу джёнгер) — ближайший родственник жениха.

Увоз невесты из ее дома в дом жениха имел характер как бы насильственного действия; во дворе происходила шуточная борьба за нее, невесту как бы «силой» отнимали у родных. Так, за день-два до прихода свиты во дворе рыли яму, которую наполняли грязной водой. Родственники невесты, вооружившись хворостинами, били кюеу джёнгеров, стаскивали их с лошадей и старались спихнуть в эту яму. Ударить при этом лошадь джигитам считалось неприличным, хотя они и старались смять толпу конями и проникнуть во двор. Чтобы избавиться от всех этих неприятностей, «кюеу джёнгерам» приходилось откупаться щедрыми подарками, но никто из участников свадебной процессии не протестовал и не выражал своего недовольства.

При этом у «кюеу джёнгеров» могли забрать седла, уздечку, девушки выпрашивали кинжал, часы, пояс и другие вещи. Дружкам жениха приходилось исполнять требования девушек, т. к. по обычаю отказывать считалось неприличным. Во время танцев существовал обычай «выкупать» девиц: подводили к какому-нибудь из молодых девицу и заявляли, что она взята в плен и что он должен ее выкупить¹. Существовали и другие игры, идентичные с играми других горцев.

Одевали невесту в национальный костюм (той чепкен). Старшая из подруг сообщала, что невеста наряжена, но на голову ее требуется покрывало. Тогда шафер жениха преподносил покрывало (ау джаулукъ) с обручальным кольцом. Затем исполнялся обряд «перевода невесты с циновки» («келини джегенден тюшюрюу»). Это поручалось близкому родственнику жениха — обычно его младшему брату. Он подходил к невесте, брал ее за руку и говорил: «Келиним, джаным, огъур аякъ бла атландырайым» (Невеста, душа моя, провожу тебя в добрый путь). Они делали несколько шагов к выходу, за что шафер преподносил женщинам со стороны невесты определенную сумму денег (джегенден тюшюргенлик).

Под напутственные слова и благословения невесту усаживали в седло и передавали под покровительство сидящему сзади нее на той же лошади провожатому, обыкновенно человеку почтенных лет, который, придерживая одной рукой невесту, а другою управляя лошадью, направлялся в путь. Еще во второй половине XIX в. невесту увозили на арбе (тарантасе), украшенной войлоками, а рядом с ней сидела девушка, приехавшая от жениха. Свадебный поезд не выпускали со двора, продолжалась игра — бой молодежи. После спе-

¹ И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 59.

циальной платы «кѡабакъ бегитгенлик» (кѡабакъ — ворота, бегитгенлик — за закрытие) свадебный поезд выезжал со двора¹.

В каком-нибудь узком месте молодежью устраивались баррикады из камней или бревен, и поезжанам приходилось откупаться. С этой целью позади свадебного поезда следовал специальный выюк с пивом и бараниной².

Невесту сопровождали, помимо дружков жениха, несколько человек из ее родных и близких (кѡыз джѣнгерле).

Джигиты, сопровождавшие свадебный поезд, гарцевали на лошадях, пели песни, стреляли из ружей и пистолетов. Лошади наездников украшались разноцветными платками и полотенцами, которые называются флагами (байрекъ). Впереди везли настоящие флаги с изображением тамги невесты и жениха. Потерять их считалось большим позором. Один из знаменосцев «ал атлы» отделялся от свадебной свиты и на всем скаку подъезжал к дому жениха с пением свадебной песни «Орайда». Вскоре прибывали остальные всадники. Промчавшись сквозь толпу, стоящую во дворе, всадники на разгоряченных конях устремлялись в помещение. Кое-кому удавалось въехать верхом на лошади внутрь помещения, за что получал соответствующее вознаграждение³. Навстречу невесте выходила женщина из числа родственниц жениха (эки насыбы болгъан тиширыу), которая брала ее под руку, направлялась медленным шагом в комнату, приготовленную для нее. В это время усиливалось пение торжественной свадебной песни «Орайда», раздавались выстрелы из ружей и пистолетов.

Когда невеста переступала порог (непременно правой ногой), раздавались возгласы: «Входит в дом счастье!»

Ввод невесты в дом жениха (отоу) — один из важнейших моментов свадебной церемонии — сопровождался рядом обычаев. Чтобы оградить молодую от нечистой силы, колдовства, над головой девушки держали кинжал, а у порога ставили подкову. При входе молодой в дом жениха ее осыпали монетами, конфетами, орехами, зерном, «чтобы во всем было изобилие, богатство»⁴. Дети собирали все это, а пожилые женщины, свекровь и присутствующие девушки обнимали невесту. Почтенный старик, держа в руках чашу с бузой («гошпан аякъ»), произносил здравицу (алгъыш), в которой высказывалось пожелание, чтобы приход невесты принес счастье для ее новой семьи. В здравнице содержались советы молодой чете, своего рода поэтический свод правил поведения в быту и в коллективе.

В комнате новобрачных «отоу» невесту ставили в угол, где она, накрытая шелковым платком («чилле джаулуку»), находилась в течение всего времени свадьбы. А рядом с нею находилась «кѡыз джѣнгер кѡатын», которая обслуживала ее в течение 3—4 дней, а за столом сидели несколько юношей из числа ее ближайших родственников (кѡыз джѣнгер джашла).

Свадьба (той) продолжалась 3—4 дня, а у зажиточных 6—7

¹ М. Б. Лето на Кавказе. «Русская мысль», М., 1904, № 7, стр. 3.

² В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 177.

³ Если жених имел аталыка, то невесту везли к нему в дом, где она оставалась несколько дней.

⁴ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, стр. 171.

Карачаевцы Тебердинского села в день их праздника (фото конца XIX в.).

дней. Через 7—10 дней, иногда через месяц-два устраивался пир, посвященный вводу невесты в большой дом (юнге киргенлик адет). В этот день прибывала большая свита со стороны невесты (джыйын), которая привозила с собой подарки (юй къач) родителям жениха и его многочисленным родственникам, а также несколько платков «ау джаулукъла».

Перед торжественным вводом невесты в дом родителей мужа в присутствии родственников и знакомых гости снимали с нее шаль (ау джаулукъ алыу), накиннутую ей на голову родственниками жениха перед тем как перевезти ее из родительского дома. Молодую вели под двумя-тремя покрывалами, с надетыми на пальцах обеих рук кольцами, к которым привязывали (вдевали) по платку (къол джаулукъ). Под пение «Орайда» молодую торжественно заводили в большую комнату (уллу юй). Сюда же заносили сундуки с приданным и «берне». Молодую встречали родители мужа: свекровь с ритуальными пирогами (алгъыш сахан), свекор—с чашей бузы или медового напитка (бал аякъ). В честь молодых произносили здравицу. Затем кому-либо из родственников поручалось снять с головы молодой покрывало (ау), что он и делал кончиком обнаженного кинжала. Произносивший здравицу обсыпал невесту орехами, конфетами, монетами, «чтобы у нее хорошо велось хозяйство»¹. Чаша с бузой и поднос с пирогами передавались по кругу.

¹ «Кавказ», 1902, № 2.

Причем, первый глоток должен был сделать подросток — «счастливого растущий мальчик» («ёсюб келген насыблы сабийчик»), а затем, возвратившись к старшему, чаша переходила от старших к более младшим.

По завершении ритуала «снятие шали» («ау алгъан адет») невесту в сопровождении «къыз джёнгер къатын» возвращали в свою комнату. С этого дня невеста получала право участвовать в хозяйственной жизни семьи. Она могла свободно входить во все комнаты, прислуживать родителям мужа, но говорить с ними еще не могла.

Потом следовал ритуал показа гостям привезенного молодою приданого и «берне». Присутствующим раздавались подарки: женщинам — передники (хота), мужчинам — полотенца, детям носовые платочки и т. д. Затем открывали сундук и, поименно называя одариваемых лиц, перечисляли подарки, которые откладывались в сторону. В отдельном узелке находились наряды невесты, предназначенные для «снятия». Совершался обряд замены девичьего наряда (чепкен тешген), и ближайшие родственницы жениха разбирали платье невесты.

На следующий день или на третьи сутки возвращались домой к себе и дружки невесты (къыз джёнгерле). Гостей провожал жених, который знакомился с ними во время обряда «болушдан юйге джыһу» (ввода жениха в родительский дом).

На седьмой-десятый день свадьбы к родителям невесты отправляли большие подарки свадебного стола (уллу сый): барана или быка «союм малла», большое количество мучных изделий «гырджынла», пироги «хычынла», «чыккыртла», «бёрекле», халву, зерно в мешках, масло в ведрах, мед. Кроме того, отцу и матери невесты дарили сукно для костюма, платки и т. д. «Сый», его обилие, разнообразие продуктов и изделий рассматривалось как показатель хозяйственной мощи жениха. Основная часть продуктов (сый хант) раздаривалась среди родных и соседей дома невесты.

С момента переезда невесты и до совершения обряда — привод жениха в родной дом (болушдан чыгъаруу) — жених не показывался на людях. Все это время он находился в доме своего близкого друга, который с этого времени становился ему родственником вроде аталыка и назывался «болуш юй».

Молодой супруг жил у приятеля или родственника не только свадебное время, но часто несколько месяцев и даже год. Когда молодой супруг покидал «болуш юй», то хозяева дома устраивали угощение.

Жених виделся с невестой на третий или четвертый день привода в его дом. К молодой супруге он отправлялся ночью, в сопровождении дружка (кюеу джёнгер). Если молодые односельчане узнавали, что новобрачный прокрался к жене, то разыгрывали сцену «испытания терпения молодых». Они взбирались на крышу и «бросали в трубу каминка кошек, петухов, щенят и всякую мерзость». Невеста находилась в «отоу» в присутствии приставленной к ней молодой женщины (къыз джёнгер къатын), которая надевала на нее вместо обычного корсета (тартуу) особый корсет (чуба). Утром жених уходил из «отоу» тайком до рассвета. С этого дня новобрачный

считался «нечистым». Лишь устроив «очистительный пир», он все-народно признавался законным мужем.

Новобрачная первое время не могла разговаривать со старшими членами семьи мужа: отцом, матерью, старшими братьями и сестрами, также и новобрачный избегал встречи с родителями своей жены. Молодая не разговаривала с родителями — свекровью, старшими братьями мужа до тех пор, пока они не одаривали ее за «держание языка» (тил тутханлык).

Бывали случаи, когда со свекром невеста не разговаривала в течение своей жизни. В присутствии свекра она также не разговаривала с кем-либо. Со старшими братьями мужа невестка разговаривала через посредство детей.

Невестка постепенно включалась в хозяйственную жизнь. Исполняла отдельные поручения старших женщин в доме (ходила по воду, шила одежду, готовила пищу). К ней часто обращались соседи, чтобы она скроила и сшила детскую одежду или что-нибудь другое. Вообще она считалась как бы обязанной всему роду (фамилии) мужа, поэтому все члены фамилии были вправе ожидать от нее услуг.

До отмены крепостного права в знатных фамилиях вместе с невестою в дом жениха посылали ее воспитательницу (дигиза) или женщину-спутницу из крестьянской семьи (эгет). Они обязаны были прожить в семье новобрачных от одного года до трех лет. Все это время они играли роль прислуги, компаньенок новобрачной и свободно хозяйничали в ее доме. По истечении определенного срока воспитательница возвращалась к себе домой, получив за услуги соответствующее вознаграждение, а рабыня продолжала прислуживать.

К числу важнейших этапов свадебных церемоний относилось возвращение невесты в дом отца (ата юйюне кяйытыу). Срок возвращения новобрачной в отцовский дом определялся по приезду кого-либо из родственников отца. Обычно ее отвозили спустя несколько месяцев, а иногда и год после свадьбы. Сноху, одетую в новый костюм, сопровождали родственницы мужа. С собой они везли различные подарки (ызына кяйтартганлык). В доме отца устраивали угощение, а затем гостей одаривали подарками.

Новобрачная оставалась в доме своих родителей до двух лет, и после этого она как бы навсегда возвращалась в семью мужа (башлаб кяйытыу). За это время она готовила или же дополняла приданое, а сторона жениха выплачивала оставшуюся часть калыма. Родственники навещали ее или же приглашали ее к себе на несколько дней и делали различные подарки, которые также входили в состав приданого. Это была своеобразная помощь «баш байлагъан»¹. Одновременно с помощью родственников готовили подарки «четенни бернеси» для родственников мужа. Часть подарков, в частности скот и домашняя утварь, составляла личную собственность невесты, что в какой-то степени укрепляло ее экономическое положение в новой семье.

Обязательным свадебным ритуалом являлось официальное приглашение зятя в семью невесты (кюеу кёргюсюу). Проведение этого

¹ ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 60, л. 106, л. 28.

обряда было связано с обычаем избегания молодых встреч со старшими с момента обручения. Получив приглашение, молодой зять отправлялся к ним в сопровождении своих родственников и друзей. Здесь их встречали целым рядом обрядовых игр.

В то время, когда зять в сопровождении дружков переступал порог комнаты, у него снимали шапку (бёрк алыу), а кто-либо из провожатых тут же надевал на голову зятя запасной головной убор. Существовал и такой игровой момент, как виснуть на шее зятя. То и дело слышались возгласы: «Садись верхом на зятька!» Нередко молодого зятя заставляли пройти через специальный мост «кюеу кёпюр», раскалывать на дрова суковатый пень «кюеу томурау». Молодой зять, как бы над ним ни тешились, вынужден был, не теряя самообладания, молчаливо следовать в сопровождении своих дружков.

После церемонии рукопожатия произносились здравицы «алгышы». Затем устраивалось обильное пиршество. Родители жениха обычно отправляли оставшуюся часть калыма, а также подарки отцу, матери, старшему брату и сестре невесты. Отдельно одаривалась молодежь за «снятие у зятя шапки», за проведение увеселительных игр («оюнлары ючюн»).

Спустя два-три дня зять посещал родителей жены в сопровождении одного или двух дружков. Теперь уже зять чувствовал себя вольней, мог без особых смущений принимать участие в беседе с родителями жены. Последующие поездки проходили свободно, без каких-либо церемоний, часто молодые прибывали вместе.

Супруги продолжали жить в нераздельном хозяйстве родителей на протяжении ряда лет, пока не обзаводились семьями младшие члены этого дома. Невестка не вмешивалась в управление хозяйственными делами, а большей частью являлась безгласной работницей. Такова вкратце карачаевская свадебная обрядность, отличавшаяся некоторым своеобразием и этнической спецификой, но в целом характерная общностью ритуала для соседних народов Северного Кавказа.

Брак был связан с запретами и избеганиями, с некоторыми из которых мы уже знакомы. После свадьбы между будущими супругами начиналось избегание. Невеста «скрывалась» не только от жениха, но и от его родственников, в свою очередь, жених делал то же. До этого момента существовало свободное общение молодежи: юноша мог видеть возлюбленную, разговаривать с ней, танцевать, шутить, обмениваться кольцами и т. д. Танцы, устраиваемые на девичьих вечеринках и свадьбах, составляли любимое развлечение молодых карачаевцев. На них танцевали мужчины. Женщина же имела право участвовать в таких танцах лишь до тех пор, пока она не вышла замуж. По замечанию Г. Ф. Чурсина, замужняя женщина «лишается права участвовать в общественных увеселениях»¹. Ей разрешалось лишь смотреть на танцующих и хлопать в ладоши или же играть на гармонике. Точно так же, на вечерах время от времени танцы сменялись играми и песнями. В них участвовали исключительно незамуж-

¹ Г. Чурсин. Обычай и предрассудки карачаевцев. — «Кавказ», 1902, № 24.

ние девушки. На этих увеселительных сходках девушки и парни относились друг к другу совершенно свободно.

После возвращения в дом мужа молодая говорила шепотом, чтобы никто не слышал из старших. Если нужно было что-нибудь сказать кому-либо из старших в семье (за исключением свекрови), то она передавала через младших членов семьи или своих детей. Считалось неприличным молодым супругам обращаться друг к другу по имени в присутствии третьего лица, особенно старших. Иногда невестка придумывала для своего мужа особое прозвище, которым порой звали отца и дети.

Если у молодой спрашивали имя ее мужа, то она обычно указывала на одноименного с ее мужем. Всех других людей, носящих такие же имена, как свекор, свекровь, старший брат мужа, она также не называла, а заменяла словами «атабыз атлы», «анабыз атлы», «улла джаш атлы», т. е. «носящие имя нашего отца, матери, старшего сына».

Муж в семье и обществе не называл жену по имени, а обращался к ней по прозвищу. При разговоре с кем-либо о жене муж называл ее девичью фамилию или же прозвище атаула. Широко распространенный у кавказских народов, в том числе и у карачаевцев, обычай «ат джашыргъан» (скрывание имени) Г. Ф. Чурсин рассматривал как проявление магии имени¹.

При соблюдении тех или других норм запретов и избеганий важное значение для супругов имело умение ориентироваться в категориях свойственников, т. к., по замечанию В. Тепцова, «между брачующимися родами возникает свойство, равное по значению кровному родству»². У карачаевцев для обозначения системы свойства существует общетюркский термин — «къайын». К нему прибавляются обычно термины родства, показывающие те отношения, которые существовали бы между говорящим и человеком, к которому обращается, если бы это был не свойственник, а родственник. Например, ата — отец, къайын ата — отец мужа или отец жены; къайын — брат мужа или жены, къайын къыз — сестра мужа или жены и т. п.

Мужья родных сестер (свойки) друг друга называют «баджа», а жены двух родных братьев «апсын». При многоженстве, а также разведенные жены называли друг друга соперницей «кюндешле».

Система свойства и родства свидетельствует о господстве у далеких предков карачаевцев материнского рода, основанного на материнском праве. Карачаевцы считали родственников по линии матери наиболее близкими, чем по линии отца. Это нашло свое отражение в том, что роль дяди по матери во время свадьбы была особенно велика³.

Для женщины-горянки, стесненной целой системой запретов адатных и шариатских норм, в домашнем быту была характерна и относительная имущественная самостоятельность.

¹ Г. Ф. Чурсин. Магическое значение имени у кавказских народов. «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», № 4, Тифлис, 1928, стр. 21.

² В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 173.

³ Б. Миллер. В Карачае, стр. 396.

Независимость придавала горской женщине то обстоятельство, что муж часто и подолгу отсутствовал, а вся домашняя работа и забота лежала на жене, которая, естественно, должна была обладать известной свободой распоряжаться хозяйством.

С мнением женщины считались при расходах из семейной кассы, при разрешении семейных вопросов.

Высоко ставилась честь женщины и верность жены. Согласно обычаю, муж, убивший свою жену за измену, освобождался от платы за убийство. Так же было и в случае убийства любовника жены, если он заставал их на месте преступления.

Развод без достаточных оснований вызывал недовольство со стороны родственников жены. Мужчина получал право на развод в случае ее бездетности, супружеской неверности или неизлечимой болезни¹. Вообще разводы в Карачае были редкостью. По замечанию Н. Ф. Грабовского, правом развода пользовались редко, потому что все «невыгоды на стороне мужчины»². Муж после развода терял право на возвращение калыма, а женщина забирала свое личное имущество. Если жена уходила от мужа, то родные ее должны были калым вернуть, а детей оставить мужу. Даже при наличии веских причин редкая женщина отваживалась оставить мужа, так как это считалось большим позором, преступлением перед шарнатом.

Развод у крепостных крестьян зависел от воли владельца. Крепостной, в случае ссоры с женой, должен был обратиться к своему господину, который мог по своему усмотрению не только развести их, но и дать мужу другую жену. Точно так же он поступал с мужем, если с жалобой к нему обращалась жена.

При разводе достаточно было мужу в присутствии двух свидетелей и эфенди сказать три раза слово «талакъ»³, что в переводе с арабского означает «отпущение».

По традиции, карачаевцы стремились иметь как можно больше детей. В семейных общинах бывало несколько десятков детей, а у отдельных супружеских пар — до полутора десятка. По мере распада большесемейной организации коэффициент детности несколько снизился. В большинстве карачаевских семей имелось в среднем 7—8 детей, а в некоторых семьях число детей доходило до 12—13.

Один из путешественников начала XX в., побывавший в карачаевских кошах, не без удивления замечал, что в них «необычайно велико число детей. В каждой семье имеется целая шкала всех возрастов»⁴.

На бездетность смотрели как на большое несчастье, а семью считали скаредной. Бесплодие жены считалось уважительной причиной для развода и взятия в дом второй жены. Поэтому вся мысль бездетных женщин была направлена на то, чтобы изыскать средства

¹ Г. Ф. Чурсин. Обычай и предрассудки карачаевцев, — «Кавказ», 1902, № 24.

² Н. Ф. Грабовский. Указ. соч., стр. 19.

³ Ф. А. Леонтович. Адамы кавказских горцев, стр. 283.

⁴ М. Рикли. Через Клухорский перевал до Теберды. «Естествознание и география». М., 1915, № 1, стр. 70.

избавления от «позора» бесплодия. Бездетные женщины прибегали к различным магическим средствам, обращались к эфенди за амулетами. Иногда бездетная семья брала на воспитание сирот из числа родственников мужа или из какой-нибудь семьи с большим количеством детей.

В семье предпочиталось иметь сыновей (особенно первенца). Правда, в старинной свадебной здравнице «алгыш» призывается, чтобы невеста сначала родила «чесальщицу шерсти», а затем уже пастуха¹.

Первого ребенка карачаевка рожала в родительском доме. Родственники по матери (ана джуукъла) делали ребенку подарки скотом. Принимала ребенка у роженицы «опытная в этих делах женщина»². При этом, чтобы предохранить от сглаза, варили кукурузные зерна (джырна) и устраивали увеселительные танцы.

О рождении ребенка женщина-повитуха (аначы) сообщала мальчику, дежурившему у помещения, где происходили роды. Мальчик первым сообщал радостную весть свекрови и всем остальным членам семьи. Первому вестнику дарили ценные подарки (сюйюм-чю). Было принято снимать с головы отца новорожденного головной убор, который он выкупал, вознаградив вестника.

Отрезанную пуповину новорожденного перевязывали волосами матери. Затем ребенка купали в теплой воде с мылом, клали в таз кусочек железа, как средство, якобы предохраняющее ребенка от «сглаза». Высушенную пуповину зашивали в маленький мешочек и затем в день пеленания подвешивали у колыбели. Спустя месяц мешочек с пуповинной клали в шкафчик для хранения. После купания ребенка заворачивали в пеленки и клали у ног матери. Затем совершали целый ряд магических действий для сохранения жизни ребенка. Под голову ребенка клали железные предметы, чтобы «дьяволы не задушили и не похитили его».

Особое место занимал обряд передачи новорожденного в другую семью для кормления его грудью чужой женщины. Как правило, в качестве молочной матери выступала родственница из атаула.

На шестой-седьмой день после рождения ребенка устраивали торжество по случаю укладывания в люльку «бешик». К этому дню резали жертвенного барана (къурман мал) и готовили праздничный стол из лакомых блюд. Особенно радостным событием было рождение мальчика. В доме родителей устраивали ритуальное празднество с обильным угощением (ыстым той). На него приглашались соседи, родственники и знакомые. Приглашенные приходили с подарками для новорожденного (къол керек). Во время празднества устраивали игры-состязания «джау джиб» (масленная веревка), в которой разыгрывали «ореховый приз», «ореховую шапку» (къоз бёрк).

Церемония обряда укладывания ребенка в колыбель («бешикге салу») проходила торжественно. Мать пеленала ребенка в большой шелковый платок и передавала его свекрови. Свекровь или одна

¹ Антология карачаевской поэзии. Ставрополь, 1965, стр. 33.

² И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 62.

из «счастливых» соседских женщин купала ребенка, а затем пеленала и укладывала в люльку, выражая пожелания, «чтобы он вырос большим и сильным, здоровым и счастливым». Иногда из магических соображений, прежде чем положить ребенка в колыбель, в нее укладывали кошку или щенка, чтобы «обеспечить ребенку жизнь», у изголовья вешали амулеты — два, узелок с высушенной пуповиной, а под голову клали книгу, мальчику — нож, девочке — ножницы.

Участники торжества — пожилые женщины и старики — производили добрые пожелания «алгыш»; им раздавались мелкие подарки, приготовленные молодой матерью, а соседям и родственникам разослали «хоншулукъ» — пироги «бёрекле» с кусками мяса из «кърманлыка». Мать новорожденного обязана была приготовить свекрови и свёкру подарки «бешикге салгъанлыкъ ючюн» (за пеленание). Затем обменные подарки делались между родителями отца и матери.

Колыбель для первенца и все принадлежности к ней (бешик керек) должна была прислать мать роженицы. Устройство карачаевской люльки было аналогичным люльке соседних народов.

В колыбели ребенка клали на спину, вытягивая руки вдоль туловища, а между ног вставляли трубку из берцовой кости мелкого рогатого скота (сыппа); затем пеленали и несколько выше колен клали подушечку (тобукъ джастыкъ), чтобы ребенок не мог сгибать ноги, и с помощью лямки (бешик бау) пеленки притягивали к колыбели.

Обычно ко дню укладывания ребенка в колыбель приурочивалось и наречение имени новорожденному. Имя нарекал кто-либо из родственников или соседей, обычно первенца-девочку нарекала бабушка, а мальчика — дедушка новорожденного. Второго ребенка нарекал человек, первый вошедший в дом во время церемонии. Человек, который первым назвал имя мальчику, обязан был подарить лошадь («Ат атагъан ат бергенди»). В свою очередь, дававший ребенку имя получал ответные подарки.

При выборе имени ребенку рассчитывали «обеспечить желаемые качества». Мальчикам давали имена, выражающие мужество, силу, храбрость, а девочкам — обозначающие красоту, нежность. По словам Г. Ф. Чурсина, из магических воззрений «карачаевцы, как и другие народы, дают иногда ребенку имя человека счастливого, богатого, храброго, отличающегося долголетием и т. п.»¹. Согласно магическим представлениям, «имя неразрывно связано с существом или предметом, которому оно принадлежит»².

По тем же соображениям, в семьях, где часто умирали дети, старались дать ребенку такое имя, которое способствовало бы его долголетию. Для этого воспроизводили названия животных, птиц: «Аючюк» (медвежонок), «Кючюк» (щенок), «Берюшай» (от слова «берю» волк), «Бучар» (оленок), «Къаракъуш» (черный орел), «Къарабабуш» (черная утка) и т. д. Если в семье рождались подряд только одни девочки, а сына не было, то последней девочке давали имя «Болду» (хватит, достаточно) или Бурул (повернись), рассчитывая тем самым дожидаться мальчика. Мальчика нарекали именем Тохтар

¹ Г. Ф. Чурсин. Магическое значение имени у кавказских народов, стр. 21.

² Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии, стр. 110.

(остановиться смертности), дабы даровать ему жизнь. Наряду с официальным именем, мать или отец давали ребенку еще как бы «домашнее, обыденное» имя или прозвище «чам ат» (Шотту, Дядя, Тана, Гыджык, Баппа и т. п.)

Через месяц-два у ребенка, как выражались карачаевские женщины, «укреплялась шея» («сабий боюн къатдырады»). Тогда-то и приступали к обряду первой стрижки волос у новорожденного (итлик чачын алыу). Обряд этот сопровождался ритуальным угощением. Один из членов атаула, обладающий «нежной рукой», обычно дядя по линии матери, подстригал волосы у ребенка. По окончании стрижки через голову ребенка бросали сладости, а мать снимала надетую на ребенка после рождения рубашку («итлик кёлек»).

Появление первых зубов у ребенка отмечали приготовлением особого угощения «тиш джырна» (зубная каша). Обрядовая сторона заключалась в том, что свекровь брала горсть вареных кукурузных зерен и сыпала на голову ребенку. При этом она заключала: «Муну кибик къуюлуб чыкъсын тишлеринг!» (Пусть зубы твои вырастают так же дружно, как это). Затем каждому соседскому дому тийре преподносили чашку с обрядовыми зёрнами. Соседские хозяйки благословляли ребенка и, чтобы не возвращать чашку пустой, наполняли ее рисом, фасолью, ячменем и т. д. По мнению карачаевских женщин, проведение указанного обычая способствовало безболезненному появлению зубов у ребенка.

Торжества с приглашением гостей устраивали по случаю первого шага ребенка (ал атлам). Традиционным был также обычай отмечать годовщину со дня рождения ребенка. В этот день приглашались соседские женщины старшего поколения. На низенький столик (тепси) ставили мясные пироги и сладости (эт хычын), а вокруг столика клали, если это мальчик, — нож, топор, молоток, книгу, а если девочка, — куклу, зеркало, ножницы, наперсток, иголку с ниткой, книгу. Затем ребенка подводили к столику и следили: к какому из предметов в первую очередь он протянет руку. Верили, что это, якобы, предопределяет его будущие наклонности, профессию.

Мать первое время после рождения ребенка, внося колыбель в большую комнату (от юй), где находился кто-нибудь из старших членов семьи, делала вид, что не имеет отношения к ребенку. Все заботы предоставляла кому-либо другому, но сама не подходила к ребенку, если даже он плакал. Только после настоятельных просьб со стороны свекрови или других старших родственников, она выносила люльку в «отоу» и начинала кормить и нянчить ребенка.

До 7—8 месяцев ребенка кормили исключительно грудью, затем его начинали приучать к пище взрослых. Одновременно ребенок не переставал питаться молоком матери до второго-третьего года, а иногда и до 4—5 лет. Если у матери не было молока, то практиковали искусственное кормление или же вскармливали грудью родственницы — молочной матери (сют ана). После этого дети обеих семей считались молочными близнецами (сют къарнашла, сют эгечле).

По шарияту, карачаевцы, как и все мусульмане, прибегали к обряду обрезания (суннет). На церемонии обрезания присутствовали родители мальчика и близкая родня. У зажиточных в этот день

устраи́вали праздничны́й пир («сюннет той») с различными увеселениями (борьбой, скачками и т. д.).

Девочки и мальчики лет до 11 — 12 находились в селах, помогая матерям в уходе за посевами, за скотом, который оставался дома. С детства мальчиков приучали пасти телят, ездить верхом на лошадах и ухаживать за ними. Так, если в дом приезжал гость, то коня его отдавали на попечение сыну хозяина, который должен был выводить его, напоить и накормить. Лет с 12—13 мальчиков брали на коши без матерей, как работников, они приучались исполнять все виды мужских работ.

Девочки с малолетства приучались к разнообразным домашним работам, помогая матерям и старшим женщинам. От тяжелых работ девушек старались уберечь. Только в том случае, если в доме не было невесток, девушке приходилось помогать и в тяжелой работе. Очень ценились в девушке умение ткать, шить, вышивать золотом, изготавливать войлочные изделия. Даже девушки из самых знатных княжеских фамилий знали золотое шитье, а некоторые умели и ткать ковры.

Обыкновенно, к 14—15 годам девушка уже была готова к самостоятельному ведению хозяйства, знала горские обычаи и считалась невестой¹.

Нравственному воспитанию (намыс) отводилось большое место. Мальчики еще в раннем возрасте допускались в кунацкую и в «ныгыш», где постоянно слушали рассказы старших, прислушивались к песням, сказкам и преданиям. Старшее поколение воспитывало у молодежи чувство долга и патриотизма, ненависти к врагам, храбрость, самоотверженность и стойкость, честность и гордость, верность дружбе и долгу, скромность, уважение к старшим и женщине.

В девушках воспитывались знание и строгое соблюдение обычаев, скромность, сохранение чести, послушание и уважение к старшим.

Форма и характер воспитания ребенка определялись сословно-классовой принадлежностью семьи ребенка. У девушек и юношей из феодальной среды воспитывалось сознание своего превосходства над крестьянами. Мальчик из феодального сословия отдавался на воспитание в другую семью, обычно в семью узденя (аталычество).

Воспитатель обучал воспитанника владеть конем, оружием, знать обычаи и традиции. Воспитанием девочки занималась жена аталыка. Она должна была научить ее рукоделию, умению готовить пищу, обычаям, этикету.

Погребальные и поминальные обряды карачаевцев находились в тесной связи с их религиозными верованиями. В них сказались мусульманские, а отчасти и древнеязыческие верования.

Каждый вечер к тяжело больному собирались родственники и соседи. Если не было надежды на его выздоровление, то оставались при нем всю ночь, чтобы он не умер в одиночестве. Больному тактично предлагали выразить последнюю волю (ахыр сёз), а также сделать завещание (осият). При этом старались, чтобы завещание делалось в присутствии родственников.

¹ В. Я. Тепцов. Указ. соч., стр. 179.

К умирающему приглашали эфенди или другого человека, умеющего читать коран. Один из присутствующих протирал уста умирающего влажной тряпкой, а афенди нашепывал, чтобы отогнать болезнь от больного. При приближении смерти читали напутственную молитву (иман чакъырыу), а из комнаты удаляли женщин, чтобы они своими воплями не затянули наступление смерти.

Скончавшемуся закрывали глаза, подвязывали челюсти полотенцем, руки вытягивали вдоль тела, на живот клали железный предмет, обычно ножницы, а затем умершего покрывали белым покрывалом с головы до ног, тело переносили с кровати на кошму, устланную на полу. Услышав крики, собирались ближайшие соседи и родственники.

Для оповещения сельчан и родственников, живущих далеко, рассылались печальные вестники (ёлюм келечи). Они обходили кварталы села и возвещали о смерти односельчанина. «Горевестники» отправлялись в путь на лошадях. Обычно они спешно подходили к «ныгышу», где, как правило, сидело много народу. Не слезая с лошади и не приветствуя собравшихся, они объявляли печальную весть: «ол дунясы джарыкъ болсун, быллай адам аушду» (да будет светел тот мир его, такой-то скончался). Старики вставали со своих мест и высказывали свое соболезнование определенной фразой: «ол дунясы джарыкъ болсун» («да будет светел тот мир его»).

Оповещенные о смерти родственника или знакомого бросали свои дела и отправлялись выразить соболезнование семье покойного и принять участие в похоронах. Приближаясь к дому умершего, мужчины и женщины соседних и дальних кварталов села составляли отдельные партии «къаум». Войдя во двор покойника, мужчины становились впереди, а женщины сзади, один из них обращался к старикам с просьбой прочитать «дуа».

Во время произношения «фатихи» вновь прибывшие вместе с присутствующими молча стояли в молитвенной позе, а по прочтении «дуа» один из прибывших выражал общее сочувствие соболезнующей фразой «къайгы сёз».

В каждой группе женщин выделялись плакальщицы. Были среди них и общепризнанные, искусные причитальщицы «сарынчыла».

Особое место в похоронной обрядности занимали плакальщицы, которые для каждого случая импровизировали свои слова и мелодии, в которых обозревалась нелёгкая жизнь умершего. Очень трогательны были причитания дочери или сестры умершего. Слова — плачи «сарын» заставляли призадуматься присутствующих над печальной судьбой покойника и его осиротевшей семьи, низко склонить головы и проникнуться сочувствием к людскому горю. Смерть человека, прожившего долгую и благополучную жизнь, считали как бы «счастливым исходом» (насыбын табхан). Обычно одежду такого покойника разрывали на маленькие кусочки и раздавали многодетным матерям как залог того, что получивший частицу покрыва проживет такую же долгую и счастливую жизнь. Доисламские формы проявления горя, которые особенно прослеживались среди женщин, — громкий плач и причитания, царапание лица, разрывание одежды, имевшие место в быту многих народов Кавказа, — всячески осуждались исламом.

После окончания приготовления к погребению (омовение и облачение в саван, рытье могилы и заготовление досок) тело умершего заворачивали в кошму, бурку или же в ковер и выносили на специальных носилках (сал агъач). Перевозка на арбе или санях не одобрялась. Перед тем как предать земле, служитель культа выполнял обряд выкупа грехов покойного (деур). За проведение деура и чтение джаназы эфенди получал соответствующее вознаграждение.

Хоронили обычно в родовом (тукумном или атаульном) кладбище «къабырла». Наиболее зажиточные представители общества сооружали склепы «кешене» — семейные или же одиночные, полуподземные или же надземные. Исторически могила называется по-разному: наиболее ранние формы — шиякы, оба и кешене, и самый поздний тип — «къабыр». Тело человека, умершего на чужбине, родственники переносили в родное селение и хоронили на родовом кладбище. В некоторых селениях (в Б. Карачае — в Картджурте, Хурзуке, Н. Учкулане, в М. Карачае — в Джегуте, Маре, Теберде) имелись и общесельские кладбища. Характерно, что иногда тело женщины относили не на кладбище атаула или тукума по линии мужа, а на кладбище родственников её отца. Как исключение соблюдался обычай вскрытия могилы после похорон родственниками, чтобы посмотреть ещё раз на умершего и тем самым облегчить боль утраты.

Как и у многих соседних народов, у карачаевцев было принято хоронить в день смерти, до захода солнца. Задержка в похоронах бывала в исключительных случаях, в ожидании близких, отсутствовавших в этот момент. Похороны обычно переносились на второй день, если смерть наступала во второй половине дня.

В старину, как показывает археологический материал, в могилу (гроб-колоду) с покойником вместе клали его вещи, чем он занимался в своей жизни (огниво, нож, ножницы, украшения, младенцам — игральные альчики, незамужним — их нарядные одеяния). С принятием ислама захоронение с одеянием и предметами перестало бытовать, но обычай этот в пережиточной форме прослеживается в том, что эти предметы изображаются на могильных камнях. По своей форме доисламские погребальные сооружения восходят к памятникам раннего средневековья Карачаево-Черкесии.

Некоторые особенности были характерны для похорон утопленника. Чтобы отыскать в воде труп, толпою шли по берегу и один играл на свирели. Верили, что у того места, где лежал под водой утопленник, будто бы свирель переставала издавать звуки.

По обычаю, в семье усопшего в течение трех дней готовить пищу не полагалось. Поэтому родственники по атаулу и соседи обязаны были помочь своему сородичу кормить членов его семьи и гостей, прибывших выразить соболезнование.

Родственники и знакомые умершего, не успевшие по каким-либо причинам явиться в день погребения, посещали семью умершего и выражали соболезнование (къайгъы сѣз), а старики по утрам приходили к могиле и читали «иясын» (молитву).

На третий день после похорон близкие родственники стирали одежду и постель покойника, которые затем раздавались беднякам и тому, кто обмывал покойного (джуумдусун чачу). На шестой-седьмой, иногда на десятый день устраивали первые помин-

Надмогильный камень (сын таш).

ки, где и происходила раздача милостыни. Для этого «на оставшиеся от «деура» деньги покупали матерью и вместе с кусками мяса «схат аш» раздавали подворно».

Следующие поминки, называемые «кемик дуа», устраивались на 52 день, хотя носят наименование 40-го дня. Наконец, в годовщину смерти устраивались «годовые поминки» (джыл ашы). На этих поминках забивали несколько голов мелкого рогатого скота, пекли огромное количество пирогов, готовили множество блюд. Члены атаула и соседи принимали активное участие в расходах на поминках¹.

Существовал обычай в память умершего строить мосты, оросительные каналы, изгороди. Они носили имя покойного, в память

которого возведены. В честь покойного жертвовали в мечеть ковры и пр. Описанные выше религиозные ритуалы всячески поддерживались и регламентировались служителями культа, которые за оказанные «услуги» получали соответствующее вознаграждение со стороны родственников и близких умершего.

Траур у карачаевцев («къара кийиу») состоял в ношении черной одежды. Близкие родственники соблюдали строгий траур в течение от пятидесяти двух дней до года. Вдова в течение всего траурного времени не снимала с себя одежду, в которой она была в день похорон. Овдовевшие мужья обычно в день похорон опоясывались полотняным поясом (бел къысыу). На протяжении поминального периода лица, носящие траур, не показывались в обществе, где проводились увеселительные мероприятия. Мужчины не брили бороды и усов. Снятие траура происходило по разрешению старших родственников покойного.

Ликвидация старых обрядов и создание новой советской обрядности, как и вообще перестройка семейного быта, потребовали длительного времени.

В. И. Ленин указывал, что осуществление процесса перестройки семейного быта на практике потребует огромных усилий. «Равенство по закону не есть еще равенство в жизни»², — писал В. И. Ленин, указывая на пути перестройки семейного быта в целом ряде своих работ.

Проведение в жизнь законов, раскрепощающих женщину, были

¹ Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнологии Кавказа, стр. 183.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., стр. 158.

нелегкими: законы вступали в противоречие с патриархально-бытовыми традициями.

Поэтому на протяжении всего первого и второго десятилетий Советской власти важнейшим фактором в формировании новой семьи была борьба за раскрепощение женщины-горянки. Сразу же после образования Горской республики ее ЦИК подтвердил действие на территории ГАССР всех декретов и законов РСФСР о предоставлении женщине-горянке равных с мужчинами прав. Законами Горской республики были запрещены калым, многоженство, насильственная выдача замуж, умыкание девушек. Была введена гражданская регистрация брака.

Получение калыма и похищение женщины были квалифицированы как вредные пережитки старины, не соответствующие новым условиям жизни. Постановление ЦИК Горской АССР предусматривало для лиц, уплативших калым, штраф в размере его стоимости, а для лиц, получивших калым, — штраф в двойном размере. Кроме того, стороны осуждались к лишению свободы сроком до трех месяцев. Виновные в похищении девушек карались лишением свободы сроком на пять лет с конфискацией имущества. Возвращаясь к этим вопросам, президиум ЦИК от 17 августа 1923 года определил новые меры наказания правонарушителям. Срок лишения свободы за уплату и получение калыма был увеличен до 5 лет.

В 1924 г., а затем в 1928 г. УК РСФСР был дополнен рядом статей, в которых, в частности, предусматривались меры пресечения преступлений, обусловленных пережитками родового быта: похищение женщин и принуждение к вступлению в брак наказывалось лишением свободы до 2 лет; вступление в брак с несовершеннолетними — лишением свободы до 2 лет, а не достигшими половой зрелости — сроком до 8 лет, уплата и получение калыма — лишением свободы или принудительными работами сроком до 1 года и штрафом, многоженство — принудительными работами сроком до 1 года или денежным штрафом¹.

Средством борьбы со старыми вредными обычаями являлись не только уголовные меры, но и просветительная работа.

Значительную роль в работе по раскрепощению женщины-горянки сыграли отделы (секции) по работе среди женщин, созданные при партийных комитетах. Женотделы проводили массовые мероприятия — съезды, конференции, совещания, спектакли. Вокруг женотделов был создан актив, который с энтузиазмом проводил в жизнь мероприятия по ликвидации неравноправного положения женщин, по вовлечению горянок в общественную жизнь. Женщины постепенно стали являться на собрания, выступать на сходах и митингах, втягиваться в кооперативы и Советы. Так, например, кара-чаевка Эрши Кулчаева (с. Хурзук) в 1925 г. избирается членом ВЦИКа и делегатом краевого съезда Советов². В 1921 году в г. Кисловодске прошла 1-я окружная конференция горянок Карачая, а в

¹ «Горская жизнь», 1921, 21 декабря; «Собрание узаконений 1928 г.», № 47, стр. 357.

² «Горская жизнь», 1925, № 26.

следующем году в г. Владикавказе—первый краевой съезд горянок Северного Кавказа, где приняла участие и делегация из Карачая¹.

В 1924 году в Кисловодске была организована встреча группы карачаевок, собравшихся на свой окружной съезд, с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой². В 1925 году краевой съезд горянок в г. Пятигорске тепло приветствовал почетную гостью Клару Цеткин³.

В ноябре 1928 г. в Ростове состоялся II съезд горянок Северного Кавказа, которому предшествовали областные съезды горянок. На конференциях и съездах обсуждались вопросы раскрепощения горянки, вовлечения ее в производство, учебу, общественно-политическую жизнь. В них горянки учились выступать и говорить о нуждах и заботах женщин.

Нелегко было в эти годы сломить традиционную замкнутость женского быта. Например, на I-й краевой съезд горянок карачаевки приезжали в сопровождении своих мужей и братьев. «Каких трудов стоило уговорить горцев-мужчин отпустить их жен и дочерей в «чужой» город. Да и сами первые наши избранницы ехали боязливо и неохотно⁴, — замечал корреспондент краевого журанала.

В 1926 году при местных Советах национальных областей Северного Кавказа были созданы комиссии по улучшению труда и быта горянок (КУТБ). КУТБ совместно с женотделами проводили большую работу по улучшению экономического, правового и бытового положения женщин, осуществляя указания партии о политическом воспитании женщин, ликвидации неграмотности, привлекая их к участию в общественной и политической жизни.

Одной из важнейших форм работы среди женщин-горянок по привлечению их в социалистическое строительство являлись делегатские собрания, впервые созданные в Карачае в конце 1926 года. Уже в первый же год на выборных собраниях приняло участие 572 женщины, в том числе 121 карачаевка. Женщины-общественницы вовлекались в работу судов в качестве заседателей и общественных защитников. Так, если в 1924 г. в области было 27 женщин народных заседателей, из них 4 горянки, то в 1925 году число их увеличилось до 153, в том числе было 42 горянки. А в 1926 году народными заседателями в суды Карачаево-Черкесии было избрано 500 женщин, из них 125 карачаевок.

Уже в первые годы Советской власти в Карачае организуется широкая сеть специальных школ и курсов, в которых стали обучаться карачаевки. Усилиями отдельных учителей открываются школы для девочек.

В эти годы большой популярностью пользовались организованные при «уголках горянок» курсы кройки и шитья, кружки рукоделия, производственные артели и мастерские, которые вели большую политико-воспитательную и культурно-просветительную работу.

Начиная с 1927 года, в Карачае создаются «клубы горянок», ко-

¹ «Труженица Северного Кавказа», Р/Д., 1926, № 5, стр. 27.

² «Правда», 1967, 23 июня.

³ «Терек», 1926, № 182.

⁴ «Труженица Северного Кавказа», Р/Д., 1926, № 5, стр. 27.

торые способствуют дальнейшему развитию работы по ликвидации неграмотности, улучшению санитарного просвещения. В 1934 году клубы горянок влились в общую систему культурно-просветительских учреждений.

Массовым наступлением на старые обычаи явилась кампания «Пальто — горянке», которая вызвала рост общественно-политической активности горянок. Кампания укрепила авторитет Советской власти, подняла женскую активность¹.

В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин указывал на необходимость связывать призывы к ним «со страданиями, нуждами и желаниями трудящихся женщин»². Кампания «Пальто — горянке» как раз и явилась формой практического претворения в жизнь этой рекомендации В. И. Ленина.

Огромное значение в деле преобразования семейно-бытового уклада имела культурная революция, последовательно осуществлявшаяся в области: ликвидация неграмотности и развитие народного образования, здравоохранения, литературы и культурно-просветительских учреждений, создание кадров национальной интеллигенции. Раскрепощенная горянка стала активной участницей социалистического строительства.

Проводилась большая работа по вовлечению горянок в кооперативы, товарищества, промысловые артели. Создавались артели по производству сукна, войлоков, бурок и т. д. С развитием коллективизации организуются колхозные бригады женщин, горянок-колхозниц. В связи с вовлечением женщин в общественно-политическую жизнь в селениях Карачая открываются детские ясли и площадки.

С каждым годом росла политическая активность и сознательность карачаевских женщин, их численность в рядах комсомола и партии. Так, если в 1923 году в партийной организации Карачаево-Черкесии насчитывалось 34 женщины, то в 1926 году в рядах партийной организации одного Карачая состояло 40 женщин³. К десятилетию Советской власти из 553 коммунистов Карачая 94 были женщины⁴.

Заметно росла активность горянок в Советах. Например, к началу 1927 года на 304 женщин-горянок, избранных на общественную работу, 130 женщин являлись членами Советов. Эти мероприятия являлись как бы первыми шагами в деле освобождения женщины. «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной,—говорил В. И. Ленин,—нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина»⁵.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по индустриализации страны и коллективизации сельского хо-

¹ «Революция и горец», Р/Д, № 6, стр. 7.

² Сб. «О Ленине», Воспоминания зарубежных современников. М., 1966, стр. 67.

³ У. Алиев. Карачай, стр. 276.

⁴ И. Тамбиев. Карачай прежде и теперь, стр. 23.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 25.

зйства, а также культурная революция и социальные изменения дали возможность подорвать корни патриархального быта в семье.

В настоящее время около половины интеллигенции в области составляют женщины. Почти половина женщин области занята в народном хозяйстве. В 1974 году на 1000 женщин приходилось с высшим образованием — 28, незаконченным высшим — 9, со средним специальным — 54, с общим средним — 92, с неполным средним — 195 человек. Из общего числа лиц, работающих в системе народного образования, женщин — 66%, здравоохранения и социального обеспечения — 80%. 69 женщин посвятили себя научной работе¹.

Женщины принимают также активное участие в государственном управлении. Из общего числа процент женщин-депутатов в Верховных Советах СССР и РСФСР составляет 42, народными депутатами местных Советов избрано 1749 женщин.

Преобладающее большинство карачаевских семей состоит из двух поколений — супругов и их детей, которые сохраняют тесные связи с близкими родственниками. Наибольшее число семей включает в свой состав пять-шесть человек. В составе многих семей можно встретить родителей мужа или жены.

Современная карачаевская семья, проживающая в сельской местности, продолжает оставаться многодетной. Хотя средний размер сельской семьи составляет 5 — 6 человек, но нередки семьи, насчитывающие 8 — 10 детей и больше.

Материальная независимость супругов друг от друга создала основу для исчезновения имущественных соображений при заключении брака. Главное богатство теперь — образование и квалификация супругов. Поэтому теперь в большинстве случаев семьи создаются по взаимному согласию и влечению молодых людей. Совместная учеба юношей и девушек, совместная трудовая деятельность в различных отраслях народного хозяйства и культуры помогают им сблизиться и лучше узнать друг друга. Предрассудки сословных ограничений относятся к числу исчезающих пережитков. Еще в первые годы Советской власти была запрещена уплата калыма. В послевоенный период искоренились такие явления, как многоженство, обычай похищения несовершеннолетних для вступления в брак, изжили себя такие пережитки, как левират и сорорат.

Наиболее распространенной формой стал «тайный» увод девушки с ее согласия. Мнимое похищение невесты в настоящее время вызвано стремлением взаимно любящих избежать выполнения сложного церемониала и преодолеть возможное сопротивление родителей. В таких случаях родители невесты обычно соглашаются с свершившимся фактом и устанавливают с родителями жениха родственные отношения. Инсценированное «похищение» ничего общего не имеет с умыканием невесты. Что же касается умыкания, широко бытовавшего в прошлом среди горцев, оно ныне почти не встречается. Этот пережиток вредного обычая строго осуждается законом и общественностью.

¹ «Ленинское знамя». 1974, 11 октября.

Отпала необходимость переговоров о калыме, но в то же время сторона жениха под видом свадебных расходов вручает родителям невесты определенную сумму денег (сёз таусхан ачха). Эти деньги — от 300 до 1000 рублей, как видим из названия, никто не считает платой за девушку, калымом в старом понимании. Но вместе с тем этот факт свидетельствует о том, что пережиток калыма окончательно не изжит.

К числу продолжающих бытовать пережитков вредных обычаев карачаевцев следует отнести «берне» — подарки невесты родне жениха и ответное одаривание родственников невесты.

Работа по разъяснению вредной сущности берне началась с некоторым опозданием, но сейчас проводится достаточно широко, потому что обычай берне, противоречащий социалистической морали, по инерции продолжает удерживаться в остальных слоях населения.

За годы советского строительства полностью изжила себя практика выдачи замуж малолетних. У девушек, по сравнению с 1939 годом, увеличилось число браков в возрасте 25 — 29 лет (с 14 проц. до 40,9 проц.), а браков в возрасте 20—24 лет — несколько снизилось (с 42,1 проц. до 24,9 проц.). Соответственно уменьшилось число браков в возрасте до 20 лет (с 33,9 до 11,4 проц.). Наблюдается также повышение среднего брачного возраста мужчин. Если в 1939 году в возрасте 20 — 24 года вступило в брак 29 проц. юношей, то в 1967 году — 5,5 проц., зато в возрасте 25 — 29 лет — на 42 проц.¹

Произошли изменения и в возрастной разнице между супругами. В настоящее время наиболее распространенным возрастом вступающих в брак юношей является возраст от 25 до 35 лет, а девушек — от 22 до 28 лет. Встречаются иногда супружеские пары, у которых муж старше жены на 12—13 лет.

В общении молодежи сказывается влияние экономической и социальной среды. Для этнически однородной сельской молодежи характерна большая сдержанность в проявлении чувств. Открытое ухаживание не практикуется. Правила приличия требуют, чтобы девушка одна не оставалась среди парней, а была бы с подругой. По традиции, этикет ухаживания не позволяет проявления нежности при родных и знакомых, в общественных местах.

В связи с ростом грамотности широкое распространение получило эпистолярное объяснение в любви. Даже в том случае, когда молодые люди живут и работают в одном селе или учатся вместе, они чаще всего прибегают к письмам. По-прежнему немаловажную роль в общении жениха и невесты играет посредник. В некоторых случаях молодые люди в знак согласия на брак обмениваются фотокарточками, кольцами и т. д.

В городах чаще всего браки заключаются между людьми одной социальной среды, равного культурного уровня. В сельских местностях, где доминируют такие факторы, как проживание в одном селе, работа в одном хозяйстве или учреждении, можно увидеть представителей разных социально-профессиональных слоев и групп населения.

¹ «СЭ», 1973, № 1, стр. 126.

До революции предпочитались браки между карачаевцами или единоверцами. В настоящее время межнациональные браки стали встречаться чаще.

В городе языком общения в межнациональной семье служит русский язык. В сельской местности жена, поселяясь у мужа, усваивает язык и культурно-бытовые навыки карачаевцев. Что касается русских и украинских женщин, то они, войдя в сельскую семью, овладевают местной речью, но в быту устанавливается двуязычие. Дети одинаково хорошо владеют языками отца и матери.

Как и в прошлом, главой семьи считается старший мужчина. Но теперь главенство мужа зачастую носит формальный характер, за которым скрывается фактическое равноправие супругов во всех сферах семейной жизни. Традиционный этикет предписывает уважительное обращение к старым людям, и вообще младшие должны проявлять уважение к старшим, жена — к мужу и его старшей родне, и наоборот. Поэтому в тех семьях, которые возглавляют молодые люди, еще значительно влияние стариков на решение семейных дел.

В отличие от прошлого, имущество, доходы семьи находятся в распоряжении как мужа, так и жены. Зарботная плата всех членов семьи находится у жены, которая регулирует расходование семейного бюджета. Хозяйственные и семейные дела супруги решают совместно, а если дети взрослые, то советуются и с ними.

Супруги свободно общаются между собой, едят за общим столом, называют друг друга по имени. Остатки избегания между ними наблюдаются в тех семьях, в состав которых входят старики-родители. За редким исключением не соблюдаются обычаи избегания и во взаимоотношениях между родителями и детьми даже при старших родственниках.

Наблюдается отход от традиционного межполового разделения труда. Мужья помогают женам делать покупки и присматривать за детьми, доставлять воду и топливо, обрабатывать огород и ухаживать за домашним скотом. Это особенно наглядно проявляется у молодых супругов, живущих отдельно от родителей.

Расторжения браков в карачаевских семьях случаются редко. Если расторжение брака стало фактом, то после решения суда происходит дележ имущества разведенных: у жены остается приданое, а имущество, которое супруги приобрели за время совместной жизни, делят по числу человек. Дети в большинстве случаев остаются с матерью.

Рождение ребенка (мальчика или девочки) воспринимается как большая радость. Непосредственная забота о детях — дело матери, старшей женщины, живущей в семье. Немалую часть заботы о ребенке берет на себя общество.

Сохраняется традиционная обрядность ухода за новорожденным. Люльку со всеми ее принадлежностями дарят молодой матери родители мужа или жены, в доме которых проводится указанный обряд, традиционную колыбель начинают заменять обычной детской коляской или кроваткой, которые приобретаются родителями жены.

Входит в быт новый общественный обряд — торжественная гражданская регистрация ребенка в сельских Советах или клубах. Так,

например, в 1972 году из 6366 новорожденных в области 3494 детям были выданы свидетельства в торжественной обстановке¹.

Как и прежде, детей сызмальства начинают приучать к домашним работам и постепенно втягивают в хозяйственный быт. Дети помогают родителям в уходе за младшими братьями и сестрами, ходят в магазины за покупками, оказывают посильную помощь в работе на приусадебном участке. Подростки во время школьных каникул работают в ученических производственных бригадах колхозов и совхозов.

Сохраняется такая народная традиция, как воспитание в детях почтительности к старшим, скромности и обходительности в общественных местах. Все взрослые односельчане считают своим долгом наблюдать за поведением детей и давать им наставления по правилам этики.

Брак в настоящее время заключается преимущественно по традиционному обряду. Но в силу того что большинство браков сейчас заключается по взаимной договоренности молодых людей, то некоторые моменты часто носят формальный характер, иногда и вовсе исчезают. В большинстве случаев сватов направляют после того, как парень уже сам договаривается с девушкой и получает на брак ее согласие. Обычно еще до прихода сватов родители девушки знают о мнении своей дочери, о ее решении.

Церемониал переезда невесты в дом жениха несколько упростился. В дом жениха невесту привозят на легковой машине, украшенной цветными флагами. В таких же машинах едут и сопровождающие. Все большее распространение получает свадьба по новому обряду (джангы адет бла), являющаяся развитием комсомольской, студенческой свадьбы, в которой молодые из дома невесты едут в отдел ЗАГСа, а затем направляются в дом жениха.

Однако в большинстве случаев новобрачные и родственники невесты на свадьбе не участвуют. Невеста находится в углу брачного помещения (отоу), а жених пребывает в доме своего помощника-друга (болуш юй).

В большинстве случаев свадьбу приурочивают к концу хозяйственных работ, т. е. к осени или зимнему периоду. Свадебный пир делится на две части: дневной — для пожилых людей и вечерний — для людей средних лет. Кроме родственников, на семейные торжества приглашаются лица из коллективов жениха и невесты, а также соседи по месту жительства и сельский актив. Друзья молодой пары привозят коллективные памятные подарки.

Современная свадьба вызывает большие затраты у семей брачующихся и их родственников. Свадебное торжество длится 3—4 дня. Во время свадьбы происходят традиционные танцы и игры. Угощение на свадьбе стало намного богаче и разнообразнее, хотя готовят и национальные блюда — хычын, халуа, бёрек, боза, но большое место среди угощений занимают фрукты, кондитерские изделия, холодные закуски из овощей и консервы, а также интернациональные блюда — соус, пельмени, плов, голубцы и т. д.

Если раньше невестка приходила к родителям через несколько

¹ Из истории Карачаево-Черкесии, труды КЧНИИ, вып. VII, Черкесск, стр. 174.

месяцев после свадьбы, то теперь она в большинстве случаев возвращается в родительский дом через 5 — 10 дней. Отправляя невестку в отчий дом, родители новобрачного посылают дары ее родителям. Раньше невестка уезжала в сопровождении кого-либо из близких родственников, теперь же нередко с нею вместе отправляется новобрачный и его родители. Одновременно сократился срок пребывания невестки в родительском доме. Обычно через месяц ее родители отправляют свою дочь обратно в дом мужа.

Через непродолжительное время после свадьбы родители выделяют молодую супружескую пару в самостоятельную хозяйственную ячейку. Часто выделение молодой семьи происходит без всяких процедур, вскоре после свадьбы молодая семья поселяется в квартире мужа, который работает в городе, в соседней совхозной или колхозной усадьбе.

В сельской местности после заключения брака некоторые молодые семьи еще не отделяются от родителей. Эта традиция диктуется целым рядом факторов: прочностью родственных связей, незначительной степенью урбанизации, зависит от состава и возраста семьи, рода занятий и т. д. Однако совместное проживание отнюдь не означает зависимости молодых от старшего поколения, как это было в прошлом. Современная молодежь отличается значительной экономической и моральной самостоятельностью.

Многие традиционные обряды, связанные с рождением и уходом за новорожденным, изменились, а некоторые исчезли. По традиции, основные семейные торжества посвящаются наречению ребенка и укладыванию его в люльку, дню первой стрижки волос, дню появления первого зуба и дню первого шага. Все эти события отмечаются без какой-либо религиозно-магической подоплеки. В незначительной степени новое коснулось и такого консервативного обряда, как похороны. В связи с входом в быт гражданских обрядов, в похоронной процессии принимают участие дети и женщины. Тело умершего в городе все еще увозят для погребения в селение. Это обстоятельство породило как бы двойной погребальный ритуал: в городе происходит гражданская панихида, во время которой выступают представители партийных и советских органов, товарищи и друзья покойного, и хоронят в селении.

Как и в прошлом, похороны очень многолюдны. В них участвуют не только родственники и односельчане, но и жители всех селений области, родственники и знакомые. Стойко сохраняется традиция предавать тело усопшего земле в день смерти. В некоторых селениях для возвратившихся с похорон устраивают в доме умершего поминальную трапезу. Традиционная форма поминок сохраняется, но приобретает в современных условиях новое содержание: поминают добрым словом не только личные качества умершего, но и заслуги его в общественной жизни. Как правило, поминальные трапезы скромные. Случаи чрезмерного обилия поминального стола, имеющие иногда место, не встречают одобрения среди населения и общественности, как противоречащие народной этике, как неуместное стремление показать свой достаток и исключительность.

Перестройка семьи и семейного быта — это сложный и длитель-

ный процесс. Тем не менее в Карачаево-Черкесии за годы Советской власти достигнуты заметные успехи в ликвидации устаревших норм.

Но всё ещё встречаются пережитки брачных запретов по мотивам былой сословно-классовой принадлежности и национального различия. Есть и факты религиозного оформления брака. Крайне негативные стороны имеет удорожание свадебных и похоронных церемоний, а также сохранение обычая обмена подарками между родителями вступающих в брак.

Продолжающие сохраняться консервативные, отжившие свой век обычаи старины—отголоски феодально-родового быта—находятся в непримиримом противоречии с нашей советской действительностью, но они не могут изменить общей картины участия женщин-горянок в трудовой и общественной жизни. Нет такой отрасли хозяйства, науки и культуры, общественно-политической жизни, где бы советские женщины не вкладывали бы свою долю труда в общее дело коммунистического строительства.

Советская семья в Карачае основывается на полном равноправии ее членов, на взаимном уважении и любви, что стало возможным только в результате великих преобразований социалистического строительства. «Советская власть, первая и единственная в мире, уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права, в области отношений к детям»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 40, стр. 157.

ГЛАВА VI

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДРАССУДКИ И БОРЬБА С НИМИ

Распространение ислама в Карачае относится к XVIII в., и основным его источником были Турция и Крым. В Карачае ислам выступил как религия господствующего класса и лишь постепенно и не без трудностей распространялся в среде трудового народа.

К началу XIX в. ислам завоевал довольно широкие позиции, т. к. в Карачае не было института жрецов и антимусульманские настроения были стихийными, неорганизованными. С другой стороны, мусульманское духовенство оказалось достаточно гибким: «освятило» и использовало многие обычаи и обряды, сложившиеся в домусульманский период.

К концу XIX в. почти каждый квартал имел свою мечеть. Муллы избирались на собрании квартала и там же смещались, что происходило довольно часто. Вплоть до начала XX в. среди эфенди встречались дагестанцы, турки, казанские татары.

Эфенди совершал неких — договор, закрепляющий брачные отношения, а также скреплял различные сделки, выступал в роли нотариуса. В ведении мусульманского духовенства находился ряд судебных дел, решавшихся согласно мусульманскому праву — шариату. Все это укрепляло влияние эфенди в народной среде и заставляло население считаться с ними. В руках мусульманского духовенства в значительной степени находилось и обучение детей.

Ислам с его идеологией приносил немалый вред. Однако влияние ислама в Карачае было слабее, чем у других народов Северного Кавказа. Наряду с исламом, сохранились пережитки языческих религиозных верований. Мусульманское духовенство вело энергичную борьбу с некоторыми из них (почитание деревьев, камней), другие же ассимилировало, придавая старому обычаю новую религиозную окраску. Например, вплоть до XX в. существовало несколько вариантов обряда вызывания дождя. Для того чтобы во время засухи вызвать дождь, наряжали в лоскутки лягушку или ящерицу и бросали их в реку; наряжали в тряпки осла, расчесывали ему гриву, давали глядеться в зеркало, а затем водили по всем дворам селения и хозяева обливали водой его и друг друга.

Наряду с этим существовал обряд, при котором собирали триста камушков, над каждым читали молитву, а затем бросали их в реку. В данном случае магический обряд получал «мусульманское освящение», и в случае, если дождь приходил, то это приписывали не бросанию камней, а молитвам. И, наконец, во время засухи устраивали коллективное моление на берегу реки во главе с эфенди. Оно не включало в себя магических приемов и редко сопровождалось жертвованиями.

В настоящее время очень трудно восстановить цельную картину домусульманских верований карачаевцев. Эти верования были довольно сложными и носили на себе остатки многих эпох, а также отражали различные компоненты в этногенезе народа.

Несмотря на то, что именно на территории Карачая существовала аланская епархия, а также на постоянные связи с христианской Грузией, а позднее Россией, в верованиях карачаевцев слабо прослеживается влияние христианства, хотя сведения о том, что оно было, имеются¹. Так, например, некоторые языческие святые приобрели христианскую оболочку: «Элия» (св. Илья), «Никкол» (св. Николай), «Байрым» (св. Мария), «Гюрге» (св. Георгий).

Главным божеством карачаевцев, подателем всяческого добра считался Тейри. Именно в этой роли он выступает в народных песнях и преданиях. Тейри явно связан с верховным божеством древних тюрков — богом неба Тенгри², упоминаемым еще в рунических текстах VII—VIII вв. Слово Тенгри в этих текстах означало и «небо» и «бог». «Высшее божество — небо в древних тюркских текстах характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека»³.

Связь Тейри с небом и солнцем очень ясно выступает и в празднике летнего солнцестояния, который назывался «ночь открытия дверей Тейри». В пантеоне соседних народов представление об этом боге не зафиксировано. Поэтому исследователям Карачая (Г. Ф. Чурсин, Л. И. Лавров) культ Тейри позволил прийти к выводу о большом значении тюрков в этногенезе карачаевцев⁴.

Все решающие моменты скотоводческого цикла — случка, окот, перегон стад на летние или зимние пастбища, стрижка овец, отбор барашков на холощение — сопровождалась обязательными жертвоприношениями (кърманлыкъ), носившими соответствующее по поводу жертвоприношения название, например, при случке кьочхар кьошхан кърманлыкъ — жертва случки баранов и т. п. Во время жертвоприношений обращались с молитвой к богу (аллаху, тейри). В жертву обычно приносили барана, и резал его старший по возрасту или особо почитаемый человек. Мясо приготавливали и съедали на месте, соблюдая установленный порядок в раздаче частей.

¹ А. И. Караева. Очерки истории карачаевской литературы, стр. 25.

² Л. И. Лавров. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев. МНС, стр. 64—65.

³ И. В. Стеблева. К реконструкции древне-тюркской религиозно-мифологической системы. «Тюркологический сборник», М., 1972, стр. 214.

⁴ Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения Кавказских тюрков. Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926, стр. 74; Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию. — «СЭ», 1939, № 2, стр. 178.

Важнейшие хозяйственные моменты сопровождалась также рядом обрядов, имевших магический характер. Во время случки пекли круглый пирог с начинкой из мяса или сыра, «къочхар хычын» и треугольные пирожки «бёрек». Один из них клали на живот какой-либо приметной овцы и давали ей его съесть. Во время окота овец пекли особенно толстые лепешки «чтобы было густое стадо». Первого родившегося барашка резали в качестве жертвы (тёлю баш). Интересно, что жертвоприношениями отмечали и количественные показатели выполненной работы или роста хозяйства — тысячного барана, сотую копну сена и т. п. При переходе стада на зимние или летние пастбища также приносили жертву.

У карачаевцев довольно ясно прослеживались представления об особых духах — хозяевах мест. Их называли джер иеси — хозяин земли. Жили они в земле и при жертвоприношении землю поливали кровью жертвы, а иногда также мясным бульоном (шорпа) или клали на землю кусочек мяса. При перегоне стад с одного пастбища на другое надо было принести «джер иеси» жертву. Если не сделать этого или если кто-нибудь ругал его, джер иеси «напускал» болезнь. Тогда надо было резать барана и просить об излечении, а затем приносить еще благодарственную жертву.

Г. Ф. Чурсин связывает представление о хозяине места с культом земли вообще и считает пережитком анимизма¹.

В представлениях карачаевцев существовало и божество воды — суу анасы (мать воды), которой приносили дары при первом переходе через реку.

Итак, в доисламских верованиях карачаевцев много древнетюркских черт, причем, особенно много их в представлениях и обрядах, связанных со скотоводством.

Впервые Г. Ф. Чурсин приводит указание о представлении карачаевцев о злом существе «обур». Карачаевские обуры — это ведьмы, оборотни, которые вредят людям, собираются на шабаш, едят там человеческое мясо, могут превращаться в животных, натирая тело особой мазью или песком.

У карачаевцев широко бытовало также представление о злом духе алмасты, который был характерен для народов Северного Кавказа. Специфически кавказские черты имеет вера в покровителя диких животных Апсаты, которого представляли в образе козла или оленя. К нему обращались охотники, прося разрешения убить кого-либо из его стада. Это божество характерно и для других народов Центрального и Западного Кавказа: адыгов, абхазцев, осетин, сванов.

В карачаевских песнях упоминается также дочь Апсаты, носящая имя Фатимы. Считалось, что она обладала той же властью, что и сам Апсаты².

Во время совершения обряда у «священных» камней «Чоппаны ташы» его участники кружились вокруг камня с возгласами «элли-

¹ Г. Ф. Чурсин. Культ земли у кавказских народов. «Бюллетень Кавказского историко-археологического института», № 6, Тифлис, 1929, стр. 18, 19.

² Г. Ф. Чурсин. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков, стр. 74.

ри чоппа». Вокруг камня Чоппаны таши не только водили хороводы, но и пролезали между камнями и просили дождя. Жертвенного козленка называли «козленком Чоппа» (Чоппаны улагъы) и носили вокруг камня. Видимо, эти божества связаны с культом молнии и грома. В наименовании Эли, Элия ясно чувствуется христианский Илья. При первом весеннем громе в народе существовал обычай зажигать костры и прыгать через них.

В сказке «Аймуш» в образе «золоторогого барана» появляется божество Аймуш, сопоставимое с адыгским покровителем овец — Емишь.

Еще сложнее вопрос о религиозных воззрениях и обрядах, связанных с земледелием. Х. О. Лайпанов на основании фольклорных материалов называет бога молотьбы Эрирей¹. Однако столь узкое ограничение кажется странным. И. М. Шаманов считает Эрирея богом хлебов². Существование божества «широкого земледельческого профиля» более понятно. И. М. Шаманов рассказывает о празднике завершения хозяйственного года, отмечавшегося весной, указывая, что юноши и девушки ходили по дворам с песней «гюппе», не переводя и не объясняя этого термина. Он же приводит сведения о «закапывании в борозду» девушки, что, несомненно, являлось магическим средством повышения плодородия земли и имеет аналогии у других народов. При этом девушка произносит «гугук» (кукушка)³. Аграрный дух «Горий», сопоставимый с осетинским «Галагон», является божеством ветра.

Карачаевцы рассказывают также и о том, что в лесах жили лесные люди — агъач киши с топором, вросшим в грудь, лезвием вперед. Они враждебны людям и могут убить человека, прижав к груди. Представление об агъач киши известно и другим кавказским народам.

У карачаевцев существовало почитание священных деревьев и камней. Большим почитанием вплоть до начала XX в. пользовалась сосна, росшая на поляне между селениями Хурзук и Уччулан. Ее называли Джангыз терек, т. е. единственное, одинокое дерево. Неприкосновенность Джангыз терек считалась непреложной. Даже ветки или шишки сорвать не разрешалось. Это могло вызвать не только кару по отношению к виновнику, но и грозу, град, наводнение. К Джангыз терек ходили бездетные женщины с просьбой о ребенке, а девушки просили жениха. Девушка должна была идти к дереву со старшей женщиной, непременно первородной (тюнгюч), и нести с собой пироги. Обходили вокруг дерева три раза, съедали пирог, а остатки клали под дерево.

Н. С. Иваненко отмечал, что мусульманское духовенство пытается бороться с представлением о святости этого дерева. Недалеко от Чотчаевского квартала росло дерево, почитаемое этой фамилией. Родоначальник ее женился на кабардинке и вез ее домой. Их со-

¹ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., стр. 31 — 32.

² И. М. Шаманов. Народный календарь, стр. 113—114.

³ И. М. Шаманов. Земледелие и земледельческий быт карачаевцев, стр. 17.

проводил старик. Во время отдыха под этим деревом стали есть мясо и хозяин взял себе лопатку, которая по обычаю полагалась старшему. Жена сделала ему замечание, и он отдал лопатку старику. Старик съел мясо, а лопатку повесил на дерево. Жена впоследствии родила 6 сыновей и 2 дочерей, — это считалось большим счастьем. Тогда Чотчаевы срубили дерево, разделили на куски и хранили дома на счастье.

Имелись камни (Байрам таш), почитаемые отдельными родами — Биджиевыми, Байрамкуловыми и др. Существовал также почитаемый всеми камень «Къарачайны къадау таши», кусочки от которого брали с собой, уезжая в дальнюю дорогу, «чтобы вернуться обратно», клали под постройку, хранили в сундуках и т. п.

Жертвоприношения и другие обряды совершали старшие в роде, семье или производственном объединении (джыйын, къош негерлик и т. п.). Так было в доисламском Карачае, то же самое сохранилось и позднее.

Как обычно бывает при смене религии, бывшие покровители, добрые духи объявляются нечистой силой, злыми духами. В Карачае этот процесс особенно заметен в связи с домовым, которого представляли женщиной — юй иеси (хозяйкой дома). В прошлом она считалась покровительницей семьи. Жила она в доме или в кладовой при доме, в крытом дворе. Для нее оставляли пищу на столбе у очага — от баши, а в крытом дворе на беджене. Оставляли ей долю по праздникам, а иногда и каждый день. Юй иеси давала знать о своем присутствии шумом, стуком, ворчанием. Считалось, что шумом она предупреждает о несчастье. С этим же существом связано название «Байчи» — злой дух, причиняющий вред во время сна. «Юй иеси» могла приносить зло, если о ней забывали и оставляли без пищи. Если ребенок, в отсутствие родителей, умер в колыбели, считали, что юй иеси задушила его в отместку за какое-то неуважение к себе со стороны родителей. Если вся семья уезжала на кош, надо было оставить для юй иеси еду, а то она будет плакать и жаловаться.

В рассказах юй иеси выступает еще под именем чачлы (волосатый), амма (бабушка), тюкбаш (тюк — шерсть, баш — голова). Последний персонаж — мужчина. Разнообразие наименований юй иеси очень велико.

В роли покровителя семьи выступала также шугут джылан — змея, жившая в доме, во дворе или в хлеву и приносившая хозяину счастье и богатство. Ее нельзя было убивать. По преданиям, при переезде в другой дом шугут джылан следовала за своими хозяевами.

Духи-покровители под влиянием ислама стали врагами людей — шайтанами. Рассказов о шайтанах великое множество. Все непонятное, странное, неясно видимое считалось шайтаном.

Однако многие из древних представлений стали источником дохода для служителей ислама. Это связано с представлением о так называемом хыйны — порче. Людей, которые могли наводить порчу, называли хыйнычи. Они же, считалось, могли и отводить порчу. Для того чтобы сделать хыйны, надо было достать пучок волос или кусочек одежды того человека, на которого хотели напустить бо-

лезнь, и держать у себя или бросить в воду. Брала также кусочек материи, собачьи и человечесьи волосы и бросали в айран. Человек, выпивший такой айран, будто бы заболел. Одной из самых частых целей порчи было лишение молодого супруга мужской силы. С этой целью брали нитки семи цветов и волос жениха, завязывали узлом и клали под супружескую постель. В другом случае брали новый замок, пачкали его кровью барашка, которого резали при приводе невесты, и запирали замок. Хыйны носило также характер приворачивания любимого. Наводить и снимать порчу мог также и эфенди. Написанную им на бумаге молитву складывали, зашивали в тряпочку или вкладывали в специальный металлический футлярчик — так получался оберег, который называли дууа. Такие амулеты за соответствующую мзду делали эфенди, они предназначались для защиты от сглаза и обеспечения здоровья скоту и людям. Эфенди привозили из Мекки кусочки ткани, которые будто бы спасали от ударов молнии. Из хаджа привозили также четки, чаши для «святой» воды, тканые коврики — намазлыки. Чаще всего их раздавали в качестве подарка, но получивший считал себя обязанным сделать в свою очередь ценный подарок.

От дурного глаза можно было уберечься и без помощи эфенди. На то, что хотели сберечь, навязывали красную тряпочку, которая называлась «кёз тийген» (глаз ударит). В заборах огородов выставляли конские черепа.

Отсутствие у карачаевцев развитого жреческого аппарата облегчило исламу завоевание некоторых позиций и способствовало стиранию доисламских языческих верований.

Верования, связанные с доисламским периодом, в настоящее время изжиты почти полностью, хотя в отдельных случаях можно встретить «лечение» больных посредством оберегов, услышать о «дурном глазе», «порче» и т. д.

Значительный вред представляют собой попытки толкования религиозных обычаев как элементов национальной культуры. «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных отношений»¹.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Практика жизни скотовода способствовала сложению определенных познаний в области анатомии и физиологии, что существенно помогало лечению различных травм, переломов, вывихов. Недаром и специалистов называли «сюек уста» (знаток костей) или «джарагъа уста» (знаток раны). Лечение вывихов и переломов, применявшееся по отношению к животным и людям, было рациональным, так как обеспечивало неподвижность поврежденной кости. При наличии вывиха или смещения поломанной кости прежде всего ее приводили в

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, стр. 122.

нормальное положение, применяя вытягивание, вправление, массаж. Затем накладывали дощечки — лубки и бинтовали тряпкой, намоченной в очень соленой воде. Для получения твердой повязки использовали также бинт, смазанный тестом или сильно намыленный. В некоторых случаях поврежденную конечность обкладывали свежеснятой кожей барана. Она ссыхалась и превращалась в твердую повязку. Если на месте вывиха образовывалась опухоль, варили из ячменной муки сильно посоленную кашу, в теплом виде намазывали на тряпку, сверху клали масло и на сутки прикладывали на опухоль. После этого делали теплую ванну, массировали и завязывали.

Лекарственные средства, применявшиеся народными лекарями (уста) или ветеринарами (мал уста), были в основном растительного или животного происхождения. Так, в состав мази (балхам), которую прикладывали к открытым ранам, входило топленое масло, яичный желток, сосновая смола, мед, пчелиный воск, иногда тесто из белой пшеничной муки. Для лечения открытых ран использовали также кашу из муки с маслом (тылы балхам), створоженное кипяченое молоко (ингирчек). Прикладывали к ране и к нарывам лист подорожника (ит тили чапрак) или свеклы (чюгюндюр чапрак). Если рана загноилась и в ней завелись черви, ее прочищали деревянной палочкой, а края смазывали сосновой смолой. Наиболее сильным средством считался сок растения кюндюш (чемерица). Его капали туда, где завелись черви, и они погибали. Были известны лечебные свойства чеснока. При заболевании легких скотине вливали в рот молоко или айран с толченым чесноком или поили вареной баландой из соленой воды или молока с чесноком. Чеснок считался лечебным средством и для человека.

При многих заболеваниях людей и скота прибегали к кровопусканию «кьартыкь». Для этого пользовались специальным маленьким топориком (кьан ургъуч). Его наставляли на вену и слегка ударяли по обушке. У скота пускали кровь и кончиком ножа. Чтобы не сделать рану слишком глубокой, нож почти до конца обматывали тряпкой. При стягивании мышц и суставов применяли опиум (лапиан).

Главным бедствием для скотовода были постоянные эпизоотии. Силегей — ящур пытались лечить, заставляя скот нюхать горящую серу, вырезали и прижигали язвы. Животные погибали также от сибирской язвы (талакь ауруу), оспы (чечек) и в особенности страшным бичом была чума крупного рогатого скота (саламелик). Понимая, что эти болезни заразны, многие хозяева пытались изолировать заболевший скот, меняли пастбища, но это помогало мало. И только установление в конце XIX в. карантинного контроля на дорогах в Закавказье и ветеринарной службы значительно снизило эпизоотии.

Карачаевцам, как многим народам Кавказа, были известны способы прививки оспы овцам¹. Информатор Х. А. Каитов из Учкелена добавляет еще один способ: внесение жидкости из гнойников больной овцы при помощи ножичка под лопатку здоровым овцам. Иногда делали прививки и людям.

Наряду с приемами народной медицины и ветеринарии, в той

¹ И. М. Шаманов. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев, стр. 82.

или иной мере рациональных, бытовали магические способы. Для «защиты» скота от болезней и глаза на рога или шею животного привязывали красную тряпочку (для отвода глаз) или амулеты (дуа) — молитвы, написанные муллою. Как и у многих соседних народов, при заболевании ягнят «красной болезнью» (къзыл ауруу) в земле рыли тоннель и прогоняли через него ягнят. Если заболел скотник, то его царапали сушеной лапой дикой кошки.

Магические приемы и различные суеверия приносили большой вред здоровью. Так, кровь останавливали жженой шерстью, паутиной, глиной, занося в раны инфекцию. Желтуху лечили мочой. На ночь ее выносили на улицу «под звезды» и утром давали пить натошак. От золотухи, рожистого воспаления лечили при помощи «бийче тюкюрюк», т. е. слюны княгини (так называют и саму болезнь — рожу). Заболевших приводили к женщине из княжеской семьи, та брала кусочек сосновой смолы, жевала ее натошак и слюной мазала больное место. «Лекарство» — слюну, за которое ее вознаграждали подарком, а иногда и деньгами, давали и с собой.

У ряда народов Кавказа оспа считалась милостью божества. Нельзя горевать, если в доме больной оспой, а то божество обидится, надо его встречать весельем. У карачаевцев в доме, где был больной оспой, пекли в золе девять круглых шариков или пирожков с сыром (дымбылчыкъ), обмывали их водой и этой водой мазали оспины. Это продолжалось в течение двух недель. Все вещи больного раздавали соседям.

Во многих случаях при заболевании прибегали к помощи эфенди (муллы). Тот писал по-арабски дуа — амулеты и давал их носить или смывал чернила в воде и давал пить эту воду. Г. Ф. Чурсин указывает также: «чтобы излечить человека от болезни, режут барана и на одной из его лопаток его же бараньей кровью пишут соответствующие стихи из корана. Потом эта лопатка в качестве жертвы божеству зарывается в землю, а мясо и шкура поступают в пользу лекаря»¹.

Эфенди считались специалистами по лечению душевных заболеваний. Они изготовляли дуа или брали воду из девяти родников, клали туда сажу от очага (къурум) и давали пить. В последнем случае, видимо, эфенди применяли еще домусульманское магическое средство. Наконец, в наиболее сложных случаях, они занимались «изгнанием злого духа» путем заклинаний, а иногда и физического воздействия. У карачаевцев существовало представление, что болезни приносит къара джинн, т. е. черный, злой дух. В особенности это относилось к душевным заболеваниям. Считалось также, что больная женщина могла находиться в интимных отношениях с «къара джином».

Весьма архаичен также обряд «ауругъанны сакълагъан», имевший место у постели раненого или страдавшего переломом кости. Раненому в течение нескольких суток не давали спать, чтобы он не попал в бредовое состояние «бастырыкъланган». В доме собирались мужчины и женщины, пели и танцевали, играли в разные игры, в которых участвовал и ряженный — акъсакъал. Значительную роль в

¹ Г. Чурсин. Этнографические заметки о Карачае.

этих забавах играли переодевание и шутки, связанные с отношением мужчин и женщин. Мужчину наряжали девушкой, он стоял среди девушек, и его приглашали танцевать. Наряжали в женскую одежду бревно, закрывали с головой платком и посылали парней к невесте и т. п.

Народные прогнозы погоды можно разделить на долгосрочные и краткосрочные. Первые складывались обычно в виде примет-поговорок: осень надо спрашивать у весны, весну у осени. Если осень хорошая, весна будет тоже хорошая. Если лето очень жаркое — зима лютая. Если в начале мая дожди — лето будет дождливое, и наоборот, если осенью снег спускается до границы леса, осень будет долгая и теплая; если перед зимой каждое утро в ущельях ложится туман, зима будет мягкая, хорошая для скота.

Краткосрочные прогнозы имели обычно местное значение. В каждом селении указывали, что если на такой-то горе появится туча — значит, пойдет дождь. Если на Эльбрусе туча, на Бичесыне и в Большом Карачае будет дождь. Солнце всходит в тумане — к дождю. Утренний легкий туман по низу ущелий — к хорошей погоде. Если месяц при рождении стоит вертикально — погода будет хорошая, горизонтально или наклонно — к дождю.

Значительное количество наблюдений связано с поведением животных. Овцы и коровы к холоду очень много едят, пасутся в одном месте. Перед дождем скот много бегают. Если в ясный день овцы начинают встряхиваться, то на другой день похолодает. Зимой, если коровы начинают кашлять, погода изменится к худшему. Осел к плохой погоде прядет ушами. Пчелы перед пасмурным днем или дождем из улья не вылетают и к себе не подпускают и т. д.

Для определения времени ночью служили звезды и луна, а днем — солнце. Звезды лучше всех знали табунщики, так как лошадей пасли и ночью. Звезды указывали и направление на юг, обязательное при совершении намаза. Лучше всего знали Полярную звезду Темиркызакь. Страны света определяли по положению Большой медведицы (Джетегейли). Перед рассветом появлялась Венера — Чолпан. Это название распространено у многих тюркских народов и означает Пастушья звезда. Созвездие Плеяды называют древнетюркским именем Илкер и т. д.

Наибольшую роль в определении времени (как и погоды) играло все же солнце. Замечали, на какую гору, на какой уровень падают лучи солнца в полдень, утром, на закате, как они движутся в течение дня. Основное внимание обращали на вершины гор и особенно, где это было возможно, следили за освещенностью Эльбруса. Определяли время и по длине тени.

Находясь в доме, следили за тем, куда падал луч света через трубу каминна, иногда делали нарезки на пороге дома или на поперечине в камине сын джыр агъач, служившей для подвешивания очажной цепи. Таким образом, состояние неба и звезд, особенности солнечного освещения в горах, поведение животных — все служило источником определения времени.

Одним из важнейших разделов народных знаний является календарь, построенный также на основе хозяйственной деятельности, в соотношении с наблюдениями за природой. В течение исторической

жизни того или иного народа происходит смена календарных систем, это имело место и у карачаевцев. Будучи мусульманами, они, казалось бы, должны были руководствоваться мусульманским летоисчислением и лунным календарем. Однако последние не получили у карачаевцев широкого распространения и ограничились сферой религиозной. Такой календарь «Орузлама» имел эфенди (мулла), и к нему обращались в случае необходимости выяснить время наступления какого-либо праздника или поста. Мусульманский календарь был практически неудобен в хозяйственном и бытовом отношении.

У карачаевцев, балкарцев, а также некоторых народов Северного Кавказа существовал счет лет по двенадцатилетнему животному циклу. Но на практике счет годов по животному циклу давно утратил значение.

Во 2-й половине XIX в. распространяется юлианский календарь, что является естественным в условиях включения карачаевцев в общую экономическую жизнь России. Названия месяцев стали звучать по-русски, а у дней недели остались карачаевские названия. Однако в памяти народа даже до сих пор сохранились древние названия месяцев, тесно связанные с хозяйственным циклом.

У карачаевцев названия некоторых месяцев сохраняют следы древнехристианских представлений (Башил ай, Луккол ай, Тотур ай). В целом названия месяцев отражают наблюдения за природой и этапы сельскохозяйственных работ¹.

Карачаевцы знали дни зимнего и летнего солнцестояния — «кюн къайтыу». От зимнего солнцестояния отсчитывали 25 дней, после чего начинался зимний чилле — самое холодное время года, продолжавшееся 40 дней (начиная с 17 января). После него наступали 9 дней неустойчивой погоды — «балдраджюз». Карачаевская пословица говорит: «Анда бол да, мында бол, балдраджюзде юйде бол» (Там будь, здесь будь, а в балдраджюз дома будь). Называют также следующие короткие периоды: «гурт» (когда появляются букашки), «джут» (когда сена уже нет, а весенняя трава ещё не подросла), «къут» (когда трава зеленеет и скот наедается). Затем наступает настоящая весна — «джаз», а с нею и смена года — «джыл аушхан». После летнего чилле (самое жаркое время) наступает уллу кюз (время большого сенокоса), затем гитче кюз (время малого сенокоса). Они приходятся на август, затем начинается къач — осень. Сезоны очень различны по длительности и поэтому точнее, чем месяцы, отражают связь хозяйства и природы. Видимо, поэтому их лучше помнят, чем старые названия месяцев. Знатоки народного календаря известны под именем «джыл къайтарыучула».

Таким образом, в XIX в. в быту карачаевцев существовало несколько систем календарей. В этом отразились различные культурно-исторические влияния и этапы исторического развития народа. Некоторые из этих систем уже забывались, другие, наоборот, не успели укрепиться. При этом и годы и месяцы в этих календарях не совпадали.

Возможно, именно поэтому при указании времени своего рождения карачаевцы раньше не пользовались календарными датами.

¹ Особенно явно выступает христианское влияние в наименованиях дней недели. См.: И. М. Ш а м а н о в. Народный календарь, стр. 110 — 111.

Раньше старики соотносили время своего рождения или рождения своих детей чаще всего с крупными событиями в жизни народа (эпидемия чумы, голодный год, присоединение к России, освобождение крестьян, русско-японская война, первая мировая война и т. п.). Эти события сопоставлялись с этапами своей жизни. Например, «когда крестьян освобождали, я уже на кош ездил» (5—6 лет), или «я уже года три, как косил» (косят с 17—18 лет), или «я уже полным косарем был» (молодой неопытный косец назывался джарым чалкычи — полкосаря) и т. п. Трудовое совершеннолетие считалось рубежом жизни и соотносилось с общеизвестными событиями.

Народная метрология карачаевцев не была предметом специального изучения. Вместе с тем, в ней есть черты своеобразия. Как у большинства народов, в основе мер длины лежат размеры частей человеческого тела. При измерении небольшого участка земли могли употреблять шаги (атлам). Размахом рук (кьулач) мерили бревна, длину дома, скирды сена, дрова. Существовал также термин джарым кьулач, т. е. половина размаха рук. В плотничьем деле кьулач впоследствии уступил место аршину, а затем метру. Но ряд более мелких мер, связанных с человеческим телом, оказался очень устойчивым, и они живут даже в настоящее время при раскрое тканей, особенно при шитье традиционных форм одежды. Карачаевцы называли подобные меры «женскими», так как они более всего применялись в женских работах. К ним относятся: «кьары» — локоть — длина от локтевого сустава до конца среднего вытянутого пальца, «кьарыш» — четверть (от конца большого пальца до конца мизинца при растянутых пальцах); «сюем» — ширина кисти рук, «эли» — указательного.

Для измерения построек и участков земли применялись ремни различной длины. «Манс» — ремень, длиной примерно 9—10 м, служивший для увязывания сена или дров на арбе. Им измеряли землю — покос, зимнее пастбище. Использовали также «чынды» — ремень в длину кожи буйвола или быка.

Прежде чем пользоваться каждым из них, определяли их длину количеством кьулач. Но джиб обычно считался условной единицей измерения. Если, например, длину в двадцать джибов надо было поделить на четырех человек, то каждому приходилось по пять джибов, вне зависимости от абсолютной длины ремня. Позднее джиб или чинды были заменены «ёлче таякъ» — измерительной палкой длиной в сажень. Пашни или орошаемые сенокосы измеряли палкой, веревкой или ремнем, считая на сажени. Пахотные участки, кроме того, мерили также по количеству семян, необходимых для посева. Говорили, например, у него сабан на пять мерок или биченлик в одну копну сена. Но количеством собранного зерна, а также затратой времени на обработку (день пахоты) не пользовались для определения размера участка, как это имело место у некоторых народов.

Мерой «кьычырым» (расстояние, на котором можно услышать крик) измеряли длину дороги и большие расстояния.

При определении времени на поездку куда-либо учитывали средства передвижения: на лошади два дня, пешком — четыре.

Жидкости и сыпучие тела измеряли различной посудой (ведрами, чашками, мешками, котлами, бочками).

Мерой объема сыпучих тел было «темирли» (буквально железный), деревянное с железным обручем или железное ведро-мерка (мерке). Для измерения объемов пользовались также деревянными чашками: «чара ичи» — большого размера, «гопан» и «чёмюч» — поменьше, «битир аякъ» — еще меньше. Но они могли быть различными по размеру и поэтому служили только для установления пропорций при разделе или при обмене одного товара на другой. Самой маленькой мерой была «оймакъ ичи» (содержимое в наперстке).

В качестве мер веса употребляли русский фунт. Бытовало также наименование «гюренке»¹, равное фунту. Взвешивали обычно при помощи деревянного или железного безмена. Пружинный безмен «къантар» появился в XX в. Бродячие торговцы иногда делали самодельные весы на коромысле с чашками из дерева (агъач базман), гири служили заранее вывешенные камни. Шерсть одного барана давала меру шерсти — джюн. Меры веса и объема в целом были мало дифференцированы, а терминология в основном заимствована.

Карачаевцы сохранили общетюркскую систему наименования домашних животных в зависимости от их возраста и пола, отличающуюся устойчивостью и богатством терминологии.

Надо отметить изумительную наблюдательность скотоводов-карачаевцев, знавших «в лицо» большое количество скота. Это касается не только лошадей, обладавших, если можно так выразиться, индивидуальностью: масть, экстерьер, особые приметы, походка и т. п., и крупного рогатого скота, но даже овец. Необычайной точностью и богатством определения мастей, статей, повадок и возраста домашних животных отличается карачаевский язык.

Удивительны способности некоторых карачаевцев точно определять количество особей в пасущейся группе скота, иногда весьма значительной. Обычно овец и коз пересчитывали при выходе из загородки (юзгере). При этом считали парами до ста, а затем начинали новую сотню. Итог держали в памяти или отмечали зарубками на чабанской палке или специальной бирке «кертик ёлче».

Счет у карачаевцев десятичный, но сохранились следы и счета двадцатками, например, вместо «джетмиш» — семьдесят могли сказать и «юч джыйырма бла он», т. е. три по двадцать и десять и т. п.

Характерно название для отдачи денег «в рост» (къозлау ачха), то есть «рождение денег». Это указывает на аналогию процентов с приплодом².

Суть дела заключается в следующем: если человек брал в долг корову, то, по обычаю, через год он должен был вернуть корову с теленком и дополнительно за удой два барана и барашка. Если он пользовался коровой два года, то должен был возвратить корову, телку и теленка и сверх того соответствующее число баранов и барашков за удои. Считалось, что ежегодно корова должна давать приплод и при этом всегда телушкой. Таким образом, через

¹ Этот термин — местный вариант грузинского названия фунта гирванка (из персидского). У осетин он произносился джиранка. В разных вариантах распространен у всех народов Северного Кавказа и, видимо, занесен из Грузии. См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 519.

² Н. Петрусевиц. Заметка о карачаевских аятах, стр. 45—52.

несколько лет взявший одну корову возвращал чуть ли не целое стадо. Соответственно с этим велся расчет и при займе денег у ростовщиков. В денежном выражении корова приравнивалась к 10 рублям (тюмен), телка — 4 рублям. По этому расчету взявший в долг 100 рублей должен был через год вернуть 140 рублей, т. е. почти 50% годовых. По этому же принципу исчислялись долги и за мерку зерна для посева и пр. В соответствии с этим существовали термины «ачха тюмен» (денежный червонец) и «мал тюмен» (десяток голов скота).

Первоначальной мерой стоимости на Кавказе был скот, а позднее также и рабы. Термин «мал тюмен» постепенно уходил из сферы обращения денег, но сохранился в деятельности скотоводов. В условиях нехватки сена в горах необходим был точный расчет его потребности на голову скота, для того чтобы заблаговременно продумать, сколько скота оставить на зимовку. Количество сена исчислялось потребностью для одной коровы. Интересно, что в наименовании этой единицы «кормовой коровы» или «фуражной», как мы сказали бы теперь, присутствует воспоминание о расчетах при отдаче скота в долг. Ее называют «борч инек» (буквально — долговая корова). Корм для этой единицы — «мал тюмен» приравнивался к количеству сена, необходимого для прокорма тёлки, волов, овец и т. д., а также к определению нормы труда косаря, уравнительному расчету в кошевых товариществах¹.

Таким образом, многовековой опыт скотоводческого хозяйства и связанного с ним общения с природой лежит в основе многих отраслей народных знаний карачаевцев (метеорологии, народной медицины и ветеринарии, народного календаря, метрологии, хозяйственных расчетов и т. п.). Именно поэтому некоторые из накопленных опытным путем знаний выдержали испытание временем и могут находить рациональное применение до сих пор.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И НАУКА

До революции только немногие отдавали сыновей в духовные школы — медресе, получившие распространение с конца XVIII века. Учеба в них сводилась к умению читать коран, в большинстве случаев не понимая смысла прочитанного. Девочек в медресе не учили. Лишь немногие из них овладевали у соседнего эфенди начальным курсом арабской грамоты, т. к. мусульманская религия и адатные нормы не допускали к обучению женщин². За учебу родители платили мулле деньгами или скотом, обычно в виде подарка, в конце учебного года или в конце всего обучения. Методы обучения были суровы, мальчиков наказывали за малейшие провинности.

Большим новшеством в воспитании карачаевских детей было открытие в сёлах русских школ. Первая светская школа была открыта в 1878 году в Учкулане, а в следующем году — в Теберде. Все постройки, связанные со школами, и само содержание школ и учителей производились из общественных средств. Учкуланская школа была одновременно и интернатом для учеников из других селений.

¹ И. М. Ш а м а н о в. Скотоводство..., стр. 93.

² «Мусульманин», Париж, 1911, № 24, стр. 980.

Открывая горские школы, царская администрация преследовала прежде всего политические цели. Школы готовили главным образом чиновников для местной администрации: старост, писарей, стражников. Программы и учебники не учитывали специфики обучения детей горцев.

Основными предметами в начальной школе были: закон божий (мусульманский), русский язык (чтение с объяснением), чистописание, начальная арифметика, понятие о земле и краткий очерк географии России.

Так как дети приходили в школу, не зная русского языка, обучение их начиналось с ознакомления с окружающими предметами. Со второго полугодия начинали учить устную русскую речь, а со второго года — чтение русских текстов и письмо¹.

В первые годы работы горских школ число учеников в них было невелико. Население отнеслось к школам настороженно. Муллы пугали родителей, что их сыновей после школы заберут в солдаты, заставят креститься и т. д. Поэтому первый состав учеников был набран буквально принудительно, по раскладке общественного схода.

Но недоверие к школам длилось недолго. Как писал один из первых русских учителей в Карачае М. Алейников: «Года через два-три окончательно рассеялись ложные наветы фанатического духовенства. И народ уже с охотой начал приводить своих детей в училища». Число учащихся в Учкулане быстро росло. В конце 70-х годов XIX в. их было 20—30 человек, в 80-е годы — 90, а к началу XX в. — 166². Причем, число родителей, которые желали отдать детей в школу, уже значительно превосходило количество мест в школе, поэтому приходилось ограничивать прием. Для каждого села было определено число мест в школе: из Учкулана, Карт-Джурты и Хурзука могли ежегодно посылать в школу по 15 детей, из Маринского и Джегутинского сел — по 3, из Дуута и Джазлыка — по 2 и из Сентинского — 5.

При таком ограниченном приеме в школу попадали в первую очередь дети сельской верхушки и особенно администрации. Коваленский писал в 1894 г., что при посылке детей в школу «сила князей, влияния и т. п. имеют решающее значение. А вывод отсюда далеко не утешителен, следовательно, бедняки, серый народ, на свои гроши дают средства обучаться сынкам состоятельных горцев»³.

При такой обстановке, когда «желающих дать первоначальное образование насчитывается очень много, так что спрос в этом случае значительно превышает предложение»⁴, встал вопрос об открытии новых школ. В 1895 г. были открыты школы в Карт-Джурте и Хурзуке, затем в Маре и Джегуте, но и после этого, по словам автора статьи о народном образовании, в Карачае «школы переполнены учащимися»⁵.

¹ М. Алейников. Горские училища Баталпашинского отдела, — «КОВ», 1901, № 4, 7.

² ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. хр. 103, л. 14.

³ ГАКК. Рапорт правителя канцелярии надворного советника Коваленского, стр. 32.

⁴ Там же.

⁵ КОВ, 1898, № 259.

К 1896 году в этих школах обучалось: в Учкуланской — 166 учеников, в Тебердинской — 54, в Карт-Джуртской — 72, в Хурзукской — 66, в Маринской — 50¹, а всего — 408 учеников, а в 1901 году школу посещало 457 мальчиков².

Некоторые мальчики, окончив одноклассное училище в родном селе, переходили во второй класс Учкуланского. Кроме того, при Учкуланском училище было открыто ремесленное отделение, в котором опытные мастера столярного и плотницкого дела учили мальчиков делать столы и табуретки, деревянные кровати, диваны и пр.

По примеру Учкулана открытия ремесленного отделения стали добиваться и другие школы. Тяга к учебе среди горцев была чрезвычайно большой. Согласно переписи 1897 года, в Карачае, за исключением с. Хурзук, Джегута и Мара, насчитывалось 535 грамотных, в том числе 97 женщин³.

Школы были рассадниками культуры. Они прививали жителям гигиенические навыки, расширяли их кругозор. Велика была и политическая роль передовых учителей, которые рассказывали горским крестьянам о борьбе трудящихся России, читали им вслух произведения известных русских писателей и общественных деятелей.

Даже в хозяйственную жизнь селений школы вносили новшества. При школах создавались культурные сады, открывались первые питомники и пасеки. Первое время саженцы для пришкольных садов привозили из северной части отдела, где их покупали в немецких колониях. Но привезенные деревца не всегда приживались в более суровом климате Карачая. Тогда учителя стали сами выводить более неприхотливые сорта плодовых деревьев. Потом такими саженцами снабжали население.

Первые учителя были приезжими, главным образом, русскими. Много лет проработали в карачаевских школах М. Алейников, Л. А. Гриневич, В. А. Витковский, П. Никитин, В. А. Басон и другие. В. А. Витковский был как раз тем учителем, который создал в Карачае образцовый садовый питомник при школе, учил детей уходу за деревьями⁴. Заведующий Карт-Джуртским училищем Н. И. Кириченко занимался изучением карачаевского языка, сбором фольклора. Он впервые применил для записи карачаевских слов русский алфавит и рекомендовал карачаевцам составить азбуку на своем языке и не увлекаться заимствованиями из арабского языка. Им же был составлен первый русско-карачаевский словарь⁵.

В конце XIX — начале XX века появились первые учителя-карачаевцы: Ильяс Байрамуков, Хызыр и Саид Халиловы, Тохтар Биджиев, Иммолат Хубиев, Наны Токов и другие. Они несли в села прогрессивные идеи своего времени. В начале XX в., будучи студентом Петербургского университета, Саид Халилов принимал участие в студенческом революционном движении. Вернувшись в Теберду, Саид стал учительствовать. С огромным трудом, преодолевая

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 5, ед. 103, л. 14.

² ГАКК, ф. 457, оп. 2, д. 1229, л. 105.

³ Население Кубанской области по данным вторых экземпляров переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907, стр. 355—367.

⁴ Н. Е. Талицкий. Очерки Карачая, стр. 37.

⁵ Рукопись не опубликована.

сопротивление духовенства и косность взглядов части населения, он добился открытия в Теберде женской школы. В 1906 году школа для девочек была открыта в с. Каменномоетском и в Большом Карачае.

Несмотря на самоотверженную работу передовых учителей, образование оставалось доступным только небольшой части горских детей. Особенно сложно было карачаевским юношам получить среднее образование. Наиболее близким Карачаю средним учебным заведением была Ставропольская гимназия. Открыта она была в 1837 году, но первые ученики из горцев появились в ней только в 1849 г. Для них был открыт при гимназии специальный пансион для «благородных» горцев.

Но и эти вакансии не могли удовлетворить всех желающих учить своих детей. Уполномоченные карачаевского народа в 1905 г. писали заместителю Кавказа И. И. Воронцову-Дашкову, что одними из самых «неотложных нужд населения» являются нужды в начальных и средних школах. Они просили пересмотреть программу начальных училищ, чтобы выпускники их имели возможность поступать в средние учебные заведения¹.

Но просьба горцев так и не была удовлетворена.

В начале XX века была открыта мужская прогимназия, а затем и мужская, и женская гимназии в ст. Баталпашинской. К началу первой мировой войны в них обучалось более пятидесяти детей горцев Карачая и Черкесии и среди них одна девочка.

Очень сложным для детей крестьян было поступление в специальные учебные заведения. Карачаевцы могли посылать в Кубанскую учительскую семинарию не более двух человек в год. Кроме того, по решению сельских обществ Баталпашинского отдела для обучения горцев отводились еще две вакансии, которые содержались за их счет.

Также ничтожно было число мест в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе, между тем нужда в фельдшерах из своей среды, понимающих не только язык, но и обычаи народа, была очень велика. Поэтому карачаевское общество после долгих ходатайств добилось разрешения учить двух юношей.

Трудно было добиться поступления и в Майкопское промышленное училище, которое давало средне-техническое образование. Еще труднее было поступить в высшие учебные заведения. Выпускник Ставропольской гимназии Ислам Дудов поступил в Петербургский институт путей сообщения, а из той же гимназии Саид Халилов учился в Петербургском университете и т. д.

Как только установилась в Карачае Советская власть, началась перестройка системы народного просвещения. В основу ее были положены ленинские требования о демократизации школы, о полном отдалении ее от церкви, об обучении детей на родном языке, о необходимости женского образования.

Вместо горских школ, имевших более сокращенную программу, теперь создавались единые для всей страны трудовые школы двух ступеней для совместного обучения мальчиков и девочек. Кроме того, создавались подготовительные классы для изучения русского

¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ед. хр. 1590, л. 5.

языка. Партийным, советским и первым комсомольским организациям пришлось проделать большую работу по вовлечению девочек в школу.

Но и мальчики далеко не все были охвачены обучением в начале 20-х годов. В 1922 году в школу ходило 15,7% детей школьного возраста Карачаево-Черкесской автономной области.

Результатом войн и голодных лет был рост смертности, а поэтому и рост числа сирот. Для обездоленных детей на территории бывшего Сентинского монастыря была открыта колония, куда «стали стекаться голые, босые и голодные сироты и сиротки — горянки Карачая», — писала газета в 1925 г.¹

Для населения Карачая особенно большое значение имел изданный Советским государством в 1919 г. Декрет о ликвидации неграмотности. Борьбу с неграмотностью вели не только учителя, но все грамотные люди, в том числе и ученики старших классов.

Борьба с неграмотностью в Карачае оставалась очень важным вопросом. По данным переписи населения 1920 г., грамотных было только 6,7% населения. Первая краевая конференция по ликвидации неграмотности, созванная в г. Ростове в 1923 году, призвала широко развернуть работу по организации ликпунктов и школ малограмотных. Уже к следующему году в Карачаево-Черкессии было создано 69 ликпунктов, охвативших учебой более полутора тысяч человек.

Формы ликвидации неграмотности были разносторонни. Это были и ликбезы, и кружки, и индивидуальные занятия с неграмотными на дому. Особенно сложно было привлечь в ликбезы многодетных женщин. Энтузиасты, обычно из числа комсомольцев, вели с ними по вечерам занятия дома. Многие юноши и девушки, научившись грамоте, горячо брались за обучение других.

Размах школьного строительства требовал большого количества учителей. Имевшиеся педагогические курсы не в состоянии были обеспечить все школы учителями. Особенно не хватало учителей, владеющих карачаевским языком. Поэтому при педагогических курсах было открыто специальное отделение для подготовки учителей из коренных национальностей.

Особенно недоставало учителей с высшим образованием. Часть учителей имела только начальное образование. Поэтому уже в 1925 году из Карачаево-Черкесской области было послано в высшие учебные заведения разных городов страны 125 человек, из них 16 горянок². Число их с каждым годом росло. В 1933 году в Микоян-Шахаре был открыт педрабфак, сыгравший большую роль в подготовке молодежи для поступления в педвузы. В 1938 г. в Микоян-Шахаре было открыто первое высшее учебное заведение — учительский институт. В 1940 г. он был преобразован в педагогический.

К концу второй пятилетки в Карачае было 96 школ, из них 44 начальных, 42 неполных средних и 10 средних, в них обучалось около 42,5 тыс. учащихся. Число работавших в школах учителей превысило тысячу, причем половина из них была из коренного населения.

¹ «Горская жизнь», 1925, 25 октября.

² Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 2, стр. 112.

Большую помощь в подготовке учителей из коренного населения в подготовке учебников для школ и составлении школьных программ в эти годы оказали русские педагоги А. Д. Жарихин, П. Е. Агринский и другие.

К началу Великой Отечественной войны неграмотность в Карачае была ликвидирована. Обучение велось не только в общеобразовательных школах, но и в специализированных учебных заведениях и курсах, которые готовили кадры для промышленности и сельского хозяйства. Не только мужчины, но и девушки осваивали специальности трактористок и механизаторов. Зооветеринарный техникум готовил специалистов по уходу и лечению скота. Сельскохозяйственные курсы готовили бригадиров, учетчиков, счетоводов. В Микоян-Шахаре был открыт медицинский техникум.

Временная оккупация территории Карачая немецко-фашистскими войсками нанесла огромный урон народному образованию. Враги превратили школьные здания в казармы и конюшни, сжигали книги и растаскивали оборудование школ.

В январе 1943 г. область была освобождена от фашистской оккупации, а уже к марту того же года 83 школы из существовавших до войны 105 школ Карачая открыли свои двери для школьников. Учащимся была оказана помощь в приобретении одежды и обуви. Восстановлены были закрытые в период оккупации педагогический институт, педагогическое училище и другие учебные заведения.

В период пребывания в Средней Азии карачаевские дети учились в школах Казахской, Киргизской и Узбекской ССР. Многие карачаевцы окончили высшие учебные заведения в городах Алма-Ата, Фрунзе, Ташкент, Самарканд, Семипалатинск, Караганда, Чимкент и др.

После восстановления автономии карачаевского народа в 1957 году началось бурное развитие культуры и просвещения.

С начала 60-х годов обучение детей в школах области ведется с первого класса на русском языке. Добровольное приобщение к русскому языку облегчает овладение достижениями передовой науки и культуры СССР. По данным переписи 1970 г., две трети карачаевцев назвали русский язык вторым родным языком.

В настоящее время в Карачаево-Черкесии 205 общеобразовательных школ с числом учащихся 83,5 тыс. человек. В средних специальных учебных заведениях обучается 6,7 тыс. человек. Кроме того, для рабочей молодежи создана целая сеть вечерних школ, школ рабочей и сельской молодежи, заочных школ. На каждую тысячу жителей Карачаево-Черкесии приходится 522 человека с высшим, средним и неполным средним образованием.

Среднее специальное образование дают педагогическое, медицинское, музыкальное училища и три техникума: автодорожный и два сельскохозяйственных. Рабочих высокой квалификации готовят восемь профессионально-технических училищ, специалистов сыроваренного дела — школа сыроварения. В 1975 году средними специальными учебными заведениями области выпущено 1429 специалистов.

В области работают два высших учебных заведения: педагогический институт и филиал Ставропольского политехнического института. Количество студентов в них возросло с 2,1 тыс. в 1970 г. до

3,4 тыс. к 1975 году. Карачаевские юноши и девушки учатся в вузах Москвы, Ленинграда и многих других городов Советского Союза. Число лиц с высшим образованием за десять лет возросло в несколько раз. Если, по переписи 1959 г., на тысячу человек приходилось 13 человек с высшим образованием, то по данным переписи 1970 г. — 33 человека. Число лиц со средним общим образованием возросло соответственно с 44 до 99 человек на тысячу¹.

Трудно назвать сейчас специальность, которую не освоили бы карачаевские юноши и девушки: инженеры и врачи, педагоги и работники сельского хозяйства, ученые и артисты, художники и писатели.

Так за годы Советской власти была ликвидирована вековая отсталость карачаевского народа, дети безграмотных пастухов и скотоводов приобщились к высотам образованности и культуры.

Вовлечь в социалистическое строительство все производительные силы страны, построить в кратчайшие сроки социализм — эту задачу немисливо было осуществить без ликвидации отсталости бывших окраин царской России.

Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт, который был создан в 1927 г. в Ростове-на-Дону, был первым научным учреждением, разрабатывавшим вопросы истории, экономики, лингвистики народов Северного Кавказа. Ученые-языковеды: доктор филологических наук, профессор У. Б. Алиев, доцент А. М. Байрамкулов, историк-публицист И. А.-К. Хубиев и др. были первыми карачаевцами, прошедшими школу исследовательской работы. Институт, возглавляемый известным ученым У. Д. Алиевым, сыграл заметную роль в осуществлении практических задач социалистического строительства в национальных областях Северного Кавказа.

Отделом социальной культуры института в 1927 — 1929 гг. был организован ряд экспедиций. Материалы этих экспедиций были использованы при постановке и решении проблемы происхождения карачаевцев. В 1927 году институт провел в Карачае музыкально-этнографическую экспедицию. Руководил ею Дм. Рогаль-Левицкий. По материалам этой экспедиции в журнале «Советское искусство» в 1928 году (№ 3) Рогаль-Левицкий опубликовал работу «Песенное творчество карачаевцев».

Вторая экспедиция по сбору песенного фольклора была организована в следующем, 1928 году.

Лингвистическим отделом института были созданы научная грамматика карачаевского языка и терминологический словарь. В отделе экономических исследований были проведены работы по описанию и анализу народного хозяйства (Б. Е. Хижняков) и др.

В книгах У. Д. Алиева «Карачай», «Кара-халк» впервые была поставлена проблема происхождения карачаевцев, рассматривается вопрос о возникновении феодализма, описан социальный строй Карачая, описана борьба за установление Советской власти в горах Карачая. В «Научных трудах института», «Записках», «Бюллетенях» и

¹ Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. М., 1970, стр. 11.

в журнале «Революция и горец» выходит серия статей, посвященных самым различным вопросам экономики, истории, культуры, вопросам социалистического строительства в Карачае.

В эти же годы выдвигается Ислам Тамбиев, автор серьезных работ по истории Карачая. В 30-е годы начинается научно-педагогическая деятельность языковеда У. Б. Алиева.

С организацией в 1935 году в г. Микоян-Шахаре Карачаевского научно-исследовательского института была поставлена задача глубокого исследования истории, языка и фольклора карачаевцев. К участию в экспедициях широко привлекались общественность, интеллигенция, работники ВУЗов (Л. А. Сердобольская, К. М. Петролевич, Х. О. Лайпанов, М. С. Михайлов и др.).

Устанавливались прочные контакты с академическими институтами и учеными, работавшими по родственным проблемам. При их непосредственном участии проводилась лингвистическая работа, они же принимали деятельное участие в подготовке научных кадров (А. К. Боровков и др.).

Комплексные экспедиции дали возможность накопить археологический, фольклорно-этнографический, лингвистический материалы для подготовки первых публикаций по истории. В городах Москве, Ленинграде, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Тбилиси, Харькове, Орджоникидзе были собраны архивные материалы по истории карачаевского народа.

Деятельное участие в работе института приняли кафедры учительского и педагогического институтов, а также Карачаевский краеведческий музей. Археологические изыскания перед войной были проведены под руководством К. М. Петролевича и Т. М. Минаевой.

Ежегодные экспедиции по сбору произведений карачаевского фольклора проводились при активном участии студентов и преподавателей пединститута. В подготовке их к публикации, в составлении сборников, в переводах на русский язык участвовали поэты и писатели области и края.

За несколько лет работы институтом были подготовлены и изданы «Русско-карачаевский словарь» и сборники карачаевского фольклора. Была разработана орфография карачаевского языка и сделаны первые публикации по отдельным разделам готовившейся истории Карачая.

Новый этап развития научно-исследовательского дела связан с образованием в 1957 году объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. Черкесский НИИ (восстановленный в 1951 году) был преобразован в Карачаево-Черкесский НИИ истории, языка и литературы. Расширяются штаты института, намечаются новые направления научных исследований, увеличивается объем работ. Институт пополняется новыми научными силами. С началом этого периода связано установление еще более тесных контактов с головными институтами АН СССР. Этническое родство карачаевцев и балкарцев обуславливало координацию и совместную разработку многих проблем истории и филологии (проблема происхождения карачаевцев и балкарцев, создание словарей и грамматик, вопросы алфавита, орфографии и другие).

За последние годы учеными области (в особенности В. П. Нев-

ской, Е. П. Алексеевой) проделана большая работа по изучению истории карачаевцев.

Итогом работы языковедов явился «Русско-карачаево-балкарский словарь», составленный коллективом. Завершается работа над карачаево-балкарско-русским словарем. Очерки карачаевской литературы написаны А. И. Караевой.

Издана серия сборников по фольклору карачаевцев: «Къарачай таурухла» (карачаевские сказки), «Къарачай-малкъар халкъ джырла» (карачаево-балкарские народные песни), «Къарачай нарт сёзле» (карачаевские пословицы и поговорки).

Научным центром, изучающим природный комплекс высокогорной части Карачаево-Черкесии, является Тебердинский государственный заповедник, который был организован в 1936 году. Территория заповедника охватывает 83,2 тысячи гектаров. После установления режима заповедника стал восстанавливаться естественный облик горных ландшафтов. Первые научные исследования в районе Теберды были проведены еще в конце прошлого столетия. Здесь побывали ботаники В. И. Липский, Н. А. Буш, Н. И. Кузнецов, К. Н. Росиков, А. Л. Рейнгард, геоморфолог И. С. Шукин, зооботаники Н. Я. Данник, К. Н. Сатунин, геологи Г. В. Абих, И. В. Мушкетов и многие другие.

Особое место в тематике заповедника отводится изучению почво-защитной и водоохранной роли лесов в горных условиях Северо-Западного Кавказа. Результаты научных исследований публикуются в трудах заповедника — вышли 10 выпусков, а отдельные труды опубликованы в различных периодических изданиях.

За годы девятой пятилетки в горах Карачаево-Черкесии, в Архызском ущелье, построена специальная астрофизическая обсерватория АН СССР, с самым большим в мире зеркалом и «Ратан-600». Уникальное 70-тонное зеркало телескопа было изготовлено ленинградскими мастерами. Этот телескоп значительно увеличил для астрономов видимые пределы вселенной.

Появление на территории Карачаево-Черкесии академического научного учреждения содействует дальнейшему росту науки в области.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

Первое знакомство карачаевцев с научной медициной произошло в 60—70 годы XIX века. С образованием военно-народных округов в каждый округ, в том числе и в Карачай, были посланы врачи и ветеринары. Их было очень мало, по одному врачу и одному ветеринару на округ, но и это принесло заметные успехи в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями. А в 70-е годы на общественные суммы карачаевского населения была построена в с. Уччулан первая больница и при ней открыта аптека. Но там не было ни одной палаты для стационарных больных, поэтому она превратилась в фельдшерский пункт. Жители охотно обращались к фельдшерам за помощью, осо-

В истоках Кубани. Первая больница и школа в Карачае.

бенно при болезнях детей, тем более что прием больных производился бесплатно. Число принятых фельдшером в день больных колебалось от 5 до 30 человек.

Учкуланский фельдшер два раза в год выезжал с аптечкой в высокогорные села Дуут и Джазлык к тем больным, которые не могли приехать в Учкулан. В содержании аптеки и фельдшерского пункта принимали участие все села Большого Карачая. Селения Малого Карачая долгое время оставались без медицинской помощи. Ближайшей аптекой к ним была Хумаринская (ныне пос. Н. Карачай).

Однако одного фельдшера и одной небольшой аптечки на все карачаевские села было слишком мало. По-прежнему свирепствовали эпидемические заболевания, женщины умирали от родов, дети — от обилия детских заболеваний: скарлатины, тифа, дизентерии, дифтерии, кори.

Лишь очень немногие карачаевцы имели возможность обращаться в Баталпашинскую войсковую больницу. В ней лечили, главным образом, казачье население, и только при наличии свободных мест и за особую плату принимали карачаевцев и других горцев.

Фельдшер в Учкулане обычно не знал карачаевского языка, и прием происходил при помощи переводчика, что затрудняло дело. Особенно сложно было вести прием женщин, которые стеснялись рассказывать посторонним мужчинам о своих болезнях. Появление фельдшеров-карачаевцев было связано с Екатеринодарской военно-фельдшерской школой. Одним из первых ее выпускников был Х. Эркенов. Много лет он работал фельдшером, пользуясь у больных большим авторитетом. Вместе с ним работали И. Мамчуев, М. Кочкаров, Б. Чеккуев.

С конца XIX века все большую известность получают лечебные свойства Тебердинской долины. Но даже и после того как Теберда стала превращаться в туберкулезный курорт, с медицинским обслуживанием дело обстояло очень плохо.

Молодым органам Советской власти сразу же пришлось вступить в борьбу с болезнями. Свирепствовал тиф, вспыхивали очаги холеры. Только при Советской власти получили карачаевцы, как и другие народы страны, право на бесплатную квалифицированную медицинскую помощь. В больших селах открывались больницы, врачебно-амбулаторные участки. Больницы появились в Учкулане, Джегуте, Нижней Теберде и в молодом городе Микоян-Шахаре. В селах появились акушерки, заменившие бабок-повитух, стали открываться специальные женские и детские консультации, а затем и родильные дома. Первой карачаевкой-гинекологом была М. Хубиева, принявшая за свою многолетнюю работу много сотен младенцев и спасающая жизнь многим роженицам. Медицинские работники провели большую просветительную работу среди горянок. В Учкулане была открыта консультация для детей и беременных женщин, а кроме того, пункт для обслуживания детей пионерского возраста.

В Микоян-Шахаре была открыта фельдшерско-акушерская школа, преобразованная затем в медучилище. Это учебное заведение подготовило большой отряд квалифицированных медицинских работников, которые не только лечили больных, но вели значительную профилактическую работу.

В первые же годы Советской власти началась деятельная борьба с эпизоотиями скота и побеждены такие болезни скота, как чума, сибирская язва и другие. В селах были открыты ветеринарные лечебницы или ветеринарные пункты.

С постройкой города Микоян-Шахара и открытием в нем областной больницы улучшилось и медицинское обслуживание населения. Врач этой больницы, карачаевец Асхат Биджиев, прямо на площади рассказывал о болезнях и мерах профилактики. Это общение с народом помогало борьбе с эпидемиями и темнотой, с властью мулл, лечивших заговорами и амулетами.

В 20-е годы для борьбы с глазными заболеваниями было проведено несколько экспедиций Краснодарского медицинского института во главе с проф. С. В. Очаповским. Ряду больных была оказана помощь на месте, в серьезных случаях давались направления на стационарное лечение в Краснодарскую больницу.

Такое же обследование населения провела противозобная экспедиция Краснодарского института, организованная в 1927 году. Возглавлял экспедицию А. И. Смирнов. Большую помощь в работе экспедиции оказывали местные медицинские работники.

Добрым словом вспоминают карачаевцы почетного жителя Карачая проф. А. Н. Струнникова. Возглавляя отряды «летучих санитаров», он спас от смерти многих больных тяжелыми формами язвы желудка, перитонитом и этиноккоком.

Летом 1931 года в Карачае работала экспедиция краевого туберкулезного института. Результаты обследования оказались благоприятными: зараженность туберкулезом у карачаевцев была значительно ниже, чем у многих других народов. Медики пришли к выводу,

что «карачаевское население таит в себе колоссальный запас жизненных сил»¹.

Помощь центральных медицинских учреждений помогала справиться со многими болезнями, бытовавшими в Карачае. К началу сороковых годов состояние здравоохранения в Карачае достигло такого уровня, как у более развитых в прошлом народов. Покончено было со многими инфекционными заболеваниями, резко сократилась смертность, особенно детская. Целебный климат Карачая использовался для лечения легких и для общего укрепления здоровья.

Исключительные климатические данные Теберды были использованы для создания курорта всесоюзного значения. Уже в 20-е годы были открыты первые туберкулезные санатории, в 1927 г. по инициативе А. М. Горького был построен Дом отдыха для ученых. К 1939 году в Теберде функционировали уже 3 санатория на 441 место и несколько домов отдыха.

В годы Великой Отечественной войны медики Карачая, как и всей страны, встали на защиту здоровья бойцов Советской Армии, которых после ранений отправляли долечиваться в тыл. В Карачай было привезено много детей, нуждавшихся в укреплении здоровья. Население встречало раненых бойцов и детей с присущим горцам гостеприимством и теплотой. А когда наступили тяжелые дни фашистской оккупации, стремились укрыть раненых и детей, которых фашисты истребляли с звериной жестокостью.

Выпускники Карачаевского медицинского училища трудились на многих фронтах Великой Отечественной войны, спасая жизни раненых бойцов. Многие девушки-медсестры и фельдшерицы ушли на фронт добровольно: Эркенова Зоя, Урусова Нина и другие.

Благодаря своим природным данным, в послевоенные годы особенно бурно стал развиваться Тебердинский курорт, ставший одной из крупнейших в стране климатотерапевтических здравниц. Сейчас по уровню развития медицины Карачаево-Черкесская автономная область не только догнала, но и перегнала многие западные страны. В области функционируют 38 больниц, 7 диспансеров, 9 поликлиник, 55 врачебных и 147 фельдшерских пунктов, 9 санэпидстанций, станции переливания крови и «скорой помощи».

На десять тысяч человек в области приходится 15 врачей. Не только в областной больнице, но и в районных больницах работает большой отряд высококвалифицированных врачей. Далек за пределами Ставрополя известен своей виртуозной техникой сложнейших операций профессор М. О. Джаубаев. Много лет заведовал хирургическим отделением Московской городской больницы карачаевец А. Б. Биджиев, первый кандидат медицинских наук в Карачае. В Харьковском институте усовершенствования врачей трудится специалист по грудной хирургии, доктор медицинских наук, профессор А. Х. Шаманов. Хирургический отдел областной больницы возглавляет заслуженный врач РСФСР, кандидат медицинских наук Л. Х. Батчаева. В одном городе Карачаевске работают четыре кандидата медицинских наук. Один перечень этих славных имен показывает, каких высот достиг карачаевский народ и в развитии медицины.

¹ Материалы карачаевской экспедиции СКТМИ, 1931. Микоян-Шахар, 1932, стр. 53.

В Карачаево-Черкесии сейчас 12 врачей носят высокое звание «Заслуженный врач РСФСР», 51 человек награжден значком «Отличника здравоохранения».

На территории высокогорного бальнеологического курорта Теберда раскинулись новые корпуса санаториев и домов отдыха. В шести специализированных санаториях, здравницах одновременно лечатся и отдыхают свыше тысячи граждан.

В Теберде, Домбае, и Узун-Коле, Архызе расположены всесоюзные туристические базы и альпинистские лагеря, которые приобрели мировую известность. В Домбае создается крупнейшая в стране база отдыха, туризма, альпинизма, горно-лыжного и конькобежного спорта. Строятся высотные гостиницы, пансионаты, канатные дороги и многие другие спортивные и оздоровительные сооружения.

Таким образом, развитие медицины привело к ликвидации опустошительных эпидемий, к невиданным успехам в борьбе со многими болезнями. За годы Советской власти более чем в два раза возросла численность населения. В 1976 году на каждые 10 тыс. жителей области приходилось 19 врачей и 72 средних медицинских работника, вместо 14 и 65 в 1971 году.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИГРЫ И СПОРТ

В течение своей многовековой истории карачаевцы создали довольно стройную систему физического воспитания. Умение владеть комплексом спортивных состязаний считалось у горцев жизненно необходимыми качествами человека. Средства, используемые для этой цели, многообразны, а многие из них и сегодня имеют большое воспитательное значение.

Самобытность спортивных занятий карачаевцев определялась условиями их жизни у отрогов Эльбруса и Главного Кавказского хребта и скотоводческим характером занятий населения, спецификой материалов, используемых для физических упражнений.

Так, упражнение в лазании культивируется на всех континентах. Но если народы Азии и Африки используют для этого смазанный жиром бамбуковый шест, то карачаевцы в качестве каната для лазания брали ремень из промасленной бычьей шкуры или смазанный жиром гладкий столб.

С раннего возраста воспитывали карачаевцы в детях, особенно в мальчиках, силу и мужество, ловкость, умение преодолевать препятствия. Мальчики с 6—8 лет упражнялись в беге, прыжках, борьбе, в лазании, метании и поднятии тяжестей. Все это облекалось в форму игр и занятных упражнений. Так, прыгали через палку, которую держали за концы двумя руками, через соломинку, взявшись руками за носки.

Меткость и сила удара вырабатывались играми по сбиванию плоским камнем каменного или деревянного шара, игрой в альчики (ашыкь оюн). Эта игра напоминала городки, но вместо деревянных бит использовались кости мелкого рогатого скота, которые называли «ашыкь» (альчик). Альчики, установленные в круг, выбивались с определенного расстояния битой — альчиком, залитым свинцом.

Силу, быстроту реакции, увертливость вырабатывали игры «волк

и пастух» (бёрю оюн), в которой две группы мальчиков старались прорвать ряд «противника» и запятнать последнего игрока, игра в перетягивание палки (аймыса, кюнмюсе).

Для карачаевцев, жизнь которых была связана с лошадью, очень важно было научить мальчиков держаться на лошади. Этому способствовали детские игры с деревянным «конем» (агъач ат). Толстую деревянную палку прикрепляли одним концом веревкой к суку дерева или потолку, а другой конец упирался в землю. Мальчик должен был не просто сохранить равновесие на этом качающемся снаряде, но трижды ударить хворостиной по палке спереди, сзади и с боков, как бы подгоняя коня. Чуть подросших мальчиков сажали на настоящих лошадей и учили верховой езде. Учились мальчики владеть плетью, раскручивая с ее помощью юлу (хойнух) и т. д. Охотно гоняли мальчики по полю самодельные мячи — деревянные шары, лучшими из которых считались изготовленные из гриба березы.

Подростки упражнялись в более сложных, порой даже опасных видах спорта. В условиях бездорожья, обилия горных речек и ручейков важно было уметь безбоязненно переходить по качающемуся тонкому бревну, успеть перепрыгнуть с шестом через ручьи и ледяные трещины. Этому учились юноши во время упражнений на качающемся бревне, расположенном высоко над землей, порой до 2-х метров. Поддерживать равновесие помогала палка в руках. Прыжки с шестом выполнялись и с разбега. Побеждал тот, кто прыгал дальше всех и ловчее всех одолевал все препятствия.

Юноши тренировались в поднятии и переноске тяжестей, чаще всего камней. Некоторые камни и сейчас носят имена силачей, которые в давние времена их перенесли на новое место. Отдельные богатыри на состязаниях переносили вместо камней быков и лошадей.

Соревновались юноши в метании камней и дротиков, в стрельбе из лука и ружья. Дальнейшее совершенствование этих навыков происходило во время верховой езды и охоты. Как и у соседних народов, у карачаевцев была своеобразная методика обучения искусной езде, уходу и тренировке лошадей. Старшие передавали свой опыт младшим, и юноши 12—15 лет уже успешно выступали на скачках.

Конные виды спорта и скачки были и остаются до сих пор неотъемлемой частью праздников и торжеств. Раньше их проводили в дни свадеб, по случаю рождения ребенка, в день начала весны и окончания уборки урожая, в случае приезда почетных гостей и т. д.

Большими скачками — конными состязаниями отметили горцы закладку фундамента первого здания нового города при слиянии р. Теберды и Кубани — современного Карачаевска.

Разнообразны были виды скачек: по ровному месту и по крутому спуску с горы, с препятствием и вольтижировкой, т. е. с выполнением акробатических упражнений. Ловкий джигит должен был на полном скаку поднять с земли монету, шапку или ухватить платочек, не разбив арбуз или яйцо. Джигитовка включала целую серию акробатических упражнений на полном скаку: различные формы посадки, стойку на ногах, на голове, соскоки с коня, перемахи, переходы под шеей и животом лошади. Всадник должен был на полном скаку расседлать лошадь, сбрасывая на землю части сбруи и седла, а на обратном пути собрать все это и вновь оседлать коня. Во многих ме-

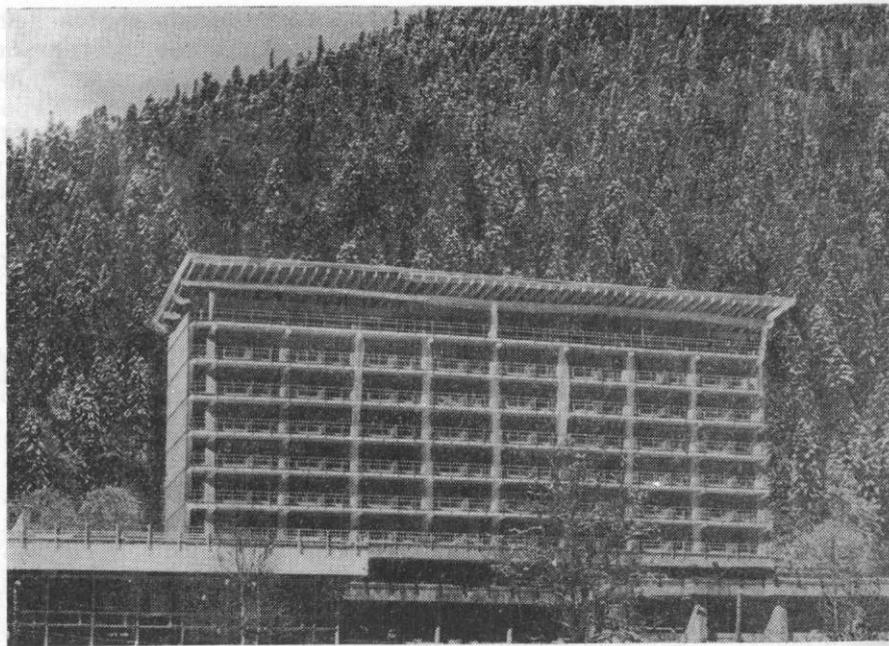
стах Карачая сохранились названия местностей «Атчапхан», то есть место конных скачек. Следили за скачками в качестве судей наиболее уважаемые старики, один из которых давал выстроившимся конникам сигнал к старту. Прежде сигналом служило опускание руки с шапкой, позже — выстрел из пистолета. Практиковалась езда со стрельбой из своеобразного лука (садакъ) или ружья, метание аркана на скаку и т. д.

Призом был скот, одежда или деньги. Важно было одержать победу, а материальное поощрение не играло большой роли.

Практиковались соревнования и по рубке всадником лозы кинжалом или шашкой. По пути следования конников устанавливались столбики с привязанными на макушке лозинами из орешника. Победителем считался тот, кто срезал больше всех лоз.

Не было праздника без скачки, национальной борьбы — «тутуш». Перед началом схватки борцы, подпоясанные ремнем, становились лицом к лицу, по сигналу захватывали друг друга за пояс и начинали борьбу. В процессе схватки борцам разрешалось освобождать от захвата одну лишь руку и применять ею любые захваты выше пояса, броски, перебрасывание противника через спину и т. д. Цель борьбы состояла в том, чтобы уложить противника на спину. Для этого можно было применять подножки и зацепы, подсечки и пр. Не допускались только грубость и нечестность в поединке.

Боролись и стоя — и на одном, и двух коленях, с захвата накрест на поясе и одной рукой через плечо. Соревновались в метании камня с места и с разбега, рукой и пращей, лицом вперед и спиной в направлении полета камня.

Домбай. Молодежный лагерь «Спутник».

Веселое оживление царило около соревнующихся в лазании по гладкому, смазанному жиром столбу, высотой в 6—7 метров, на вершине которого прикреплялся приз. При этом запрещалось пользоваться вязкими смазками или скользить при спуске. Надо было подтягиваться руками, обхватывая столб ногами, достать приз и спуститься вниз.

Аналогичным было лазание по промасленному ремню из бычьей шкуры (джау джибге ёрлеу) длиной в 10—12 метров. Ремень привязывался к перекладине с призом (къозбёрк). Для того чтобы падение не принесло травм, под перекладину расстилали солому. И здесь основным приемом было подтягивание на руках.

Забавным аттракционом на свадьбах и праздниках было упражнение «останови вращающуюся лепешку». Выпекали специальную лепешку с зубцами на краях и отверстием посередине. Ее подвешивали на двухметровой высоте и закручивали. Юноши и мужчины должны были, подпрыгнув, захватить лепешку зубами и остановить ее вращение, что требовало определенной ловкости и умения.

В первые годы Советской власти основным средством физического воспитания карачаевцев оставались национальные физические упражнения, виды спорта и игры. Параллельно начали культивировать и общенародные виды спорта. В довоенные годы организуются ряд крупных спортивных праздников, спартакиад для народов Северного Кавказа, где, наряду с национальными видами спорта, в программу включаются и легкая атлетика, футбол, волейбол и т. д.

К регулярным занятиям физической культурой и спортом привлекаются не только мужчины, но и женщины-горянки.

Под руководством партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов физическая культура и спорт в области стали развиваться быстрыми темпами и достигли значительных успехов.

На 1 января 1977 года в области было 290 коллективов физкультуры, где работает 2500 секций по 27 видам спорта, которые охватывают около ста тысяч физкультурников, из них около 40 тысяч женщин.

Различными формами оздоровительной работы охвачены более 25 процентов населения области. Открыт факультет физического воспитания при Карачаево-Черкесском госпединституте, который готовит учителей для школ области. В настоящее время преподавателями физкультуры работают 382 человека. Из них более 70 процентов имеют высшее и среднее специальное образование. Более 70 специалистов являются мастерами спорта СССР. Ежегодно готовится до 12 тысяч общественных инструкторов по физкультуре и спортивным судей, инструкторов по альпинизму и туризму.

Укрепляется и материальная база спорта. Функционируют 3 стадиона, более 50 комплексных площадок, 489 волейбольных площадок, 104 футбольных поля, 269 баскетбольных площадок, 69 легкоатлетических дорожек, 4 стрелковых тира, 124 спортзала, 2 открытых бассейна, 2 лодочных и 2 лыжных станции.

Все это позволило только в 1976 году подготовить 8 мастеров спорта СССР, 21 кандидата в мастера спорта СССР, 292 перворазрядника, более 3 тыс. человек массовых разрядов, 42086 человек значков ГТО.

ГЛАВА VII

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА

ПРИКЛАДНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Наиболее распространенным и развитым видом народного искусства было изготовление узорных войлоков, в котором карачаевцы и балкарцы сказали свое особое, неповторимое слово.

Карачаевцам были известны три вида техники изготовления узорных войлоков, причем каждый из них связан с определенным назначением вещи и специфичным для него орнаментом.

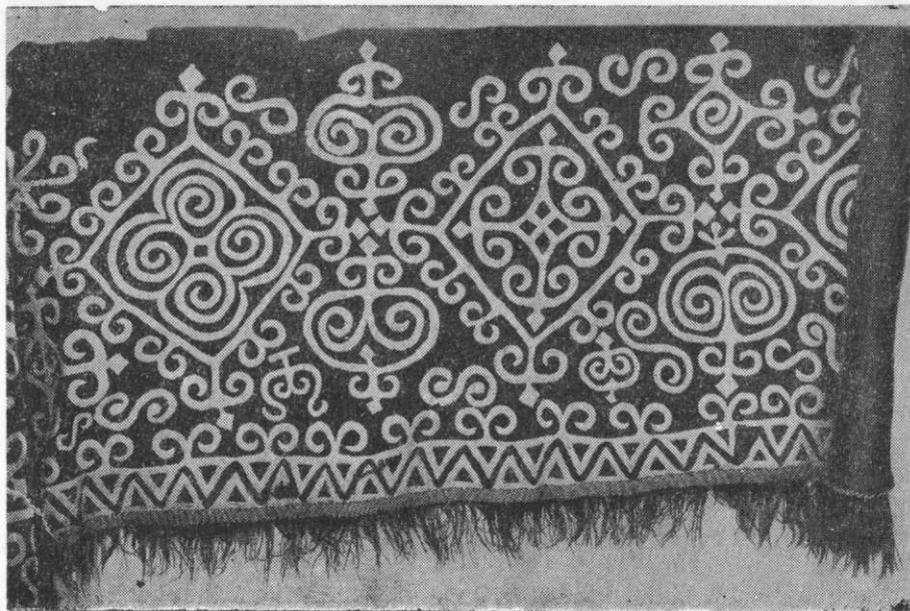
Первый тип — войлоки со вкатанным узором — ала кийиз или «кьолан кийиз», т. е. пестрый или рябой войлок. Они находили самое широкое применение как в домашнем быту, так и на кошах. Для изготовления ала кийиза мастерица брала расчесанную и взбитую шерсть натуральных цветов или окрашенную и выкладывала из нее на циновке желаемые узоры. Это было основным творческим процессом, требующим умения, навыка, вкуса, чувства цвета и фантазии, так как никакие трафареты при этом не употреблялись. Узор раскладывали «по памяти». В редких случаях снимали копии со старых войлоков или заимствовали рисунок из золотого шитья. Наиболее одаренные мастерицы — «кийиз салыучула» были известны, и их приглашали на помощь, иногда за оплату. Для получения тонких линий из шерсти предварительно делали рыхлый шгут — «билезик», сжимая шерсть руками; для крупных элементов узора — квадратов, ромбов, треугольников — шерсть выкладывали соответствующим узорами и слегка прихлопывали руками. Затем приступали к валянию. Процесс валяния тот же, что при изготовлении одноцветного войлока, только рулон чаще раскатывали, чтобы проверить, не сбились ли линии узора. Готовый войлок был двусторонним, т. е. имел одинаковый рисунок с обеих сторон. Узор получался слегка расплывчатым, как бы дымчатым, так как по линии соприкосновения шерсти двух цветов, например, черной и белой, шерстинки одного цвета, смешиваясь с другими, образовывали мягкий переход черного цвета в серый, образуя нерезкую границу между черным и белым. В качестве красителей использовали кору ольхи и дуба, корень барбариса, листья азалии и другие растения. В начале XX в. стали применять также покупные красители, в особенности для синего, зеленого, фиолетового, малинового цветов, которые раньше не имели места в цветовой гамме ала кийизов.

Композиция узора в ала кийизах очень устойчива — по краю идет кайма, состоящая из ряда геометрических фигур: треугольников, ромбов, пересеченных квадратов, реже зигзага, иногда криволинейного. Эти элементы размещены в ряд между двумя прямыми линиями. Центральное поле почти всегда заполнено рядом крупных ромбов, углы между ними заняты рядами треугольников. Центральные ромбы чаще всего членились прямыми линиями на 4—9 и более частей или же представляли собой композицию из ромба или квадрата, вписанного в ромб. Общий характер узора был геометрический. Создание его способом вваливания узора было очень сложным и требовало не только мастерства, но и высокого качества шерсти. Наиболее пригодной была шерсть карачаевских овец — лучшая из грубошерстных. Несмотря на трудности создания прямолинейного узора в технике валяния, он был строго традиционным. Весь характер орнамента ала кийизов уводит нас в глубокую древность. Такого рода узоры характерны для каменного века и встречаются в керамике и резьбе по кости. Что касается одного из самых своеобразных приемов сочетания пересеченных ромбов или квадратов под разными углами (по-карачаевски кыйыкъ зебле), по аналогии ему имеются в керамике кобанского и аланского периодов, в резьбе по кости северо-кавказской культуры, и, вместе с тем, этот орнамент широко употребляется и в войлоках, и в золотом шитье карачаевцев, балкарцев, адыгских народов и осетин.

В орнаменте другого типа войлоков, о которых речь пойдет дальше, встречается изображение человека, которое так и называется — «адам сурат». Но эту же фигурку другие информаторы называли: «гинджи сурат», т. е. изображение куклы.

В ала кийизах наиболее древним и очень устойчивым термином было наименование линейного начертания ромба — «кёз» (глаз). Ромб, расчлененный на 4 или 9 меньших ромбов, соответственно назывался «тёрт кёз» (четыре глаза) или «тогуз кёз» — девять глаз. Ромб или квадрат, заключенный в ромб, называли «кёз ичинде кёз» (глаз в глазу).

Второй тип — войлок с аппликацией — нашитыми узорами. Их иногда называли «тиккен ала кийиз», т. е. шитый пестрый войлок. Но чаще всего им сопутствовали названия, связанные с их назначением — «джыйгыч кийиз» — войлок для полки с сундуками и постелями, и «кьюрукъ кийиз», которым украшали горизонтально подвешенный в жилище под потолком шест, на который вешали (перекидывая) наиболее нарядную выходную одежду. Кьюрукъ кийиз вышел из обихода в начале XX в., «джыйгыч кийиз» бытовал вплоть до Великой Отечественной войны. Это особая и яркая страница в народном искусстве карачаевцев и балкарцев, неизвестная другим народам Северного Кавказа. В соответствии с назначением служить занавесками, эти войлоки делали очень тонкими и легкими, но плотными. Позднее войлок иногда заменялся покупным сукном. Войлок имел форму неширокой (100 — 120 см и длиной до 6 — 7 метров) полосы, на которую нашивали стежками через край узоры, вырезанные из войлока или же сукна по бумажным трафаретам, изготовляющимся самой мастерицей или наиболее умелыми женщинами селения. Сочетание цветов было стойким: фон всегда черный, узоры бе-

Тип «джыйгыч кийиза».

лые или красные. Иногда встречались оба цвета узоров на одном войлоке. При сопоставлении орнамента ала кийизов и «джыйгыч кийизов» бросается в глаза их несходство. Это две разные стихии, два разных способа художественного мышления. Даже трудно поверить, что часто они делались руками одних и тех же мастериц.

Орнамент аппликационных войлоков извилистый, сложный и причудливый. Только в кайме можно встретить иногда прямые линии или прямолинейные зигзаги. Одним из основных элементов, входящих в различных вариантах в узор, являются бараньи рога «кьочхар мюйюз» или бараньи головы «кьочхар баш». Соотношение между фоном и узором близко к равновесию. Композиция этих войлоков постоянная и подчинена их назначению. Верхний край, прикрываемый занавеской, висящей на выше расположенной полке, никак не оформлен. По нижнему краю идет кайма и пришита бахрома из шерстяных ниток.

Основное поле — длинная полоса — имеет свое членение. Наблюдаются три варианта: 1. Прямоугольный зигзаг, имеющий свой, зачастую сложный рисунок, делит все поле на большие треугольники, в каждом из которых размещается крупная фигура разнообразных начертаний. 2. Поле членится двумя пересекающимися зигзагами на ряд ромбов, в которые вписываются крупные фигуры. 3. По полю, на некотором расстоянии друг от друга, расположены крупные фигуры сложного рисунка, но по своим очертаниям как бы вписывающиеся в невидимый ромб. Во втором и третьем варианте между крупными фигурами остаются треугольные промежутки, заполняемые также крупными вписывающимися в треугольник фигурами. На сво-

бодных местах раскиданы без всякого порядка и симметрии отдельные мелкие рисунки и элементы. Среди них часто встречаются родовые тамги, примитивные изображения человечков, змейки и т. п. Они придают всему войлоку какой-то взволнованный, беспокойный и наивный вид и невольно наводят на мысли не только о декоративном назначении джыйгыч кийизов. Терминология этих войлоков очень разнообразна и относится как к отдельному элементу, так и к сложным их сочетаниям. В ней также имеются два слоя: поздний—ассоциативный и древний. Наиболее интересна терминология, связанная с крупными, определяющими композицию, мотивами. Каждая такая фигура, вне зависимости от ее рисунка, носит название «ай» (луна) «ай тамгъа» (знак пятно луны). По числу ай определяется длина войлока. Говорят: сделать войлок на 5 ай, на 7 ай и т. д. Рисунки, заполняющие треугольные пространства между ай, называются «джетек» — побег, отросток. Ай тамгъа могла иметь несимметричное строение, например, спираль, но чаще всего строилась по законам двухсторонней по вертикальной оси или четырехсторонней симметрии. На всем протяжении войлока рисунок ай тамги не повторяется. Каждая из них, даже при некотором внешнем сходстве, имеет отличия в деталях. Это относится и к «джетекам» — каждый из них индивидуален по рисунку и самостоятелен по отношению к ай. Помимо общего наименования — ай, определяющего место и значение орнаментального мотива, каждый из них может иметь индивидуальное наименование, либо связанное с изображением (змея, звезда, дерево), либо являющееся позднейшим осмысливанием. Например, мотив счетверенной спирали известен уже в кобанской бронзе 1-го тысячелетия до нашей эры, но в войлоке носит позднее ассоциативное наименование «кёпчек» — подушка седла. Большая часть ай не имеет общего названия, а составляется из ряда отдельных фигур (рога, баран, голова барана, человек и т. д.), соединившихся в одной симметричной композиции. Возможно, что именно законы симметрии, диктуемые формой пространства, заполненного орнаментом, создали эти сложные ай, имеющие не смысловое, а чисто орнаментальное значение. Карачаевские аппликационные войлоки индивидуальны, в каждом из них огромное разнообразие узоров — мастерица как бы хочет показать все богатство своей творческой фантазии. По своему облику они более древни.

Если орнаментика и символика ала кийизов опиралась на местные кавказские корни, то узоры джыйгыч кийизов свидетельствуют о наличии в народном искусстве карачаевцев тюркской струи.

Существовал еще третий вид войлоков, имеющий свою специфику. Это «бичген кийиз» — выкроенный войлок, иногда также называемый «оюлу кийиз». Для его получения делали два одноцветных войлока разных, чаще всего контрастных цветов. Затем из обоих войлоков по одному трафарету вырезали одинаковый узор. Узор, например, синего цвета вшивался в красный фон, и наоборот. Получались два войлока, одинаковых по узору, но обратных по цветовому сочетанию. В процессе вшивания узора или впоследствии он обшивался белым шнуром, что придавало рисунку войлока особую четкость и резкость. Войлоки этого типа в Карачае встречались очень редко. В Балкарии, особенно в Баксанском ущелье, — более час-

то. Употребляли их в качестве настенного ковра и вешали обычно над кроватью.

Бичген кийизы, опять-таки, очень отличны от описанных выше первых двух типов. Сочетание цветов не имеет постоянства, возможны резкие контрасты, использование в одном войлоке теплых и холодных цветов. Черный и белый применяются очень редко, в сочетании — никогда. Именно в этом виде войлоков более всего использовали покупные анилиновые красители. Композиция узора напоминает ковры: довольно широкая кайма и крупная фигура в центральном поле. Характер узора растительный, стилизованный. Особенно ярко это выступает в кайме, имеющей обычно вид извилистого побега с цветами и листьями. По своему облику эти войлоки представляют еще какой-то совсем отличный художественный стиль. Они очень напоминают арбабаши кумыков и аварцев, близкие по орнаменту и выполненные тем же способом мозаики — вшивания узора. Делались подобные войлоки также у соседей кумыков — чеченцев и ингушей. В их орнаментике легко найти сходство с узорами Дагестана — в камне и металле — особенно в рисунке каймы.

Таким образом, если первые два вида войлоков типичны только для карачаевцев и балкарцев и свидетельствуют о различных компонентах в их происхождении, то бичген кийизы указывают на то, что искусство карачаевцев развивалось не изолированно от других кавказских народов и даже сравнительно позднее исторические связи нашли в нем отражение.

Шитье золотом и связанное с ним изготовление галунов и басонных изделий занимало второе место в карачаевском народном искусстве. Но дороговизна материала — золотых и серебряных ниток, ввозившихся сначала из Западной Европы и Грузии, а в XIX в. из России, а также бархата, шелка, сукна, сафьяна — материалов, которые украшались золотым шитьем, ограничивала возможности его распространения. Золотошвейной работе с малых лет обучались девочки из знатных и зажиточных семей, а также девушки из зависимых сословий, обслуживавшие своих господ. В особенности это касалось трудоемкой техники шитья вприкреп (по-карачаевски «къаты тикген» — твердое шитье).

Золотым шитьем украшали праздничную женскую одежду, мужские башлыки, а также мелкие предметы обихода — кисеты, мешочки для рукоделия, перевязи и подушечки для люльки. В богатых домах изредка можно было увидеть шитые золотом одеяла, декоративные занавески на стену или полки. Вышивали золотом сумочки для корана. В начале XX в. появились подчасники, вешалки для полотенец. Техника шитья была тождественна подобной у других народов Северного Кавказа. «Къаты тикген» также делалась из белой ткани, натянутой на пяльцы. Очерченный по трафарету рисунок сплошь покрывался параллельно лежащими нитями настила из тонкого шелка. Золотая или серебряная нить накладывалась сверху поперек настила и прикреплялась незаметными стежками тонкой шелковой ниткой, пропускаемой иглой с изнанки. Прихватывали золотую нить, пользуясь для счета нитками настила. Поэтому при шитье вприкреп получался внутренний заполняющий узор геометрического характера, часто очень близкий по начертанию и терминологии к рисунку войлоков с ввалянным узором — ала кийизов. Готовая вышивка прома-

зывалась клеем, ложились при помощи кабаньего клыка. Это придавало ей твердость и блеск, что отражено в названии этой техники шитья. Затем ее вырезали по контуру и нашивали на дорогую ткань, окантовывая узким галуном или шнуром. В золотом шитье карачаевцев преобладал более массивный, монументальный узор, целиком выполненный швом вприкреп. В этом случае галун или шнур служили для окантовки узора. Этим оно отличается от адыгского орнамента, который строился, главным образом, из сочетания крупных элементов, выполненных швом вприкреп с тонкими, соединяющими их линиями из галуна или шнура. Карачаевцы иногда применяли и этот способ шитья. Композиция узора зависела от формы украшаемого изделия. Для узких полос типа бордюра (подол и борта женского платья, околыш шапочки) употребляли сильно стилизованный извилистый растительный побег с отходящими от него в обе стороны завитками, листками или цветками. Второй вариант — ряд отдельных довольно крупных фигур, напоминавших тюльпан, лотос, плод граната в крайней степени обобщения или криволинейные мотивы неопределенных очертаний. Они располагались на расстоянии друг от друга между двумя линиями галуна. Если первый вариант (побег) можно встретить в подобном применении у многих народов, то второй встречается, главным образом, у карачаевцев и балкарцев. Сам характер этих фигур в какой-то степени напоминает орнаментику восточных тканей.

В углах у подола кафтанчика, а часто платья располагали обычно узор в виде треугольника, заполняющего угол с отходящими от него рогаобразными отростками, растительными завитками, трилистниками. Иногда совершенно явно бывшие «рога» прорастали листочками или цветками. Наиболее близкие аналогии можно видеть у кабардинцев и черкесов, а также осетин. Наибольшей сложностью композиции отличался узор вышивки на нарукавных подвесках, имевших форму лопасти, округлой и расширенной в нижней части. Относительно большая площадь при заполнении ее узором выполненных целиком швом вприкреп придавала орнаменту тяжеловесность, выглядела грубовато.

Цветовые сочетания в одежде, украшенной золотым шитьем, были довольно строгими. Сочетание золотых и серебряных ниток шитья с излюбленными темно-красным, черным, блекло-зеленым, синим цветами было строгим и торжественным. Вышивку золотом применяли, главным образом, на тяжелых тканях — бархате, плотном шелке, фабричном сукне.

Платье из бархата наиболее любимого, темно-красного цвета, украшенное массивным шитьем, в котором сочетались золотые и серебряные нитки, а также галунами и различными мелкими элементами басонной работы, придавало владелице такого костюма величие и пышность. В узорах золотого шитья вприкреп есть нечто общее с орнаментом узорных войлоков (джыйгыч кийизов), хотя полное совпадение мотивов почти исключается. Часто трафареты для войлоков и золотого шитья вырезались одними и теми же мастерицами.

Второй вид техники золотого шитья — гладь (чий тигиш). Этот термин в противопоставлении «кьаты тикген» — твердому шитью можно истолковать как «слабое», «не твердое» шитье. Трафарет, вырезанный из бумаги или картона, а ранее — из кожи, нашивали на

украшаемую вещь. Поверх трафарета поперек накладывали золотую нить, закрепляя ее по краям. Стежки золотой нити не использовались для передачи фактуры или строения листка или цветка, как это наблюдалось в русском золотом шитье или в вышивках народов Закавказья. Нити всегда накладывались строго поперек, как бы заштриховывая рисунок золотом или серебром. Шитье чий тигиш — менее сложное и трудоемкое — получило широкое распространение. Линия узора при технике чий тигиш более тонкая, и, чтобы достичь большей массивности мотива, он делался очень сложным и разветвленным. Преобладал узор растительный, но очень стилизованный. Шов чий тигиш применялся для украшения платьев, но чаще для вышивания девичьих шапочек, а также различных мелких предметов — кисетов, мешочков. В этих случаях встречалось изображение тамги, иногда так сильно «обросшее» листочками, что трудно указать изначальный мотив. Вышивали и инициалы русскими и арабскими буквами. Кисеты обычно служили для подарков и изображения родовой тамги или инициалов, были вполне уместны.

В орнаментике золотого шитья карачаевцев преобладает двусторонняя симметрия. Лишь на круглых донцах шапочки, иногда на кисетах, встречаются мотивы, построенные по принципу четырехсторонней симметрии.

В золотом шитье всегда делался заранее трафарет, который иногда переходил из поколения в поколение, закрепляя употребление того или иного узора. Особенно это относится к шитью вприкреп.

Можно упомянуть еще об одном способе нанесения узора — выкладывания и нашивания золотого шнура или узкого галуна тонкой линией, согласно рисунку трафарета.

Из золотых и серебряных нитей также плели различные кисти, шарики для бахромы, фигурные подвески, сеточки, делали пуговицы, которые использовали для украшения одежды и разных рукоделий. Как указывалось выше, сама техника шитья вприкреп была невозможна без галунов и шнуров, служивших для окантовки. Цепочки и шнуры из золотых ниток, а иногда и из шелка, служили самостоятельным украшением, на них носили часы, пистолеты и т. п. Шнурки плели на пальцах две или три женщины, используя ребро ладони в качестве прибавки для большей плотности шнура. Плетение требовало ловкости и быстроты движений. Этим же способом плели шнурки и из шелковых и бумажных ниток. Они использовались для обшивания края одежды, изготовления петель и пуговиц — узелков. Шнурок называли «шайтан чалыу» (чертов шнур), подчеркивая этим сложность и «хитрость» работы. Вручную делали толстую золотую нить, употреблявшуюся для плетенок, украшавших ту или иную вещь, наподобие узкого кружева или фигурной подвески. Для получения толстой упругой нити обычную суровую или конопляную нить, иногда сложенную в два — три раза, плотно обматывали золотой нитью, используя в процессе изготовления не только руки и ноги, но и зубы.

Тканье галунов требовало особого станочка, закреплявшегося при помощи крючков у пояса мастерицы. На нем закрепляли один конец основы, а затем накручивали сотканную часть галуна. Другой конец основы прикреплялся к стене или столбу. Образование зева происходило при помощи поворачивания нескольких квадратных

дощечек или картонок с дырочками по углам, в которые были продеты нити основы. Уток проводили вручную, а прибивали костяным или роговым ножом. Галун украшали несложным геометрическим узором из черного шелка. Галуном обшивали башлыки, иногда другие предметы мужской одежды, края женского платья, нарукавников, прикрывали швы на парадном женском костюме, что придавало ему еще более нарядный вид. Способы изготовления басонных изделий, галунов, «техника» золотого шитья были общими у всех народов Северного Кавказа. Это объяснялось не только длительными связями между соседними народами, но и спецификой данного вида искусства. Оно было распространено более всего в феодальной среде, где наибольшее распространение имели межнациональные браки. Жена, взятая из иной национальной среды, приносила с собой вкусы и умение, воспитанные и привитые в родной семье с детства.

Как и другие народы Северного Кавказа, в прошлом карачаевцы не вышивали шелками, бумажными или шерстяными нитками. Лишь в начале XX века появляются отдельные предметы, украшенные такой вышивкой. Их узоры переняты с русских образцов или представляют собой попытку исполнения в новом материале орнаментов золотого шитья. В конце XIX — начале XX вв. в обиход вошли ватные одеяла, имевшие узорную стежку. Ее делали по трафаретам из бумаги. Орнаменты имели много общего с золотым шитьем и — реже — с аппликативными узорными войлоками. Художественное стегание одеял было специальностью немногих мастериц, которые работали по заказу и часто повторяли узор по одному и тому же трафарету. Карачае было слабо распространено изготовление ковров. Немногие женщины ткали небольшие коврики — намазлыки, переметные сумы, изредка паласы.

Мужчины-карачаевцы воплощали художественные таланты в твердых материалах, с которыми имели дело и в практической жизни — дереве, металле, камне. Архитектурной резьбы до появления русских мастеров-строителей карачаевцы почти не знали. В начале XX в., когда распространилось строительство домов нового образца, появились и местные плотники, перенявшие приемы, а также и орнаменты пропильной или накладной резьбы у приезжих мастеров. Некоторые вводили в резьбу и местные мотивы.

Значительно больший художественный интерес представляет традиционная резная домашняя утварь и мебель. Деревянные чашки округлой формы с маленькой ручкой-ушком, употреблявшиеся для жидкой пищи, часто были весьма совершенны по форме и делались из наплывов на дереве. В таких случаях они не нуждались в украшениях. Если чашку вырезали из более мягкого дерева, ее иногда украшали скромной резьбой геометрического характера в виде пояска, спускающихся книзу полос и т. п. Чаши для гостей отличались особой тщательностью отделки и, в особенности, фигурными ручками с головами козлов и баранов, очень характерными также для осетинской мелкой пластики. Сходство это не случайно имеет корни в кобанской культуре. Для всей деревянной утвари характерна теснейшая связь формы предмета с его назначением. Орудия труда — мотушка для ниток, гребни для расчесывания шерсти, катки и вальки для белья — украшали линейной или треугольно-выемчатой резьбой геометрического рисунка. На этих вещах часто вырезали и тамги.

Деревянную утварь обычно хозяин делал для своего дома сам, но существовали и мастера, особенно по выделке чашек из древесных наплывов, отличавшихся особой красотой и прочностью и высоко ценившихся.

Помимо различных орудий труда местные кузнецы изготавливали предметы домашнего обихода: кованые большие вилки для доставания мяса из котла, вертела, железные подвесные вешалки, напоминавшие якоря, очажные цепи, щипцы и лопатки для углей, своеобразные утюги, подставки к очагу для подсушивания лепешек и др. Для удобства держания рукоятки делались в виде витых железных стержней, что не только отвечало функции предмета, но и служило украшением. Сложной работой считалось изготовление клемм для таврения скота. Но вершиной кузнечного мастерства были кованые подвесные светцы для лучин (чырахтан), украшенные головками козлов, баранов, иногда оленей. Аналогичные светцы встречались в Балкарии, Осетии и Сванетии. При всей их условности, зависящей от техникиковки, они очень выразительны и близки литым из бронзы фигуркам кобанского периода. Итак, это постоянный устойчивый мотив в народном искусстве карачаевцев, несомненно, имеющий древние традиции, присутствует и в золотом шитье и в узорных войлоках.

Ювелирное дело на Северном Кавказе, так же как изготовление медной посуды в XIX—XX вв., находилось почти исключительно в руках дагестанских мастеров-отходников — лакцев, аварцев и кубачинцев, носивших у карачаевцев одно наименование — «къумукъ», поскольку для общения с местными жителями они пользовались кумыкским языком. Изделия этих мастеров, особенно мужские и женские пояса, нагрудные застёжки, были похожи у всех народов Северного Кавказа, и в них легче выявить смену «мод», чем национальные особенности.

У карачаевцев имели место серебряные украшения литой работы, отделанные чернью, гравировкой и ложной чернью, нашивавшиеся на женские платья и капталы — по бортам, на груди, в углах подола, по низу рукавов. Особенностью этих украшений являлось то, что они как бы имитировали и заменяли золотое шитье, повторяя традиционные формы и узоры последнего. Подобные украшения изготавливались по трафаретам, вырезанным заказчицами. Иногда же металлические нашивки имели совершенно иной характер легких литых ажурных блях со стилизованным растительным орнаментом. Украшения для женской одежды делались также и местными ювелирами — карачаевцами (Каппушев Исхак, Урусов Мыртаз, Батчаев Рамазан и др.). Широкого распространения в Карачае ювелирное дело не имело, по-видимому, и в более ранний период, а тем более в XIX—XX вв.

К произведениям народного искусства можно отнести и каменные могильные памятники (сын таш), украшенные резным орнаментом и арабскими надписями, имевшими, помимо смыслового, и эстетическое значение. Памятники были расписаны по резьбе красками. Во дворах иногда можно было видеть изредка каменные столбы-коновязи, также резные и расписанные.

В публикации А. Ковалевского дается описание почти тридцати принадлежащих карачаевцам памятников на кладбище в Кисловод-

ске¹. Они имеют вид вертикально стоящих плоских плит, закругленных сверху. Это наиболее традиционная форма не только для мусульман Кавказа, но и для христиан-осетин. Автор пишет, что высекали камни «не мусульмане», но расписывали карачаевские мастера.

Значительное место сын ташам уделяет А. Я. Кузнецова². Разнообразные по форме и декору, карачаевские надгробия больше всего примечательны своей резьбой, имеющей характер плоского, но довольно высокого рельефа. Особенно богаты по орнаменту и своеобразны по форме картджуртские памятники. Причудливая вязь арабского шрифта сочетается с довольно сложным растительным орнаментом. Последний имеет вид побегов с цветками и листьями по краю лицевой стороны или боковым плоскостям памятника³. Сложные композиции растительного характера расположены и на лицевой стороне, в частности и в верхней части плиты. На некоторых плитах встречаются изображения руки и тамги, а также рисунки различных бытовых предметов от кумгана для омовения до зонтика, часов с цепочкой и русских сапог. Если орнаменты исполнены с большой тонкостью и мастерством, то изображения реальных предметов очень наивны. Некоторые имели раскраску, отличавшуюся яркостью и полихромностью (до 10 цветов на одном памятнике).

Мастера, изготовлявшие памятники, принадлежали к разным национальностям. В ряде случаев это были дагестанцы, о чем иногда свидетельствует и характер орнамента. В Карачае были известны имена Расула Гибиева (лакца или аварца), Шамсудина Тавлетаева (кумыка). Наряду с ними работали карачаевцы Джагафар Хачиров, Туган Абазалиев и др.

Искусство народов Северного Кавказа по его видам, технологии, используемым материалам и во многом по орнаментике имело много общего. Но искусство карачаевцев все же очень самобытно. Это выражается прежде всего в разнообразии художественного языка, в богатстве форм образного мышления, в органическом сплаве и творческой переработке разнообразных наслоений, которые явились результатом сложной истории народа.

Даже в одном виде материала (войлоки, дерево, ткань) мы видим различные стили орнамента. Было бы неправильным сводить все декоративное искусство народа к орнаменту, но он очень важен. В нем прослеживаются две линии — местная и тюркская.

Если же взять карачаевское народное искусство в целом, то для него характерны монументальность, некоторая тяжеловесность и пышность, лаконичность в пластических формах, суровость и сдержанность в цветовых соотношениях, которые сочетаются с богатством фантазии, щедростью мастерства, непосредственностью и некоторой наивностью, особенно чувствующейся в аппликативных войлоках.

Близкий друг К. Хетагурова И. П. Крымшамхалов (Тебердичи) явился основоположником карачаевской живописи. В художествен-

¹ А. Ковалевський. Росписи мусульманського кладовища. Журн. «Східний світ», Харків, 1928, № 6.

² А. Я. Кузнецова. На земле Балкарии и Карачая. «Декоративное искусство СССР», 1970, 8/153.

³ Некоторые из этих бордюрных рисунков использованы и в золотом шитье.

ном наследии И. Крымшамхалова выделяются пейзажи и книжные иллюстрации.

Судьбы карачаевского народного искусства в советский период сложны. Сыграла свою роль нерасчлененность в прошлом народного искусства с производством бытовых изделий, отсутствие специализации мастеров именно на художественном ремесле. Уменьшение роли кузнеца в силу распространения готовых промышленных изделий привело к падению его мастерства и исчезновению художественнойковки. Вытеснение утвари домашнего изделия покупной отразилось на искусстве резных изделий из дерева. Исчезновение золотого шитья связано не только с изменением одежды, но и с его трудоемкостью чрезвычайной. Современная молодежь, в том числе и женщины, занятые трудом на производстве или в сельском хозяйстве, вовлеченные в учебу, приобщившись к спорту, самодеятельности, современным развлечениям, не могут и не хотят тратить время на старинные «художества». Одаренные юноши и девушки в советских условиях имеют все возможности получить специальное художественное образование (например, на художественно - графическом факультете пединститута в Карачаевске) и стать профессиональным художником.

Из описанных выше видов народного искусства наиболее жизнеспособным оказалось изготовление узорных войлоков, которые прошли за советское время интересную эволюцию. Более всего это относится к ала кийизам, а также бичген кийизам. Аппликационные войлоки «джыйгъыч кийизы», тесно связанные со старым типом жилища, вместе с появлением новых домов вышли из обихода. Для ала кийизов 30-х годов характерна тенденция к многоцветности, связанной с распространением фабричных красителей. Появились новые цвета (синий, лиловый, зеленый, малиновый, ярко-желтый), не характерные для войлоков в прошлом. Наряду с полихромностью, а, может быть, и в связи с нею, наблюдается размельченность, дробность узоров в сочетании с большим размером войлоков. Во время пребывания в Азии карачаевские мастерицы переняли и новые для себя способы нанесения узора (вкатывание узора в слабо сваланный войлок с одной стороны). Изменилась цветовая гамма за счет увеличения белого и коричневого цветов, характерных для овец в Средней Азии. Большое место заняли криволинейные узоры, укрупнились орнаментальные мотивы.

В настоящее время в основном делаются ала кийизы традиционных узоров, черно-бело-серой расцветки и старой техники валяния.

Большее распространение, чем до войны, получили войлоки-мозаики со вшитым узором, разнообразной расцветки.

Местные рукодельницы овладели различными приемами вышивки, вязания, но их работы в большинстве случаев не имеют национального характера. Характерное для карачаевцев стремление заполнения интерьера тканями в наши дни получило широкие возможности. Покупные ковры ручной и фабричной работы, декоративные ткани широко вошли в убранство современных жилищ.

Художественные ценности, созданные народом, находят свое место в профессиональном искусстве карачаевцев, среди которых имеются графики, живописцы, скульпторы, мастера чеканки по металлу, инкрустации и резьбы по дереву. Трое из них — Х. Крымшамхалов, М. Чомаев и Б. Узденов — члены Союза художников СССР.

ФОЛЬКЛОР

Карачаевцы и балкарцы накопили огромное количество самых разнообразных произведений словесного искусства, составивших общий для них художественный фонд. Жизнь народа, различные общественные и политические события нашли отражение в песнях, преданиях, легендах, героических поэмах. Вековой опыт был облечен в пословицы, поговорки, загадки. Вместе с другими народами Северного Кавказа карачаевцы приняли участие в создании эпоса о нартских богатырях.

Отличаясь самобытностью художественных средств, стилистическим строем, системой образов и характеров, являясь национальной по форме, карачаево-балкарская версия в то же время тесно сопрягается с эпосом осетин, адыгов, абхазов, абазин. Поэтому «Нартиаду» следует рассматривать в диалектическом единстве всех ее версий.

Как правило, происхождение нартских героев, таких, как Сосурка, Шауай, Сатанай и многие другие, не только результат каких-то чудесных явлений, но и несет в себе постоянную черту: один из родителей нарта, как правило, — сверхъестественное существо.

Но есть герой эпоса, происхождение которого, так же как и происхождение Сатанай, божественно полностью. Это нартский кузнец Дебет. Отец его — бог огня (От тейриси), а мать — богиня земли (Джер тейриси). Примечательно, что в этом сказании даются конкретные указания на историческую эпоху, когда происходили события, описанные в нем: «Давным давно, когда люди жили в каменных пещерах, пользовались каменными корытами, деревянным ситом» (значит, до появления в быту железа)¹.

Героев нартского эпоса можно условно разделить на четыре группы. Первая группа едва намечена, но осязатима — это боги, которые стоят над нартами, помогают им или равнодушны к ним, указывают верный путь — это, например, «над богами великий Тейри грозноликый... богов повелитель», создавший первого нарта, златоликого Дебета, а вместе с ним и человека². Вторая группа — это тоже боги по своему чисто божественному происхождению (Дебет, Сатанай), но гораздо более близкие нартам: они живут среди них и помогают им, как равные равным (Дебет — первый нартский кузнец, впервые из руды раздобыл железо, в кольчуги людей одевал, ковал оружие и стрелы, научил потомков кузнечному ремеслу, влил железную силу в тело нартов). Третья группа — это полубоги по своему происхождению, как уже говорилось выше о Сосурке. И четвертая группа — просто нарты, происхождение которых вполне земное и человеческое. Особое место занимает Шауай — сын нарта и эмегены.

Как видим, эти образы архаичны, возникли, несомненно, в глубокой древности, но со временем мифологическая их основа претерпевает значительные изменения. Нартские герои Сосурка, Ёрюзмек те-

¹ «Эртде-эртде дорбуилада тургъанда, таш тегене, агъач элек болгъанда, от тейриси джер тейрини алгъанды, кек кюкюрёб джер бууаз болгъанды... Джер джарылыб сора Дебет туугъанды». См.: «Малкъар-Къарачай нарт таурухла», Нальчик, 1966, стр. 131.

² Дебет златоликый. «Балкаро-карачаевский эпос», Нальчик, 1973, стр. 81—82.

ряют в народном истолковании черты мифические, становятся носителями идеалов народа, борцами за его освобождение от внешних и внутренних поработителей. А в образах мифических великанов, злобных и безобразных, нашли отражение реально существовавшие враги трудового народа — национальные и социальные.

Эпос пронизан мотивами борьбы нартов с извечными врагами нартов — эмегенами, обладающими громадной физической силой, но отличающимися от хитроумных нартов своей глупостью, неповоротливостью, что и приводит их к поражению каждый раз в непрекращающейся вражде с ними. Они едят человеческое мясо, некоторые из них имеют много голов. Образ эмегена так рисуется в сказаниях: «Глазам его представилась громадной величины женщина, «эмегена», с откинутыми назад через плечо персями; она зачинаяла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитки, как аркан; герой решил «потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот и, таким образом, сразу стать ее молочным сыном. Дочь эмегена — тоже громадная и странно уродливая, зубы у нее были так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние опускались ниже подбородка; увидев детей, эмегена тут же принялась их глотать». Живут эмегены в безлюдных местах.

Эпос, кроме гиперболизированных образов врагов, дает и более реальные, хотя и не лишённые фантастической оболочки. Они дают возможность находить им аналогии в истории народа, в его перемещениях и столкновениях с другими народами. Интересен в этом смысле образ красноликого, рыжебородого (букв. «красящего бороду хной») Фука, как конкретное олицетворение чужеземного поработителя, истязавшего народ непосильной данью и поборами.

Нартские богатыри, борющиеся за сохранение независимости нартского рода, наделены в эпосе физической силой, могучим духом, высокими моральными качествами: привязанностью к родной земле, верностью в дружбе. Таким предстает один из центральных героев эпоса Ёрюзмек, сын Схуртука, вышедшего из простого сословия. Действия и поступки его исполнены рыцарской самоотверженности и благородства. Жизнь воина протекает в жестоких битвах с насильниками и угнетателями, образами которых народ придал фантастические черты чудовищ — эмегенов. Соплеменники называют Ёрюзмек отцом нартского войска, а его жену и помощницу Сатанай — матью нартов. Ёрюзмек, «не знавший ни единого слова неправды», вырос в окружении нартских героев, предрекавших ему славу доблестного и отважного богатыря. Еще ребенком он, возмущенный покорностью нартов, плативших непосильную дань «краснобородому, трусливому князю Фуку», дает клятву освободить от него нартов. Получив совет Сатанай, он убивает князя Фука в его стеклянном дворце на небе. После этого семь недель, не переставая, лил кровавый дождь и на земле наступил «берекет» (обилие — А. К.). За свой подвиг Ёрюзмек был выбран главою нартов. Ёрюзмек — самый искусный среди нартов стрелок из лука, нет ему равных в нартских играх. Мощь его тела, богатырская сила признаны не только нартами, но и их врагами — эмегенами.

Сосурка — второй по значительности герой эпоса. С его образом связан мотив чудесного рождения нарта — общий для всех нацио-

нальных версий. Став совершеннолетним, он спасает от смерти нарта Ёрюзмека, избавляет народ от пятиголового эмегена. Сосурка побеждает эмегена не столько своей богатырской силой, сколько превосходством ума и хитростью. Сказание о борьбе Сосурки с эмегенами заканчивается словами: «Так Сосурка освободил карачаевский народ от эмегена». И в сказании об Ёрюзмеке, и в сказании о Сосурке мы видим эволюцию образов эпоса от мифа к реальности. Они конкретизируются, наполняются реальным содержанием, теряя в некоторой степени свою условность. Ведущим мотивом в этих сказаниях является борьба нартов против врагов, готовность героев эпоса бороться во имя счастья народа, хотя бы борьба и вела их к гибели.

Знаменательно, что герои карачаево-балкарских нартских сказаний позднейшего цикла люди незнатного происхождения: Ёрюзек — из простого сословия, Шауай — неимущий, хотя и участвует в нартских состязаниях. В сказании о Шауае нарты теряют облик богатырей. Они хвастливы, алчны, трусливы, лживы и жалки. Шауай презрительно называет их «чванливыми нартами», которые, ничего не поняв, так и будут думать, что все дается им их счастьем, славой и силой. Он решает сделать так, чтобы они признали его силу и убедились в своем ничтожестве. Чудесный конь Гемуда помогает Шауаю доказать нартам превосходство над ними их шапы (слуги). В сказании о Шауае отразилась демократизация трактовки нартского эпоса.

Исторические мотивы и реалистические тенденции, наметившиеся в нартском эпосе, получают дальнейшее развитие в других жанрах народного творчества, главным образом, в историко-героических песнях. Нартский же эпос продолжает бытовать в окаменелых формах, становится реликтом.

В сказках, наряду с элементами фантастики и отголосками древнейшего мирозерцания, нашли отражение реальный быт и нравы, отдельные исторические события. Это широко распространенный жанр фольклора, в котором легко обнаружить традиции восточных сказок в образах, сюжетах, в элементах сказочной фантастики, трансформировавшихся у карачаевцев и балкарцев. В волшебных сказках, наряду с анимистическими, тотемистическими верованиями, сказалось поклонение покровителю охоты Апсаты, покровителю домашних животных Аймушу («Зынгырдаук», «Аймуш»). Этот вид сказок иногда бывает связан с сюжетами и героями сказаний о нартах и представляет собой как бы новую форму, в которой живет и, может быть, сохраняется нартский эпос¹. Сказки о животных имеют в большинстве случаев назидательный характер. Например, в сказке «Блоха» высмеиваются разбойничьи набеги на окрестное население, проявляется миролюбие народа. Наиболее интересны, с точки зрения социальных мотивов, бытовые сказки. Они очень реалистичны, выражают народный протест против угнетате-

¹ Примером своеобразной формы, в которой бытуют мотивы нартского эпоса, может служить сказка «Ёрюзек». В ней переплелись мотивы сказки бытовой и волшебной о борьбе с эмегенами, вставлен самостоятельный сказочный сюжет о «Бычачьей лопатке», и этот комбинированный сюжет прикреплен к имени нартского героя Ёрюзмека.

лей — баев, бнев, судей, эфенди, клеймят их сатирой («Эфенди и могила шейха», «Три брата», «Тёре» и др.). Характерен образ Кёсе, как воплощение жестокости, хитрости, алчности, торгашеского духа. В нем народ выразил свой протест против зарождающихся капиталистических отношений. Наиболее распространенный мотив бытовых сказок — месть батрака жестокому и алчному хозяину. Образ батрака, где силой, где хитростью одерживающего победу, наиболее популярный образ. Бытовая сказка сильна и своей антиклерикальной направленностью. Полны остроумия и живой наблюдательности сказки, обличающие эфенди в алчности, ханжестве и лжи, в тунеядстве, моральной распущенности. В резко сатирической сказке «Эфенди и могила шейха» мулла в день мусульманского жертвоприношения выдает за могилу святого шейха холмик, насыпанный над трупом своего сдохшего осла: «Умер часто посещавший меня великий шейх. Шейхи, собравшись, похоронили его возле моего дома. Тому, кто будет ходить на поклонение к могиле угодника (зиярат), отпустятся все грехи и будут открыты двери лучшего из раев». Сказка едко заключает, что от богатых приношений обманутых им людей «загривок муллы стал обрастать жиром». Пример муллы оказался сильнее его правил: ученик, сбежав от него, хоронит второго осла своего учителя и в свою очередь объявляет новую могилу шейха. Точно так же обличаются мздоимство и несправедный суд в сказках о чиновниках — судьях и писарях. Сюжет «Бедняка и судьбы» напоминает русские сказки о Шемякином суде.

К сатирическим бытовым сказкам примыкают анекдоты о Насреддине (Насра Ходже), демократический герой которых олицетворяет оптимизм народа и веру его в свои силы. Почетное место в сказках занимает образ женщины, чью положительную роль характеризует пословица «Женщина — крылья мужчины». В сказках «Как горец путешествовал», «Овцевод» она предстает как мудрая и верная подруга героя во всех его испытаниях.

Широко представлены в карачаево-балкарском сказочном эпосе и сюжеты развлекательные, полные юмора. В них повествуется о человеческих слабостях и недостатках, о неловких и недогадливых людях, подвергаются скрытой насмешке зависть, глупость и скупость. Например, в сказке «Скупой» гость остроумно обличает хозяина, который нарушил обычаи гостеприимства: завидя гостя, он поторопился скрыть приготовления к ужину. «Я чту тебя, как отца, а поэтому вернулся рассказать тебе историю, которая приключилась со мной в дороге: по дороге наткнулся я на змею. Голова этой змеи была величиной с баранью голову, что лежит под тобой. Когда я убил змею, вывалились ее внутренности, подобные потрохам, на которых сидит твоя жена. Если вру, пусть меня постигнет участь гуся, спрятанного под твоей дочерью», — говорит гость.

При разнообразных функциях фольклора в жизни народа, он был призван, прежде всего, воспитывать, учить и по-своему выполнять это назначение не только образами богатырского или сказочного эпоса, но и разнообразными дидактическими жанрами — «нарт сёзле» (букв: «слова нартов»), пословицами и поговорками, загадками, алгышами (благопожеланиями).

В нарт сёзле, пословицах и поговорках отразился многовековой

опыт народа, его мудрость и наблюдательность, его неписаный моральный кодекс. Они говорят о любви к Родине, о мужестве, трудолюбии, тяге к знаниям, о миролюбии и непримиримости ко злу, учат гостеприимству, дружелюбию, щедрости, клеймят предательство, трусость, лень, злоязычие, жадность и т. д. Здесь также проявляются мотивы социального, антиклерикального протеста. Форма этих слов обычно афористична, образные параллелизмы связаны со скотоводческим бытом и условиями жизни в горах. Национальный колорит языка в них ощутим с особенной силой.

С трудом, жизнью, хозяйством горца связано содержание загадок. Этот жанр носит название «Эл берген джомакъла» (досл. «Сказки, за которые отдают сёла»). Загадывание их составляет своеобразную игру-состяжание. Участники игры задают по очереди вопросы и после них добавляют формулу: «Не дашь тысячу сёл — не скажу». Отгадавший загадку получает право задать вопрос следующему участнику игры. Если же тот, кому задана загадка, не может ее отгадать, он дает «эл», т. е. село, выкупает отгадку. Получающий село произносит формулу: «То, что есть хорошего в селе, пусть будет нашим, то, что есть плохого, пусть будет дальше камней и гор, пусть будет подальше от нас» и, по правилам игры, получает право вновь задать вопрос.

Тематика загадок разнообразна. Природа и ее явления, растительный мир, человек, орудия труда и др., становясь предметом описания, передаются в конкретных образах, взятых из мира вещей, окружающих горца, сосредотачивают внимание на предметах и явлениях реальной жизни: «Один всадник, а у него сто плетей» — «Джангыз атлыны джюз къамчиси» (солнце и его лучи); «Над крышей дома пестреет войлок» — «Юй башында ала кийиз» (звезды); «На нагорье режут овцу, кровь ее течет сюда» — «Сырдта къой кесиле, къаны бери келе» (огонь); «Мясо у нее жирное, костей нет; кожа тонкая, шерсти нет» — «Эти семиз, сюеги джокъ; териси джукъа, тюю джокъ» (картошка); «На одной поляне тысяча овец, все они котные; не дашь тысячу сёл — не скажу» — «Бир талада минг къой, мингиси да буаз; минг эл бермей, айтмазма» (подсолнухи).

Поэтическим сводом правил поведения в быту и в коллективе, утверждающим этический идеал народа, можно назвать своеобразный жанр дидактической поэзии алгыш. Возник он, очевидно, еще в языческой древности как гимн богу Тейри, о чем говорит сохраняющаяся в тексте его архаическая формула заклинания: «Тейри берсин ол насыбны...» («Да подаст это благо Тейри — А. К.»). Со временем алгыш стал частью свадебного обряда «открывания невесты» в присутствии свекра и свекрови, сопровождал застолье при торжественных случаях.

Из традиционного свадебного алгыша встает идеальный, в соответствии с требованиями семейной морали, образ женщины-невестки:*

От пришедшей невесты,
От щек ее пусть исходит тепло;
Пусть любовь излучают ее глаза,
Пусть будут ласковыми ее слова.

* Здесь и далее подстрочные переводы А. И. Караевой.

Пусть смеясь-улыбаясь войдет,
 Пусть с любовью в этот дом войдет,
 Пусть лэстницей будет для стариков,
 Пусть жизни обильной будет ключом.
 Пусть будет ярка, как звезда,
 Пусть блестит, как мех бобра;
 Пусть с мужем сживется.
 Как мясо и кожа.

Алгыши, сохраняя приметы скотоводческого быта давнего времени, в советский период обогатились новыми образами и идеями, стали служить воспитанию людей в духе новой морали.

Любимым и распространенным видом художественного творчества народа является песня.

Наиболее древними являются трудовые песни. Из них до нас дошли немногие: «Инай» — сопровождала процесс валяния сукна; «Эрирей» — песня, связанная с процессом молотбы и сельскохозяйственных работ. Большой интерес представляет песня «Долай», которую пели при сбивании масла. В песне возникает образ веселого божества Долая, который так таинственно превращает сметану в масло. Имя его основано на звукоподражании: «Дой-Дой-Дол», — как будто говорит бурдюк. Этому Долаю можно и польстить шуточно, и улестить его, и пригрозить ему:

Ой, Долай, ты такой масляный бурдюк!
 Ты бурдюк без изъяна,
 В тебе больше масла, чем айрана.
 ...На звуки нашей песни пришли дорогие гости,
 Ой, если можешь, будь же ты в бурдюке!..
 Если же не получаешься, развязывают бучхак¹,
 обрезают ухо.

Своеобразие семейных отношений в среде скотоводов раскрывается в развернутых антитезах:

Ой, на берегу заиграет гусь,
 В камышах закричит цапля.
 Ой, юноша дорвется до девушки;
 Ой, юноша заиграет, девушка засмеется.
 Кто узнает, что в душе у них обоих?
 Ой, на берегу два гуся,
 Один пестрый, другой серый.
 Оставь пестрого, возьми серого:
 По матери бери дочь.
 Материнское — у дочери,
 Отцовское — у сына.
 Коль родится хороший сын у отца,
 Он поставит загон в пустыне
 И заполнит его скотом,
 Осмыслив мир, построит свою жизнь.
 Родится плохой сын у отца —
 Отцовское большое стадо промотает,
 Позволит женщинам причесывать свой чуб.

Народная мудрость отразилась в поговорках типа «по матери бери дочь», в интерпретации пословиц «Добра не оставляй: сын плох — так прахом все пойдет, а сын хорош — так, видит бог, и сам он наживет».

¹ Бучхакъ — один из концов бурдюка, через который выливается содержимое.

В песне нет прямых жалоб на тяжелый труд, на зависимое положение, но в том, как страстно противопоставляется хорошая хозяйка плохой, чувствуется, как несладко жилось пастухам: хозяйке, плохой относящейся к пастухам, песня желает саван из лубка кенафа; хорошей хозяйке — дорогой платок и косы до пят, чтоб окружали ее чернобровые невестки, чтобы была счастливой ее жизнь. А после смерти — саван из чистого шелка.

В песне находят отражение предметы и конкретные бытовые процессы, условия жизни народа. Так, например, мы узнаем, что пастухи выбирали «кош тамаду» (старшего в коше), ответственного и за людей, и за дело:

Ой, получим мы чаши масла,
Поставим их перед тамадой.
Тамада даст попробовать каждому
И заставит быстро выполнить его поручение,
А если я не буду расторопен,
Вытянет меня по ногам гибкой лозой.

В языческом пантеоне карачаевцев, как и у многих других народов Кавказа, почетное место занимало божество охоты Апсаты. Этому божеству посвящена песня — моление об удачной охоте «Апсатыны джыры». Божество Апсаты предстало перед людьми в образе козла, чаще в образе мифического оленя с двумя острыми рогами и тремя ногами. У Апсаты были дочери. Старшую звали Фатимой. Охотники, страшась гнева Апсаты, старались умиловить его молитвами и жертвоприношениями. Апсаты и его дети в гневе могли не только ничего не дать, но и погубить охотника. Как говорит легенда, так случилось со знаменитым охотником Бийнёгером, трагическая гибель которого воспета в песне-легенде «Бийнёгер». Полный драматизма сюжет развертывается в рассказах героя и автора, в диалогах героя и других действующих лиц.

В центре песни удачливый охотник — меткий стрелок Бийнёгер. У него заболел брат, и излечить его может только молоко белого марала. Бийнёгер отправляется с охотничьей собакой на поиски марала. Он встречает его в горах и преследует его, не ведая того, что это Фатима, дочь Апсаты, в облике трехногого оленя. Погоня за ней завершается проклятием, произнесенным этим божеством, и Бийнёгер оказывается на отвесной скале, лишенный возможности спуститься к людям. Ему предстоит мучительно и долго умирать без пищи и тепла. Чтобы избежать такой участи, он бросился со скалы.

Каждая из противоборствующих сторон в этом конфликте права по-своему. Бийнёгер — преданный брат, человек с благородным характером, способный к самопожертвованию; и цель его охоты благородна и человечна — спасение жизни человека. В то же время Фатима, говорящая человеческим языком, защищает беззащитных оленей перед лицом существа более сильного и опасного — человека. Бийнёгер погибает, но не так, как предсказывала богиня, а так, как жил, — мужественно. Он сам выбирает себе смерть, бросаясь со скалы и разбиваясь.

Песенное творчество карачаевцев и балкарцев, как и художественное творчество в целом, безусловно, развивалось в условиях са-

мых тесных контактов, взаимовлияний культур народов Северного Кавказа.

Темы национально-освободительной и социальной борьбы с наибольшей полнотой развиваются в историко-героических песнях. В них отразились и горечь судьбы маленького народа, с иронией замечавшего о своей малочисленности и незащитности: «Помыслы наши выше Эльбруса, а сила наша и былинку не ломит», и мужество его несломленной души. Так звучат песни о борьбе с произволом крымских ханов («Ачей улу Ачемез»), о борьбе с горскими феодалами («Кара-Мусса»), о набегах кызылбеков («Татаркан»), песни о русско-турецкой войне 1877—78 гг. и русско-японской войне 1904—1905 гг.

Песня «Ачей улу Ачемез» создана, когда карачаевцы и балкарцы страдали от произвола крымских ханов. Герой песни Ачемез — простой охотник. Но свое человеческое достоинство, независимость и честь он ценит более всего на свете. Поэтому он, не колеблясь, вступает в борьбу с властным ханом, когда тот требует у него, как у своего подданного, отдать красавицу-жену Боюнчак. Ачемез отвергает требование хана¹.

Когда же хан является в дом к Ачемезу, чтобы забрать ее силой,

Красавица — жена Ачемеза — Боюнчак
Отворила приветливо двери ему...
Джигит Ачемез натянул тетиву...
Наугро завернутый в серую полсть
Ханше в подарок отправлен был гость.

Под стать мужественному Ачемезу и его жена Боюнчак. Она встает на защиту чести своей и мужа. Песня донесла до нас выразительный образ женщины, красивой, умной, обаятельной и волевой.

Героизму Ачемеза и Боюнчак, при всем его личном проявлении, в песне придается общественный характер, т. к. он служит интересам соплеменников.

Самую большую группу героических песен составляют так называемые песни о набегах: «Татаркан», «Джандар», «Ильяс», «Батыр Басханук», «Къобанланы къой бёлек» («Стадо овец Кубановых»), «Заурбек», «Салимгерий» «Сарыбий и Карабий», «Кайсынла», «Чюерди», «Азнаур» и др. В них воспеваются сила и храбрость в бою за интересы обиженного против обидчика. В своих нравственных оценках песня никогда не снижается до оправдания набегов на соседей, если даже они предпринимаются «своим» феодалом, либо просто своим соплеменником. Как справедливое возмездие за попытку взять пленников для продажи в рабство, угнать скот у соседей — приобрести богатство путем грабежа — рисуют песни «Чюерди», «Сарыбий и Карабий», «Чёпеллеу», «Ильяс» и др. бесславную гибель тех, с ком сложены эти песни.

Образцом песни, воздающей хвалу уму и отваге простого горца, служит песня «Татаркан» из этого цикла. Татаркан из фамилии Богатыревых, уроженец аула Учкулан не был в селе, когда на его соплеменников напали кызылбеки, взяли в полон его людей, среди них

¹ «Къарачай-малкъар халкъ джырла», М. 1969, стр. 58.

и молочную мать Татаркана, угнали скот. Татаркан, узнав об этом, собирает людей, бросается в погоню.

Застав врагов врасплох, Татаркан освобождает людей, отбивает скот. Песня прославляет богатырскую силу и храбрость Татаркана и осуждает трусость и предательство князя Иммолата, который оставил Татаркана и повернул назад с половины пути. Песня очень конкретна в названиях мест, где произошли эти события, в стремлении сохранить имена действующих лиц, окружить их бытовыми деталями и приметами, характерными для жизни людей в условиях племенных и феодальных распрей.

Более поздние по времени события внутренней жизни народа, связанные с борьбой трудящегося народа против своих биев, баев, духовенства, отразились в песнях социального протеста. В основе они имеют также действительные факты и указывают на конкретно-исторические лица («Баракъ», «Песня о Джагаеве Маиле», «Бекболлат»; «Песня о Хасане», «Песня Атабия» и др.). Особенно в них поэтизируется активный протест, любовью и уважением овеяны образы мятежных абреков («Канамат»), образы мужественных борцов против несправедливости («Кара-Мусса»). В этих песнях плач по загубленным героям сочетается с верой в то, что «придет день, когда и хан станет бедным».

В песнях более позднего происхождения («Канамат», «Кара-Мусса», «Песня ушедших на японскую войну» и др.) начинается звучать протест против всей системы национального и социального гнета. Герои этих песен вступают в конфликт с царскими властями в поисках справедливости, во имя «жизни свободной от насилия царя», «жизни с законом, либо с правым судом». «Защитником бедняков» (джарлыланы ёкюлю), всжаком народа рисует песня образ Солтан-Хаджи Байчорова, арестованного и сосланного властями за то, что он возглавил в 1908 году борьбу крестьян сел. Теберда и сломал ограды вокруг земель, насильственно захваченных богачами.

Различные стороны народной жизни отразились в бытовых песнях — любовных, колыбельных и др. О народных взглядах на семью, любовь, человеческие взаимоотношения говорят такие песни, как «Акбийче и Рамазан», «Белая Батай» и другие. Они воспевают верность в любви, силу чувств, протест против насилия над человеческой личностью. Драматизмом окрашены мотивы социального неравенства в любовной песне. Оригинальными видами этого жанра являются так называемые инары — цепи четверостиший, своей юмористической окрашенностью напоминающие русскую частушку, и «кюуле», буквально: страдания.

Своеобразие карачаево-балкарского фольклора определяется историческими условиями его бытования: миролюбие, мягкость, трудолюбие народа отразились в его творчестве. Подлинный гуманизм неотрывен от мужественного героизма и свободолюбия. В карачаевском фольклоре преобладают эпическое начало и эпические жанры. Сильны реалистические тенденции, стремление к конкретному изображению людей и событий. Фольклорные произведения сюжетны, конфликтны, динамичны, изобразительные средства лаконичны, просты и ярки, эмоционально насыщены. Здесь есть и лирика, и патетика, и сатира, и юмор.

Дореволюционный фольклор в основном анонимен. Однако между фольклором и письменной литературой, возникшей после Великой Октябрьской социалистической революции, стоит творчество талантливых индивидуальных творцов, поэтов, таких, как Касбот Кочкаров (1834—1940 гг.), Аппа Джанибеков (1864—1934 гг.), которые в своих песнях осуждали несправедливость, защищали интересы народа. Если Кочкаров (Багъыр улу) в песнях дает описание взаимоотношений антагонистических классов («Гапалау», «Джандар», «Дебош» и др.), то Джанибеков (Къалай улу) пользуется сатирой для разоблачения социального зла и в своих песнях-эпиграммах создает карикатуры на представителей господствующих классов и выставляет на всеобщее осмеяние социальные пороки. Образцом сатирического мастерства Джанибекова является его песня «Къош негерле». Игровые элементы, которыми сопровождал Джанибеков исполнение своих песен, усиливали атмосферу взаимопонимания певца и аудитории, способствовали лучшему восприятию социального содержания его сатиры. Творчество Касбота Кочкарова и Аппы Джанибекова в годы Советской власти получило письменное оформление.

В советское время, несмотря на возникновение и развитие письменной литературы, фольклор продолжает жить и развиваться. Не забыты и по-прежнему с любовью исполняются в торжественные, праздничные дни старинные песни о героях, рассказываются исторические были, легенды, героические сказания о нартах, закрепленные уже в письменном виде, как памятники духовной культуры народа. Одновременно с этим многие традиционные жанры фольклора получили дальнейшее развитие в новых исторических условиях. Героическая песня, инары, бытовая и сатирическая песни и другие обогатились новым содержанием, новыми образами и темами, выражая пафос социалистического преобразования и народной героики. Фольклор сопутствует жизни народа на всех этапах социалистического строительства, становясь острым идеологическим оружием. В песнях, посвященных В. И. Ленину, Коммунистической партии, Советской власти, Советской Армии, выражается чувство радости освобожденного человека, гордость за свой народ, за новую жизнь и готовность встать в любую минуту на ее защиту.

Как воплощение ума, мужества и благородства, изображен Ильич в песне «Ленин»:

Ленин боролся за ум и справедливость.
Десять его пальцев — золотое дерево.
Ленин родился и сдружил трудящихся,
Эксплуататоров стер с лица земли.
Имя Ленина будет жить в веках,
Дела его — пример мужественным.
Партии нас оставил Ленин,
Наша жизнь хороша, прекрасна.

В фольклоре карачаевцев и балкарцев нашла отражение гражданская война. Сама борьба за сохранение завоеваний революции, образы ее участников и героев нашли отражение в многочисленных песнях: героических, когда речь шла о выдающемся борце и подвиге; сатирических, когда жестокому осмеянию и разоблачению под-

вергались враги революции и трудового народа. Народ оценил и запомнил имена своих сынов, отдавших жизнь за Советскую власть. О Солтан-Хамиде Калабекове, заслонившем собой от вражеской пули любимого народом революционера-большевика С. М. Кирова, сложена в Балкарии песня «Солтан-Хамид». О партизанских командирах Асанове Хаджи-Мурате, проявившем героизм в борьбе с депкинским генералом Серебряковым, Алиеве Таукане¹, жизнь которого трагически оборвалась от руки врага, — образы их песня создает в стиле традиционных героических песен: «Пока жива душа у Таукана, он не даст ступить белой гвардии в наши места» — о Таукане Алиеве в одноименной песне; «Джигит Хаджи-Мурат, когда на народ обрушилась беда, повел за собой обездоленных» — о Хаджи-Мурате Асанове.

В образах героев воплощены черты нового человека — борца за народное счастье, движущей силой героических поступков которого является верность идеям революции, идеям социального переустройства жизни.

Героические образы борцов за Советскую власть противостоят образам врагов, которые даны в песнях в сатирическом плане, как например, в известной народной песне «Партизанская» («Партизан джыр»). Насколько глубока любовь народа к своим героям, настолько же и сильна его ненависть к врагам. Так возникает в песне образ Хаджи-Даута (прототип — крупный землевладелец в Балкарии), который буквально уничтожен ироническим вопросом: «Почему бежит Хаджи-Даут, ой орайда, на дороге потеряв шаровары». Или еще: «Дукум» (о Сюляеве Дукуме, воевавшем на стороне белых), почему ты не лежишь, ой, орайда, насытившись баксанским пивом? ой, орайда.

Народ, известный своим острословием, нашел меткие образы для характеристики баев, бнев, которые всегда выступали в фольклоре в роли предателей интересов трудового народа: «Убегают, словно подгоняемые ветром, трусливые, так прытко, что только плечи серебрятся». Традиционно-семисложная строка, перемежающаяся песенно-праздничным припевом «ой, орайда», создает победный, радостный ритм, оформляющий лейтмотив песни, выраженный в строках: «Идут большевики, заполнив ущелья. Входим мы в горы, вытянувшись цепью. Победили мы кадетов, потому что нас больше, чем их».

В 20-е—30-е годы особенно ярко в фольклоре отразилась тема труда, нового к нему отношения, особое развитие получает частушечный жанр — песни, состоящие из цепи четверостиший. В жизнь и быт властно входит все новое, не без тяжелых конфликтов. Победа новой морали, становление новых форм жизни, становление нового человека определяют содержание этих песен. Герои этих песен — комсомолки и комсомольцы, молодежь, которая трудится на колхозных фермах, полях. В песнях «Песня девушки-колхозницы», «Косочка», «Песня косарей», «Песня чабана», в шуточной песенке «Теперешние герои» рассказывается о передовиках труда, даются приметы нового, выраженные в вещественных характеристиках: девушка-ударница гордится тем, что у нее много трудодней, что она выполнила план; а когда бригадир противится ее решению выйти замуж в

¹ Старинные карачаево-балкарские песни. М., 1969, стр. 30.

другой колхоз и хочет удержать ее, отказав в арбе и быках, она задорно отвечает: «Можешь, бригадир, надеть эту деревянную арбу себе на голову, за мной он (жених) приедет на легкой машине».

Поэтичен облик молодой девушки-колхозницы, проявившей себя в труде и получившей признание народа и страны, она стала участницей ВДНХ, награждена орденом:

Кто, как месяц, освещает,
Кто, как солнце, согревает,
Как картина, хороша,
Ослепляет нам глаза?
То из нашего колхоза
Чернобровая девчонка.
Ты на выставке была,
Ты и орден привезла.

(Перевод З. Б. Караевой).

Характерной чертой словесного творчества в этот период является то, что песня и стихи, созданные поэтами, только-только приобщившимися к литературному творчеству, на тему труда, борьбы нового со старым, как, например, стихи и песни Даута Байкулова, становились сразу достоянием народа. Такова судьба его песни «Я горская девушка» («Мен таулу кызем»), которая теперь уже стала народной песней, так же, как и «Косочка», созданная в 30-е годы Ш. Эбзеевым. Кроме того, благодаря поэтам-переводчикам (Д. Байкулов, М. Урусов, Т. Борлаков, Х. Бостанов и др.), свободно входит в карачаевский фольклор и русская песенная поэзия: «По долинам и по взгорьям...», «Марш Буденного» и др. песни гражданской войны; обыгрываются темы и мотивы русских советских песен восстановительного периода («Кирпичики» и другие).

К новой, советской тематике обратились в 20-е—30-е годы народные певцы Касбст Кочкаров, Аппа Джанибеков. Они поют о Ленине, о партии, о новой жизни, о новом облике родной земли. Их лирика обогатилась образами и идеями, выражающими мироощущение раскрепощенного народа. 100-летний старец, народный певец Касбот Кочкаров посвятил вдохновенные строки Ленину:

...Ленина путь — это правильный путь,
По этой дороге миллионы идут.
Бездольные нации Ленин сдружил,
С врагами бороться он нас научил.
Тиранов, насильников Ленин прогнал.
Он счастье, победу и радость нам дал...

Социалистическому отечеству в песне «Я стал молодым» («Джаш болдум»):

С любовью гляжу я на Родину-мать:
Она изменилась, ее не узнать,
В суровых боях закалилась она
И стала, как в сказке, богата, сильна.
Прекрасное завтра над нею встает,
Счастливо живет в ней свободный народ...
Цветет наша жизнь, как чудеснейший сад,
Просторные школы встречают ребят —
В них юности нашей бурлит водопад.

(Перевод Г. Орловского)

Произведения народных поэтов были собраны и изданы отдельными книжками. Известно, какую заботу и внимание проявили советские писатели Ю. Либединский, А. Серафимович и другие к К. Кочкарову, А. Джанибекову, так же как писательская общественность Карачая, принимавшая непосредственное участие в их творческой жизни устройством семинаров сказителей, певцов, организацией встреч и поездок в Москву и другие города, участием в обработке, составлении сборников их произведений.

В фольклоре периода Великой Отечественной войны нашли отражение и война, и нелегкая трудовая жизнь тыла. Песни того времени насыщены чувствами патриотизма, ненависти к врагам, готовности к борьбе за независимость советского народа. В этом плане особое место занимает песня об Османе Касаеве — герое партизанского движения в Белоруссии, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а также «Песня о Герое Советского Союза Харуне Богатыреве», созданная поэтом А. Суюнчевым в традициях историко-героической песни. Положенная на музыку, она стала необычайно популярной.

Отвага и стойкость советских людей в боях с фашистской Германией воспеты в песнях-посланиях воинам на фронт «Песня воина» («Аскерчини Джыры»), «Соловушка» («Булбулчукъ»), «Героем возвращайся» и других.

В песнях-плачах изливается горе матерей, жен, детей о погибших на войне близких, друзьях, любимых. Они проникнуты горячим патриотическим чувством. И фронтовые песни, и песни, созданные в тылу, глубоко лиричны, выражают безмерность страданий и лишения народа в тяжелые годы войны, и в то же время исполнены твердой уверенности в конечной победе над врагом. Песни—послания на фронт, как правило, кончаются обращением к любимому, сестры — к брату, матери — к сыну отомстить врагам за горе и страдания людей, проявить себя героями: «Пусть сто фашистских танков уничтожит в один день мой любимый, защищай свою Родину, дорогой, тебя назовут героем» («Возвращайся героем»).

Характерной чертой фольклора периода Великой Отечественной войны является связь с реальными людьми, совершавшими подвиги. Если это была песня-плач, то она слагалась по трагическому поводу. Прославляя героические качества оплакиваемого человека, делясь воспоминаниями о дорогих черточках, деталях характера, его поступках, — словом, восстанавливая облик любимого и близкого человека, те, кто складывал эти песни, этим самым создавали одновременно зримый облик героического поколения советских людей, выражали общее настроение народа, охваченного одним порывом, — выстоять и победить.

Большое место в советском фольклоре занимает традиционная любовная лирика и в ней преимущественно жанр инара, суймеклик джыр (любовная песня).

Современный послевоенный фольклор, далеко еще не собранный, а тем более не исследованный, представляет собой развивающееся явление словесного творчества народа.

ЛИТЕРАТУРА

Карачаевская литература возникла в 20-е годы в результате социально-политических преобразований и культурной революции, начало которым было положено Великим Октябрем. История карачаевской литературы красноречиво отражает процесс стремительного духовного и культурного роста ранее «отсталых» народов в условиях социализма.

Усилия первых карачаевских просветителей Ислама Крымшамхалова, Тохтара Биджиева, Исмаила Акбаева, Иммолата Хубиева распространить грамоту среди родного народа, разработать карачаевскую письменность до Октябрьской революции увенчались более чем скромными результатами. Но их начинания не были забыты. На X съезде Коммунистической партии была поставлена задача «помочь трудящимся массам невелико-русских народов догнать ушедшую вперед Россию», в том числе помочь им «развить у себя прессу, клубное дело, и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»¹.

Творческая деятельность будущих карачаевских поэтов, прозаиков и драматургов — Ислама Карачайлы (Хубиева), Иссы Каракотова, Абидат Боташевой, Азрета Уртенова — была связана с возникновением периодической печати. В газетах на русском языке «Горская беднота» (1922), «Горская жизнь» (1924), а потом на карачаевском «Таулу джашау» (1924), «Таулу джарлыла» (1928) появляются стихи, фельетоны, рассказы, пьесы. Издаются первые печатные книги на родном языке — буквари, книги для чтения, в которых осуществляется первая попытка нормализации разговорной речи. Составители пишут для этих книг стихи, рассказы, обрабатывают образцы фольклора, делают переводы с русского языка. Например, книга А. Биджиева «Знание».

Начало культурной революции в Карачае, как и у других народов, ознаменовалось необычайным подъемом творческой энергии масс. Свой вклад в молодую карачаевскую литературу внесли народные певцы — Касбот Кочкаров, Аппа Джанибеков и др. Они отражали новые явления, вносили в молодую литературу богатство изобразительных средств народной словесности. Стихийно возникали первые литературные кружки в стенах Симферопольского педтехникума и педрабфака в Баталпашинске (ныне Черкесск) и Микоян-Шахаре. Карачаево-Черкесская (1927), а затем Карачаевская ассоциация пролетарских писателей (1928) сыграли положительную роль в организации и идейно-художественном воспитании писательских кадров, в издании и популяризации литературных произведений.

Отделение Союза советских писателей, организованное в Карачае в 1935 году, оживило литературную жизнь в области.

Большой вклад внесла литературная самодеятельность в кружках, учебных заведениях, агитколлективах, карачаевском ансамбле песни и танца, где создаются песни, рассказы, пьесы, тут же становящиеся достоянием общественности. Особую роль сыграл их репертуар в рождении и развитии драматургии.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1953, стр. 559.

Вначале самодеятельность напоминает традиционные игровые элементы на тоях, форму народных представлений «гебчи» и «теке» — в них преобладал элемент импровизации и тесного взаимодействия с аудиторией (пьеса «Дарфат и Хаулат»). Репертуар самодеятельного театра складывается из переводных пьес (пьесы осетинского драматурга Э. Тлатова «Рожденный в яслях», «Два друга», «Новоявленный шейх» в переводах Г. Гебенова, переработка А. Урtenовым драмы осетинского драматурга Д. Кусова «Мариам» и из пьес карачаевских авторов, большинство которых, создав по одной пьесе, так и не стало профессиональными драматургами. Наиболее плодотворной была деятельность Г. Гебенова, автора-постановщика целого ряда пьес и исполнителя ведущих ролей.

Проблематика молодой литературы была актуальна. В ней разрабатываются темы гражданской войны, коллективизации, борьбы с косными обычаями и религиозными предрассудками, с невежеством, с угнетенным положением женщины. Налицо и жанровое разнообразие пьес: героическая, героико-комическая пьеса, агитационная, социально-психологическая и историческая драма (пьеса Б. Чотчаева «Похищенный Мурат»).

В пьесах А. Коркмазова «Красный командир в плену у кадетов» (1928), А.-К. Батчаева «Ахмат-Батыр» (1933), посвященных теме гражданской войны в Карачае, дан идеальный героический характер защитника интересов трудового народа, образ, родственник сказочным и песенным героям. Иллюстративность, риторичность первых агитационных пьес («Грамотная и неграмотная женщина» А. Боташевой) уступает место более стройному сюжету и стремлению к индивидуализации образов в последующих произведениях, например, в пьесе Г. Гебенова «В единении сила» (1930). Она уже тяготеет к социально-психологической драме. Эта линия усиливается в другой его пьесе «Старые адаты и законы», посвященной борьбе за равноправие женщины.

Процесс овладения драматургическим мастерством отчетливо воплотился в оригинальной пьесе Шахарбия Эбзеева «Огурлу» (1931). Это социально-бытовая комедия, в центре которой образ батрака, такого плутоватого простака, одерживающего победу над богатыми и власть имущими. Пьеса была создана в 1931 году, ставилась на сцене, была показана на олимпиаде горских народов Северного Кавказа в Ростове-на-Дону (1931) и на пятом областном съезде Советов в Микоян-Шахаре (1934). В 1937 году была опубликована в окончательном варианте.

Развитие карачаевской драматургии в известной мере тормозилось отсутствием прочной материальной базы, театра, профессиональных актеров и драматургов. В 30-е годы она развивалась в рамках талантливого самодеятельного искусства. В карачаевской драматургии ярко отразился массовый народный характер литературы, самый момент перехода от устного народного творчества к профессиональной литературе.

Карачаевская литература в первые годы развития представляла собой преимущественно поэзию. Зачинателями карачаевской советской поэзии были Исса Каракотов, Азрет Урtenов, а потом Давт Байкулов, творчество которого развернулось, в основном, в 30-е годы.

Творчество Иссы Каракотова (1906—1942), начиная с первого

сборника «Джангы шигирле» — «Новые песни» (1924 г.) и кончая стихотворением «Колхоз джыр» — «Колхозная песня» (1935 г.), посвящено прошлому Карачая в сопоставлении с новой жизнью, борьбе за раскрепощение женщины, антирелигиозной теме. Самобытность таланта Каракотова, его страстный поэтический темперамент, богатство его творческой фантазии с большой силой проявились в одном из лучших стихотворений «Кавказ» (1928), которое положило начало жанру пейзажной лирики в молодой карачаевской литературе. Масштабная мысль поэта охватывает жизнь родного народа в ее прошлом, настоящем и будущем.

Поэзия И. Каракотова исполнена пафоса ломки старого мира, пафоса советского строительства («Городу Баку — матери нефти», «Сельмаш», «Со слов пастуха», «Дар свободы»). В контрастных образах света и тьмы воспевают И. Каракотов «очистительный ураган» революции и ее героев, людей-светочей («Хорлады», «Унутмазбыз»). Романтическая приподнятость этих стихотворений, отражающая грандиозность преобразований в стране, их агитационно-публицистическая страстность, их декларативность сближают эту линию поэзии И. Каракотова с творчеством поэтов Пролеткульта и «Кузницы».

К концу 20-х годов он обращается к изображению действительности и нового советского человека. В поэме «Спор комсомольца с муллоу», форма которой была навеяна антирелигиозными диспутами конца 20-х годов, поэт противопоставил взгляды передового горца-материалиста позиции эфенди — носителя обветшалых догм мусульманства. Дальнейшее развитие этих тенденций мы видим в лирической поэме «Бай и батрак», в основу которой лег подлинный факт.

В силу ряда обстоятельств талант И. Каракотова не развернулся в полную меру, но поэтичность его натуры, яркость дарования и стремление поставить свой талант на службу социалистическому идеалу оказали большое воздействие на поэтов, выступивших вслед за ним в карачаевской литературе. Он явился зачинателем пейзажной лирики, революционной песни, стихотворного диспута, лирической поэмы. В творчестве И. Каракотова отразилось ощущение человека, перед которым распахнулся огромный мир, а сердцем и разумом его овладела великая и прекрасная идея социального переустройства жизни.

Азрет Уртенев (1907—1955) был поэтом-агитатором в лучшем смысле этого слова. Пафос борьбы за высокие идеалы коммунизма пронизывает все его творчество. Беспощадно бичуя классовых врагов и носителей пережитков прошлого («Этот плут», «Эфенди и смерть», «Растрезавшему батрака», «Карачаевский той» и др.), он содействует своей поэзией воспитанию нового человека, теме социальных преобразований и дополняет их темой поэта и поэзии («Я начал», «Перу и тетради» и др.), стихами для детей. В своем сборнике стихов «Новые песни» («Джангы джырла», 1927) А. Уртенев стремится в ярких картинах изобразить жизнь родного народа и творчески осваивает богатства национального литературного языка. Это делает его поэзию доступной широким слоям народа. Он собирает и обрабатывает анекдоты о Насреддине. Мастерство бытовых зарисовок, юмор и ненавязчивая назидательность анекдотов о Ходже близки его собственному таланту и помогают ему овладеть реализмом.

Второй и третий сборники А. Уртенева «Искры свободы» («Эркин-

ликни джилтинлери»), «Стихи и поэмы» («Джырла бла поэмала»). свидетельствуют об учебе автора у русской советской поэзии 20—30-х годов и исполнены революционного содержания. В них те же интонации гимна, марша, лозунга, четкость, энергия ритмов, которыми пролетарские поэты пытались передать «железную поступь миллионов» («Тринадцать», «Железный век», «Сон кузнеца»). В этих сборниках отсутствует интимная лирика, центральное место отводится общественной проблематике. А. Уртенев ломает традиционный стих народной поэзии, расширяет его интонационные возможности. С усвоением опыта русской литературы и традиций родного фольклора он овладевает искусством реалистической типизации. В поэзии его развивается эпическое начало. Рост мастерства поэта сказался в поэме «Письмо Сулемена к Сурат». С нею впервые в карачаевскую литературу вошла тема любви.

Лирико-эпическая поэма «Сафият», посвященная трагической судьбе женщины-горянки до революции, явилась как бы итогом поэтической деятельности А. Уртенова. В ней сконцентрированы лучшие стороны его таланта.

Творчество А. Уртенова отразило ряд существенных черт развивающейся карачаевской литературы: расширение ее идейно-тематического диапазона, путь к реализму, углубляющийся психологизм и страстную партийность. А. Уртенев овладевал художественным мастерством, участь у родного фольклора, у восточной поэзии, у русской поэзии 20-годов, у В. Маяковского.

Карачаевская поэзия в творчестве Уртенова обретает свою исторически обусловленную национальную форму. Он стал учителем талантливой молодежи, шедшей на смену первому поколению писателей.

Бывший батрак, Даут Байкулов (1902—1942) после революции был селькором, впоследствии плодотворно работал журналистом, поэтом и переводчиком. В его творчестве отразилось все, чем жила страна в 30-е годы, — пятилетка, коллективизация, творческий труд, героические подвиги советских людей, принятие Конституции, борьба с фашизмом. В стремлении Д. Байкулова к историзму, к глубокому осмыслению судеб родного народа в цепи времен ясно, ощутимо становление социалистического реализма («Парижская коммуна», «Кровавое воскресенье», поэма «Шамай прежде и теперь», «Ответ на письмо из Турции» и «Сегодняшний Карачай»). В поэме «Шамай прежде и теперь» поэт отразил закономерность движения народа к революции и его новую, светлую судьбу. В поэме еще очень много описательного, она растянута, есть в ней элементы мелодраматизма и сентиментальное морализаторство. Главная ценность поэмы в попытке масштабно осмыслить судьбу человека из народа, передать логику исторического развития.

Эмоциональная окраска поэзии Д. Байкулова ровнее, чем, например, у А. Уртенова. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что он творит в 30-е г. — годы успешного завершения строительства социализма в нашей стране, а с другой — своеобразием его таланта, в котором главными чертами являлись душевная чуткость, мягкость, гуманность по отношению к человеку-труженику. В совершенствован-

нии реалистического мастерства Д. Байкулова большую роль сыграла его журналистская работа. Он обращается в своей поэзии к конкретным фактам социалистического строительства и к образам реальных героев трудовых будней («Берите пример с Азрета», «Колхозному коллективу», «Колхоз в Терезе», «Четыре времени года» и т. д.). Д. Байкулов приходит к подлинно революционному гуманизму, его произведения окрашиваются оптимизмом. Это отразилось в его поэмах, начиная с «Марьям и эфенди» и до «Испанской девочки». Если в поэме «Марьям и эфенди» поэт, обличая невежество и религиозные предрассудки, изображает зло настолько всесильным, а его жертвы настолько беспомощными, что не видит выхода из трагической ситуации, то в поэме «Залихат» и героиня, и автор понимают, что выход есть — он в активной борьбе с сословными предрассудками и старой моралью.

Во второй половине 30-х годов героями стихов и поэм Д. Байкулова становятся люди с сильной волей, люди-борцы и победители («Чкалову», «Трем летчицам» и др.). Он пишет поэму «Испанская девочка», с которой в карачаевскую поэзию впервые в эпическом жанре входит тема международного революционного движения и пролетарской солидарности. В поэзии Д. Байкулова отразилось стремление к эпическому изображению действительности, и в этом смысле оно как бы подготовило почву для появления эпической прозы.

Творчество Д. Байкулова позволяет судить, какую большую роль сыграл для карачаевской литературы художественный опыт русской литературы. В связи с юбилеем А. С. Пушкина в 1937 году Д. Байкулов переводит «Бахчисарайский фонтан», «Сестра и братья», «Братья-разбойники» и другие его произведения. Результаты этой работы своеобразно преломились в сборнике произведений Д. Байкулова «Песни и сказки». Д. Байкулов учился у Пушкина своеобразному восприятию эстетики фольклора.

Становлению прозаических жанров помогло развитие журналистики, публицистики и критики.

Хасан Аппаев (1905—1938) умел глубоко, по-большевистски вникать в сущность современных событий. Юрист по образованию, пропагандист по велению сердца, талантливый организатор, блестящий стилист, постигший тайны родного языка и одновременно безукоризненно владевший русским языком, он был знатоком народного творчества горцев.

Главным в его творчестве был роман «Черный сундук», задуманный как широкое историческое полотно. Писатель собирался с хроникальной точностью показать историческую закономерность революционного преобразования жизни Карачая, осветить период истории народа с 20-х годов по 30-е. К сожалению, Х. Аппаеву не удалось закончить этот роман. Он успел издать лишь две книги, но и они представляют собой событие в литературной жизни народов Северного Кавказа.

Во второй половине 30-х годов, когда карачаевская литература уже достигла значительных успехов, в литературу пришли молодые поэты М. Урусов, Осман Хубиев, Тохтар Борлаков.

Молодежь усваивает опыт предшествующего поколения литераторов, работает с ними бок о бок. Примером такого содружества была

совместная работа Д. Байкулова и М. Урусова над переводами произведений Пушкина к юбилею великого русского поэта (1937 г.).

Магомет Урусов (1916 — 1942) — «двуязычный» поэт зарекомендовал себя как талантливый переводчик. Им переведены стихотворения «В Сибирь», «Памятник», «Кобылица молодая, честь кавказского тавра», «Что ты ржешь, мой конь ретивый», «Утро», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Обвал».

В 1939 году вышел в свет сборник стихов М. Урусова «Джырла» («Песни»). Темы родной природы он раскрывает в стихотворении «Хурла кёл» («Озеро Хурла»).

Он переводит на русский язык старинную лиро-эпическую песню «Бийнёгер», а в конце 30-х годов — исторические военные народные песни. В эти годы он создает боевые патриотические стихотворения «Моя острая сабля», «Мой гнедой конь».

Война прервала творчество М. Урусова в самом начале. С первого года войны он находился в рядах действующей армии. В 1942 году один из его фронтовых друзей писал из-под Белгорода после его гибели: «Мой друг Магомет Урусов пробыл со мной на фронте около двух лет. Я мало видел людей столь застенчивых, скромных, правдивых, как Магомет. Он изумлял нас, читая новые стихи на русском языке. Мы не забудем его, талантливого поэта и нашего хорошего друга».

Молодой поэт Т. Борлаков (1914 — 1942 гг.) страстно воспевает социалистическое Отечество, партию, Ленинский комсомол, родной Карачай. Ряд стихотворений в сборнике «Счастливая молодежь» посвящен оборонной теме: «Письмо пограничника Заура к Зарият», «Слово матери», «Песня призывника» и др.

Тема дружбы народов вдохновила его на создание таких произведений, как «М. Ю. Лермонтову», «Сулейману Стальскому», «День поэзии» (Пушкину). В них раскрывается мысль о духовном единстве разноплеменных народов при социализме, когда сокровищница знаний и культуры стала одинаковым достоянием для всех.

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, выходит сборник «Вперед, за Родину», где писатель старшего поколения Д. Байкулов выступил рядом с начинающей поэтессой Халимат Байрамуковой, призывая советский народ к защите социалистического Отечества:

Объединяйтесь все! Не отставайте!
Взрослые, дети, старики—
Все беритесь за оружие.
Положите конец замыслам фашизма.
Отдайте фронту все, не жалеете своего добра,
Если понадобится, отдайте за Родину
И жизнь свою!

В первые же дни войны ушли на фронт и погибли в боях Исса Каракотов, Даут Байкулов, Магомет Урусов, Тохтар Борлаков, Хасан Бостанов.

С 1957 года начинается новый этап в развитии карачаевской литературы. Восстанавливается литературный процесс, активно включаются в литературную жизнь области поэты и писатели, начинавшие еще в тридцатые годы, — Халимат Байрамукова, Осман Хубиев, Абидат Боташева, Абдулкерим Байкулов, Азрет Эбзеев, Азамат Суюн-

чев и др. Вокруг них группируется молодежь. Среди новых имен — Назир Хубиев, Хусей Джаубаев, Мусса Батчаев, Ахмат Кубанов, Сеит Лайпанов и др.

Выходят первые послевоенные книги. В Алма-Ате, Фрунзе, Черкесске издаются литературно-художественные сборники, составленные в основном из произведений писателей двадцатых — тридцатых годов и переводов лучших из них на русский язык.

Переиздаются многие произведения довоенной литературы, ставшие библиографической редкостью (Х. Аппаев «Къара кюбюр»; избранные произведения И. Каракотова, А. Уртеннова, Д. Байкулова, М. Урусова, Т. Борлакова, Х. Бостанова, переводы из М. Лермонтова и М. Горького, сделанные А. Биджиевым, и многие другие).

В ежегодных коллективных сборниках публикуются на русском языке очерки, стихи, поэмы, отрывки из новых повестей и романов карачаевцев, рядом с произведениями абазинских, ногайских, черкесских, русских писателей (сб. «Дружба», 1957 г., «Горный поток», 1958 г., «Ясные дали», 1960 г., «Зори Кубани», 1961 г. и далее по годам).

К 400-летию присоединения народов Карачаево-Черкесии к России вышли на русском языке первые сборники стихов Халимат Байрамуковой «Люблю я жизнь», Османа Хубиева «Время». Организация в октябре 1958 г. Карачаево-Черкесского отделения союза писателей (ныне Карачаево-Черкесская писательская организация) содействовала укреплению связей литературы с жизнью, повышению эстетического уровня произведений, пополнению писательских рядов молодыми дарованиями. Особенностью литературного развития этого периода является интенсивное развитие прозы. Люди современной деревни — доярки, полеводы, чабаны, сельская интеллигенция, передовики промышленности — становятся главным объектом публицистических жанров. В этом смысле показательны книга очерков «Алчыла», изданная к XXII съезду КПСС, очерки О. Хубиева, посвященные изображению духовного роста женщин-горянок. Очерк начинается и новые для карачаевской литературы темы рабочего класса и интеллигенции. Появляются очерки о деятелях культуры и науки, о первых революционерах, борцах за Советскую власть, о героях Великой Отечественной войны Аскере Бархозове, Османе Касаеве, о женщинах — участницах войны — Халимат Эбзеевой, Фатиме Чычханчиевой, Шахидат Кульбековой, Шерифат Токовой, Зухре Эриккеновой, о партизанке Залихат Эриккеновой и др.

Наибольших успехов достигает карачаевская литература в разработке темы Великой Отечественной войны. Многочисленные материалы в периодике Карачаево-Черкесии, брошюры, книги выходят в этот период под лозунгом «Никто не забыт, ничто не забыто» в связи с 50-летием Октября, ВЛКСМ, 50-летием Советской Армии, 25-летием и 30-летием Победы над фашистской Германией.

На фоне этих публикаций особенно выделяется книга воспоминаний Героя Советского Союза, гвардии полковника танковых войск Харуна Умаровича Богатырева «Ата джурт ючюн» (Черкесск, 1963). Переведенная и изданная на русском языке (Х. Богатырев. «Танки идут в атаку», Ставрополь, 1971), она заняла достойное место в советской военной мемуаристике.

Книга С. Лайпанова «Къарачайны уланы — Белоруссияны джигити» («Сын Карачая—Герой Белоруссии») являет пример страстной и кропотливой работы писателя над богатым документальным материалом. Писатель рассказывает об Османе Касаеве, уроженце горного аула в Карачае и командире партизанского отряда на Могилевщине, героически погибшем в 1944 году. Книга эта, написанная по архивным документам, воспоминаниям очевидцев, получила большой общественный резонанс. В 1965 году Осману Касаеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ханафи Эбзеев, участник Отечественной войны, создал на военном материале приключенческую повесть. Нравственное преимущество советского народа в войне с фашистской Германией раскрывается в повести на контрастном изображении двух танковых экипажей: советского и фашистского.

Дагир Кубанов в романе «Эки заман» (три книги вышли последовательно в 1965, 1966, 1968 годах) изобразил события военного времени на фронте и в тылу, показал сложное преломление этих событий в судьбах и духовной жизни многочисленных персонажей. Военная биография автора во многом схожа с судьбой главного героя романа Назира Батырова. В основе романа — подлинные события, происходившие во время войны и оккупации в Карачае, на некоторых участках фронтов Отечественной войны. Смысл заглавия романа: два времени — это время мира и время войны, это столкновение мира прошлого, обреченного и мира нового, которому принадлежит будущее. Впервые в карачаевской литературе, в эпическом произведении сделана попытка охватить ряд сложных явлений периода войны, изобразить человека, прошедшего через фашистский плен, концлагерь и принудительные работы.

Одним из ведущих писателей в современной литературе Карачаево-Черкесии является Осман Хубиев (род. в 1918 г.). Начал писать он в довоенные годы. Но в полную меру его талант развернулся после 1957 года. Среди многочисленных его произведений, созданных в этот период, — очерков о людях современного села (доярках, чабанах, передовиках производства), повестей, посвященных проблемам воспитания молодежи, путевых заметок, а также поэм и стихов главными являются произведения, посвященные Великой Отечественной войне. Участие в ней, а также большой жизненный опыт помогли ему создать роман-трилогию «Аманат» (книги вышли в 1959, 1961, 1964 гг.). В романе писатель изобразил жизнь народа в период Отечественной войны и на современном этапе строительства коммунизма. Основная идея романа — дружба народов Советского Союза и их боевое побратимство. Интересна постановка вопроса о воспитании молодежи. Этой теме автор верен и в других своих произведениях: «Люди» (Адамла), «Мурат», «Месть» (Дерт) и др. О. Хубиев противопоставляет любителям «легкой» жизни тех героев, которые имеют ясное представление о счастье, о своем жизненном назначении. Остро поставлены вопросы нравственного формирования в лирической повести «Люди». В ней рассказывается, как формируется чистая и благородная натура юноши-карачаевца, усыновленного и воспитанного русскими матерями. Осман Хубиев раскрывает духов-

ное богатство нашего многонационального советского народа, гуманизм нашего социального строя.

И третья книга «Аманат», и повесть «Люди», так же как и стихи, собранные в сборнике «Клятва» (Ант), и повесть «Месть» свидетельствуют о том, что с именем О. Хубиева в карачаевской литературе сопряжена нестареющая тема формирования человеческой личности.

Халимат Байрамукова (род. в 1917 г.)—талантливый поэт-лирик, так же как и О. Хубиев, начала писать еще в довоенные годы. В 1941 г. она выступила с призывными стихами в сборнике карачаевских поэтов «За отечество» («Ата джурт ючюн»). В 1958 году вышел ее первый послевоенный сборник стихов «Люблю я жизнь» на русском языке. Ее перу принадлежат книги стихов «Сюйген тауларым» («Любимые горы»), «Стихи» на русском языке, поэмы «Залихат», «Исповедь», «Весенний полдень», сборник рассказов «Рассказ женщины», лирический репортаж «Песня моя», «Суд аула» и др. Поэт-лирик, она успешно работает и в различных жанрах прозы. Историко-биографический роман «Чолпан» («Утренняя звезда»), роман-хроника «Джылла бла таула» («Годы и горы»), рассказы, очерки, дневники дают представление о разносторонности ее писательских интересов.

Военная тема в творчестве Х. Байрамуковой наиболее полно воплощена в поэме «Залихат», в основу которой легли подлинные факты из борьбы партизанских отрядов с фашистскими оккупантами в Карачае в 1942 году, эпизоды из биографии отважной партизанки Залихат Эриккеновой, героически боровшейся и погибшей от рук оккупантов.

Стихи Х. Байрамуковой, переведенные талантливыми русскими поэтессами Р. Казаковой, И. Лиснянской, Н. Матвеевой, И. Озеровой, близки и доступны широкому кругу читателей.

Художественные достижения представителей старшего поколения Х. Байрамуковой и О. Хубиева являются образцом для нового поколения поэтов. Ведущими в их поэзии являются темы Коммунистической партии, жизнь и деятельность В. И. Ленина, темы Родины, дружбы народов.

Среди молодых поэтов хорошими стихами зарекомендовали себя Назир Хубиев и Хусей Джаубаев. В их творчестве особое место занимает пейзажная лирика, в которой выражена любовь к Родине, мироощущение советского человека. Ленинская тема, заветная для всех наших поэтов, наиболее ярко воплотилась в поэме Х. Джаубаева «Свет земли». Образ Ленина в ней дан в неразрывной связи с главными проблемами века — гуманизмом и интернационализмом.

Самобытными произведениями в поэзии и прозе заявил о себе молодой писатель Мусса Батчаев. Произведения М. Батчаева, собранные в его прозаических сборниках «Быть человеком», «Элчилерим» («Мои односельчане») и «Серебряный дед» художественно воплощают идею человечности на жизненном материале, связанном с последствиями войны в жизни людей.

Карачаевская литература, как одна из ветвей многонациональной советской литературы, за полвека своего развития достигла немалого. От первых, несовершенных еще в художественном отношении стихов на злобу дня, дидактических стихов для детей, она выросла в

профессиональную литературу с развитой художественной прозой — художественный очерк, рассказ, повесть, роман-трилогия и др., с разветвленной системой поэтических жанров. Писатели в своих произведениях изображают современность, пишут о воспитании нового человека, о дружбе советских народов, о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Чтобы глубже показать современность, они обращаются к прошлому.

В творчестве современных поэтов и прозаиков главное место занимают тема Ленина, тема социалистического строительства, историко-революционная и военно-патриотическая. Бок о бок с писателями старшего поколения работает молодежь. Карачаевская литература на пути своего развития неуклонно следовала принципам партийности и народности, была тесно связана с жизнью. Развитию карачаевской литературы способствовало ее обращение к богатейшему опыту русской классической и русской советской литератур, а также литератур братских народов нашей страны. Живое творческое начало принадлежало фольклору, который обогащал молодую литературу средствами художественной выразительности, элементами реалистичности. Участие литературы в строительстве новой жизни, в пробуждении самосознания народа, в формировании художественного вкуса массы читателей стимулировало ее рост.

Огромное значение для развития литературы имел перевод. В 20—30-е годы было сделано много переводов из русской классической и советской литератур. Мастером перевода зарекомендовал себя талантливый поэт Асхат Биджиев.

И. Каракетов, А. Уртенев, Д. Байкулов, М. Урусов, Т. Борлаков сделали прекрасные переводы произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. В 30-е же годы У. Алиевым был переведен на карачаевский язык роман М. Шолохова «Поднятая целина». В 60-е годы в переводе Х. Тохчукова вышли на карачаевском языке «Донские рассказы» и «Судьба человека» М. Шолохова. В 50 — 60-е годы увеличилось количество произведений, переводимых с карачаевского на русский язык. В издательстве «Современник» вышли повесть О. Хубиева «Люди», роман Х. Байрамуковой «Утренняя звезда». Незадолго до этого — роман «Голос в горах» Д. Кубанова, юмористические рассказы «Алан из Карачая» М. Хубиева, сборник «Быть человеком» М. Батчаева. В журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Юность», «Огонек», «Дон» публикуются рассказы, стихи карачаевских поэтов и писателей.

Лучшие произведения карачаевских писателей и образцы народного творчества становятся известными и за пределами нашей Родины.

Современная карачаевская литература является частью многонациональной советской литературы. Она развивается в тесном взаимодействии с литературами братских народов СССР, под благотворным влиянием классической русской и советской литературы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК — «Акты, собранные Кавказской археологической комиссией», Тифлис.
- ГАААО — Государственный архив Адыгейской автономной области.
- ГАКК — Государственный архив Краснодарского края.
- ГАКЧАО — Государственный архив Карачаево-Черкесской автономной области.
- ЗГОРГО — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», Тифлис.
- ЗООИД — «Записки императорского Одесского общества истории и древностей», Одесса.
- ИОЛЕАЭ — «Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете», Москва.
- ИОЛИКО — «Известия Общества любителей изучения Кубанской области», Екатеринодар.
- ИСОНИИ — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», Орджоникидзе (Владикавказ, Дзауджикау).
- КОВ — «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар.
- МНС — «Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22—26 июня 1959 г.)». Нальчик, 1960.
- ПАКЧАО — Партийный архив Карачаево-Черкесской автономной области.
- СА — «Советская археология», Москва.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- СЭ — «Советская этнография», Москва.
- Труды комиссии — «Труды комиссии по исследованию современного положения земледелия и землеустройства карачаевского народа Кубанской области», Владикавказ, 1908.
- Труды КЧНИИ — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института», Черкесск.
- ЦГАКБ — Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской АССР.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ЦГИАГ — Центральный государственный архив Грузинской ССР.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.
- ЭО — «Этнографическое обозрение», Москва.

КАРАЧАЕВЦЫ

Историко-этнографический очерк

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	16
Происхождение и дореволюционное прошлое карачаевцев	16
Великая Октябрьская революция и строительство социализма в Карачае	35
Глава II. ХОЗЯЙСТВО	59
Традиционные виды занятия	59
Глава III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	130
Поселения и жилища	130
Одежда	157
Пища и утварь	182
Глава IV. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ	197
Глава V. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	227
Глава VI. ПРОСВЕЩЕНИЕ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА	272
Религиозные предрассудки и борьба с ними	272
Народные занятия	277
Просвещение и наука	284
Здравоохранение, культура и спорт	292
Глава VII. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЛИТЕРАТУРА	300
Прикладное изобразительное искусство	300
Фольклор	311
Литература	324
Список сокращений	334

И Б № 411

КАРАЧАЕВЦЫ

Историко-этнографический очерк

Редактор *Н. М. Кагиева*. Художник *Ф. И. Марков*.

Художественный редактор *М. П. Бертник*

Техн. редактор *Г. М. Хомякова*. Корректор *В. И. Бульская*.

Сдано в набор 15-IX-1977 г. Подписано в печать 25-VII-1978 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Физ. п. л. 21. Усл. п. л. 29,4. Уч.-изд. л. 25,28.

ВУ 72191. Тираж 5 000 экз. Заказ 3973. Цена 1 руб. 80 коп.

В коленкоровом переплете 2 руб.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства,
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати

Карачаево-Черкесская областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47

К 21

Карачаевцы. Карачаево-Черкесское
отделение Ставропольского книжного
издательства, 1977.

336 с. с илл.

«Карачаевцы» — историко-этнографический очерк. В исследовании освещены вопросы развития материальной и духовной культуры карачаевцев. Особое внимание уделено советскому периоду.

902.7 (с 163)

К $\frac{10602-105-78}{М 159(03)-78}$ 3-78